

Анатолий Шикман

Что
вспомнилось

Анатолий Шикман

Что вспомнилось

Бостон • 2022 • BOSTON

АНАТОЛИЙ ШИКМАН: Что вспомнилось

Редактор: Юлия Тимошенко

ANATOLY SHIKMAN: What Was Remembered

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2022 by Anatoly Shikman

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319824

Library of Congress Control Number: 2022937347

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

💻 mgraphics-books.com

In colaboration with

BAGRIY & COMPANY | CHICAGO, IL

✉ printbookru@gmail.com

💻 www.bagriycompany.com

Book Design by Julia Grushko © 2022

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2022

Фотографии в тексте: из архива автора

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка ВАН™ (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Что вспомнилось	9
Почти семейная история	165
Мечты о стабильном учебнике истории в нестабильное время	177
Прощай, профессия	184
Совершенно несекретно	193
«Презумпция разрешённости»	208
Бремя белого человека	221
«Наша судьба быть лишь в сносах истории...»	233
Корней Чуковский опровергает Евгению Иванову.	247
Продолжение мистификации	258
На злобу дня	262
О книгах.	271
Приложение	337
Указатель имён	344

Предисловие

По-моему, Анна Ахматова была права, когда утверждала: «Всякая попытка связных мемуаров — это фальшивка. Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить всё подряд. Письма и дневники часто оказываются плохими помощниками». Поэтому я решил ограничиться записями мемуарного характера, не претендующими на жизнеописание. Так и появилось название «Что вспомнилось».

Помимо воспоминаний, я включил в эту книгу различные в жанровом отношении и написанные в разное время тексты, которые, как мне кажется, могут представлять интерес и сегодня. «Почти семейная история» органично дополняет мои мемуарные записи. Две статьи — «Мечты о стабильном учебнике истории в нестабильное время» и «Прощай, профессия» — дают представление о моей педагогической работе. Хотя конкретные вопросы, рассмотренные в них, изменились, общая тема — нет. Три публикации — «Совершенно несекретно», «Презумпция разрешённости» и «Бремя белого человека» — дают возможность взглянуть на журналистскую составляющую моей жизни. С моей работой историка знакомят биографическая статья о С.П. Постникове «Наша судьба быть лишь в сносах истории...» и публикация «Корней Чуковский опровергает Евгению Иванову». Статья «Продолжение мистификации» продолжает тему моей книги «Николай Морозов. Мистификация длиною в век» (М.: Весь мир, 2016). Пять материалов в Фейсбуке для друзей «На злобу дня» я включил в книгу как характеризующие моё отношение к российской жизни после завершения «лихих девяностых». В заключение

я даю некоторые из моих книжных рецензий, как уже ранее опубликованных, так и публикуемых впервые. Все эти статьи объединяет лишь то, что они являются частью моей жизни и дополняют мои воспоминания.

В приложении дана запись беседы с историком Жаком Ле Гоффом.

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Всю жизнь мне сопутствовала удача. Понял я это уже немалодульным человеком, когда у меня появилось время и желание об этой жизни серьёзно задуматься. Первое моё немыслимое везение, о котором много лет я и не подозревал, случилось в раннем детстве. Где мне, четырёх-пятилетнему малышу, жившему среди книжек и игрушек, окружённому заботой и родительской любовью, было догадаться, что моё счастье и вся моя жизнь висели на волоске и зависели от случая. Мой дедушка Морис, папин отец, был расстрелян как вредитель и американский шпион. Тётя Норма, родная сестра моего отца, сидела в Кенгирском лагере в Казахстане «за измену родине». А моя семья жила в посёлке Комарово Любытинского района Новгородской области. Папа преподавал английский язык и рисование в местной школе. В 1949 году во время борьбы с «космополитизмом» отец, как американский еврей, был демобилизован, уволен с должности преподавателя английского из Военного института иностранных языков в Москве и смог найти работу лишь здесь. Любого доноса было достаточно, чтобы папы и мамы я больше никогда не увидел. А таких, оставшихся без родителей, детей было сколько угодно, и как обычно складывалась их жизнь, теперь уже хорошо известно. С украденным прошлым и будущим, они попадали в жуткие условия советских детских домов. Им выдумывали имена и фамилии, а в графе «родители» ставили прочерк. Ущербные документы детей репрессированных отнимали у них даже теоретическую возможность серьёзного образования или хорошей работы. Лишённые нормальной еды, элементарного воспитания, заботы и защиты, именно они становились

первыми кандидатами в места заключения, куда могли попасть случайно или за копеечное воровство. Именно над ними изгалялись с особым изуверством уголовники. Вероятно, ни в чём ином столь наглядно не проявилась бесчеловечная суть советской эпохи, как в этих изуродованных детских жизнях. Я не думаю, что мои родители не читали и не слышали о «врачах-убийцах» с еврейскими фамилиями, но даже они не могли знать, что только смерть Сталина отменила депортацию советских евреев. Не каждому выпало такое фантастическое везение в начале жизни.

Память о человеке сохраняется, как правило, только до той поры, пока хоть кто-то его помнит. Потом исчезает и память. Дольше живут документальные свидетельства, которые тоже не вечны, но, даже при условии, что они сохранились, их ещё нужно уметь найти и объяснить. Потому что письма, автобиографии, свидетельства, записки, дневники, фотографии и прочее надобно суметь увидеть и понять. В какой-то мере исключением из этого общего правила являются те, кто оставил после себя стихи, прозу, публицистику, живопись или научные работы. Из того множества людей, с которыми вы встречались или были близки, много ли таких?

Иногда даже то, что в общем понятно, становится совершенно неясным с течением времени. Эту фотографию я помню с детства. Три человека улыбаются в объектив: бабушка Ида рядом с моим молодым отцом с лейтенантскими погонами и моя красавица-мама. Два человека без тени улыбки: родная сестра отца — моя тётка Норма и, на коленях у мамы, крохотный я. Достать фото из альбома и посмотреть оборотную сторону я догадался, только когда эмигрировал в Америку. Увидел надпись на английском: «The god forsake family — Moscow. 11.11.48» (Покинутая богом семья). Надпись, судя по почерку, сделана Нормой, но объяснить её мне уже некому. Из этой семьи остался сегодня лишь я. Норма, почти не видящая, не слышащая и плохо понимающая, кто с ней разговаривает, умерла в Бостоне в 2019 году, не дожив меньше месяца до своего 101-го дня рождения. О расстреле по приговору тройки моего деда, Мориса Шикмана, семье пока неизвестно. Отца ещё не демобилизовали и не выгнали с работы, и Норма не догадывается об ожидающих её семи годах сталинских лагерей. Фотография вполне благополучна. Почему же такая надпись? Ответить на этот вопрос мне не поможет никто и никогда.

1953 год был первым, который я запомнил. Чёрная тарелка репродуктора на стене передавала вой толпы, рыдающей по великому вождю, любимому товарищу Сталину. Меня поразили мой сосед-ровесник, сын директора школы Валька Планкин, прибежавший ко мне домой в слезах: «Сталин умер!» — на что последовал мой недоуменный вопрос: «Ну и что?» Валька махнул в отчаянии рукой и убежал.

Жили мы втроём в квартире, состоявшей из одной комнаты и крохотной кухоньки с печкой, без водопровода, на втором этаже большого, с двумя подъездами, двухэтажного деревянного сруба. Летом мама со мной уезжала в Москву к своим родителям, моим бабушке и дедушке, а зимой мы жили с папой. Я с радостью катался на его плечах. Здесь в пять лет я вместе с отцом ходил за водой и пилил дрова. Я обожал книжки, которые мне часто читали, рисовал, возился с игрушками: деревянная утка, самодельный грузовик, в кузове которого меня иногда катали, железный паровоз с вагонами, любимый мною пластмассовый маленький козлёнок.

Однажды моё внимание привлекли ордена, изображённые рядом с названием газет. После маминых объяснений, что такое орден, я стал эти ордена вырезать ножницами и складывать в коробку. Однажды такой бумажный орден я прикрепил булавкой к рубашке и услышал от мамы, что орден дают за заслуги, а просто так носить его нельзя. Я решил заслужить награду и стал делать что-то полезное для дома. Так это началось: когда я слушался маму и делал что-то, что от меня хотели, мне прищипливали эти ордена, и через несколько дней моя грудь напоминала грудь Л. И. Брежнева в последние годы его правления. Больше недели такой правильной жизни я выдержать не смог и грубо, с удовольствием, нарушил установленный порядок, за что мама содрала все ордена с моей рубашки. Испытав короткое чувство жалости по потерянному «иконостасу», я почувствовал радостное ощущение свободы, что было много соблазнительнее. С тех пор я смотрю на ордена, звёзды, медали и кресты безо всякого почтения.

Папа, мама и я завтракаем на кухоньке. У меня на тарелке хлеб и кусочек сливочного масла. У родителей на тарелках лежит хлеб и что-то другое.

— Пап, а что это?

— Маргарин.

- А почему вы не едите масло?
- Нам маргарин больше нравится.
- Можно мне его попробовать?
- Можно.

Я беру ножиком крохотный кусочек и осторожно пробую. Потом уверенно говорю:

- Нет, масло вкуснее.

Я на всю жизнь запомнил усмешку отца, может быть, потому что тогда не понял её смысла.

Папа проверяет школьные тетради, пристроившись на уголке нашего столика в кухне. В тот момент, когда я подошёл к нему, я увидел нарисованный им красными чернилами стул, перевернутый вверх тормашками и поставленный на спинку. Папа объяснил мне, что это не стул, а цифра четыре. Но маленький стул, каким я его увидел, никуда не пропадал. Пифагорова магия числа не овладела мной, а стул продолжал сохранять понятную для глаз конкретность. Вот ведь как рано выяснилось, что я никогда не стану математиком.

Чтобы мы ели рыбу в Комарово, я вообще не припомню, а эта принесённая папой замороженная рыбина даже не умещалась на кухонном столике. Не то чтобы я мечтал поскорее её съесть, я был голоден, но она меня необычайно интересовала из чистой любознательности. Три табуретки, таз, печка и дрова не давали маме толком повернуться, а тут ещё я вертелся под ногами, потому что вдруг у щуки в брюхе окажутся маленькие рыбки. Мама обещала позвать меня, как только она разрежет рыбину, но усидеть в комнате было невозможно. Я лихо маневрировал между мамой, столом, табуреткой и дико заорал лишь тогда, когда ногой, на которую был надет шерстяной носок, я вступил в открытый стоящий на полу чайник с кипятком. Мама, схватив меня в охапку, помчалась в наш фельдшерский пункт рядом со школой и домом. В общем, всё обошлось. След, конечно, остался на всю жизнь, и обожжённая кожа время от времени давала о себе знать. На фотографии я лежу в кровати с торчащей из-под одеяла забинтованной ногой. Я улыбаюсь вполне счастливо. Мне никто не мешает лежать с книжками и игрушками, а играют со мной теперь чаще. Как мы ели эту рыбину, я не помню, но рыбок в её животе точно не было.

Я позабыл, откуда папа со мной возвращался домой, но хорошо запомнил, как бывший папин ученик, работавший машинистом, предложил подвезти нас до станции Вомпе. По ступенькам мы поднялись в паровоз, который поехал один, без вагонов. Я помню открывающуюся дверцу топки, куда лопатой в полыхающее пламя забрасывался уголь, пронзительный паровозный гудок и мелькающие чёрные вечерние деревья по пути, и клочья улетающего паровозного дыма. Может быть, и не было тогда в этой поездке ничего особенного, но, как заметил литературовед Борис Михайлович Эйхенбаум, «Пыль времени делает музейными самые обыкновенные вещи». А тут, по крайней мере, для меня событие было совершенно необыкновенным — прокатиться на паровозе.

После рождения моей сестры в июне 1954-го в Москве папа сказал мне, что они с мамой давным-давно решили, что своего мальчика они назовут Толя, а когда родится девочка, то Таня. Не возражаю ли я против этого имени моей сестрёнки? Я не возражал. В Комарово мы с Таней прожили меньше года, а потом вся наша жизнь сильно изменилась. В конце весны 1955 года по грязной глинистой пешеходной дорожке, идущей рядом с раздолбанной колёсами грузовиков грунтовой дорогой, мы шли от нашего дома на станцию. Мама несла на руках мою сестрёнку Таню, папа тащил два чемодана, а я шёл рядом с мамой сам, не держа её за руку, и спросил, вероятно, чтобы лишний раз в этом убедиться: «А мы больше никогда-никогда сюда не вернёмся?» Мама уверенно ответила: «Никогда». Я оглянулся ещё раз на наш серый двухэтажный дом, чтобы навсегда его запомнить.

Уже в Москве, много лет спустя, я рассматривал чёрно-белые фотографии времени жизни в Комарово. Убогий провинциальный быт обыкновенной учительской семьи. Картинки и фотографии на стенах, красная кукла-игельница, слоники на крохотной тумбочке, тахта с полосатым покрывалом, самодельный стеллаж с книжками и маленький папин письменный стол с фотографией над ним знаменитого американского певца Поля Робсона. Из этого дома и увозить было почти нечего. Но как же я любил рассматривать эти старые фотографии и долгие годы мечтал приехать сюда ещё раз, чтобы увидеть наш дом и наше окно на втором этаже.

Я вернулся через 55 лет. Правда, не с родителями, которых уже не было на свете, а с женой, которая резонно заметила мне, что раз я так давно хочу поехать в Комарово, зачем откладывать, если появилось время. Теперь это путешествие было гораздо проще, чем в те времена. Я подумал о моей героической маме, которая одна с тяжёлыми чемоданами и со мной, а потом ещё и с моей крохотной сестрёнкой ездила из Москвы с пересадкой в переполненных плацкартных поездах к папе.

Красивой осенью 2010 года я был бесконечно счастлив, когда мы мчались в комфортабельном скоростном поезде «Сапсан». На станцию «Вомпе», где и находится посёлок Комарово, без пересадки по железной дороге не добраться. Из Москвы — в районный центр Новгородской области Окуловку, стоящий на трассе Москва — Петербург, а оттуда уже можно было доехать в Комарово.

Переночевав в гостинице «Юность» в центре Окуловки, рано утром мы отправились на станцию. Погода соответствовала настроению. Прохладный и солнечный день без единой капли дождя. Тепловоз с одним полупустым плацкартным вагоном, ходивший по этому маршруту туда и обратно в один день только дважды в неделю, повёз нас в моё детство. Я проезжал маленькие станции «Поддубье», «Кулотино», «Котово», названия которых ушли из памяти. За окном мелькали покосившиеся избышки на фоне зелёно-жёлтого леса, болотца и перелески. На нашей станции от перрона уже почти ничего не осталось, и мы соскочили на едва заметные остатки платформы. Я увидел небольшое заброшенное здание вокзала и уже развалившееся багажное отделение. На одноклейке росла трава. Оглянувшись по сторонам и проводив взглядом наш поезд, мы пошли по теперь асфальтированной Шахтёрской улице, всё прямо и прямо, пока не дошли до пересекавшей её улицы Школьной.

Дом, кажется, ставший чуть-чуть ниже и темнее, стоял на своём месте. Наше окно — третье справа на втором этаже — было с занавеской и казалось живым, как и другие, виденные нами окна немногих местных домов. Но на самом деле дом был брошен. Электрические провода, шедшие к нему, были обрезаны, некоторые окна заколочены. Подъезд, в котором мы жили, был закрыт на замок. Я узнал, что как раз в нашей квартире ещё кто-то хранит свои вещи и иногда заходит туда. Поэтому попасть внутрь мы не смогли. Но дверь другого входа была припёрта остатками старой

школьной парты. Убрав её, мы вошли в покинутое жилище. Отремонтированная в шестидесятые годы лестница была крепка. По ней мы поднялись в такую же квартиру, как и та, в которой мы жили. Комната с ободранными обоями, открытая дверца печки.

Покосившиеся, почти упавшие сарайчики было невозможно отличить от того, где мы с папой пилили дрова. Рядом с нашим домом стоит, как и прежде, двухэтажное здание давно закрытой школы. Большие, почти все с выбитыми стёклами окна, за которыми просматриваются классы, двери зачем-то на замке. Нескольких оставшихся в Комарово детей автобус возит на учёбу в соседнее Зарубино. Больницы уже нет. Из приколотого кнопкой тетрадного листка на двери фельдшерского пункта мы узнали, что фельдшер в отпуске, а за неотложной медицинской помощью надо обращаться в Зарубино. В когда-то большом посёлке, где жили более десяти с половиной тысяч человек, сейчас меньше двухсот жителей, включая и живущих в окрестных деревнях. Бывшие здесь шахты, дававшие бурый уголь и огнеупорную глину, закрыты. От ТЭЦ почти ничего не осталось. Местное лесничество влачит жалкое существование. Когда-то посёлок, а ныне село Комарово, несмотря на красоты местной природы, тихо умирает, как и множество подобных мест.

Нам даже удалось встретить людей, которые вспомнили папу, его уроки и нашу семью. Они рассказывали мне, как им горько, что почти все, кто здесь жил, давно умерли или уехали, а вокруг всё разрушается и приходит в запустение. Настало время возвращаться. На наш дом я взглянул, теперь уже точно, в последний раз. А вечером мы сели в знакомый вагон и поехали обратно в Окуловку. И хотя мечта исполнилась, мне было очень грустно.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил,

Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.
А не то рвану по следу,
Кто меня вернёт? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где — боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

Всё про меня у Геннадия Шпаликова. Только год мой был не сорок пятый, а пятьдесят третий.

1955 год. Мой школьный приятель, который пришёл ко мне домой, с удивлением сказал: «Тут у тебя можно заблудиться». Отдельная квартира из двух небольших комнат, кухни, ванной, туалета и крохотной кладовки без окна, в которой мой дедушка сделал замечательную мастерскую, от пола до потолка заполненную инструментами и «железками». Там даже стоял маленький токарный станок. В квартире как-то умещались шесть человек: дедушка с бабушкой, папа с мамой и я с сестрой. Но мой приятель жил в бараке, и наше жилище показалось ему огромным. Наш дом, как и соседние четырёхэтажные дома в Текстильщиках тогда ещё Ждановского района Москвы, строили пленные немцы. Эти серые одинаковые дома без лифта и мусоропровода, которые в детстве воспринимались как обычные, позже, когда я узнал другие районы Москвы и посмотрел мир, превратились в характеристику. Слово «текстильщики» стало для меня нарицательным для обозначения однообразного убожества. Скучные дворы с лавочками и огороженными газонами и бедные магазины с появляющимися время от времени тёмными лентами очередей. Номер писался химическим карандашом на ладони, и женщины упрашивали мальчишек во дворе за стакан газировки или мороженое встать рядом с ними, чтобы взять лишний десяток яиц. Очереди, хотя и не очень длинные, выстраивались даже за хлебом, который продавался и недалеко от нашего дома. За хлебом, как правило, мама посылала меня. В небольшом деревянном павильоне работали обычно двое продавцов, бравших деньги и теми же руками

хлеб, что всеми воспринималось как должное. Хлеб взвешивался на весах и выдавался, чаще всего, с маленьким довеском, который я съедал по дороге домой. Время было уже не голодное.

Во дворе мальчишки постарше и несколько семилеток (я в их числе) пытались мячом попасть в кого-то из перебегающих с места на место приятелей. После чего сумевший не промахнуться оказывался с большинством бегающих. Великовозрастные, ударя мячом, громко орали: «Бей жидов! Спасай Россию!» Я ничего ещё не знал ни о черносотенцах, ни об их лозунгах и даже не догадывался, что я сам еврей. Услышав незнакомое слово, решил, что «жид» значит «жадный», и радостно вопил эти слова вместе со всеми.

В комнате у бабушки висел на стене резанный из камня симпатичный, хитро улыбающийся божок из неведомой страны. Я не знаю, откуда он взялся, потому что помнил его всегда. Про себя я его называл Аберабегай. Это был мой секрет. Аберабегай был, конечно же, волшебник и мог творить чудеса. К нему я обращался за помощью, когда мне чего-нибудь очень хотелось, и он мне, похоже, покровительствовал. Ещё один волшебник родился в углу комнаты, в которой спали я с сестрой и папа с мамой. Переплёт окна бросал тень от уличного фонаря в угол под потолком, и получалась симпатичная светлая головка ребёнка, которого я называл Ангел Юдифь. Почему ангел, понять можно. Эта голова чем-то напоминала головы пухлых ангелочков Рафаэля, репродукции картин которого я уже видел. А вот почему к ангельскому лику добавилось имя ветхозаветной еврейской героини с обольстительной фигурой, о которой я мог узнать разве что во время путешествия в какой-нибудь музей, этого я не знаю. Третьим моим покровителем стала Черепаха Унамис. О ней я читал не то у Фенимора Купера, не то у Генри Хаггарда, и её волшебные возможности оказались не хуже, чем у остальной компании. Ведь чудеса, на самом деле, случаются только у тех, кто в них верит. Любой ребёнок непременно живёт в сказке.

Больше всего я радовался, когда вся наша семья отправлялась в гости на улицу Чехова. Когда-то эта старая московская улица называлась Малая Дмитровка, и после 1991 года ей вернули её историческое название, но для меня она навсегда осталась, как в детские

годы, улицей Чехова. Здесь жила семья родного брата моей мамы — дяди Лёни и его жены, тёти Иры. За столом, как правило, собиралось немало людей, но я больше всех любил Иру и Лёню. В этом бывшем доходном доме с шестью полуколоннами, построенном ещё в начале двадцатого века, было всё необычно. После стандартизированного убожества Текстильщиков восхитительным казался вход в подъезд, окантованный серыми глыбами гранита (на самом деле, как я узнал уже позже, это была искусно положенная штукатурка, имитирующая грубо обколотый гранит). За высокими дверями подъезда начиналась широченная лестница с деревянными перилами, по которой так интересно было быстро взбежать на второй этаж, где за дверью находилась огромная прихожая. Даже мой высокий папа казался не таким большим под этим, без малого пятиметровой высоты, потолком. За прихожей начинался коридор с дверями в большие комнаты близких родственников Иры. Непривычной величины ванна, туалет и, недалеко от них, комнаты соседей, которых я почти никогда не видел. У сестры Иры, тёти Шуры, в комнате ничего интересного не было, кроме подлинной акварели Максимилиана Волошина, но я тогда ещё о нём ничего не знал. После вкусного угощения сидеть за столом, слушая разговоры взрослых, было скучно, и я просил разрешения у очень пожилой, но поразительно величественной и доброжелательной тёти Мани посидеть в её комнате. Здесь любопытнее всего было залезть по деревянной лестнице на небольшой ярус второго этажа, где под самым потолком находилась её библиотека. Сидеть на верхотуре, разглядывая иллюстрации старых немецких книг, каких-то книжек по истории и журналов, одновременно видя большое окно на улицу и всю уютную, раскинувшуюся где-то далеко внизу комнату, было замечательно.

О судьбах людей, живущих на улице Чехова в доме номер восемь, я узнавал понемногу, становясь старше и начиная интересоваться тем, что в детстве меня не занимало. Позднее о многом я узнал от моего племянника Юры Черкасова, которому Ира и Лёня приходится бабушкой и дедушкой. Он не поленился порыться в архивах, чтобы та, ушедшая жизнь не растворилась во времени. Эту большую квартиру в 1918 году снял «в единоличное пользование» по разрешению местного «Совета» успешный, хорошо зарабатывавший инженер-химик Фёдор Иванович Благодатский. Не

очень удачливый в семейной жизни, похоронивший двух жён, он был замечательным отцом для своих четверых детей, для которых ничего не жалел и с хохотом таскал малышей в мешке по всей квартире, изображая Рождественского деда. Он любил устраивать славные вечеринки у себя дома в кругу коллег, весельчаков и кутил, таких же, как и он, азартных преферансистов. Если семейное предание верно, в числе его гостей бывали не только инженеры, но и поэты Есенин и Маяковский. Однажды по окончании застолья хозяин и гости были ошарашены тем, что воры, пробравшись через чёрный ход на кухню, унесли всю верхнюю одежду. После чего кухонную дверь обили железом и поставили стальные засовы. Но если от воров можно было принять меры, то от новой советской жизни спасения не было. По мере «обострения классовой борьбы» при переходе от нэпа к плановому хозяйству, начались гонения на дореволюционную техническую интеллигенцию. Фёдора Ивановича арестовали в 1928 году «за недоносительство». После его ареста старшую дочь, Елену, выгнали из техникума, а Бориса, Ирину и Шуру — из школы. Восстановиться в местах учёбы удалось с трудом. Советская Фемида отличалась непредсказуемостью. Через полгода Благодатского неожиданно освободили из Бутырской тюрьмы. В первый же день на свободе он продал хранившийся на чёрный день золотой портсигар, купил в бывшем Елисеевском магазине корзину деликатесов и на извозчике вместе с детьми приехал в Бутырскую тюрьму, где передал корзину сокамерникам. Это событие осталось в памяти его дочери Ирины Фёдоровны на всю жизнь. Вскоре Благодатского арестовали снова, потом отпустили и снова арестовали, а потом — был удачлив — только сослали в Кемерово. В Центральную Россию он смог вернуться в 1937 году, но, конечно, не в Москву. Жил он в Серпухове, время от времени навещая детей в квартире, которую уже давно, после первого же ареста, «уплотнили». По случайности, которую трудно назвать счастливой, жизнь Фёдора Ивановича Благодатского закончилась в Москве 5 апреля 1938 года, когда он в очередной раз приехал навещать детей. Рак желудка был осложнён начавшимся воспалением лёгких. Этому, без малого двухметровому, жизнелюбивому человеку было всего пятьдесят два года. Его родная сестра Мария Ивановна Едличко (тётя Маня, в комнате которой я с таким удовольствием рассматривал книжки), жившая с 1920 года в его квартире, позаботилась о детях брата. Свободно владея немецким, она была

преподавателем, старшим редактором издательства и автором ряда учебных пособий. Она прожила среди детей, внуков и правнуков брата до своей смерти в 1975 году. В этой обычной московской семье репрессии коснулись только отца. Из детей Ф.И. Благодатского погиб единственный сын, двадцатилетний Борис. В сентябре 1941-го он должен был уже демобилизоваться после срочной службы. За один день до начала войны тётя Ира получила от него письмо, написанное в Полоцке 10 июня 1941 года: «...Мы, т.е. весь полк, завтра 11 июня снимаемся с якоря. Новый наш адрес будет, по-видимому, близ города Лиды в Зап. Белоруссии (бывшая Польша), там мы разобьёмся лагерем. Оттуда напишу. Пока с поцелуем и приветом. Б. Благодатский». Это письмо оказалось последним. Его сестра Ирина написала ряд запросов, на которые получила стандартные ответы. Красноармеец Борис Благодатский пропал без вести. Таких как он, числившихся по официальным данным в качестве «неучтённых потерь» первых месяцев войны, погибших или пропавших без вести в боевых операциях при не поступающих сведениях от фронтов и армий, «выявлено» один миллион сто шестьдесят две тысячи шестьсот человек. Эта официальная цифра многократно занижена. Приведу лишь один факт, «озвученный» президентом В.В. Путиным в 2009 году: неизвестны имена шести миллионов воинов из девяти с половиной миллионов, находящихся в зарегистрированных братских могилах, которых около сорока семи тысяч на территории России и за рубежом.

В середине 50-х годов прошлого века я с отцом часто ездил на электричке с Ярославского вокзала Москвы на станцию Челюскинская, где была дедушкина дача. На платформах и в вагонах всегда были заметны безногие инвалиды, катящиеся на доске с четырьмя подшипниками. Они просили милостыню, и многие им подавали. Тогда покалеченных фронтовиков с медалями на груди было много, и они были привычны. Однажды я их не увидел. Что делалось в других городах, я не знаю, но в Москве проблема с этими инвалидами была решена как-то сразу. Каковы были тогда инвалидные дома, когда даже в Москве стояли, правда, не очень большие, очереди за чёрным хлебом, можете себе представить. Добровольно в них никто бы не поехал. Но никого ведь и не спрашивали. Советское руководство всегда мыслило масштабно, действовало без сомнений и было свободно от буржуазного гуманизма.

В этом подарке родителей были все страны мира, со своими знаменитыми людьми, королями и королевами, ландшафтами и красивыми зданиями, памятными датами, невиданными цветами и птицами и множеством иных занимательных вещей. На обложке большого красного альбома, украшенного географическим глобусом, было написано: «THE NEW WORLD WIDE POSTAGE STAMP ALBUM». К тому же в нём лежал пакетик разноцветных чужеземных почтовых марок с витиеватыми следами штемпелей. В 1956 году этот великолепный альбом в Москве вообще казался чудом. Он начинался цветной географической картой и картинкой, на которой мальчишка показывал свою коллекцию почтовых марок папе, маме и сестре, совсем как в нашей семье. В нём уже были изображения марок, и нужно было найти такие же, а рядом было место для любых других. Этот новенький американский альбом по просьбе отца был куплен для меня его американским коллегой в США. А в следующем, 1957 году в Москве с размахом проходил VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, когда летом появились в большом количестве иностранцы, новые автомобили и автобусы. После фестиваля началась невиданная прежде почтовая переписка. Таким образом, почтовые марки разных стран появились у многих. Филателия стала распространённым увлечением, и мальчишки во дворе обменивались марками. Всё это происходило в ранее закрытой от всего мира стране, где всё чужое и непривычное воспринималось насторожённо. Почтовые марки доказывали реальность существования других стран, культур, языков и традиций. Но в то время было невозможно даже мечтать о поездке за пределы своей страны.

Мне хорошо запомнился один эпизод. Сын ещё дореволюционного эмигранта из России Дэниел Шор,¹ впоследствии ставший известным журналистом, приехал в Москву в качестве американского корреспондента CBS. Его переводчиком был мой папа. Шор предложил ему поездку в США для помощи в систематизации русских материалов. Отец, конечно же, радостно согласился. Шор написал письмо в Управление по обслуживанию дипломатического корпуса с просьбой разрешить отцу поехать вместе

¹ Американский журналист Дэниел Шор (1916–2010), получивший в Москве эксклюзивное интервью у Н. С. Хрущёва, в своих воспоминаниях написал несколько добрых слов о моём отце. См.; Daniel Schorr. *Staying Tuned. A Life in Journalism*. New York. 2001. P. 80–81.

с ним в США на две недели. Папа описал маме беседу с чиновником УПДК:

— «Зачем вы попросили Шора пригласить вас поехать в США?

— Я не просил об этом. Шор предложил мне поехать вместе с ним для работы.

— А почему вы не ответили ему, что вы не хотите ехать?»

— Я смотрел ему в глаза, — рассказывал отец. — Ну что я должен был ему на это ответить?

Короче, поездка отца на родину, в логово империализма, не состоялась.

Возвращаясь к маркам. В 1960 году, в свой день рождения, я получил от папы и мамы замечательную книжку Рудольфа Бершадского «О чём рассказывают марки». Прекрасно иллюстрированная и увлекательно написанная, несмотря на «советскую идеологию», она не только рассказала о марках, коллекционерах и многих занимательных событиях, но и заставила внимательнее вглядываться в собственную разросшуюся коллекцию, чтобы не пропустить что-то необычное и стоящее внимания. Уверен, что мой интерес к истории, искусству, географии и путешествиям вырос во многом под влиянием этой детской увлечённости, органично перешедшей в другую уже на всю жизнь.

На втором этаже здания гостиницы «Метрополь» в 60-х годах XX века находился замечательный очень уютный букинистический магазин, в который я стал регулярно ездить. Так вот, там я увидел старинную книгу в цельнокожаном переплёте с золотым тиснением на красном фоне корешка: МАРКА ТРИ КНИГ. Взяв её в руки из-за слова «МАРКА» и поразительной красоты, я увидел, что это напечатанное в Санкт-Петербурге в 1761 году сочинение Марка Туллия Цицерона «Три книги о должностях», переведённое переводчиком Академии наук Борисом Волковым. Эта книга прожила в моей библиотеке много лет. Я внимательно прочёл её всю и не только смог убедиться в правильном поведении Пушкина («Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал»), но и удостоверился в том факте, что слишком нарядные книги, как и слишком нарядные люди, чрезвычайно редко бывают столь же интересны внутри.

Иногда купленная у букинистов книга не только прочитывалась от корки до корки, но и заставляла задумываться о неизвестных мне людях и их судьбах. Например, вот эта: Поль Гиро,

«Частная и общественная жизнь римлян», со 107 рисунками в тексте (СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1899). Хорошо иллюстрированный сборник, составленный французским историком Полем Гиро (1850–1907) из сочинений античных авторов и дополненный отрывками работ современных ему историков XIX века, увлекательно рассказывал о Риме и античной эпохе: о семье и воспитании, рабах и вольноотпущенниках, одежде и пище, лекарствах и погребениях, общественной жизни, развлечениях, войске и многом ином. Интересное французское учебное пособие было переведено на русский и пользовалось заслуженной популярностью. Но мой экземпляр был замечателен не только отличной сохранностью, но и карандашным автографом без даты и подписи: «Сия книга — единственный гонорарь мой за несколько статей, переведенных для нея изъ Тацита, Цицерона и др.».

Экземпляр книги в качестве платы за переведённые статьи сам по себе вызывает грустные размышления. А тот факт, что эта книга в начале шестидесятого года уже не раз побывала на книжном рынке, почему-то наводил меня на мысль о том, что вряд ли судьба этого неведомого мне человека сложилась благополучно. Гораздо более удачливым людям, чем автору надписи на книге, редко удавалось счастливо пережить жуткие времена, наступившие в первой половине XX века в России.

Я бесконечно благодарен своим родителям за счастливое детство в отвратительное время, бывшее тогда в моей стране. Только теперь, уже старым человеком, много лет изучавшим историю советского XX века, я до конца понимаю, каким трудом, самоотречением и любовью оно было создано.

Когда купленное пианино было внесено и поставлено на своё место в комнате, я ещё не знал, что появление этого громоздкого предмета будет сильно портить мою жизнь. Мама немного играла и делала это с удовольствием, особенно когда к нам приходили гости. Слушать маму мне нравилось, но гораздо больше меня занимал проигрыватель, куда ставилось десять виниловых американских пластинок, которые автоматически сменяли друг друга. Я наслаждался песнями Бинга Кросби, великолепным джазом Луи Армстронга, Эллы Фитцджеральд, Бенни Гудмена и многим другим, но у меня никогда не появлялось желание научиться играть

на любом музыкальном инструменте. Это захотелось моей маме. Она живо объяснила мне, какая восхитительная возможность у меня появилась. Это же такое счастье: научиться играть просто для себя, понимать неизвестный мне пока язык нот. И какое я получу удовольствие, когда смогу впервые сыграть понравившуюся мне мелодию. Хотя ряд сомнений меня не оставлял, я был вынужден согласиться. Откуда ни возьмись появилась учительница музыки, приходившая два раза в неделю, и начались гаммы, упражнения, уроки и подготовка к ним. Скоро я уже тосковал от одного сознания их неизбежности. К тому же эти уроки были дополнительные к школьным. Моё свободное время, когда я возился с марками и читал книги, стремительно сокращалось. Я изо всех сил старался совместить мамино желание с собственными интересами в жизни, пока не понял, что дальше так продолжаться не может. Мама поставила мне условие. Я выучу и сыграю «Весёлого крестьянина», которого я только-только начал выдалбливать, и тогда, если не захочу, смогу больше не заниматься. Ещё недели через три я сыграл безо всякого удовольствия бодрую мелодию «Весёлого крестьянина», возвращавшегося с работы с какой-то излишней, натужной радостью. Хотя эту музыку помню до сих пор, желание подойти к инструменту у меня никогда в жизни не возникло. Так что музыканта, хотя бы любителя, из меня тоже не получилось.

Больше всего я любил читать. С того времени, как я себя помню, я постоянно канючил: «Мам, почитай». На одной из книжек, подаренных мне папой, он написал: «Научись сам читать, интереснее будет». Папа, как почти всегда, оказался прав. Скучная школьная «Азбука» вместе с первой учительницей Антониной Ивановной Масловой открыли мне ни с чем не сравнимый мир, который я вынужденно и крайне неохотно покидал из-за уроков, необходимости что-то делать или куда-то идти. Для того чтобы сегодняшнему человеку понять, с каким восторгом читались тогда «Три мушкетёра», как захватывали «Записки о Шерлоке Холмсе» или переживались приключения Робинзона Крузо, почему романы Майн Рида или рассказы Джека Лондона так сильно занимали воображение, а сказки А.Н.Афанасьева казались несказанно волшебней, чем в последующие времена, необходимо понять, что в пятидесятые годы ушедшего века интернета ещё не существовало, телевизор долгое время тоже. Даже когда телевизор появился в доме, этот

небольшой ящик с крохотным экраном и линзой, которая немного увеличивала изображение, при всей своей занимательности не мог конкурировать с книгами, потому что смотреть там особо было нечего. Хождение в кино пару раз в месяц и сравниться не могло со страницами, которые хотелось читать как можно скорее, и узнать, что же произойдёт дальше. В книгах существовал мир важнее и интересней обыденной жизни. Много лет спустя я прочёл поразившее меня точностью наблюдение французского историка Марка Блока в его книге «Апология истории, или Ремесло историка»: «Читатели Александра Дюма — это, быть может, будущие историки, которым не хватает только тренировки, приучающей получать удовольствие более чистое и, на мой взгляд, более острое: удовольствие от подлинности». Может быть, я, сам об этом не догадываясь, глотая книгу за книгой, предчувствовал свою будущую профессию.

Какое-то время мне почему-то казалось, что человек, написавший статью или книгу, разговаривает персонально со мной, и лишь тогда, когда мне этого хочется.

К некоторым книгам я не раз возвращался, перечитывая полюбившиеся страницы, а иногда и находил что-то новое. К примеру, открыв в очередной раз том Артура Конан Дойла, я остановился на 19 странице предисловия К.И. Чуковского, которое до этого времени торопливо и совершенно напрасно пропускал. Вот как оценил Корней Иванович талант автора: «Он не был великим писателем; его и сравнивать нельзя с такими гениями английской литературы, как Свифт, Дефо, Филдинг, Теккереи, Диккенс. Он был типичнейший буржуазный писатель, ни разу не дерзнувший восстать против «старого мира», с которым всегда оставался в ладу. Нигде в его книгах не видно ни тени протеста. Его Шерлок Холмс бесстрашно и упорно борется с десятками всевозможных злодеев, но ни разу не догадался спросить себя: почему же хваленая английская жизнь порождает так много уголовных преступников?»

Корней Чуковский был талантливым писателем, переводчиком, критиком и литературоведом. Рассказывая детям о книге «Записки о Шерлоке Холмсе», изданной «Детгизом» в 1956 году, он, конечно же, не мог не понимать, что советская жизнь порождает уголовных преступников никак не меньше, чем «хваленая английская». А Шерлок Холмс, если бы он задался вопросами о причинах множеств уголовных преступлений, превратился бы

в политика, моралиста или революционера, но перестал бы быть великим детективом, и книга о нём не стоила бы комментария такого замечательного писателя, как К.И. Чуковский. Что же касается Артура Конан Дойла, то литератор, создавший персонаж, живущий независимой от автора жизнью, как Дон Кихот, солдат Швейк, Остап Бендер и др., никак не может находиться в категории «типичнейший». Но Чуковский, как он это делал не раз в своей жизни, продемонстрировал свою лояльность к власти и соответствие высокому званию советского писателя.

Я никогда не был октябрёнком. Это сообщество ещё не было придумано, когда меня 1 сентября 1955 года привели в первый класс. Фасад красного кирпичного здания школы был украшен колоннами. До того как я попал сюда, я был нормальным, здоровым и жизнерадостным мальчишкой. Но со школьной фотографии смотрит стриженный под ноль, засунутый в гимнастёрку серого цвета с белым воротничком, сидящий за деревянной партой с «правильно» сложенными руками ребёнок дебильного вида. Каждый раз, когда я слышу восторженные высказывания о замечательном, высочайшего уровня, советском образовании, вспоминается лишь не забывшаяся с детства безысходная тоска. Единственная школьная учительница, оставшаяся в моей благодарной памяти, это моя первая учительница Антонина Ивановна Маслова, которая научила меня читать. Собственно, даже её мне больше благодарить не за что. В мой первый школьный день она умудрилась забыть меня около класса. Я попытался сам найти выход из школы, но не смог. Старшеклассница, увидев меня, плачущего, вывела во двор, где меня ждали встревоженные родители. В нескончаемых страницах прописей я выводил перьевой ручкой чернилами буквы так, как их нигде и никогда не пишут. Бесконечно скучные уроки в классе и домашние задания лишь отнимали у меня драгоценное время для чтения книг. Иногда, конечно, происходило что-нибудь запоминающееся. Во втором классе за партой передо мной сидел мальчик, который, повернувшись ко мне, открыл перочинный нож и спросил меня: «Хочешь, пырну?» Я с ним не ссорился и не понял, что он сказал. А он поднял руку и ударил меня ножом в правую кисть. Кровь пошла очень сильно, и я быстро потерял сознание. Мальчика этого я больше никогда не видел. На память о нём у меня остался шрам на правой руке.

Таких, как он, мне встретилось в школе не так уж много, но детский антисемитизм, как следствие родительских воззрений, был явлением совершенно ординарным. С пятого класса меня перевели в соседнюю школу, без колонн на фасаде, но всё остальное было почти таким же. Тот факт, что математика, физика или химия не оставили во мне никакого следа, объясним. Я, конечно же, гуманитарий. Что, к слову сказать, не помешало мне много позже разобраться в конкретных вопросах химии и математики, когда мне это потребовалось для собственной работы. Но, что поразительно, среди всех моих учительниц я не запомнил ни одной, обучавшей истории. Ведь это же надо было суметь преподавать этот предмет так, чтобы, кроме некоторых текстов из учебников, в памяти не осталось вообще ничего, ни одного хоть чем-то замечательного урока. Изучение литературы превращалось в писание сочинений по раскрытию «образов», «идеи произведения», чтение параграфов учебника и выдалбливание стихов, которые я для себя открыл по-настоящему много позже, и школа к этому уже не имела никакого отношения. Уроки английского языка, как они проводились с нами два раза в неделю, вероятно, и были рассчитаны на то, чтобы после средней школы честно писать: «не владею». О «трудовом воспитании», политинформациях, пионерско-комсомольской жизни и прочем маразме умолчу. После восьми лет обязательной, унылой и бессмысленной зубрёжки и экзаменов я категорически отказался продолжать учёбу в общеобразовательной школе. Устроившись на работу, я поступил в школу рабочей молодёжи (ШРМ). Аббревиатура знающими людьми расшифровывалась «Штарайся Работать Меньше». Эту школу я благополучно закончил, иногда прогуливая, а чаще просто отсиживая положенное время на уроках, ухитряясь заниматься своим самым любимым делом — чтением. Единственная «четвёрка» в моём аттестате была по истории и то только потому, что экзамен каким-то чудом я сдал на пять, и моя итоговая тройка выросла на один балл. Позже, когда это уже не имело для меня значения, я узнал, что существовали совсем другие школы, с приставками «спец». Но было их ничтожно мало, и в такой школе мне учиться не пришлось.

Чтобы обучаться в вечерней школе, необходимо было где-то работать. Устроиться официально в 15 лет было не так-то просто. В то время я увлекался кукольным театром и, хотя и недолго, мечтал стать актёром. Я попытался получить работу в Центральном

театре кукол. Мой отец сказал, что в моём заработке семья не нуждается, и посоветовал мне предложить работать бесплатно, ведь, кроме справки в школу с места работы, мне ничего не нужно. С тем я и пришёл в Центральный театр кукол. Получив аудиенцию у знаменитого режиссёра Сергея Владимировича Образцова, я попросил взять меня рабочим сцены. Наша беседа была короткой. Образцов поинтересовался моим возрастом и отрицательно покачал головой. Тогда я, воспользовавшись своим главным козырем, предложил работать бесплатно. Образцов расплылся в улыбке и сказал, что не возражает, если я стану работать во время детских спектаклей. На мой вопрос, получу ли я официальную справку с места работы, реакция была негодующе бурной:

— Так что же вы мне голову морочите?! Вам не работа, а справка нужна!

Тогда уже разозлился я:

— Мне нужна работа. Но я должен иметь возможность вечером учиться!

Мы расстались так же быстро, как и познакомились. На короткое время мне удалось устроиться в Московский театр кукол. Однако первым моим настоящим местом работы, где я в должности рабочего-столяра проработал два года, стал «Павильон лучших образцов товаров народного потребления», находившийся рядом с Кремлём в красивом старинном здании на улице Куйбышева, которая теперь снова называется Ильинка. В этом доме теперь размещилась Торгово-промышленная палата России. Сюда меня взяли по просьбе моего деда, отца мамы, Бориса Ильича Коренבלата.

Я его любил. В моей памяти дедушка остался улыбающимся, совершенно лысым стариком, с лихо подкрученными усами, неспешно пьющим чай из стакана в старинном серебряном подстаканнике, украшенном несущейся тройкой с лихим ямщиком, — подарком его близких друзей. Всегда чем-то занятый в своём сарае на даче или в закутке-мастерской в московской квартире, он был влюблён в свои многочисленные инструменты — свёрла, отвёртки, стамески, плоскогубцы, тиски, токарный станочек, россыпи всевозможных болтов, гаек, гвоздей и шурупов, которые он собирал, сортировал и нежил всю свою долгую жизнь. В Текстильщиках я ходил выбрасывать мусор не с обычным ведром, как все, а с изобретённым и сделанным дедом собственноручно

огромным фанерным ящиком, расширенным внизу, больно лупившим меня по ногам и открывавшимся с помощью задвижки снизу, после чего весь мусор вываливался в контейнер. Дед гордился созданным им станком для заточки микротомных ножей, использовавшихся медиками. Он очень хотел приохотить меня к технике и был доволен, когда я научился работать на токарном станке. Во времена моего детства я не раз оказывался свидетелем нешуточных споров деда и отца. Спорили они о политике партии, сталинских временах, социализме, справедливости и многом другом. Дед был твёрдым сторонником мысли, что коммунистическая партия всегда права, отец приводил свидетельства обратного. Мне было сложно разобраться, кто из них прав, но уже тогда я отчётливо понял, что на любое событие существуют разные точки зрения и не стоит ничего принимать на веру.

Дедушка, Борис Ильич Коренблат, которого я так близко и хорошо знал, был человеком иной эпохи. Он родился в 1887 году в городе Бендеры Бессарабской губернии, которая потом превратилась в Молдавскую ССР, в зажиточной семье Якоба Коренблата. В советских личных документах деда, имевшего при рождении имя Берк, именовали Борисом Ильичом, по российской традиции изменив еврейские имя и отчество. Мать деда умерла родами, и его отец женился снова. С мачехой отношения не сложились, и дед, бросив учёбу в четвёртом классе Городского училища, ушёл из отцовского дома. Был слесарем в мастерских, оружейником в армии, успев отслужить срочную службу ещё до Первой мировой войны; потом работал слесарем на судостроительном заводе «Наваль» в украинском городе Николаеве. Там он, не только не спросив разрешения у своего отца, но даже не поставив его в известность, женился на моей бабушке Евгении Владимировне. У них родились сын Леонид, дочь Ева, умершая в младенчестве, и дочь Елена, впоследствии моя мама. Дед участвовал в забастовках и в установлении советской власти в Николаеве. После начала гражданской войны находился в подполье, где в 1919-м вступил в РКП(б). Вся жизнь деда была связана с техникой и производством. Он работал старшим механиком, начальником цеха, директором завода. В 1929-м был направлен на учёбу в Москву. Через два года, вошедший в число членов правления московского Клуба красных директоров, он получил возможность остаться на

работе в Москве, где, в частности, работал главным механиком на строительстве первой очереди московского метро. Его судьба сложилась на удивление благополучно. Дед избежал участия в «антипартийных группировках», его не коснулись и последующие репрессии. Советские анкеты содержали много каверзных вопросов. Работая в архивах, я прочёл их немало. Читал я и анкету, заполненную моим дедом. Он, разумеется, написал правду, но не всю. Из анкеты следовало, что его отец был рабочим-котельщиком, в 1895 году ставшим владельцем кузнечной мастерской по ремонту сельхозинвентаря и имевшим несколько подсобных рабочих. Но в 1909-м отец ослеп, лишился мастерской и уехал с женой в Америку, где в 1925 году умер.

Якоб Коренблат, конечно, не входил в число самых известных и богатых людей Бендер, но в его большом доме с электричеством и водопроводом можно было кататься на велосипеде. Его мастерская действительно просуществовала сравнительно недолго, но была далеко не единственным источником его доходов, и ослеп он только на один глаз. Якоб успешно занимался торговлей и процветал до войны 1914 года. Одна из его дочерей от второго брака училась на его деньги в Швейцарии, а потом получила врачебную практику в США. Именно к ней поехал в Америку Якоб Коренблат с женой после конфискации всего своего имущества большевиками, ненадолго пришедшими в Бендеры. В США Якоб Коренблат благополучно прожил до своей смерти 6 ноября 1933 года.

Так вот, в декабре 1936 года дед попал на работу в не раз менявшую название организацию, ставшую известной как Всесоюзный Постоянный Павильон лучших образцов товаров народного потребления при Всесоюзной Торговой Палате, где он и служил до пенсии и куда время от времени приходил и после неё. Он умер в Москве в 1965 году, и его прах вместе с прахом его единственной жены покоится в колумбарии элитарного Новодевичьего кладбища, ставшего своеобразным пантеоном советской эпохи.

Организация, в которую меня приняли на работу, могла существовать только при социализме. Потому как ни в какое иное время никому не пришло бы в голову «внедрять» всевозможные иностранные товары — от утюгов и торшеров до телевизоров или соковыжималок — в отечественное производство. Моя работа заключалась в погрузке-разгрузке грузовиков и помощи опытному плотни-

ку Тимофею Петровичу в изготовлении ящиков для отправки экспонатов. Ещё я должен был находиться на подхвате у инженеров, большей частью женщин, когда требовалось что-то поднять или перенести. Однажды меня попросили поддержать маленький переносной телевизор, вместе с которым я и попал на фото, напечатанное в газете «Советская торговля» 20 марта 1965 года. Меня же в числе иных сотрудников отправляли на работу в колхоз или на овощную базу, что являлось ещё одной яркой приметой социалистической эпохи. Работа прекрасно сочеталась с занятиями в вечерней школе, была не очень тяжёлой и даже оставляла немного времени на чтение. Именно там я получил важный жизненный урок.

Незадолго до нового 1966 года я пришёл на работу, ещё не зная, какое удовольствие доставлю своим коллегам. Весь этот день все кому не лень подходили ко мне, радостно скалясь. Знакомый инженер, встретивший меня с «Комсомольской правдой» в руке, ухмылялся: «Шикман, теперь ты, как порядочный человек, просто обязан на Тамаре жениться». И показал мне, семнадцатилетнему мальчишке, напечатанную фотографию...

Сравнительно не так давно в обеденный перерыв я сидел на скамейке с одной из сотрудниц, держа её за руку и даже не догадываясь, что привлеку чьё-то внимание. Знаменитый фотокор «Известий» Виктор Ахломов, которого я не видел ни тогда, ни потом, сделал фотографию, не только отмеченную на международном конкурсе, но и прокомментированную в газете так:

В. Ахломову удалось добиться удачи в одной из сложнейших сфер фотографического искусства — в жанре репортажной психологической съёмки. Его «Объяснились» — удивительно естественный снимок, поражающий точно уловленным состоянием, глубокой характеристичностью персонажей. Главная опасность при съёмках такого рода — потеря или просто притупление чувства меры. Поэтому так часто грешат подобные снимки эмоциональной передержкой, слащавостью, сентиментальностью. Всего этого счастливо избежал В. Ахломов, заслуженно награждённый 3-й премией.

Когда в этот день я вернулся домой, эта, большого формата, фотография уже была и там. Оказывается, отец, работавший тогда переводчиком московского корреспондента американской

Columbia Broadcasting System, позвонил в «Известия» Ахломову, сказал, что на опубликованной фотографии — его сын, и попросил прислать фото ему. Где только не появлялась потом эта фотография под разными названиями: «Объяснились», «Двое», «Два настроения», «Размолвка». Однажды я увидел её на обложке книги Н. Атарова «Не хочу быть маленьким». Но забавнее всего эта фотография была напечатана в журнале «Здоровье», где, не мудрствуя лукаво, заретушировали мою сигарету до полного исчезновения, что не мешает мне бессмысленно держать руку у рта. Вообще-то этот снимок был далеко не первым и не последним в СССР, благодаря «ретуши» получившим новую, интересную жизнь.

Вскоре у меня появилась другая работа. С девушкой Тамарой я никогда больше не встречался и ничего не знаю о её судьбе. Но я навсегда запомнил: если я не замечаю кого-то, это вовсе не значит, что не замечают и меня.

Где-то в середине 60-х годов, впервые оказавшись в Ленинграде ещё вместе с родителями, я побывал в Шлиссельбургской крепости, в камерах, где десятилетиями, без надежды выйти на свободу, сидели, умирали или сходили с ума народовольцы. То, что я увидел, позволило мне впоследствии прочувствовать слова Веры Николаевны Фигнер: «Когда часы жизни остановились». Эти казематы я вспоминал, читая купленные у букинистов книги, напечатанные на плохой бумаге, с воспоминаниями бывших политкаторжан Николая Морозова, Веры Фигнер, Михаила Фроленко, Михаила Новорусского и многих других. Меня восхищала их жертвенность, честность, свободолюбие и способность жить согласно своим убеждениям. Немного позже я открыл для себя книги мастера исторической прозы Юрия Владимировича Давыдова, увлекательно написавшего об этих людях и их времени. Позднее я познакомился с литературоведом трудной судьбы Евгенией Александровной Таратутой, подарившей мне свою книгу «С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель», написанную с использованием обширного архивного материала. В инскрипте: «Дорогому Анатолию Павловичу с пожеланием радости» — она вписала цитату из сочинения её героя: «Будь верен себе, и ты никогда не познаешь угрызений совести, которые составляют единственное истинное несчастье в жизни». И примерно в это же время я прочитал «Мои воспоминания» художника

и деятеля культуры Александра Бенуа. О тех самых, восхищавших меня народовольцах он писал как о людях, занимавшихся вполне бездарным делом, которое его, Александра Бенуа, не монархиста, не политика, никак и ничем не привлекало. Все построения народников, всё их понимание происходящего сметались как паутинка человеком, жившим в это же время совершенно иными ценностями. Вот так, не очень быстро, но на многих конкретных примерах приходило понимание исторической реальности, оказавшейся несоизмеримо сложнее моих о ней представлений.

Владимира Высоцкого я видел только раз, в театре на Таганке в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» в 1965 году. Билеты было не достать. Мой отец в это время был переводчиком у очередного американского журналиста, работавшего в Москве. Так получилось, что американец почему-то не смог приехать в театр. Отец сразу же позвонил мне, и я успел получить билет, который революционный матрос насадил на штык у входа в театр. К тому же и сидел я, как никогда в жизни, во втором ряду партера, у самой сцены. Так и удалось мне совсем рядом увидеть и услышать Высоцкого. Знакомство с членами его семьи произошло много позже.

В знаменитой московской школе № 45, где директорствовал Леонид Исидорович Мильграм, одно время секретарём работала Татьяна Высоцкая. К тому времени она уже развелась с сыном Владимира Высоцкого Аркадием. В начальной школе учились их дети, Наташа и Володя — внуки Владимира Высоцкого. С ними я не работал, потому что преподавал историю старшеклассникам. Но с Татьяной в школе мы виделись часто и были в дружеских отношениях. Однажды дети вместе с мамой приехали к нам в гости. У меня сохранились фотографии этой встречи. Дурачившийся, строивший рожи Вовка и восьмилетняя, симпатичная, улыбчивая Наташа, в те годы писавшая такие, к примеру, стихи:

К НОВОМУ ГОДУ КОЗЫ

Я на кухне сижу
И книжку держу.
Про что эта книжка,
Сейчас расскажу.

Здесь нарисован
Козёл симпатичный:
Рога умилительны,
Хвост энергичный.

Он держит в зубах
Аппетитный цветок,
И аппетитно
Колышется рог.

Вдруг подмигнул он мне
Жёлтеньким глазом
И поделился
Печальным рассказом

О жизни своей
Козлиной несчастной,
О козочке Машке,
Любимой, прекрасной,

Как резво скакал он
Под диким кустом,
И козочке Машке
Махал он хвостом.

Его вдруг поймали,
Семёном назвали,
Заставили сено
В сарае жевать

И глупых мальчишек
На санках катать,
Чтоб вольную жизнь
Не смел вспоминать.

Вот годы прошли,
И хвост поседел,
Рога притупились,
И глаз потускнел.

Он в книжку попал,
 Меня увидал
 И эту историю
 Мне рассказал.

1.01.91

Татьяна и подарила мне впервые изданный в Москве в 1990 году двухтомник Владимира Высоцкого, в который вошли его избранные песни, стихи, проза и драматургия. Он был напечатан в количестве пяти тысяч экземпляров за счёт средств его отца Семёна Владимировича Высоцкого, с его предисловием и отличными иллюстрациями Михаила Златковского. Мой экземпляр замечателен дарственной надписью: «Моим правнукам Наташеньке, Володе и их маме Татьяне! В память о моём сыне и их дедушке Владимире! С любовью и добром! С. Высоцкий. Москва, 25 января 1991 года». Почему-то Татьяна не захотела сохранить эти книги у себя. Позже Татьяна вместе с детьми эмигрировала в США. Через Мильграма до меня доходили редкие новости о них. Татьяна вышла замуж. Вовка стал настоящим американцем. Наташа поступила в университет. Я встретил Татьяну с её мужем в Москве в числе пришедших на похороны и поминки Л.И. Мильграма. Много позже, уже находясь в Америке, я увидел в интернете фотографии с еврейской свадьбы Наташи Высоцкой в Нью-Йорке, взявшей еврейское имя — Наама. Ещё позже мы стали с ней друзьями в Фейсбуке. У неё восемь чудесных детей, и она счастлива в своей большой семье. Интересно и непредсказуемо складываются судьбы книг, а ещё более удивительны судьбы людей.

Осенью 1966 года я решил переменить род деятельности, став учеником, а потом и шофёром третьего класса на автобазе Мосстройтранса в Текстильщиках, недалеко от дома. Я ездил по тогда ещё почти свободным от машин московским улицам на бортовом грузовике, в том числе и по старинной улице Арбат, которая ещё не догадывалась, что станет пешеходной. Возил стройматериалы для строящейся гостиницы «Россия» и представить себе не мог, что доживу до времени её сноса. Мою шофёрскую карьеру прервал автобус, зад которого слегка испортил капот моего грузовика. Местом работы, с которого меня забрали на военную срочную службу, стала Библиотека имени Ленина. Я успел поработать

младшим библиотекарем лишь два месяца, но полюбил это книгохранилище на всю жизнь, даже не предполагая, что много лет спустя здесь будут храниться написанные мной книги. Каким-то странным образом разрозненная мозаика моих юношеских лет сложится впоследствии в завершённую картину, в которой каждый её фрагмент получит свой смысл.

Чередой жизненных удач началась моя срочная служба на флоте, хотя поначалу ничего хорошего она мне не сулила. Меня призвали 13 июня 1967 года на четыре года. Официальный срок службы исчислялся только с января, поэтому полгода я должен был служить «за компот». Четыре с половиной года несвободы для человека, вовсе не собиравшегося становиться профессиональным военным, — тяжёлое испытание. В Москве осталась любимая девушка и друзья, понятная и привычная жизнь. Учебный отряд под городом Ломоносовым (бывшим Ораниенбаумом) запомнился лишь муштрой, политзанятиями и вечным голодом. Помню, что когда появились какие-то деньги, я смог купить батон в ларьке и съел его целиком после обеда. Месяцы обучения наконец-то закончились, и меня отправили служить в Севастополь. Первое, что поразило меня, это то, что хлеб свободно лежал на столах, и кормили досыта. Не хватало, конечно, вкусного и сладкого. Но и эта проблема, когда я научился немного зарабатывать, была решена. Дедовщина (на флоте старослужащих называли не «деды», а «годки») проявлялась лишь в том, что начинавшие службу «салаги» должны были выполнять всю тяжёлую и грязную работу. Никаких иных притеснений не существовало. Самым тяжёлым и мучительным на службе было чувство несвободы.

Первая удача свалилась на меня в год призыва. Благодаря военной реформе 1967 года, срок был не только сокращён на год, но и стал считаться с реального начала службы. Нависшие надо мной тяжёлые четыре с половиной года внезапно превратились в три. И это везение оказалось только началом. Счастье обрушилось на меня Ниагарским водопадом.

Моя первая любовь сообщила мне в письме, что она выходит замуж. Незадолго до этого я получил от неё бандероль с книгой В.М. Быкова «Джек Лондон» (М.: 1964), на форзаце её она написала: «Милый Толя, если ты не встречал эту книгу, то она будет ин-

тересна для тебя, ну а если когда-то ты уже прочитал её, то береги на память обо мне. В. П. 23.04.68». Отец В. П. был литературоведом, сервильным литературным чиновником, которого я видел лишь один раз, да и то мельком. Поэтому о нём я ничего рассказывать не стану. Его дочь была знакома со мной с детства, будучи соседкой по даче. Она любила читать, была хороша собой и обаятельна. Я, конечно, тогда очень переживал, не догадываясь, что первая любовь потому так и называется, что весьма редко становится настоящей и имеет будущее. Я встретился с В. П. много лет спустя. Она была всё так же очаровательна, а я понял, как мне повезло, что эта женщина осталась для меня только первой любовью. Может быть, поэтому, как она и хотела, я бережно храню подаренную ею книгу.

Огромной удачей обернулось для меня и место расположения моей воинской части. Всего в пяти минутах ходьбы находилась севастопольская библиотека имени С. Н. Сергеева-Ценского. Я открыл для себя русскую классику, не изуродованную школой. Гигантский мир Пушкина, Гоголя, Чехова, Куприна, Короленко, Льва Толстого, Бунина стал частью моей жизни. Дело в том, что хотя я числился специалистом по ремонту радиолокационных станций надводных кораблей, и, как это было записано в моём военном билете, именно по этой специальности меня надлежало использовать в военное время, я к этим станциям даже близко не подходил. Было бы странно, если бы привычная ложь советской жизни отсутствовала в вооружённых силах. На промозглом севастопольском ветру, рядом с морем, под снегом или дождём, я грузил совковой лопатой в тачку сброшенный самосвалом лежащий горой уголь и тащил его в кочегарку. Забрасывать этот уголь в топку и чистить печь от шлака было моей работой большую часть года. Я мог заниматься этим днём или ночью, и в это время был полностью предоставлен сам себе. Огонь полыхал в печи, а я сидел рядом на огромной отопительной трубе и читал, отрываясь от книги лишь для забрасывания в топку очередной порции угля. Впрочем, даже это восхитительное время от осознания собственной несвободы не спасало!

Вскоре после окончания первого года службы, летом 1968 года, я испытал ошеломительное чувство, увидев во флотской газете «Флаг Родины» свой лирический этюд «Море и небо», под которым было напечатано «Матрос А. Шикман». Эту первую публикацию

(как и все мои последующие в Севастополе) я никогда не включал в список моих печатных работ по причине откровенной литературной слабости. Но тогда моё счастье не омрачал даже вставленный редактором инородный по стилю и смыслу абзац: «Экипаж сильнее стихии, крепче шторма. На «товсь» находятся ракетчики. На каждом боевом посту готовы выполнить приказ». С этого лета началось моё постоянное сотрудничество в газете, и я даже получил возможность немного позаниматься в школе военкоров. Регулярно получаемые мной авторские гонорары позволяли иногда тешиться сгущёнкой и давали возможность приобрести интересные работы местных художников в художественном салоне Севастополя.

Среди сослуживцев, с кем свела судьба в Крыму, самым замечательным был Лёша Галенко. Он попал на флот из хутора Почтового Ростовской области. Парню из простой крестьянской семьи родители в детстве запрещали читать книжки, которые, по их мнению, отвлекали сына от полезной работы. Повзрослев, он жадно читал всё, что мог достать. Испытав восторг от открытой им европейской классической литературы, он часто рассказывал о любимых книгах и расспрашивал меня об их авторах. Он вообще тянулся к образованию, которого был лишён по жизненным обстоятельствам. Мы крепко подружились. Приветливый и открытый, он понравился мне своей душевностью, серьёзностью и любовью к фотографии.

Ею он занимался со страстью. Ему я обязан самыми лучшими фото, в том числе и времени знакомства с моей будущей женой. После службы он вернулся домой. Вскоре женился, растил двух дочерей. Работал много и тяжело, в том числе и в шахте, где подорвал здоровье. Ему ни разу не пришлось летать на самолёте. Он никогда не бывал за границей. Один раз Лёша приезжал ко мне в Москву. Один раз я свалился ему как снег на голову, когда находился недалеко от него в командировке от журнала «Сельская молодёжь». Время службы в Севастополе осталось для него самым значительным и замечательным в жизни. Однажды, где-то в начале двухтысячных, он по телефону спросил меня, хотел бы я хоть на месяц-два оказаться снова в Севастополе и быть матросом. Я засмеялся и сказал, что нет. После службы моя жизнь была более чем насыщена и интересна. Лёша ответил: «Я бы не отказался». Мы переписывались и разговаривали по телефону с ним до его смерти от рака в 2013 году.

Он дожил до 65. Конечно, по российским меркам это немало, но я давно перестал оценивать жизнь по российским меркам.

Самое чудесное из того, что со мной произошло в годы военной службы, была эта встреча. Она сидела на склоне холма и читала книгу Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Обратил на неё внимание не я, а шедший со мной рядом Юрка Русинов, который считал, что никогда не нужно проходить мимо возможного развлечения. Беседу по-одесски образно начал он, потому что у меня настроение после письма В. П. было отвратительное, и никакие знакомства меня не интересовали. Я посмотрел на неё, лишь услышав, что она приехала из Москвы. Наконец-то я увидел свободного человека из города, по которому я так скучал. Юра Русинов отошёл в сторону. На следующий год Елена приехала в Севастополь, чтобы стать моей женой. Недавно мы отметили нашу золотую свадьбу. Каждый раз, когда я предлагаю моей жене выпить «за наше случайное знакомство», я слышу от неё трепетные слова: «Убью гада!» Понять её можно. Прожить столько лет со мной — настоящий подвиг. Но её мечта никогда не сбудется. Никто не знает, где сейчас Юрка Русинов, да и жив ли он вообще.

«На свете счастья нет, но есть покой и воля». Эта знаменитая строка не совпадает с моим опытом. Никакого покоя я никогда не имел, не знал, да и не стремился к нему. Ошеломительное ощущение свободы я почувствовал лишь раз, уезжая на поезде из Севастополя домой, в Москву, наконец-то освободившись от трёхлетней срочной службы на флоте. Какое-то время я ещё радовался этому состоянию, хотя яркое чувство независимости уже уходило. А вот счастье я испытал не раз. Как же оно было сильно, если я, седой старик, помню свой восторг, проснувшись в четвёртый день рождения и увидав разложенные рядом с кроватью родительские подарки: паровоз и вагоны железной дороги, которыми я потом никак не мог наиграться. Что уж говорить о взаимной любви, рождении дочери, вышедшей в свет первой книге... Просто счастье — чувство сильное и короткое. Может быть, поэтому его всегда мало.

Весной 1970 года я вернулся в Москву после военной службы. Неделю я просто отдыхал и наслаждался жизнью вместе с Еленой. Мы ходили в любимые музеи и ездили по интересным местам

Подмосковья. Одна из наших поездок оказалась необычной хотя бы потому, что у меня внезапно появился шанс стать православным священником. Мы приехали в Загорск (в 1991 году переименованный снова в Сергиев Посад) посмотреть Троице-Сергиеву лавру. Меня интересовала не только архитектура. До этого я неоднократно слышал, что в духовной семинарии люди получают серьёзную подготовку по философии, психологии, истории, искусству. Разговорившись с каким-то стариком-монахом, я услышал следующее бесспорное доказательство бытия божьего: «Дует ветер. Дождь идёт. Лето сменяется осенью. Почему же всё это происходит? А? А вообще-то я человек неучёный. Вы поговорите в духовной семинарии. Там люди грамотные». После чего открыл ворота, объяснив, как пройти. Пообещав жене, что скоро вернусь, я вошёл в помещение семинарии и, поднявшись по роскошной лестнице мимо развешанных по стенам больших картин на религиозные темы, оказался в канцелярии, где увидел молодого красивого священника. Не успев произнести ни слова, я узнал от него, что пришёл поступать в духовную семинарию, и не стал спорить. Это было первое место в Советском Союзе, где никто не поинтересовался моей национальностью и все вопросы решались легко и быстро. Белые ровные зубы батюшки не исчезали за широкой улыбкой:

— Вы крещёный? Нет? Ничего. Окрестим. Женаты церковным браком? Ничего. Обвенчаем. В армии служили? Очень хорошо. Где вы сейчас работаете? Ещё не устроились? Это замечательно! И не устраивайтесь. Так вы к нам пришли, яко на воздухах, а если пойдёте работать, людей на производстве станут ругать, что вас к нам отпустили. Надо же и их пожалеть...

До сегодняшнего дня у меня сохранились «Правила приёма в Московскую духовную семинарию на 1970–71 учебный год». И я смог убедиться в том, что требования к образовательному уровню поступающих вряд ли дают возможность для подготовки будущих интеллектуалов.

1. Духовная семинария — среднее специальное учебное заведение Московской Патриархии, готовящее священнослужителей, церковнослужителей и церковных работников Русской Православной церкви. Срок обучения в семинарии 4 года.

2. В духовную семинарию принимаются лица мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее образование (как

исключение, в семинарию могут быть приняты с 7-летним образованием)

3. Поступающие в 1-й класс семинарии подвергаются приёмным испытаниям. От поступающих требуется твёрдое и осмысленное знание наизусть следующих молитв: (перечисляются около 30).

Поступающие должны хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски.

Далее идёт список необходимых документов и образец анкеты из 11 пунктов, заполнить которую не составляет труда никому.

Всем учащимся предоставляется бесплатное питание и общежитие. Выдаётся стипендия от 15 до 25 рублей, в зависимости от успеваемости.

Я поступил в другое учебное заведение. Впрочем, слово «поступил» не совсем точно объясняет произошедшее. Дело в том, что романтическое восприятие действительности, влияние книги Джека Лондона «Мартин Иден» и воспоминания о школьных временах позволяли мне с идиотской уверенностью заявлять Елене, что не стоит без толку тратить время в институте. Я заработаю на жизнь физической работой, а вечерами буду писать книги. Так что «поступила» меня Елена. Она героически вдалбливала в меня школьную программу, подсказала на пальцах в приоткрытую дверь год начала Крымской войны и совершила невозможное — я стал студентом вечернего отделения исторического факультета педагогического института, который сейчас носит гордое звание университета. Парадоксально, но из всего нашего курса лишь двумя своими выпускниками ныне гордится на своём сайте МГПУ — Александром Ратнером и мной. В этом учебном заведении мне удалось встретить двух преподавателей, оставивших в моей жизни добрый след. Один из них, профессор Эдуард Николаевич Бурджалов, специалист по Февральской революции в России, написал для меня первое в моей жизни «отношение» в архив для работы над курсовой по одному из сюжетов истории XVIII века. Второй — знаток русского средневековья Владимир Борисович Кобрин. Он читал у нас курс лекций «Вспомогательные исторические дисциплины». Меня он поразил не только эрудицией и умением

обращаться со студентами, но и своими редчайшими человеческими качествами. Для меня он стал образцом человека порядочного, нравственного, влюблённого в своё дело. Даже моя борода выросла из этого студенческого обожания. Позже выяснилось, что он был университетским однокурсником знаменитого директора московской школы № 45 Леонида Исидоровича Мильграма, с которым я познакомился много лет спустя. Я не раз встречался с Кобринным, уже работая в 45-й школе, и получил от него в подарок книжку об Иване Грозном, которую, в числе немногих из моей библиотеки, привёз в Америку. В институте я познакомился с моим лучшим другом — Александром Ратнером. С ним были связаны многие исследовательские и журналистские работы. Ещё один товарищ — Юра Шишкин — был моим соавтором в написании стихов фривольного содержания, которыми мы спасались на лекциях по научному коммунизму. Но кроме этих людей вспоминать мне особо некого и нечего, а уж говорить о том, что благодаря полученным здесь знаниям я стал настоящим историком или приобрёл педагогические навыки, просто смешно. Моё образование было совершенно обычное, рядовое, советское.

Мы с Леной снимали комнату, в которой чаще всего только ночевали. После замужества Елена перешла на вечернее отделение Экономико-статистического института, а я, поступив на вечернее, устроился подсобным рабочим в Первую образцовую типографию, носившую имя сталинского приспешника А. А. Жданова. Я спал четыре с половиной или пять часов в сутки, кроме воскресенья. Мой рабочий день начинался в семь утра, поэтому к половине шестого я уже должен был подъехать на автобусе к метро, чтобы в числе первых войти в только что открытые двери. В цехе подготовки бумаги я переодевался в робу, мне давали квитанцию на почти двухметровую кипу бумаги, сложенную на платформе. Под неё я подгонял ручную тележку, рывком отрывал платформу от пола и тянул к лифту, спускавшему меня вниз. По душному плохо освещённому длинному подвалу с выбитыми плитками на полу я тащил около тонны бумаги до другого лифта, который поднимал меня в печатный, или офсетный, цех. Налегке быстро возвращался обратно, где меня ожидала новая платформа. Репинские бурлаки, по сравнению со мной, находились на курорте. Моя роба немного просыхала только во время обеда, который, как правило, состоял

из булки (бывшей «французской», ставшей «городской» во время борьбы с низкопоклонством перед Западом) за 7 копеек и стакана воды из-под крана. Обед в городской столовой стоил около рубля, и я его себе позволял весьма редко. Сэкономленные деньги были мне необходимы для покупки книг. После обеда моя работа продолжалась до трёх. Потом я шёл в душ, переодевался в свою одежду и ехал в институт на занятия. Домой я возвращался поздно ночью, ел и проваливался в сон. В институте я с пониманием слушал истории о капиталистической эксплуатации трудящихся.

Двадцать семь лет спустя я смотрел цикл телепередач «Намедни», в которой ведущий Леонид Парфёнов представлял историю СССР год за годом, обращая внимание на моду, песни, символы и прочее, иногда с элементами «стёба». Ведущий хроники иногда сам становился действующим персонажем, подающим полотенце Хрущёву или заряжающим ружьё, которое, возможно, и выстрелит... Так вот, когда он стал рассказывать о 1970-м, я поймал себя на мысли, что, при всей верности показа эпохальных событий, моей жизни в этом году они совсем не затрагивали. Столетие со дня рождения В.И. Ленина, появление водолазок и т.п. меня совершенно не касалось и не занимало. Для меня это был год возвращения с военной службы, поступления в институт и работы в типографии, начала совместной жизни с женой, огромного количества прочитанных книг и ощущения свободы, несмотря на недоедание, недосыпание и вечную занятость. Возможно, многие «эпохальные события» во все времена занимают множество людей не больше, чем они касались меня в столь памятном семидесятом.

На очередную годовщину свадьбы моя мама подарила нам жареную утку и курицу. Съев курицу с удовольствием, мы посмотрели друг на друга и съели утку тоже. Наесться досыта — большое праздничное удовольствие. Это гастрономическое событие с раблезианским оттенком вошло в семейный фольклор.

25 октября 1972 года я пришёл на занятия в институт, но мне было не до учёбы. Увидев Юрку Шишкина, я сказал ему, что сегодня у меня родилась дочь. Юра, вообще человек деятельный и эмоциональный, от этого сообщения взорвался фейерверком. Да что ты говоришь?! Прямо сегодня?! Немедленно едем к тебе!

Давай, пока лекция не началась, быстро отпрашивайся. Да ты вообще понимаешь, что произошло! Он в нетерпении подтолкнул меня к кафедре. Профессор внезапно увидел перед собой моё ошеломлённое лицо.

— Я прошу прощения, но мне необходимо уйти. У меня сегодня родилась дочь.

— Как, прямо сегодня?!

Я кивнул, понимая, что любое моё слово будет лишним.

— Конечно, вы можете идти.

— Большое спасибо.

Юрка не мог ни секунды стоять на месте. Он вынырнул из-под моей руки:

— Я должен идти с ним.

— А вы почему?

Шишкин, как правило, фонтанировал идеями на ходу:

— Так надо же мебель в квартире двигать. А то детскую кроватку поставить некуда.

Мы поехали ко мне, не забыв зайти в магазин. Потом долго сидели вдвоём, разговаривали, выпивали, чем-то закусывая, и пытались постичь величайшее событие, воспринимавшееся тогда как почти нереальное. История эта вошла в семейный фольклор под названием «двигать мебель».

Пять дней спустя ко мне вышли улыбающаяся жена и медицинская сестра, вручившая мне закутанное чудо со словами: «Растите на здоровье». Жена предложила назвать нашу дочь Мариной. Ну конечно же, морская, какая же ещё?

И ещё одна история, связанная с Юрой Шишкиным. Когда Марине уже исполнилось десять лет, её положили в Филатовскую больницу удалять аденоиды. В больнице и взрослому тоскливо, а тем более ребёнку. Как раз незадолго до этого Юрка приезжал к нам в гости и сфотографировал Марину с её любимым хомячком Пушой. Когда он узнал, что мы собираемся передать Марине что-нибудь, что её порадует, он полночи проявлял плёнку и печатал её «хомячьи» фотки, чтобы рано утром пересечься с нами в метро.

Мы привезли в больницу для передачи дочке фотографии вместе с нашим письмом и коробкой зефира в шоколаде, которую купить в 1982 году было не так просто. Марину мы увидели в окне.

Лицо её нам показалось странным, оно было скорее удивлённым, чем радостным. В чём дело, мы выяснили уже после её возвращения домой. Нашу передачу Марина не получила. Причина была прозаической — коробка зефира. Кто-то перед искушением не устоял. Пришлось Юре печатать фотки для Марины ещё раз.

В 1973 году я перешёл на третий курс исторического факультета. У меня появилась возможность сменить работу подсобного рабочего в типографии на труд учителя истории средней школы. До сегодняшнего дня меня не оставило изумление тем фактом, что платили в типографии и в школе практически одинаково. Я мечтал об исследовательской работе и не собирался стать учителем. Однако попробовать себя на ином поприще было интересно. Я тогда думал, что свой первый урок никогда не забуду. Забыл. Потому что за время без малого тридцатипятилетней учительской жизни эти уроки сложились в один бесконечный школьный день, из которого остались в памяти какие-то фрагменты, удаchi, ошибки, ситуации, множество лиц детей и их родителей, коллег и начальников. А от того, первого, урока запомнилось лишь то, что меня слушали. Интуитивно я сумел найти нужные слова и наладить с детьми контакт. В этой школе № 889 Перовского района Москвы я проработал два года. Олег Георгиевич Минеев оказался в директорском кресле школы-новостройки совсем недавно. Со мной он общался вполне дружелюбно, рассказывал, как начинал взрослую жизнь учеником слесаря, потом воевал, затем стал учителем математики и дослужился до директора. Интеллектуалом его было назвать сложно, но был он неплохим человеком и ладил с детьми. Его супруга, Мария Петровна, властная дама, не терпящая возражений, служила инспектором по кадрам в роно. Я видел её очень редко, но ушёл из этой школы после беседы с ней.

В 1975 году я получил диплом об окончании истфака и отпустил бороду. С отцом мы встретились на площади Свердлова, которая теперь называется Театральной. О встрече мы договорились давно. Он когда-то заметил, как я смотрю на его перстень, и, усмехнувшись, сказал, что отдаст его мне, когда увидит мой диплом о высшем образовании. Этот перстень был подарен моей бабушкой по отцу, Идой, моему деду Морису Шикману. Бриллиантовая крошка в середине нескольких вписанных друг в друга

квадратов и инициалы еврейскими буквами «М. Ш». Каким-то мне не известным чудом золотой перстень уцелел после арестов деда и бабушки во время Большого террора. Отец стал его носить, уже вернувшись в Москву, когда начал работать переводчиком.

История семьи со стороны отца была мне известна фрагментарно. Только после развала СССР я смог многое узнать и рассказать об этом в статье «Почти семейная история». Здесь я скажу о моём отце то, о чём в статье не написал. Хотя Пол Шикман свободно владел идишем, английским, всё понимал и обо всём мог сказать на русском, филологических способностей он был лишён. Живя в СССР почти всю свою жизнь, он так и не научился правильно писать и говорить по-русски. Он никак не мог усвоить разницу в произношении «мишки» и «мышки» или почувствовать необходимость падежных окончаний. Его язык забавлял многих моих знакомых и друзей, что не мешало ему быть чудесным собеседником и отличным переводчиком с русского на английский. Человек без возраста, высокий, жилистый, худощавый, поразительно обаятельный, он даже внешне как-то мало был похож на советских людей. Может быть, поэтому в фильме 1975 года «Горожане» в эпизоде, когда таксист (актёр Николай Крючков) проезжает мимо стоящей у гостиницы «Россия» группы иностранцев, среди них были сняты мой отец и его сестра Норма. Им не надо было изображать иностранцев, они ими были. В отце органично сплелись самые разные черты характера: упорное трудолюбие, взрывной темперамент, способность на отчаянные поступки и житейская осторожность. Он был призван в армию в звании младшего лейтенанта после окончания института в 1940 году. Когда началась война, его, как бывшего иностранца, направили служить в стройбат. На все просьбы отправить его на фронт он получил отказ. Тогда он принял абсолютно безумное решение, совершив побег. Объявившись на Ленинградском фронте под чужой фамилией, он назвал себя отставшим от своего батальона. Когда в районе Ораниенбаума его часть оказалась в окружении, отец пошёл в особый отдел и рассказал, кто он и каким образом оказался здесь. Его могли или расстрелять, или оставить, но отправить его обратно было невозможно. Особист оказался хорошим мужиком и с улыбкой сказал: «Ладно, иди воюй». Позже, в марте 1944-го, отец был тяжело ранен под Нарвой, а после излечения направлен преподавателем в Военный институт иностранных языков в Москве. Его

медалями я играл в Комарово. Папа никогда их не носил. Фронтовик, переживший борьбу с «космополитизмом», прекрасно понимал, в какой стране живёт, но выбора у него не было. Замечательный отец, внимательный, необычайно щедрый, пытавшийся всех опекать, он был открытым и, несмотря на множество недостатков, правильным, порядочным человеком. В детстве он оказал на меня огромное влияние, приохотил к книгам, музеям, музыке. Его споры о политике с Борисом Ильичом, отцом моей мамы, доказали мне необходимость думать самому. Он не являлся образцом в семейной жизни, трижды был женат, при этом имел многочисленных любовниц. Моя мама была его второй женой. В 1980 году, очень плохо себя чувствуя, не имея сил тянуть непосильную лямку уже не приносящей радости жизни, он покончил с собой. Для меня он остался одним из самых важных и дорогих в моей жизни людей. Сколько лет уже прошло, а до сих пор мне горько, что не могу подарить ему написанные мною книги, услышать его заинтересованный, к несчастью, даже не записанный на магнитофонную плёнку, голос. Летом 1975 года мы с отцом разговаривали, сидя на скамейке. Это был тот редкий случай, когда он был мной по-настоящему доволен; сняв с пальца перстень, протянул его мне.

Мария Петровна Минеева встретила меня после педсовета. Её взгляд был суров, тон безапелляционен: «Значит так. Бороду сбрить. Перстень снять. Внешний вид учителя никто не отменял». Я только что получил диплом и проработал учителем лишь два года. Но мне было 25 лет, и я уже был мужем и отцом. Так последний раз со мной разговаривали, когда я служил в Севастополе. Я не стал спорить. Бородатый и с перстнем я ушёл работать учителем в другую школу, хоть и находилась она на противоположном конце Москвы — в Кунцево.

В семидесятые годы в числе прочего школы занимались «профориентацией», и меня, как классного руководителя, отправили с восьмиклассниками в какое-то ПТУ. Нас посадили в актовом зале. На сцене были музыкальные инструменты. Потом вошёл бодренький дяденька и начал убеждать пришедших школьников поступать именно в это учебное заведение. Он рассказывал, что здесь учился и играл вот на этой гитаре такой-то популярный певец, что именно здесь начался звёздный путь будущего космонавта

такого-то, с большим подъёмом повествовал о дружном коллективе, захватывающих походах, замечательном спортзале, колоссальных возможностях проявить свои скрытые способности в оркестре и ещё много чего разного и занимательного минут на сорок. А потом спросил: «Вопросы есть?» Вопросов у моих школьников не было. Когда мы вышли на улицу, я поинтересовался, понравилось ли им. И получил замечательный ответ: «Если он не врёт и всё правда, то здорово, конечно». Тогда я объяснил детям, что всё, что им сказали, правда. Но когда человек перестаёт думать своей головой, его непременно обдурят. Если вы хотите стать певцом или космонавтом, то нужно поступать в другое учебное заведение. Вам рассказывали, как вы будете отдыхать, но ничего об учёбе, о будущей работе, о зарплате, об условиях труда, а вы этого даже не заметили. Поэтому ни у кого не возникло вопросов. Только тогда дети задумались. Я постоянно вижу и слышу, как лихие журналисты, разных рангов начальники, политические деятели и все кому не лень обманывают взрослых людей тем же нехитрым способом, каким давным-давно морочили головы моим ученикам.

В методичках и школьных учебниках было слишком много своеобразных трактовок европейской и американкой истории, не говоря уже об отечественной. Конечно, выменивать у индейцев остров Манхэттен за набор ножей и бус было нехорошо. Но доказывать этим фактом бесспорность зла капитализма было не лучше. Ещё в 1914 году Ленин объяснил, что опыт всего мира доказал: чем больше «земли и воли» получали крестьяне, тем быстрее развивался капитализм. Поэтому подписание им «Декрета о земле» в 1917 году было откровенно бесчестным манёвром. Но я должен был преподавать историю, как пел ещё в 1966 году Юлий Ким, не «как-нибудь хитро и въедливо, а вот только так и назубок». Уже читая самиздат и «тамиздат», я ещё не знал, что нет такого материала по советскому периоду отечественной истории, который не был бы сфальсифицирован, замолчан или мифологизирован. Но и того, что я знал, было вполне достаточно, чтобы понимать: преподавать историю старшеклассникам по методичкам и учебникам значило не уважать ни их, ни себя.

Представление об учительской работе в советской школе будет неполным, если не знать, что в семидесятых и в большей

части восьмидесятых годов XX века обычный школьный учитель, а тем более молодой, должен был быть классным руководителем. Это означало хождение с целлофановым пакетом в кармане для сборов денег на завтраки, членские взносы в «добровольные» общества, на абонементы для очередного мероприятия и тетрадкой для учёта и перерасчёта. Он был обязан обеспечивать уборку класса, оформление кабинета. Он же должен был организовывать сбор макулатуры и металлолома, составлять отчёты о пионерской работе, участии во всевозможных кружках. От него требовали планы воспитательной работы, проведения классных часов и политзанятий, проверки дневников, заполнения журналов и дежурства в школе в праздничные дни, огромного количества бессмысленных бумаг. Всё это чередовалось с совещаниями, заседаниями, летучками, педсоветами, собраниями, собеседованиями. Конечно, при всём этом требовалось, чтобы учитель давал «качественные» уроки. Однако преподаватель, плохо справляющийся со своими обязанностями классного руководителя, не только был нелюбим администрацией школы, но и получал ругательное прозвище — урокодатель.

У сидящих в классе детей одинаков был только возраст. Среди них были прагматики, чётко понимавшие, что им необходимо для сдачи вступительных экзаменов в институт, а на что стоит «забить». Отдыхавшим бездельникам было всё до лампочки. Гуманитарии сами умели читать учебник и не только его, а математики и естественники воспринимали историю со всеми её царями, войнами, законами и восстаниями, как набор нудных фактов, не имеющих никакого отношения к жизни. Не спешили утихомириться весельчаки, которым начало очередного урока прервало коронную хохму. Среди этих детей были умные и не очень, вежливые и наглецы, добродушные и злые. И самое главное — почти все они чувствовали себя взрослыми, понимающими жизнь людьми, вынужденными слушать пришедшего к ним в класс нового учителя, неудачника по определению. Какой же умный и успешный человек пойдёт за гроши работать в школу!

Я уже опытным путём знал: чтобы всем этим юношам и девушкам хотелось на уроке заниматься историей, им должно быть интересно. Интересно настолько, что все их прочие дела будут

забыты до звонка с урока. Я открыл для себя, что нет такой темы, которую нельзя преподать увлекательно. Ещё не было ни компьютеров, ни интернета, поэтому получить интересующую информацию нажатием клавиши было невозможно. Впрочем, и теперь, несмотря на лёгкость её получения, эрудированность и самостоятельность мышления остаются необходимыми для понимания найденного. И ещё одну важную вещь я понял: независимо от способностей детей, их стараний или успехов я должен был всегда подходить к ним с уважением, просто потому что они должны научиться относиться с достоинством к себе и уважительно к другим. Забегу очень далеко вперёд. Осенью 2008 года, уже навсегда оставив педагогическую работу, я наткнулся в интернете на воспоминание обо мне парня, чьей фамилии я не знаю, так как писал он под «ником»: «Историю нам в десятом классе читал Анатолий Павлович Шикман. И читал всё так, что десять лбов периода полового созревания сидели, молча слушая, лишь изредка задавая вопросы по существу. Потому что было интересно. Он был первый, кто начал объяснять историю как сущности процессов и связи между ними, проводя в нужном месте параллели. Кстати, совершенно не расставляя акцентов «плохой — хороший», практически в терминах «причина и следствие». И каждый урок был театром. Люди слушали, и что-то в их математической подкорке откладывалось». Всё же интересно было прочесть высказанное не мне мнение взрослого не зависимого от меня человека. Конечно, у меня бывали неудачные уроки, и не всегда получалось так, как задумал. Но эти нечастые промахи уже не меняли отношения детей ни ко мне, ни к истории.

Я никогда не понимал, почему история должна руководствоваться какой-то идеологией, находиться под государственным контролем, воспитывать патриотизм, веру в великое прошлое и счастливое будущее, быть партийной или антипартийной, кому-то или чему-то служить. Любую науку можно использовать для практических надобностей, но для этого она, прежде всего, должна существовать и свободно развиваться по своим собственным законам. Изучать и преподавать её можно, лишь понимая, как она создаётся и в чём её смысл. Изучение истории — это не зазубривание дат, событий и того, что кто-то кому-то когда-то сказал. История обязательно начинается с вопроса, потому что нет

нужды что-то учить или исследовать, если это известно, ненужно или неинтересно. Я должен был научить формулировать вопросы, показывать связь событий, советовать, как искать и находить ответы. Историческое знание означает прежде всего умение исторически мыслить, необходимое в обыденной жизни любому человеку хотя бы для того, чтобы понимать своё время. Детям должно было быть ясно, что совершенно естественно сомневаться и спорить, что возможны разные точки зрения на любой факт, но необходимо знать и помнить источники информации, сравнивать их и непременно думать своей головой. Так написано в учебнике, а вот как писали об этом же в учебнике двадцать лет назад. Вот документы об этих событиях, а так о них написали в воспоминаниях. Вы слышали об этом по нашему радио? А что об этом рассказали по «Немецкой волне» или «Голосу Америки»? Несмотря на прекрасные отношения с детьми, для меня учебный год непременно заканчивался вызовом к директору и предложением написать заявление об уходе «по собственному желанию». Мне было понятно, что директору не нужен ни шум (почему позволили и сразу не пресекли?), ни будущие проблемы. Я писал заявление и отправлялся на поиск новой школы. Несмотря на постоянную нехватку учителей, сразу найти новую работу не всегда получалось. Иногда мне встречались восхитительные персонажи. Начальственная дама сурово разглядывает мои документы и, не веря собственным глазам, задаёт вопрос: «Вы член партии?» Я отвечаю.

— Как? Еврей, и не член партии?! Нет, мы в ваших услугах не нуждаемся.

Работу я, конечно, находил, но на следующий год искал снова.

Покинув школу «по собственному желанию» в очередной раз, я устроился на работу в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), который после окончания советской эпохи изменил в названии лишь первую букву, превратившись в РГАДА. Являясь старшим научным сотрудником, я зарабатывал немного меньше, чем в школе. Впрочем, эта работа привлекла меня не зарплатой. Мои каждодневные обязанности в архиве особой увлекательностью не отличались. Среди прочего я должен был отвечать на разнообразные запросы. Под этими ответами первой подписывалась директор архива, Мария Игоревна Автократова, а вторая подпись была моя.

Директору средней школы: «Сообщаем, с. Семилей впервые упоминается по переписным книгам 1704 г., где сказано, что „в той деревне мордовские шеи десять два двора, в них людей мужска полу сто тридцать восемь человек, а жён их и дочерей по той переписи не писано“...» (Ф. 350. Ландратские книги и Ревизские сказки, Оп. 1, № 357. Л. 229 об.)

Частному лицу: «В результате просмотра Ф. 1402 „Бийская крепость“, Ф. 248 „Сенат“, Ф. 214 „Сибирский приказ“ сведений о гарнизонной школе в Бийской крепости в начале XVIII в. не обнаружено. В архиве сохранился указ канцелярии Кольванов-Воскресенских заводов Бийской земской избе о сыне отставного сержанта Фёдоре Пятакове: „...если ничему не обучается, для определения в школу на обучение словесному и протчим наукам прислать в канцелярию немедленно“ (Ф. 1402. Бийская крепость, Оп. 1, Ч. II, № 24. Л. 137)» и так далее, и тому подобное.

Иногда мне попадались прелестные мелочи, которые я выписывал, вроде употреблявшегося в XVII и в XVIII веках выражения «проныр лукавый» или грустного сообщения «Денежным жалованьем не вёрстан и земельным окладом не обжалован (1653 г.), или сожаления: «Во время оно лупили батогамы по месту, олицетворяющему оседлость, ныне же пытаются вразумить фельетонами, интермедиями...»

Но в архив я пришёл не ради этого.

Сюда я попал впервые из-за невероятного события, случившегося со мной ещё в студенческую пору. Однажды я стоял у прилавка букиниста на Арбате и никак не мог вспомнить, что же я читал когда-то о лежащей под стеклом тоненькой книжечке XVIII века под названием «Не всио и не ничево». Криво приколотый шестидесятирублёвый ценник был для меня столь страшен, что я не решился взять журнал в руки, о чём жалею до сих пор. Дома, порывшись в справочниках, я всё понял и на следующий день приехал в магазин. Книжечки уже не было, и продавщица не помнила, кто и когда её купил. Теперь мне остаётся только надеяться, что к четырём известным экземплярам этого журнала, хранящимся в крупнейших книгохранилищах страны, когда-нибудь добавится пятый, потому что я сам его видел и даже мог взять в руки. И как знать, какие фамилии, пометки, записи могут там оказаться. Об авторе и издателе этого журнала, просветителе

и вольнодумце XVIII века, первом российском конституционалисте Фёдоре Васильевиче Кречетове было известно не очень много, и точки зрения учёных на его деятельность принципиально расходились. Решив разобраться самостоятельно, я пришёл к моему преподавателю, специалисту по революционному движению в России, Эдуарду Николаевичу Бурджалову, просить «отношение» в ЦГАДА. Ироничный старик (как мне тогда казалось) и студенческий любимец, выслушав мою просьбу, сказал: «Кречетов... Одни его называют революционером, другие считают случайной жертвой. Так ведь и Радищева представляют дворянским Пугачёвым, а это совсем не так. Впрочем, не будем полемизировать с Владимиром Ильичом. Ну что же, попробуйте».

Так я впервые вошёл в старинное двухэтажное здание на Большой Пироговской улице, построенное ещё в 1886 году для Московского архива Министерства юстиции. В большом директорском кабинете, окружённый со всех сторон роскошными книжными шкафами с мерцающими золотом кожаных переплётов книгами XVIII века, я слушал Марию Игоревну Автократову: «Вообще-то студентов мы допускаем к работе в архиве лишь в особых случаях. А курсовая работа...» Тогда я ещё не знал об этой проблеме, а позже неоднократно задавал остававшийся без ответа вопрос: почему столько сложностей и разрешений необходимо, чтобы получить доступ к архивным документам, не имеющим никакого отношения к сегодняшним государственным тайнам, хотя в ряде других стран это доступно любому желающему. И есть ли связь между этими запретами и тем бесспорным фактом, что нигде не гибнет от безобразного хранения, пожаров, лопнувших труб и воровства такое огромное количество книг и рукописей. Но в то время меня волновало иное. Архивные листы Фёдора Кречетова могли остаться для меня недоступными. Тогда я быстро, чтобы не успели перебить, стал рассказывать о трагической и непонятной судьбе моего героя и, дождавшись недоуменного вопроса: «А как это произошло?» — получил возможность ответить, что именно это я бы хотел узнать. Мне были необходимы бумаги, хранящиеся здесь.

Это было восхитительное время. С утра я добывал хлеб насущный подсобным рабочим в типографии, вечерами сидел на занятиях в институте, а между этими делами в архиве перелистывал

старинные документы, разбирая корявые письма Кречетова и бисерные букочки писарского почерка XVIII века. В шести объёмистых томах и на микроплёнке находились сочинения по юриспруденции, стихи, переводы античных, французских и немецких авторов, выписки из книг, «в которых вольность похваляется, а самодержавие осуждается», донос, свидетельские показания и допросные пункты, лихие росчерки генерал-прокурора...

Фёдор Васильевич Кречетов из семьи подьячего или священника, служил аудитором (юристом) в Тобольском пехотном полку Финляндской дивизии. Вышел в отставку в чине поручика. Два года его начальником был А. Н. Радищев. Кречетов принадлежал к тому фантастическому племени бессребреников и мечтателей, которые, живя в постоянной нужде, были одержимы страстной идеей осчастливить человечество. Тяжёлым, архаичным слогом писал он свои проекты, преподнося их знатным вельможам и императрице Екатерине II. К 1781 году он уже сочинил план преобразования России, где надлежало отменить крепостное право, ввести конституционный образ правления, обеспечить равноправие женщин. Разумеется, Кречетов предусмотрел все возникающие от его проектов сложности, считая, что к «вольности» надо подготовить. Для этого, по его мнению, прежде всего необходимо создать школы для народа, чтоб все были грамотны, и юридические школы, чтобы обычные люди узнали и поняли существующие законы. В 1785 году Кречетов основал «Всенародно вольно к благодествованию составленное общество», которое должно было помочь в создании народных школ, банка, типографии и в торговле книгами. Так вот, в 1787 году вышла в свет невзрачная брошюра под названием «О всех и за вся» с отчётами заседаний «Общества» и увиденный мною у букиниста журнал «Не всио и не ничево» со списком из сорока одного сочинения, которые это общество предполагало напечатать. Этот книгоиздательский проспект Кречетова был первым в России уничтоженным библиографическим изданием. Многие из того, что на самом деле до сих пор, в начале двадцать первого века, в России реально существует только на бумаге, Кречетов мечтал увидеть в веке восемнадцатом. Оставить такую инициативу без внимания было невозможно. По доносу парикмахера Осипа Малевинского, получившего за бдительность вольную и двести рублей, Кречетов был арестован,

содержался в Петропавловской, а потом в Шлиссельбургской крепости. Был амнистирован по случаю вступления на престол Александра I и сослан в Пермь, где находился «на инвалидном содержании». Своих надежд, в те времена таких нелепых, он не оставил. Обращался, конечно же, безрезультатно, к властям с просьбой печатать новые книги. Фотографию в те времена ещё не изобрели. Написать портрет Кречетова никому в голову не пришло. Так что как он выглядел, уже никогда не узнать. Дальнейшая его судьба неизвестна, но умер он не раньше 1808 года. Пытаясь хоть что-то выяснить о нём, я позднее, находясь в журналистской командировке в Перми, безрезультатно искал материалы в пермском архиве. Разыскать какие-то сведения об этом человеке я попытался и в ЦГАДА, когда поступил туда на работу. Там мне повезло больше. Моя начальница, опытный архивист, Светлана Романовна Долгова указала мне на один неизвестный исследователям документ, созданный Фёдором Васильевичем Кречетовым.

Мне сделали фотокопию этого документа, который я не смог прочесть. На первом листе чётко выведено название — «О школах». А дальше непонятно: нагромождение чёрточек и значков. Этот текст был зачем-то зашифрован Кречетовым. Уже после моего ухода из архива и возвращения на учительскую работу в очередную школу я, при случае, рассказал о Фёдоре Кречетове десятиклассникам и показал непрочитанную фотокопию. Ко мне подошёл ученик, Дмитрий Симаков, и попросил дать её на несколько дней ему. На следующий урок истории он пришёл ко мне с написанной от руки расшифровкой: «Анатолий Павлович, это оказалось так просто». Название у Кречетова звучит так: «Абавеви, то есть азбука русская, вымышленная россиянином Фёдором Кречетовым. Для скороучения читать и писать». Педагогические взгляды Кречетова оказались любопытны. Он предлагал обучать детей чтению и счёту с трёх лет, причём во время игры. Он считал, что учить чтению нужно по складам, складывая не буквы, а слоги (так учат теперь), а научив грамоте, давать детям специально для них составленные хрестоматии «из философии, новых басен и тому подобных сочинений». Я написал статью «Вольнодумец Фёдор Кречетов», напечатанную в еженедельнике «Литературная Россия» 24 апреля 1981 года. Эта статья стала моей первой серьёзной публикацией, с которой и началась моя постоянная историко-литературная работа. В 2016 году, незадолго до моей эмиграции

в США, я позвонил по телефону Дмитрию Симакову и смог поговорить с его мамой, которая вспомнила меня, статью и рассказала о сыне. Дмитрий стал успешным дорожным инженером, находился в командировке. Так что, к сожалению, повидаться нам не удалось.

В 1981 году, наряду со школой, я стал внештатно работать в журнале ЦК ВЛКСМ «Сельская молодёжь». Знакомая журналистка, Ирина Кленская, представила меня главному редактору Олегу Максимовичу Попцову, ставшему впоследствии большим телевизионным начальником. В отделе науки и культуры я стал регулярно печатать статьи о мыслителях и революционных деятелях, чьи имена были высечены на обелиске в Александровском саду у Московского Кремля. В 1990 году из этих очерков у меня составила́сь книга «Обелиск в Александровском саду. Жизнь великих социалистов», опубликованная стотысячным тиражом в издательстве «Просвещение». Книжка получилась довольно интересной. Отдельные очерки мне нравятся и теперь. Она хорошо продавалась, и я получил за неё приличный гонорар. Хотя, говоря по совести, сегодня я предпочёл бы, чтобы её не было. Дело в том, что хотя во время написания книги я старался делать её «проходимой», мне пришлось потом спорить с поправками рецензентов. Без сомнения, сама идея социализма с исторической точки зрения заслуживала внимания. Любопытно было проследить, как она изменялась во времени и как непохожие друг на друга люди в разных странах пытались её реализовать. В советское время написать об этом так, как я бы это сделал сегодня, было невозможно. Вот лишь один яркий факт.

В. И. Ленин в конце своей статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» (Ленин В. И. ПСС.— Т. 26. С. 87) приложил список литературы по теме. Статья эта была написана для «Энциклопедического словаря „Гранат“» и с тех пор неоднократно переиздавалась, т.е. предназначалась для широкого читателя. Когда я заполнил требования в Ленинской библиотеке на указанные Лениным издания, то получил ответ, что книги Чернова В. «Философские и социологические этюды» (СПб., 1907), его же «Марксизм и аграрный вопрос» (СПб., 1906) и Черкесова В. «Доктрины марксизма» (СПб., 1905) находятся в спецхране, а работа В. Текера «Вместо книги» (М., 1907) вообще в библиотеке

«не значитися» (?!). Ленинка в советские времена была давно закрыта для рядового читателя. Я, специалист, не мог свободно получить книги, рекомендованные Лениным любому, изучающему марксизм.

Хотя я и успокаивал себя известным высказыванием Виктора Шкловского, что когда мы уступаем дорогу автобусу, мы делаем это не из вежливости, я понимал, что иду на компромисс. Впрочем, моя книга удивительным образом оказалась не только своеобразным напоминанием о судьбе одного из последних памятников, появившихся по ленинскому плану монументальной пропаганды, но и свидетельством характерного эпизода путинского правления.

История была такой. По случаю трёхсотлетия династии Романовых в 1913 году летом 1914 года в Александровском саду на кубическом постаменте из серого финского гранита был установлен Романовский обелиск, увенчанный литым позолоченным двуглавым орлом и украшенный гербами города Москвы, царств и княжеств Российской империи. Рельефные буквы обелиска запечатлели имена всех царей и цариц династии Романовых. А летом 1918 года, по предложению Ленина, имена царей были уничтожены, а вместо них появились имена 19 мыслителей и политических деятелей, список которых составил учёный-большевик В. М. Фриче. Сделано это было весьма лихо, и догадаться, чем он руководствовался, сложно. В 1987 году доктор филологических наук С. А. Макашин опубликовал в «Литературной газете» (1.04.1987) письмо, где удивлялся отсутствию на обелиске имени А. И. Герцена. Рассказал о своей беседе с А. В. Луначарским, который уверял его, что список по просьбе Ленина составлял лично он, а помогал ему В. Д. Бонч-Бруевич. Имя Герцена в списке было. Макашин предлагал «исправить упущение» и «восстановить» имя Герцена. Сообщая об этом забавном факте не только, чтобы рассказать об очередной советской мифологии, а чтобы было понятно: даже начавшаяся «перестройка» М. С. Горбачёва не помешала относиться к этому памятнику серьёзно. Первоначально монумент стоял у ворот Александровского сада, но при создании мемориала «Могила Неизвестного Солдата» в 1966 году его «просто» перенесли к Итальянскому гроту. В 2013 году, продолжая выдумывать мифологическую основу для объединения бывшего советского народа, вспомнили о четырёхсотлетию династии Романовых. Появились

предложения восстановить Романовский обелиск. Делалось это так: обелиск был демонтирован, а пресс-секретарь президента Виктор Хреков рассказал, что из-за аварийного состояния памятника монумент не снесли, а отправили на реставрацию. В министерстве культуры, руководителем которого был дилетант от истории В.Р. Мединский, проект рассмотрели и, согласившись с «глубокой» мыслью тех, кто утверждал, что имена Лассаля и Энгельса нелепо смотрятся рядом с только что установленным памятником патриарху Гермогену, решили восстановить обелиск Романовых. Воссоздали его с многочисленными ошибками и установили на месте, где он раньше никогда не стоял. В результате подобной «реставрации» был уничтожен памятник революционным мыслителям 1918 года и создан новый, лишь напоминающий прежний, 1914 года. Проявлявшаяся во всём имитация ухода от советской модели жизни, при сохранении её сути, является характерной чертой долгого путинского правления.

Из тех, с кем я встречался в редакции «Сельской молодёжи», больше других мне нравился работавший там Михаил Поздняев, человек обаятельный и сердечный. Мы не были близкими друзьями и никогда не встречались вне стен редакции. Просто был у него интерес к истории, что для меня уже являлось привлекательной чертой характера. Мне нравились его стихи:

Не надо корпеть над стихами.
Нечаянно, сами собой
Они выпадают снегами,
Растут на задворках стогами
И плотным дымком — над трубой.

И нету на них ни управы,
Ни силы, какая б смогла
Всерьёз или ради забавы
Упрятать их в ящик стола,

Сложить на столе иль в тетрадке,
Утопшей в табачном дыму,
В особенном строгом порядке,
Угодном тебе одному.

Никто ни за что не поможет
Тебе перемочь этот труд.
Не ты, а стихи тебя сложат,
По мелким грехам соберут.

Потом раскатают, как тесто,
И как ты ни спорь, ни кричи,
Тебе надлежащее место
Отыщут в просторной печи.

Первый его сборник стихов «Белый тополь», искалеченный цензурой, но всё равно замечательный, увидел свет, когда Мише исполнился уже 31 год. Конечно же, это было счастливым событием. На подаренном мне экземпляре Миша написал: «Дорогому Толе Шикману с давней и горячей (особенно — по нашим временам) симпатией и с почтением. М. П. 1984, сент.». Мы не виделись с ним после 1988 года, когда я перестал писать для «СМ». Иногда я читал его статьи в «Новых известиях», где он стал обозревателем. Купил я и его сборник стихов «Лазарева суббота» (М., 2002). В октябре 2009-го я узнал о его смерти. «Он — из полууслышанных, полупонятых, человек не для всех и поэт не для всех», — написал о нём Евгений Евтушенко. Может быть, и так. Хотя для меня он был и остался моим поэтом.

Возвращаюсь в брежневские времена. С этого же, 1981 года я стал постоянно печататься и в научном журнале «Советская библиография». Сюда меня пригласил мой самый близкий друг ещё с институтских времён Александр Владимирович Ратнер (для меня и друзей просто Саша). Ратнер в 1978 году, после публикации своей статьи, познакомился с главным редактором журнала Алексеем Гавриловичем Глуховым, а в 1980-м стал работать у него редактором. О Глухове я многое знал от Саши, потому что между нами секретов не было, да и сам я нередко общался с Алексеем Гавриловичем. Небольшого роста, спокойный и ироничный, он был автором интересных книг о книжниках, книгах и библиотеках Древней Руси. Свой журнал любил и, собственно, именно он, имея вкус к истории, превратил сборник материалов в научно-практический журнал. Пройдя школу Госкомиздата и иных учреждений, которым «ведать надлежит», Глухов был сильно боязлив.

Стремясь не допустить «идеологической ошибки», он был всегда предельно осторожен, осмотрительно «разряжал» фамилии, ограничивал круг упоминаемых имён, а то и удалял из статей «ненужные» фрагменты. Конечно, убогая и лживая брежневская эпоха тому сильно способствовала, но угодливость Алексея Гавриловича проявлялась даже в его шутках, когда он именовал себя: «Чиновник для мелких поручений». Впрочем, до его ухода из журнала в 1986 году мои публикации касались времён вполне исторических — XVIII–XIX веков, и проблем с ним у меня не возникало.

С 1982 года моя жизнь сильно изменилась. Учительница музыки моей дочери, Наталья Георгиевна Лаврова, будучи женщиной деятельной и уверенной в себе, задумала создать в московском районе Ясенево, где мы жили, детскую музыкально-хоровую студию, и ей это удалось. В ДИХС «Орлята» в основном учились дошколята и дети младшего школьного возраста. Размещалась студия в бывшем доме причта, двухэтажном небольшом здании, при храме Петра и Павла, территория которого принадлежала авторемонтной мастерской. Силами учителей дом был приведён в порядок. В одной из комнат этого дома Лаврова и предложила мне вести с детьми занятия по истории искусства. Покинув в очередной раз школу, я согласился работать у неё. У меня был старенький проекционный аппарат и много слайдов с фотографиями знаменитых картин и памятников архитектуры. А ещё из моего портфеля к детям вылезали «друзья-безбилетники». Безбилетниками их именовала моя тёща, привезя эти маленькие, яркие и очаровательные фигурки персонажей диснеевских мультфильмов из Вены для нашей дочери. В советское время имевшие мировую известность диснеевские мультфильмы не показывали ни по телевидению, ни в кинотеатрах. Поэтому я не называл фигурки по именам. Поросёнок, кот, утёнок, мышонок и его подружка вмешивались в мой рассказ, участвовали в обсуждении того, что только что увидели вместе с детьми, и вообще были любимыми и деятельными участниками уроков. Небольшие, подобранные по возрасту группы детей приходили и уходили от меня радостными, а их родители с удовольствием приводили их ко мне. Так я познакомился с Екатериной Романовной и Виталием Николаевичем Дмитриевскими — театроведами, авторами увлекательных книг о Шаляпине и Рахманинове в Москве и родителями милой

девочки Саши Дмитриевской. Неразлучной подружкой Саши была Женя Звонкина. С её дедушкой, филологом-классиком, Виктором Ноевичем Ярхо, было интересно беседовать об изданиях и переводах античных авторов. В 1996-м он уехал вместе с семьёй дочери во Францию. Его замечательные мемуары «Внутри и вне Садового кольца. Воспоминания и размышления обычного заведующего кафедрой» (М., 2003) я прочёл на одном дыхании. Евгения Звонкина стала в Париже известным киноведом, переводчиком и преподавателем. Конечно, обо всех детях, с которыми я тогда работал, не расскажешь. Но было очень любопытно встречаться с некоторыми из них, когда они стали взрослыми, или узнавать об их состоявшейся жизни. Зарабатывал я так же мало, как и в школе, но с малышами я был занят только два дня в неделю, а остальное время проводил в библиотеках, архивах и дома за пишущей машинкой, подаренной мне женой.

В 1982 году со смертью Л.И. Брежнева началась, как её позже называли остряки, «пятилетка пышных похорон». Достигшие преклонного возраста кремлёвские руководители умирали достаточно часто, и население страны «с глубоким прискорбием» наблюдало череду торжественно обставленных прощальных церемоний. Сменивший Брежнева член Политбюро, многолетний председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, ответственный, наряду с Брежневым, за афганскую военную авантюру, репрессии по отношению к правозащитникам и противозаконную высылку из страны многих замечательных людей, начал властвовать столь же круто, как и нелепо. Это при нём прокатилась очередная волна «по укреплению трудовой дисциплины». В метро и на улицах, в магазинах и в банях, в кинотеатрах и на выставках стали устраивать облавы с целью выявления тех, кто в «рабочее время» находился не на работе. Ещё в должности руководителя КГБ Андропов начал «борьбу с хищениями, взяточничеством и коррупцией», но в полной мере эта совсем не новая идея стала воплощаться в жизнь, когда он уже занял главный пост. Мне запомнилась дикая история убийства директора «Елисеевского» гастронома Юрия Константиновича Соколова. Бывший фронтовик, умный и деятельный человек, начавший работу простым продавцом, со временем стал директором знаменитого московского магазина. При всеобщем дефиците, неизбежном при отсутствии рыночной экономики,

Соколов добился изобилия «из-под прилавка» в своём магазине, где отоваривались многие из московской творческой элиты. Он сумел заинтересовать как поставщиков, так и собственных продавцов. Он закупил импортные холодильники и свёл естественную убыль продуктов до минимума. Соколов не мог изменить систему, ему приходилось раздавать взятки и вести двойную бухгалтерию, но будучи по-настоящему эффективным руководителем и имея защиту в верхушке МВД и МГК партии, он поддерживал достаточно широкий ассортимент товаров в своём магазине, где время от времени что-то дефицитное появлялось и для всех. Сам, достаточно скромный в быту, он был виновен лишь в том, что Андропову понадобился показательный процесс. В нарушение даже существующих советских законов, Соколов был приговорён к расстрелу. Для меня самым поразительным был факт массовой народной поддержки этого беззакония как в разговорах, так и в возмущённых письмах граждан в редакции газет. Продуктов в магазинах как не было, так и не появилось. Тупая советская система в очередной раз доказала свою бесчеловечность и неспособность хоть что-то изменить к лучшему. В массовом сознании рост цен на множество товаров при Андропове был сведён на нет дешёвой водкой, которую окрестили «андроповкой». А убого мыслящий функционер Андропов, не привнёсший ничего, кроме «просвещённого» сталинизма, пятнадцать месяцев находившийся на вершине власти и не способный ни на что, кроме репрессий для поддержки обанкротившейся системы, почему-то до сего дня именуется «интеллектуалом», а один из московских проспектов носит его имя.

Книжные и архивные находки занимали мои мысли и время. Я писал о людях, живших в XVIII–XIX веках, вся жизнь которых была связана с просветительством. В разных журналах я публиковал статьи и заметки о писателе и библиотекаре Кунсткамеры Осипе Петровиче Беляеве; подвижнике науки, библиографе и библиофиле Вукле Михайловиче Ундольском; академике Петре Петровиче Пекарском, авторе двухтомного исследования «Наука и литература в России при Петре Великом» и исчезнувшего интереснейшего дневника, не найденного до сих пор. В Исторической библиотеке я ознакомился с уникальной «Коллекцией» — первой в России литературно-справочной библиотекой — и искал материалы о человеке, который её создал, историке Михаиле Дмитриевиче

Хмырове и его так и не рождённом детище «Энциклопедии русского отечествоведения». Я рассказал своим читателям о судьбе крупного русского книгоиздателя Флорентия Фёдоровича Павленкова, первого в России создателя грандиозной книжной серии «Жизнь замечательных людей». Но история библиотеки А. Д. Черткова, увлёкшая меня в 1983 году, не закончилась с публикацией статьи, а получила серьёзное продолжение.

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), бывший в молодости гвардейским офицером и участником войны 1812 года, в отставке серьёзно увлёкся историей и стал коллекционировать русские древности. Будучи очень богат, московский уездный предводитель дворянства приобрёл в 1831 году роскошный особняк на Мясницкой улице в Москве и перестроил его под собственные нужды. В этом доме находилась не только его уникальная нумизматическая коллекция, но и огромная, около 17 тысяч томов, библиотека, посвящённая познанию отечества на всех европейских языках — *Rossika*. Чертков издал два её каталога. Охотно предоставляя свои книги всем, кому они были необходимы, он превратил свой особняк в своеобразный центр культурной и научной жизни Москвы. Здесь бывали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, М. П. Погодин. После смерти Черткова его сын подарил библиотеку Москве, и Чертковская библиотека стала известна как книжными сокровищами, так и прекрасным помещением. При этой библиотеке в течение десяти лет издавался историком и литературоведом П. И. Бартеневым один из самых замечательных исторических журналов XIX века — «Русский архив». Без этого издания невозможно представить работу историка или литературоведа и в наши дни. Увлёкшись каталогами библиотеки А. Д. Черткова и его мечтой собрать всё о России, я всё больше и больше стал узнавать об этом московском доме. В библиотеках и архивах я находил интереснейшие материалы. У дома № 7 по улице Кирова (бывшей Мясницкой, которой вернули историческое название после окончания советской эпохи) оказалась богатая история, начавшаяся в середине XVII века постройкой на этом месте деревянных палат для потомков наследников хана Золотой Орды. Их, уже каменный, особняк перешёл князю Алексею Григорьевичу Долгорукову, всесильному временщику, попытавшемуся женить царя Петра II на своей дочери. Обручение состоялось,

но в день бракосочетания царь скончался от оспы, а Долгоруков с семьёй был сослан. Дом неоднократно перестраивался до того, пока не перешёл к А.Д. Черткову. Этот особняк приютил в своих стенах ряд «Обществ». Здесь встречались люди, которые составили гордость России: врачи с мировым именем Н.И. Пирогов и С.П. Боткин, архитекторы Л.Н. Бенуа, Р.И. Клейн, Ф.О. Шехтель, основатель МХАТ В.И. Немирович-Данченко и актриса А.А. Яблочкина. А в находившемся в этом же доме магазине семян Иммера А.П. Чехов заказывал клубни и семена для своего сада в Мелихове, а потом в Ялте. Пережив непростые времена конца империи, особняк оказался в центре событий в Москве после октября 1917 года. Изучая историю возникшего здесь Клуба красных директоров, я обнаружил среди его участников своего деда, Бориса Ильича Коренבלата. Так удивительным образом судьба особняка переплелась с моей жизнью, и не только благодаря моему деду. В 1932 году здесь выступал знаменитый итальянский полярный исследователь Умберто Нобиле. Репортаж об этом событии для газеты «Вечерняя Москва» сделал Александр Вениаминович Храбровицкий. Я впервые увиделся с ним, чтобы услышать его живой рассказ об этой встрече. Нас познакомил мой друг Саша Ратнер. Бывший журналист А.В. Храбровицкий стал литературоведом, лучшим специалистом по В.Г. Короленко. Уже после смерти Храбровицкого я готовил к печати и комментировал его воспоминания. Но это всё случилось уже в другую эпоху. А тогда, 18 декабря 1985 года, я сделал доклад об истории особняка для сотрудников находящегося в этом здании Дома научно-технической пропаганды имени Ф.Э. Дзержинского. Собранных материалов становилось всё больше, и мне хотелось о них рассказать. Благо дело — было где. С 1981 года в издательстве «Московский рабочий» стала выходить популярная книжная серия «Биография московского дома». Небольшие иллюстрированные книжки, рассказывающие об историях чем-то необычных домов, издавались массовым тиражом. В это издательство я обратился с предложением написать книгу, и со мной заключили договор. Так в 1989 году вышла в свет моя первая книжка «Улица Кирова, 7».

Эта моя книга неслучайно оказалась в руках Николая Сергеевича Черткова, дальнего родственника владельца особняка на Мясницкой и его уникальной библиотеки. Н.С. Чертков родился

в Париже в 1949 году. Помимо французской школы, он посещал русскую гимназию. Получив гуманитарное образование в Сорбонне, он уехал в США. Свободно владея французским, русским и английским, он работал переводчиком, а затем стал преподавателем в частной школе Нью-Йорка. Когда он получил возможность оказаться на Мясницкой улице и увидеть «памятник зодчества, охраняемый государством», то табличка, указывавшая на этот факт, уже исчезла. Дом научно-технической пропаганды был выселен. Почти двадцать лет здание разрушалось. В 1997-м дом сильно пострадал от пожара. Н. С. Чертков указывал на фотографии В. Гротте в моей книге «Улица Кирова, 7» и хотел знать, куда пропали бронзовые фигурки, прекрасная старинная мебель, замечательная люстра. То, что не тронули даже большевики, было разворовано. Дом каким-то образом сначала оказался у ЛогоВАЗа, под псевдонимом которого скрывался Б. А. Березовский, потом перешёл к московскому «Европейскому экологическому обществу». Н. С. Чертков задался фантастической, в условиях российской действительности, целью — возродить Чертковскую библиотеку, сделать этот замечательный архитектурный памятник открытым для посетителей музеем. Несмотря на выступление Н. С. Черткова в 1996 году в Государственной Думе РФ и ряд его попыток вернуть этому особняку былую славу, всё закончилось ничем. И хотя фасад здания был приведён в относительный порядок и дом обнесён ажурной оградой, которой здесь раньше никогда не было, мечта Н. С. Черткова не стала более реальной. Где-то раз в год в особняке устраивают выставки (например выставка женских шляпок). В этих замечательных старинных залах проходят также корпоративные вечеринки, фотографии которых можно посмотреть в Фейсбуке.

В 1978 году у Саши Ратнера возникла идея, которой он поделился со мной. Ещё в студенческую пору он стал серьёзно заниматься историей Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, став его первым исследователем. Этот интерес Саша логично продолжил, решив создать биобиблиографический «Словарь историков революционного движения в России». Он стал разыскивать живых свидетелей изучаемой им советской эпохи и сохранившиеся архивы, мечтая воскресить забытые имена и переосмыслить многие стереотипы нашего историческо-

го наследия. Саша заинтересовал своей работой известного историка Наталью Михайловну Пирумову. С её помощью идея была оформлена в качестве рабочей в ряде научных учреждений, а сам Саша среди научных генералов оказался под псевдонимом «и др.». Ратнером выполнялась вся основная работа — разработка словника, подготовка пробных статей, поиск авторов и вообще всё, что было необходимо для воплощения мечты в жизнь. Я был среди тех нескольких друзей Саши, которые помогали ему вести эту огромную работу. На одном из её этапов появилась отпечатанная на ротапринте тиражом 150 экземпляров книжка «Истории освободительного движения в России. Биобиблиографический словарь. Проект словника» (Сост. А. В. Ратнер / Л.: ГПБ, 1985). В ней было три неподписанных пробных статьи. Две из них, о А. А. Кункле и К. Н. Левине, написал Саша. Одну — о П. Е. Щёголеве — написал я. Вот так мне удалось поучаствовать в создании библиографической редкости.

Смерть трижды Героя социалистического труда Константина Устиновича Черненко, обогатившего теорию «марксизма-ленинизма» лозунгом «От стола — к станку», завершила «пятилетку пышных похорон». В 1985 году новым Генсеком стал сравнительно молодой, сделавший стремительную партийную карьеру функционер, не причастный к преступлениям сталинской эпохи. После окончания войны в Афганистане, поэтапного сокращения вооружений и признания общечеловеческих норм и ценностей Михаил Сергеевич Горбачёв стал весьма популярен в мире, но жителям СССР радоваться было нечему. Стартовавшее «ускорение» со всем тупым набором советских словесных штампов стремительно делало быт ещё более невыносимым. При начавшейся антиалкогольной компании очереди появились повсеместно. Магазинные полки пустели ещё больше, и вводились «талоны», которые раньше назывались «карточками», на сахар, сигареты и т. д. К борьбе за трезвость добавилась борьба с «нетрудовыми доходами», когда стало проблемой купить букет цветов или поймать машину около метро, возвращаясь ночью домой. «Перестройка», как и «гласность», была ещё впереди. Эта попытка реформировать нежизнеспособную политическую систему с неперменным рефреном «Больше социализма!» привела к «революции сверху», развивавшейся по своим законам.

Я не люблю кладбища. Эти места вечного покоя не спокойны и не вечны. Всё, что связано с похоронами, урнами в колумбарии, участками и памятниками, — прежде всего бизнес. А если не думать об этом, то на кладбищенском зрелище традиций, религиозных воззрений, политических пристрастий, тщеславия, богатства, бедности, дурного вкуса крайне редко привлекает внимание памятник, надпись или надгробие «лица необщим выраженьем». Кладбища гибли не только во время стихийных бедствий и войн, но и по решению властей. Их сносили, они оказывались в зонах затопления во время строительства электростанций или их создавали заново, руководствуясь вполне прагматичными соображениями. Множество погибших людей, особенно среди репрессированных или солдат во время боевых действий, не имеют не только собственной могилы, но и общей, когда всё же известно, кто в ней похоронен. Контрастом этому являются захоронения у Кремлёвской стены и, как апофеоз земной славы, Мавзолей. Меня, мальчишку, привела туда мама, чтобы я увидел Ленина и Сталина. Не могу сказать, что это зрелище сделало мою жизнь эмоционально богаче. Но, как оказалось, мумии в Мавзолее были не последними, которые мне пришлось увидеть. В январе 1985 года меня отправили в командировку от журнала «Сельская молодёжь» в Винницкую область. В Тульчинском районе я познакомился с заведующим музеем истории села Тимановки Иваном Алексеевичем Яремчуком, который не только показал мне достопримечательности родного села, но и отвёз в Винницу, в границу которой вошло село Вишня, где жил в своём имении с 1866 года знаменитый хирург и педагог Николай Иванович Пирогов. Там Иван Алексеевич познакомил меня с музеем, а я рассказал ему о педагогических идеях бывшего хозяина имения. А потом Яремчук повёл меня в церковь, где в крипте, в застеклённом саркофаге я, совершенно неожиданно для себя, увидел забальзамированное тело великого учёного, сохранившееся с 1882 года, несмотря на революцию, войны и всего с ними связанного. К этому человеку я относился с огромным уважением, но увидев его мумию, я не почувствовал того волнения, с каким я стою около его портрета кисти И. Е. Репина в Третьяковке.

Уже прошло около месяца после начала учебного года в 1986-м, когда моей жене позвонила её близкая подруга, Елена Подгорная, работавшая секретарём у директора школы № 45, и спросила её,

не соглашусь ли я подработать в школе. Она сказала, что внезапно ушёл учитель истории, и срочно понадобился преподаватель в старших классах. В назначенный день я пришёл на собеседование к директору Леониду Исидоровичу Мильграму. Я ничего не знал ни о нём, ни о школе. За директорским столом сидел пожилой обаятельный человек с дымящейся сигаретой. Уже не помню деталей нашей беседы, так как впоследствии мы много общались, и не только в школе. С разрешения Мильграма я тоже закурил. Мы немного поговорили об истории, детях, книгах и моих публикациях. Мой собеседник мне понравился. Он был остроумен, доброжелателен и совершенно не похож ни на одного из встреченных мною директоров школ. Когда Мильграм предложил мне работу у него совместителем, я сразу же согласился. Деньги мне были нужны, а терять было совершенно нечего. Попросят уйти после окончания учебного года — так мне не привыкать. Моя трудовая книжка лежала в ДИХС «Орлята», и два раза в неделю я вёл уроки у малышей. Продолжал я и свою журналистскую и исследовательскую работу. На следующий день после собеседования я приступил к исполнению учительских обязанностей. С первых дней я, как и всегда до этого, нашёл общий язык с детьми и преподавал историю так, как считал нужным. Я попал в английскую спецшколу, абсолютно не похожую на все, где я работал раньше. Меня сразу же поразили коллеги-учителя и администрация. Вокруг меня, как на подбор, оказались интеллигентные, доброжелательные и яркие люди, с которыми было интересно и приятно поговорить на перемене или после уроков. В дни, когда я приходил сюда на занятия, я попадал в дружескую атмосферу. Даже дети чем-то отличались от тех старшеклассников, с которыми я работал раньше. Когда учебный год завершился, я зашёл в директорский кабинет узнать, дадут ли мне какие-то часы, как совместителю, на следующий год. Ответ Мильграма меня ошеломил: «Я с удовольствием возьму вас на постоянную работу основным учителем истории. Дети от вас в восторге».

Знаменитый директор 45-й московской школы Леонид Исидорович Мильграм, родившийся в Москве в 1921 году, стал учителем случайно и не по своей воле. Его отец, профессиональный советский разведчик, был расстрелян в 1938-м. Мачеха отправила Леонида в школьный лагерь, а когда он вернулся, то

нашёл квартиру опечатанной — посадили и её. Так что детство Л. И. закончилось в 16 лет. Он подрабатывал разгрузкой вагонов в наскоро сколоченной бригаде таких же, как и он, детей врагов народа. Помогли и родители одного одноклассника, не побоявшиеся поддержать сына репрессированного. В 1939 году он сумел окончить школу и поступить на исторический факультет МГУ, но учёба была отложена на много лет. Началась Вторая мировая война, и первокурсников призвали в армию. Старшина артиллерийской батареи Мильграм воевал на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах, дойдя в 1945-м до Бреслау и получив лишь одну контузию. В 1946 году с орденом Красной Звезды и медалями он вернулся в Москву после демобилизации. Здесь его ждала любимая девушка Мирелла Пасторе, итальянка, с которой он переписывался все годы войны. Её отец, крупный деятель итальянской компартии и первый редактор газеты «Унита», уже вышел в Италии из тюрьмы и стал сенатором. Но Мирелла отказалась возвращаться с матерью на родину и вышла замуж за Мильграма. Восстановившись в МГУ, Мильграм прекрасно его закончил в 1951 году. Уже бушевала кампания борьбы с «безродным космополитизмом». Были запрещены браки советских граждан с иностранцами. Советские историки-патриоты доказывали, что родиной паровой машины, паровоза, радио, самолёта и вообще почти всего была Россия. Суть явления объяснил ещё М. Е. Салтыков-Щедрин: «Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было это приказано...» А. А. Жданов высказывал своё негодование писателям за их преклонение перед «мещанской иностранной литературой». Даже радиослушатели, с восторгом внимавшие спортивному комментатору Вадиму Синявскому, должны были радоваться, что куцые иностранные слова приобрели новое полновесное звучание: вместо «пенальти» — «одиннадцатиметровый», а «аут» превратился в «мяч вышел за боковую линию». И вот на фоне этого патриотического экстаза оказался мечтающий об исследовательской работе Леонид Мильграм, с неприемлемым пятым пунктом анкеты, репрессированным отцом и женой-итальянкой. Удивление вызывает не тот факт, что в Москве для него работы не нашлось, а то, что его отправили учительствовать не в какое-то село, а в Архангельск. Молодой обаятельный интеллектual, сочетавший академичность с юмором и иронией, Мильграм стал всеобщим любимцем.

Когда, уже после смерти Сталина, он вернулся в Москву и мог найти себе другую работу, он этого не сделал («эта сволочная штука так затягивает») и устроился учителем истории в ту школу, которую когда-то, несмотря ни на что, сумел закончить. В 1960 году он стал директором 45-й школы, которая много лет спустя превратилась в гимназию, а после смерти Мильграма стала носить его имя. В 6 утра он уже был в школе. К 6.30 приглашались родители, чью помощь в воспитании их детей он хотел получить как можно скорее, и двоечники, мечтавшие блеснуть знаниями. В 8 утра он уже стоял на крыльце, встречая учеников. Некоторым он радостно пожимал руку: «Ну, наконец-то, как давно тебя не видел...», с кого-то снимал золотые серьги: «Ты без них просто восхитительна». Длинноволосому моднику жертвовал деньги на стрижку. В течение получаса он был попеременно воплощённой приветливостью, негодующим стражем порядка, ворчливым папашей, всезнающим оракулом. Мильграм ввёл красивую ученическую форму с эмблемой школы, не ради единообразия, а только для того, чтобы материальные возможности родителей не создавали внешнего неравенства. Он считал, что естественное желание молодых людей выделиться среди всех не должно происходить за счёт ювелирных украшений или роскошного автомобиля родителей. Его ученики исчисляются тысячами, что вполне обычно для многих опытных педагогов. Но не всем им ученики пишут письма, спрашивают совета или приходят повидаться много лет спустя после окончания школы. Среди бывших учеников Мильграма немало громких имён. К примеру, журналист Артём Боровик или Наталья Седова, жена и верная помощница писателя А. И. Солженицына. Однако запоминаются не только знаменитости. Почти все выпускники остались, по любой причине, в памяти директора. В этой школе на стенах никогда не висели портреты членов Политбюро, но можно было увидеть великолепно сделанные шаржи на всех учителей и, разумеется, директора. Дети выпускали собственные газеты, ставили в школьном театре спектакли на русском и английском. Посторонние удивлялись великолепию бассейну и тренажёрному залу. Но для тех, кто в этой школе работал или учился, гораздо важнее было другое: как в советские, так и в постсоветские времена здесь существовала совершенно особая атмосфера, естественная, как дыхание. Определить её можно одним словом — свобода.

Мильграм был артистичен, неподражаем и великолепен в каждом жесте. Однажды в школе я плохо себя почувствовал. Вероятно, просто не тем позавтракал. Выглядел я и впрямь неважно, сильно побледнел. Кто-то возьми и скажи, а не с сердцем ли у меня что. В это время рядом оказался Мильграм. Он взглянул на меня, сказал, что на урок мне идти не надо, он сейчас же отвезёт меня домой. Я попросил его не беспокоиться и стал объяснять, что с сердцем у меня всё в порядке, а в метро мне будет вполне комфортно. Но когда я вышел из школы, Мильграм уже сидел в своём жигулёнке с распахнутой для меня дверью: «Садись быстро и не спорь со мной». Мы поехали. «Я позвонил твоей Лене, — сказал он, — и попросил, чтобы она нас встретила у подъезда». Когда мы подъехали, Лена подошла к машине, а Мильграм, открыв окно, сказал моей жене с присущей ему непринуждённостью: «Забирайте своё старьё».

Конечно, предложение Мильграма войти в штат его постоянных сотрудников было лестным и заманчивым, но я от него отказался. Работа совместителя давала мне возможность сохранять независимость. Я всё ещё никак не мог поверить, что смогу без неприятных последствий работать у Мильграма так же свободно, как я отработал этот, свой первый у него, учебный год. Ещё несколько лет я трудился совместителем, и каждый год Мильграм предлагал мне перестать артачиться и перейти к нему, чтобы работать в 45-й не время от времени, а постоянно. Чем больше я узнавал эту школу и её директора, тем больше мне там нравилось. Мильграм, конечно же, своего добился. В этой школе я проработал до завершения своей учительской деятельности в 2008 году.

Вот ещё один сюжет, связанный с Мильграмом. С 2007 по 2014 год выходила в свет «Московская энциклопедия» под редакцией С. О. Шмидта, к слову, друга Мильграма. Её первый том «Лица Москвы» рассказывает о замечательных людях Москвы. Необычность этого 1-го тома заключается в том, что он издан в шести объёмных книгах. Второй том, где планировалось дать информацию об истории, культуре, городском хозяйстве и прочем, не был создан. Для этой энциклопедии я написал статьи об историке А. В. Ратнере, литературоведе А. В. Храбровицком, библиографе Н. М. Ченцове, историке и писателе Н. Я. Эйдельмане.

Герой статьи обязательно должен был иметь две даты: рождения и смерти.

Когда была опубликована пятая книга, редакцией было принято решение издать ещё одну, в которую решили включить те биографии, которые по разным причинам не вошли в первые пять. Я предложил написать статью о Мильграме, умершем 17 июня 2011 года. Предложение было принято, статья написана и отдана в редакцию. К несчастью, во время подготовки этой книги мой редактор, Евгений Владимирович Михайлов-Длугопольский, оказался в больнице. Без него, по неизвестной мне причине, эта статья в печать не пошла, хоть и попала в электронное издание.

Уникальность этой энциклопедии состоит ещё и в том, что, кроме первых книг, в свободной продаже издание никогда не было, и все книги имеются лишь у счастливых обладателей и в библиотеках. Электронные версии её сейчас недоступны.

Так и не попал почётный гражданин Москвы Л. И. Мильграм в эту энциклопедию. Я публикую написанную мною статью для этого издания здесь.

МИЛЬГРАМ Леонид Исидорович (1921, М. — 2011, М.), директор гимназии № 45. Род. в семье Исидора Вольфовича М., большевика с 1916, одного из первых советских разведчиков, впоследствии учёного секретаря Института экономики АН СССР. В 1938 отец М. был расстрелян (реабилитирован в 1956). В 1939 М. окончил школу, подрабатывая разгрузкой вагонов в бригаде из 13 юношей его выпуска, чьи родители были репрессированы. Поступил на ист. ф-т МГУ. В 1939, с началом Второй мировой войны ушёл в армию добровольцем. Прошёл всю Отечественную войну в составе 40-го артиллерийского дивизиона. Воевал на Западном, Ленинградском и 1-м Украинском фронтах. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др. наградами. Закончил войну сержантом в г. Бреслау (ныне Вроцлав). В 1943 вступил в ВКП(б), из к-рой вышел вслед за Б. Н. Ельциным в 1990. В 1946 после демобилизации вернулся в М. и женился на Мирелле Пасторе, дочери редактора итальянской коммунистической газеты «Унита», впоследствии сенатора. В 1951 закончил МГУ. Как сын «врага народа» и еврей, не получил работы в М. и стал учителем истории в Архангельске. После смерти Сталина вернулся в М. и работал учителем в школе, к-рую закончил. В 1959 та-

лантливый преподаватель был приглашён на должность завуча, а в 1960 стал директором школы № 45. За 42 года работы в этой должности М. сделал её одной из лучших моск. школ, где жёсткая дисциплина не противоречила духу свободы. Яркий педагогический состав, подобранный М., уважительное отношение к учащимся, нестандартные приёмы обучения и воспитания позволили выпускникам успешно поступать в лучшие вузы страны. В этой спецшколе с преподаванием ряда предметов на английском языке есть бассейн и два спортзала, компьютерные классы и лингафонные кабинеты, музыкальная студия, где записываются сочинённые детьми песни, несколько школьных газет и театр, в к-ром ставят спектакли на русском и английском языках. Есть детская организация «Остров сокровищ», где под руководством учителей дети по своему желанию проводят свободное время. Участие в Международном бакалавриате даёт право выпускникам без экзамена поступать в престижные учебные заведения любой страны, если она является членом этой организации. М. — Народный учитель СССР и Почётный гражданин города Москвы (2001). В 2001 звезда в созвездии Большой Медведицы стала носить имя Леонида М. В 2002 М. по состоянию здоровья ушёл на пенсию. До конца жизни его дом был полон коллегами и учениками. В 2012 гимназии № 45 присвоено имя М.

Жил на Тверской ул., 10, и Тверской ул., 12 (в детстве); ул. Строителей, 6, корп. 7. Похоронен на Новом Донском кладбище. Памятник скульптора Георгия Франгуляна.

Лит.: Леонид Исидорович Мильграм // Почётные граждане города Москвы. Приложение к «Московскому журналу. История государства Российского». — Вып. 4. 2010.; Звезда по имени Мильграм (сост. Е.Я. Подгорная, К.М. Литвина). — М.: Просвещение, 2011.

К началу 1987 года горбачёвское «ускорение» потерпело фиаско. Падение цен на нефть и катастрофа в Чернобыле вынудили Горбачёва и его соратников не просто скорректировать прежний курс, а попытаться реформировать систему, разумеется, под социалистическими лозунгами. Так родилась «перестройка» в большой политике. Я с ней столкнулся на практике, когда весной 1987 года в журнале «Советская библиография» появился новый главный редактор, сравнительно молодой и энергичный

Эдвин Саркисович Нуриджанов, решивший в духе новых партийных веяний ориентироваться не только на профессионалов-библиографов, но и создать журнал для интеллектуального читателя. Саше Ратнеру и мне эта идея была близка. В отличие от Глухова, Нуриджанов не страдал чрезмерной осторожностью, всегда был готов выслушать любое мнение и стремился к тому, чтобы журнал поддерживал демократические ценности в непростое перестроечное время.

В самом конце XX века я получил от писателя Юрия Владимировича Давыдова открытку, настоящую, с почтовыми штемпелями и марками. Он тепло благодарил меня за письмо, где я высказался о первой книге его романа «Бестселлер», напечатанной издательством «Новое литературное обозрение». Вот как давно это было. Никаких e-mail. Помнится, как позже, на мой вопрос, не собирается ли он переходить от пишущей машинки к компьютеру, он замахал на меня двумя руками сразу. «Что вы, что вы...». На его лице читался весь ужас перед этой возможностью. С Юрием Владимировичем меня познакомил в 1987 году Саша Ратнер. Давыдов пригласил нас к себе домой. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню этот дом 12 на Малой Бронной и на четвёртом этаже квартиру 46, дверь которой распахнул для нас её хозяин. Я хорошо знал написанные им книги о народовольцах, слышал о его архивных разысканиях, дружбе с литературоведом А.В. Храбровицким и о пережитых им пяти годах сталинских лагерей. Оказался он человеком компанейским и открытым. Разговорившись с ним о его книге «Неунывающий Теодор», повествующей о просветителе и путешественнике XVIII века Фёдоре Каржавине, я вспомнил, что Юрий Владимирович написал в ней и о его товарище, вольнодумце Фёдоре Кречетове, воспользовавшись одной моей старой публикацией. «Да, да. Я помню. О Кречетове и школьнике, который смог прочесть его зашифрованные бумаги, написал какой-то учитель истории». Саша Ратнер указал на меня: «Вот он, этот учитель». Так, увидевшись впервые, мы были уже известны друг другу. Мы сидели за столом и разговаривали, касаясь многих тем. Давыдов говорил просто, несколькими убедительными штрихами характеризуя суть событий. Историю он не только великолепно знал, но и чувствовал, как художник. Он в ней жил со своими героями и вместе с ними искал выход из безвыходной ситуации,

созданной безграничной и неконтролируемой властью. Об архивах и собственных находках Давыдов рассказывал с нескрываемым увлечением. Была в нём какая-то независимость и притягательность. Мне запомнились некоторые его высказывания об исторической неоднозначности: «Взять Петра I с его загубленными мужицкими душами при строительстве Петербурга. Но великий поэт говорит: „Красуйся, град Петров“. Аракчеев построил дорогу, причём на общественном подряде, заплатив полмиллиона рублей. Не кнутами, не бичом. Выходит, Аракчеев был более гуманный человек, чем Пётр Великий? Но — аракчеевщина!». Он говорил о своей любви к работам историков восторженно. «Ключевский — это блеск. В его сочинениях, как в шампанском, играют пузырьки». «Тарле включал психологический портрет, внешний облик, то, от чего отучили наших историков: дескать, это не входит в научную сферу. В эпоху «борьбы с космополитизмом» не нашли ничего лучшего, как обвинить Тарле в том, что он написал, что полковник такой-то с присущим ему французским остроумием сказал то-то. Мы жили тогда в эпоху, когда всякий болван мог сказать: «Как это такое?! Остроумие не может быть присуще другой нации».

Рассказывая о сложностях при работе с архивами XIX века, он говорил о том, что архивы полиции охраняются с удивительным рвением, особенно не любят открывать документы, где указывается, кто был провокатором, кто агентом... Мы ушли от Давыдова очень поздно. А у Саши появилась мысль об интервью с ним для журнала «Советская библиография», что он мне и предложил сделать. Ратнер взял на себя составление библиографии писателя. Эта публикация появилась в первом номере 1988 года. Я не могу похвастаться близкой дружбой с этим замечательным писателем и человеком. Но смерть Давыдова в 2002 году была для меня большим горем. Его книги с дарственными надписями стоят у меня на полке. Время от времени я снова могу вспомнить его азартный, увлечённый голос, открыть любую из его книг на любой странице и зачитаться.

В восьмидесятых годах прошлого века я, на самом деле опрометчиво, думал, что если все люди смогут читать те же книги, которые имел счастье читать в самиздате и «тамиздате» я, то жизнь в стране изменится пусть не быстро, но кардинально. Я был уверен, что без цензуры, спецхранов библиотек и при свободе печати

порочная советская система существовать не сможет. Тема, которой я загорелся, носилась в воздухе. То, что я написал статью о спецхранах библиотек первым, конечно, случайность. Но то, что я взялся за исследование этого вопроса, случайностью не было. Я тогда ещё очень многого не знал, но, будучи историком, правильно сформулировал вопросы и рассказал всё, что тогда смог выяснить об истории и деятельности отделов специального хранения и сложившейся в течение десятилетий системе репрессий печатного слова. Первым моим читателем, как и всегда, была моя Лена. Я всегда доверял её безошибочному вкусу и не публиковал ни одной строки, пока она не говорила мне своё «теперь нормально». Удачное название — «Совершенно несекретно» — тоже придумала она. Эта статья открыла шестой номер «Советской библиографии» за 1988 год, и я не могу пожаловаться, что она прошла незамеченной. При молчании чиновников советской цензуры — Главлита — и главной библиотеки страны — ГБЛ (Ленинки), буржуазная пресса действовала оперативно. Московский корреспондент итальянской газеты «Стампа» сразу же взял у меня интервью.² Вслед за этим в редакцию пришла просьба из эстонской газеты «Ноорте Хяэль» («Голос молодых») разрешить небольшие сокращения, чтобы перепечатать мою статью. Так я увидел мой текст на эстонском.³ Это уже не говоря об обсуждении статьи на страницах «СБ» и ссылок на неё специалистов в последующих исследованиях на эту тему.

В марте 1989 года в Москву из Мюнхена на месяц прилетел знаменитый писатель Владимир Николаевич Войнович, лишённый по указу Л.И. Брежнева советского гражданства и недавно получивший паспорт ФРГ. Я любил его книги, как напечатанные в СССР, так и ходившие в самиздате. Читал я и изданные на Западе его очерки «Антисоветский Советский Союз» и «Иванькиаду». И вот такая жизненная удача! Редакция «СБ», которую олицетворял Нуриджанов, поручила мне взять у В.Н. Войновича интервью для журнала. У кого-то из моих знакомых оказался телефон сына Войновича, Павла. Я позвонил ему и попросил его помочь мне встретиться с отцом. Это, конечно, оказалось очень непросто. Войнович

² См.: Интервью с Анатолием Шикманом, автором исследования о советском индексе запрещённых книг. В СССР времён перестройки некоторые книги всё ещё запрещены // La Stampa. — 18.02.1989. Tuttolibri. — Р. 4.

³ Mitte midagi salajast // Noorte Haal. — № 52, 53, 54. — 3, 4, 5. 03. 1989.

выступил по телевидению и его приглашали в различные творческие клубы. На одной из таких встреч мне удалось побывать. Во дворе «Центрального Дома Учёных» на Кропоткинской встретились Саша Ратнер, моя Лена, я и Павел Войнович, который дал нам пригласительные билеты. В.Н. Войнович прекрасно говорил, прочёл отрывок из «Шапки», и вечер прошёл чудесно. Но я мечтал получить ответы Войновича на мои вопросы. Благодаря Павлу, встреча всё-таки состоялась. 7 апреля Владимир Николаевич дал мне интервью и очень переживал, что у него нет ни одной его книги, и он ничего не может мне подарить, кроме машинописной копии стенограммы заседания бюро объединения прозы московской писательской организации, на котором его исключили из Союза писателей. Эта копия с его дарственной надписью у меня сохранилась. Помимо интервью и краткой библиографии писателя, редакция «СБ» хотела напечатать что-то из его произведений. Войнович предложил «Открытое письмо председателю ВААП тов. Б.Д. Панкину», «Письмо министру связи», «Нулевое решение» и предисловие из «Иванькиады». Но последней книги, изданной «Ардисом» в 1976 году, ни у меня, ни у Владимира Николаевича не было. Он предложил мне поехать с ним к его близкому другу Сарнову, чтобы переписать этот текст. В то время я, к моему стыду, ещё не имел понятия, кто такой Бенедикт Михайлович Сарнов. Я сидел в его кабинете и переписывал нужные мне страницы. Позже, читая блистательно написанные им книги — «Сталин и писатели», «Случай Зощенко», «Случай Эренбурга», «Скуки не было», «Феномен Солженицына» и другие, на которые торопился написать восторженные рецензии, я не раз жалел, что не знал, в квартире какого удивительного человека и литературоведа я оказался. Тогда всё моё внимание было приковано к Войновичу, который безусловно того заслуживал. В Википедии есть статья о Владимире Николаевиче Войновиче, где в литературе о писателе я с удовлетворением увидел первые строчки: «Произведения Владимира Войновича: Библиографический список // Советская библиография. — 1989. — № 4. — С. 55». «А вы знаете, какой он? Интервью с В. Войновичем // Советская библиография. — 1989. — № 4. — С. 43–55».

Летом 1989-го в издательстве «Просвещение» завершалась работа над изданием моей книги «Обелиск в Александровском саду. Жизнь великих социалистов». Заведующий редакцией истории

Александр Иванович Самсонов предложил мне написать «Школьный исторический словарь» объёмом 36 авторских листов. Мне, как учителю, причина была очевидна. До сих пор исторической основой существовавших учебников и методичек по отечественной истории, хотя в этом никто и не признавался, был слегка подретушированный сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». В связи с перестройкой из небытия появились имена, которые много лет никто не вспоминал без устоявшихся негативных определений, а многие выдающиеся люди советской эпохи стали восприниматься иначе обществом, получившим ранее неизвестную информацию. Зияющие пустоты, искажающие исторический контекст, вызвали в образованной части общества недоумённые вопросы и протесты. Существовала настоятельная потребность в появлении современного биографического справочника. Насколько поставленная задача была сложна, свидетельствовал даже тот факт, что исторических биографических словарей в советской издательской практике не существовало. Чтобы заключить договор, мне было необходимо представить в редакцию словник. Осознав масштаб работы, я пришёл к Саше Ратнеру и пригласил его в соавторы. После того как я выписал на карточки имена, взятые из Советской исторической энциклопедии, которых набралось около тысячи, мы стали сортировать их по темам, учитывая школьную программу, отбрасывая второстепенные персонажи, часто по одной лишь причине отсутствия места. Мы прикинули, что в предложенный издательством объём словаря может уместиться около 700 биографий. К тому же было необходимо написать о тех, чьи биографии в былое время не могли появиться по цензурным и политическим причинам, вроде Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, А.А. Власова и многих иных. Этот словарь должен был появиться в СССР, а значит, в нём нужно было найти место национальным деятелям. И ещё требовалось представить биографии деятелей науки, культуры, литературы. При этом обо всех этих людях надо было написать, по возможности, «живо и интересно». Мы составили первый вариант словника. К нему мы написали короткий план-проспект издания, в котором объяснили, что сделали определённый перевес в пользу политических деятелей, так как они являются главными субъектами гражданской истории. Обосновали отсутствие имён национальных деятелей народов России и объяснили причины краткости списка деятелей

культуры, науки, литературы. Все наши материалы были даны на рецензию специалистам. В этих рецензиях, как водится, были конструктивные замечания, ценные дополнения и советы, часть которых мы приняли, а от других отказались по невозможности исполнения. Представленный словник мы рассматривали не как догму, а как руководство к действию, предполагая неизбежные коррективы при работе над словарём. Но время шло, словник и его объём никак не одобрялся руководством издательства, нас просили написать введение к словарю, которое, на наш взгляд, могло быть написано лишь при завершении работы над изданием, когда будут расставлены все точки над «і». А потом Саша заболел, и нам потребовалось срочно доделывать те работы, которые уже были начаты. Словарь мне пришлось писать одному. Саша Ратнер умер в 1991-м, а мой договор с издательством был заключён в 1993 году.

В 1990 году я предложил ввести дополнительно новый школьный предмет в 45-й школе — философию истории. Я пришёл к Леониду Исидоровичу Мильграму и без всяких бумажек объяснил, чем я собираюсь заниматься со старшеклассниками и зачем это нужно. Никаких административных сложностей и «согласований» с введением этой дисциплины в сетку часов не было. Я просто получил от Мильграма карт-бланш. Через два года в «Учительской газете» я написал статью «Уроки истории: философия предмета, или Вечно меняющееся полузнание» (1.12.1992), а в 2000 году в издательстве «Московский лицей» была напечатана моя книга «Открытие истории» с программой факультативного курса и с серией рассказов об исторической науке. Эту книгу до издательства, как всегда, читала моя жена, а потом Мильграм, которому не пришлось сожалеть о данном мне разрешении. Я не выдумывал велосипед. Множество учёных задолго до моего рождения задавались вопросами, которые актуальны всегда и на которые — я проверял — редко отвечают верно не только ученики, но и учителя. Что такое история, как она создаётся, для чего она нужна, может ли историк быть честен, почему историю обязательно переписывают, учит ли история, и ряд других, на которые я находил и давал ответ. Моя задача была сделать все эти вопросы и ответы на них понятными для школьников. Ни я, ни администрация школы никого не заставляли посещать эти занятия. Все, слушавшие этот курс, приходили на

уроки только по желанию. Для обычных школ и их учащихся моя фраза прозвучит удивительно, но в 45-й ученики могли делать свой выбор из ряда определённых предметов и учителей.

В стране действительно происходили перемены, сделавшие реальным то, о чём раньше и помыслить было невозможно. Именно в это время стали издавать авторов, чьи имена если и употреблялись раньше, то лишь с ругательными эпитетами: Солженицина, Конквеста, Авторханова и других, за чтение книг которых совсем ещё недавно люди получали реальные сроки заключения. Нереальным казалось и то, что я сидел более трёх часов в просторном кабинете члена коллегии Главлита СССР Владимира Алексеевича Солодина, получив возможность побеседовать с этим умным и преданным своему делу чиновником. Главлит — это Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР, а если коротко — советская цензура. В опубликованной мною статье «Презумпция разрешённости» («СБ», № 1, 1990) я рассказал как об этой встрече, так и о том, что ей предшествовало, продолжив тему спецхранов библиотек. Именно во время этой беседы Солодин неосторожно произнёс фразу, которую я записал и которую не раз цитировали авторы материалов о советской цензуре: «Цензура не загубила ни одного по-настоящему талантливого произведения». Дело даже не в том, что эти слова несложно опровергнуть, что было сделано не раз. Меня поразило то, что Солодин попытался объяснить необходимость цензуры наличием в нашей стране большого общества. Конечно, в уродливом советском обществе ненормальность была нормой жизни, и одной из причин этого как раз и являлась деятельность цензуры. Вера в то, что в стране должны быть люди, которые лучше всех остальных понимают и решают, что можно и что нельзя читать или смотреть, сидит не только в начальственных головах. Большинство населения страны было уверено, и в наши дни думает так же, что если каждый сможет говорить, что он думает, то порядка в стране не будет. И вот ведь (что чрезвычайно характерно и показательно) — те, кто радовался наступившей свободе, были совсем не уверены, что произошедшие перемены носят необратимый характер. Уже в конце советской эпохи старший научный сотрудник ГБЛ А.И. Рейтблат подарил мне экземпляр «Независимой газеты» от 5 мая 1991 года с опубликованными им

секретными документами под названием: «Как нас отучали думать. К истории Спецхрана — в день печати» с такой дарственной надписью: «Во времена (недолгие?), когда об этом можно писать! Может быть, когда-нибудь этот номер окажется там же. От публикатора 30.V.91».

Я познакомился с Натаном Яковлевичем Эйдельманом в 1987 году. На моей книжной полке стояли почти все его книги, и я не раз пользовался ими при подготовке к урокам. Его «Лунин», «Грань веков», «Твой девятнадцатый век», «Последний летописец» были в числе любимых. Мне была хорошо известна его работа текстолога, комментатора, архивиста, введшего в научный оборот ценнейшие материалы XVIII и XIX веков. Я не раз слышал его публичные лекции, когда его стремительная, взрывная, яркая речь с трудом поспевала за мыслями, образами и ассоциациями. Мне рассказывали о нём люди, близко с ним общавшиеся, но встретиться с глазу на глаз и поговорить довелось только после того, как Саша Ратнер предложил мне сделать с ним интервью. Тогда к его книгам в моей библиотеке добавилась новая работа «Пушкин: Из биографии и творчества» (М.: Худлит, 1987) с инскриптом «Милому Анатолию Павловичу — вместо эпилога к „интервью“ — душевно — 31 (19)*в XIX в./X 1987 г.». Материал был подготовлен, но по какой-то причине в очередной номер журнала не пошёл. Я часто встречал Натана Яковлевича в Ленинке, мы говорили о его планах, и я предложил дополнить интервью рассказом о его предстоящих поездках в Италию и Швейцарию и о работе в американских архивах. Эйдельман не возражал. Его скоропостижная смерть 29 ноября 1989 года поменяла всё задуманное. Ратнер посоветовал мне подготовить публикацию об Эйдельмане, включающую в себя взятое мной интервью, дополненное интересными документами и материалами, позволявшими сделать злободневный текст — «Поучиться у истории. Неоконченное интервью с отступлениями», который Э.С. Нуриджанов с удовольствием напечатал в «СБ» (1990, № 3).

Саша Ратнер всё чаще нуждался в помощи. Болезнь, о начале которой он сказал мне, как о чём-то не очень важном, вместе с радостным сообщением, что он навсегда бросил курить, к несчастью, становилась всё серьезнее. Он плохо выглядел, сильно похудел.

В его последнее лето я приезжал к нему на съёмную дачу в Вятках по Казанской ж/д. Он сидел, обложенный заполненными библиографическими карточками, письмами, которые требовали ответа, присланными ему рукописями со статьями об историках русского освободительного движения, требовавшими прочтения, отзыва или правки. Я ему помогал в его работе над словарём и в приведении в порядок материалов для биобиблиографии Н. Я. Эйдельмана — выдающегося историка, чья внезапная смерть так поразила Сашу, что он взялся за этот труд. Осознавая, что у него не оставалось времени и сил неспешно заниматься этим делом, не терпящим суеты, сознавая возможные пропуски или ошибки, он скромно назвал свой труд «Библиографическими материалами к портрету историка». Первоначально эту работу предполагалось напечатать в «Советской библиографии», а когда выяснилось, что большой объём этого не позволяет, появилась другая возможность. Наталья Евгеньевна Петряева, дочь врача и кировского учёного-краеведа, известного писателя-библиофила, находившаяся с Сашей в дружеской и деловой переписке, предложила отредактировать и издать книжку хоть и не типографским способом, а на множительном аппарате, но всё же неплохим для библиографического указателя тиражом — 250 экземпляров. Саша радостно согласился. Эта работа «Натан Яковлевич Эйдельман: Библиографические материалы к портрету историка» (составитель А. В. Ратнер. — Вятка, 1991) вышла в свет уже после Сашиной смерти. Сегодня эта книжечка, ставшая основой последующих библиографических работ об Н. Я. Эйдельмане, оцифрована и доступна в интернете.

Последние полтора года жизни у Саши Ратнера было множество дел, с которыми он отчаянно пытался справиться. После смерти А. В. Храбровицкого Саша должен был передать остатки его архива в Отдел рукописей ГБЛ, что из-за болезни он так и не успел сделать, и тщетно пытался найти издателя его мемуаров. Хотя Нуриджанов ввёл для Саши льготный режим, и он мог появляться в редакции только в случае крайней необходимости, журнальная работа всё равно требовала сил, внимания и времени. Были у него и собственные статьи, которые он торопился закончить. Саша умер 10 декабря 1991 года. Статью «В контексте времени и среды» (Памяти А. В. Ратнера 1948–1991) (СБ — 1992. — № 2) я закончил так: «Многое ему не удалось завершить, многое — даже начать. Незадолго до конца он с грустью говорил, что уже

не успеет, не сможет написать свою книгу. Но мне кажется, Ратнер её написал. Это его дневники и письма — контекст его времени и среды. И они ждут своего издателя». На эту публикацию быстро откликнулись из Вятки. Я подготовил к печати Сашины дневники и подборку писем, попросил людей, близко его знавших, написать воспоминания. В 1993 году в Кирове, стараниями знавшей Ратнера и его труды руководительницы клуба «Вятские книголюбы» Натальи Евгеньевны Петряевой и спонсировавшего издание краеведа Александра Львовича Рашковского, вышел в свет, отпечатанный на множительном аппарате тиражом 20 экземпляров, сборник «Александр Владимирович Ратнер. Дневники. Письма. Воспоминания» (составитель А.П. Шикман. — Вятка, 1993). Книга была передана в ряд крупных библиотек Москвы и Петербурга и даже удостоилась благожелательной рецензии в «Новом литературном обозрении» (1994, № 8, с. 346–347), но известности из-за мизерного тиража не получила. К счастью, эта первая попытка не оказалась последней, но об этом позже.

Каким-то образом люди, сыгравшие большую роль в моей жизни, оказались связаны друг с другом. Вскоре после смерти Саши мне позвонил знаменитый историк Сигурд Оттович Шмидт и попросил написать некролог Ратнеру для «Археографического ежегодника». Я знал, что Саша со Шмидтом переписывался, но этот звонок был для меня совершенно неожиданным. В назначенный день в редакции, в комнате, наполненной книгами, журналами и кипами машинописных страниц, Сигурд Оттович сказал мне, что такие бескорыстные труженики, каким был Саша, заслуживают памяти, и хотя «Археографический ежегодник» за 1991 год должен выйти в свет ещё не скоро, пусть некролог о Ратнере, члене Археографической комиссии, непременно появится.⁴ В следующий раз я случайно встретил Шмидта в кабинете Мильграма. Выяснилось, что Леонид Исидорович подружился с ним ещё в свои студенческие годы и оставался дружен всю жизнь. Сигурда Оттовича я встречал время от времени: в 45-й школе и на праздновании девяностолетия Леонида Исидоровича, на книжных ярмарках и в Историко-архивном институте, куда я приезжал по

⁴ См.: Александр Владимирович Ратнер (1948–1991) // Археографический ежегодник за 1991 год. — М.: Наука, — 1994. — С. 343.

своим делам. С. О. Шмидт, всегда чем-то увлечённый, необыкновенный собеседник и лектор, на редкость простой в общении и, кажется, знавший лично не только всех своих известных современников, но и множество исторических персонажей, был одним из самых необыкновенных людей, которых я знал.

Однажды я принёс домой маленького игрушечного серенького барашка с мордой, похожей на человеческое лицо. Моя Елена назвала игрушку «Коммунизм с человеческим лицом». Эта фраза родилась в 1968 году, когда в Праге попытались провести реформы системы, которая реформам не поддаётся. В Прагу были отправлены советские танки. Коммунизма с человеческим лицом не бывает. Во времена Михаила Горбачёва, который хотел реформировать социализм, я брал барашка на уроки и, оценивая горбачёвскую политику, говорил детям: «Мы с коммунизмом с человеческим лицом считаем сегодняшнюю политику бесперспективной». Или «мы с коммунизмом с человеческим лицом считаем, что зачёт вам надо пересдать». Попытка государственного переворота 19 августа 1991 года, предпринятая рядом высших руководителей страны, обнародовавших заявление образованного ими Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) о неспособности М. С. Горбачёва исполнять обязанности президента по болезни, занимала всеобщее внимание. В Москве появились танки, и были отданы приказы об аресте Б. Н. Ельцина и видных демократических лидеров. Но расправа путчистов с неугодными руководителями страны не состоялась. «Лебединое озеро» по советскому телевизору транслировали недолго. Путч провалился в несколько дней и стал первым шагом к распаду СССР и краху КПСС. На фоне начавшихся радикальных преобразований, когда газеты, радио и телевидение превратились в увлекательнейший источник информации, а жизнь обещала так много нового и необыкновенного, декларация о прекращении существования СССР 26 декабря 1991 года не воспринималась многими как судьбоносное событие. В этот обычный рабочий день в жизни новой России крушение «Союза нерушимого» заšloялось более значительными и конкретными вопросами.

Введение при Ельцине рыночных отношений и частной собственности воспринималось большинством как ограбление народа. Всех занимал вопрос: а откуда взялся миллион вот у этого?

Ясное дело — украл. Государство — это мы. Значит, украл у нас. Простейшая мысль, что ни у кого из «ограбленных» не было в собственности нефти и газа, заводов и фабрик, магазинов и земли и они никогда не распоряжались ни одним государственным рублём, им в голову не приходила. Даже квартиры, в которых они жили, принадлежали государству (они в них были только «прописаны»). Правда, деньги, которые были у бывших советских граждан, обесценились. Но, во-первых, такое уже случалось. Достаточно вспомнить добровольно-принудительные советские займы (две-три зарплаты в год) или откровенно конфискационную денежную реформу 1947 года. Во-вторых, деньгами они считались только по привычке. Дело было не только в том, что к концу советского периода отечественной истории на них почти ничего нельзя было купить, и в лучшие советские времена деньгами они назывались весьма условно, о чём свидетельствовал общеупотребительный термин «достать», а не «купить». В разное время существовали карточки, талоны, пайки, заказы, чеки или сертификаты для специальных магазинов, вроде «Берёзки», где немногочисленные советские граждане могли купить многое из того, что сегодня продаётся всем и всюду.

Нынешние коммунисты не хотят признавать, что за время их абсолютной власти несчитанные миллионы граждан были уничтожены ради утопии по причине бездарности, но всевластия руководства или вполне реальных интересов отдельных особей. Советские люди были лишены нормальной жизни ради безудержной и проигранной гонки вооружений. Они не получили никакой радости от ухнувших в пустоту астрономических сумм для поддержки самых реакционных режимов во всём мире. Итог существования нежизнеспособной экономики: абсолютно пустые прилавки советских магазинов, обесцененный советский рубль, развал советской империи. Но по сей день многие россияне искренне верят, что все неурядицы нашей сегодняшней жизни начались из-за реформ Ельцина и Гайдара.

Изменения, происходящие в стране, были очевидны не только для её граждан. Российские события стали интересны даже тем, кто в России раньше никогда не бывал. Так, в 45-ю школу приехал американский журналист Джастин Берк, который разговаривал с Мильграмом, со мной и с моими учениками, сидел у ме-

ня на уроке. Он приезжал ко мне домой, где удивлялся величине домашней библиотеки и пытался понять, каким образом я выживаю на мою скудную зарплату. В написанной им статье «В Москве настало время для Мэвериков⁵» для газеты «Крисчен Сайенс Монитор»⁶ он, как это делают почти все газетчики, перепутал стороны света, поместив школу «на юго-востоке», хотя она находится на юго-западе Москвы. Но зато журналист сумел понять и почувствовать теплоту и оживлённость окружавшей его атмосферы, волнение, энтузиазм и ещё ту свободу, с которой беседовали на уроке учитель и ученики. Он написал большую для газеты статью, где достаточно подробно рассказал обо всём, чему был свидетелем. Перебирая собственный архив, интересно видеть на газетной фотографии почти тридцатилетней давности себя на фоне переполненных книжных полок домашней библиотеки, большей частью распроданной и раздаренной, в московской квартире, где уже давно живут чужие люди.

Летом 1992 года я впервые в жизни пересёк границу нашего отечества. Это совершенно невероятное для меня событие могло произойти только благодаря Л.И. Мильграму. Вероятно, сегоднешнему читателю нужно объяснить, что поездка за границу в советские времена являлась знаком доверия власти и наградой за хорошее поведение. Сначала необходимо было заслужить доверие, посетив социалистические страны, и лишь потом можно было надеяться встретиться лицом к лицу с «проклятым капитализмом». Биографии кандидатов, подтверждённые многочисленными документами, справками, подписями, печатями тщательно изучались на разном уровне. И, наконец, после собеседования с идиотскими вопросами вроде того, кто являлся секретарём компартии той страны, куда вы собрались, принималось решение, достойны ли вы такого доверия. Поэтому моя семья предпочитала ездить отдыхать в ещё советскую Эстонию. Но пришли фантастические времена, когда путешествие за границу для меня стало реальностью. Группа учителей, в которой находился и я, отправилась на автобусе в Нидерланды. Там нас ожидали голландские

⁵ В буквальном смысле (исторически) — свободный скотовод (от фамилии Maverick); в переносном — независимый человек.

⁶ Justin Burk. Moscow Maverick's Time Arrives // The Christian Sciens Monitor. — 1992. — February 3. — P. 14.

коллеги, по чьим домам нас заблаговременно распределили. Проезжая Берлин, уже не разделённый Берлинской стеной, мы получили возможность немного погулять, подышать наступившей здесь свободой и пройти под Бранденбургскими воротами, где фланировали немцы и туристы из разных стран. Сама атмосфера здесь была праздничной, хотя вечер был вполне обычный. В Голландии нас всех очень тепло встретили, а если учесть, что в Москве в это время продуктового изобилия не наблюдалось, то застольное великолепие поражало особо. Мне, как всегда, повезло, и я оказался в доме у Кати Суваал, которая неплохо говорила по-русски, потому что её мама попала в Нидерланды из СССР во время войны и на этом языке разговаривала с дочерью. Вечерами, когда я возвращался в дом, я мог поговорить с ней и поделиться впечатлениями. Небольшое ухоженное и уютное королевство открылось своими музеями, непривычной архитектурой, новым бытом. Позже я получил возможность объездить Нидерланды с женой и дочерью вдоль и поперёк и хорошо узнать страну. Но в этот первый мой приезд сюда меня поразило всё: каналы, окаймлённые старинными домами, велосипедисты, незанавешенные вечером освещённые окна и вся яркая, какая-то ежедневно праздничная жизнь. Я очень много увидел и был счастлив привезти подарки Елене и Марине.

Летом 1993 года после моей доработки и переработки словника, при ряде спорных имён и требований, включая название будущей книги, издательство «Просвещение» всё же решило заключить со мной издательский договор. Я приступил к увлекательной работе, требовавшей массы времени. У меня сложились замечательные отношения с сотрудниками учительского зала Исторической библиотеки. При обычном библиотечном обслуживании мне было бы нужно тратить месяцы только на то, чтобы заполнить требования, заказать интересующие меня издания, ожидать их часами или получать отказы с объяснением причин, помимо основной работы: просмотреть, прочесть, сделать выписки из сотен книг, журналов, газет, справочников и сборников документов. Мне же было достаточно позвонить с просьбой по телефону или оставить заполненные требования Татьяне Дмитриевне Дмитриевской или Марине Олеговне Филипповой, и необходимые материалы уже ожидали моего прихода или пользование ими было

продлено. Какие-то книги отсутствовали в Историчке, и их нужно было разыскивать в Ленинке. А каких-то изданий и там не было, и я находил их в ведомственных библиотеках или в частных коллекциях. Я писал статьи биографического справочника и постоянно следил за всей новейшей литературой, потому что в девяностые годы XX века множество запретных в советскую эпоху материалов стало доступно, и новые интереснейшие статьи появлялись постоянно. Это было замечательное время, когда я просто писал то, что считал нужным, отмечая соображения о «проходимости». Никогда я ещё не работал так много и успешно.

Некоторые темы возникали попутно. Работая с книгами в бывшем помещении спецхрана Государственной публичной исторической библиотеки, который стали именовать фондом русского зарубежья, я получил возможность прочесть книгу, ставшую основой для моей статьи «Сын лейтенанта Шмидта» в газете «Первое сентября» 25 сентября 1993. Когда в 1931 году был опубликован «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, мятежный лейтенант, доживи он до того года, а тем более его сын, окажись он в СССР, должны были бы строить светлое будущее на Соловках или в иной точке Архипелага ГУЛАГ. Петра Петровича Шмидта часто вспоминали то в кино («Доживём до понедельника», «Почтовый роман»), то в литературе (известная поэма Бориса Пастернака). Но гораздо интереснее познакомиться с исторической интерпретацией личности «красного адмирала». Напомню, что имя П. П. Шмидта стало широко известно осенью 1905 года. Человек искренний и увлекающийся, выступавший на многочисленных митингах в защиту народных прав, не принадлежа ни к одной партии, он оказался на гребне революционной волны и согласился возглавить Севастопольское восстание. Шмидт не только не был его организатором, но и считал его обречённым: «Бросить несчастных матросов я не мог, и я согласился руководить ими...», «Тогда я, совершенно сознавая, что всё погибло, решил ехать на «Очаков». Его поступок сродни поведению человека иного времени — педагога и писателя Януша Корчака, отказавшегося покинуть обречённых на смерть еврейских детей и погибшего вместе с ними. Как известно, 6 марта 1906 года П. П. Шмидт и трое матросов были расстреляны. В то время его имя находилось в ореоле славы и сочувствия даже тех, кто не разделял его взглядов. Но уже в двадцатые

годы о Шмидте писали так: «Не подлежит сомнению, что Шмидт — случайное лицо в революции». Ведь он жил «без веры в творческие силы революционных масс». Левацкая прямота двадцатых уступила место хорошо продуманным формулировкам тридцатых: «Шмидт отличался крайним эклектизмом своих социально-политических взглядов и теоретической беспомощностью...». Где в тридцатых годах оказались «теоретически беспомощные эклектики», всем известно. Но П. П. Шмидт уже принадлежал истории. А вот его шестнадцатилетний сын Евгений, вместе с отцом покинувший расстрелянный корабль, переживший заключение в крепости и известие о смерти самого дорогого ему человека, то есть по советским канонам — героический участник революции, вдруг просто исчез. Последний раз его имя упоминалось в литературе в связи с перезахоронением праха его отца и погибших с ним моряков. Я держал в руках книгу из фонда русского зарубежья ГПИБ: Е. Шмидт-Очаковский, «Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»». Воспоминания сына» (Прага, 1926). Читая эти 298 страниц, несложно понять, почему мемуары выдавали только по специальному разрешению. Не принявший большевистского переворота Евгений участвовал в гражданской войне, оказался в Чехословацкой республике, а потом в Париже, где умер в нищете и забвении в конце 1951 года. Жулики, представлявшие его именем, пользовались тогда ещё не забытой историей Севастопольского восстания и громкой славой лейтенанта Шмидта. Великие советские сатирики Ильф и Петров о судьбе его настоящего сына ничего не знали.

Газета «Первое сентября» с девизом «Вы блестящий педагог, у вас прекрасные ученики!» была замечательной. Её основал в 1992 году преподаватель и публицист Симон Львович Соловейчик. Я не был с ним знаком лично, но его книга «Час ученичества» мне понравилась, в том числе и созвучием моим собственным мыслям. Этот умный и порядочный человек всю свою жизнь мечтал о свободной школе, где увлечённые своим делом учителя будут воспитывать свободных людей для жизни в стране, получившей в начале девяностых годов XX века шанс стать нормальным европейским государством с общечеловеческими ценностями. С. Л. Соловейчик умер в 1996-м, когда эти надежды становились всё призрачней. Последний номер газеты вышел в 2014-м, тогда

уже стало очевидно, что мечты о новой школе и демократическом государстве остались в ошельмованной ушедшей эпохе, которую иначе как «лихие девяностые» уже не называли.

26 ноября 1996 года школа, где я работал, получила распоряжение окружного педагогического начальства: в связи со столетней годовщиной маршала Г.К. Жукова необходимо провести беседы, выступления, лекции и т.п. во всех классах (бедные малыши). Эта инициатива ничем не отличалась от давнишнего требования руководства о серьёзном изучении (естественно, от мала до велика) трилогии Л.И. Брежнева, которую надо было читать, обсуждать на классных часах, уроках (например, вместо греческой мифологии), политзанятиях и т.д. Руководство таким образом осуществляло жизнедеятельность. Тогда всю эту глупость (только ли её?) терпели. Борьба против социализма была бессмысленна не потому, что невозможна, а потому что не нужна в стране, где социализм вполне устраивал подавляющее большинство населения. Эти люди позже голосовали за Зюганова, Жириновского, Лебеда, ностальгически вспоминали Сталина, мечтали о возрождении Советского Союза. Интересно, что умный, всё понимающий Мильграм, сказал мне: «Ты думаешь, что из-за этой глупости я буду ругаться с начальством? Мне надо деньги на школу выбивать, мне штатное расписание сохранить надо...» И я понимал, что он абсолютно прав. Как и много лет тому назад, кто-то будет смеяться, возмущаться, но всё равно (пусть формально) все будут выполнять очередные директивы. Потому что иначе жить в этом государстве невозможно.

Помимо работы над словарём я постоянно следил за новыми книгами. Объяснялось это не только практической надобностью. Я старался не пропустить ничего интересного прежде всего по многолетней привычке заядлого книжника, пытавшегося прочесть всё того стоящее. Кое-что особо увлекательное я использовал при подготовке к своим урокам. К тому же я стал писать рецензии на заинтересовавшие меня книги в «Новом литературном обозрении» и «Независимой газете», где в выпусках «EX LIBRIS НГ» мне очень нравился подбор иллюстраций к моим публикациям. Мне кажется, что некоторые из тех рецензий могут претендовать на внимание читателей и сегодня.

Весной 1996 года я получил ответ из издательства «Просвещение», где ознакомились с рукописью моего биографического словаря «Деятели отечественной истории». Редакция предложила изменить название на «Школьный биографический словарь по отечественной истории». Это мне не понравилось, так как заведомо сужало число моих потенциальных читателей. Мой словарь был необходим преподавателям и студентам ничуть не меньше, чем школьникам. Был он нужен и обычным людям, желающим получить историческую справку. Но издательству хотелось изменить не только название. Так, в статье о Бироне я написал: «утверждение, что при нём было засилье иностранцев, разграбление богатств страны, упадок торговли и т.п., является историографическим штампом и не подтверждается современными исследованиями», и привёл доказательства этого, а мне указывали, что «разночтения с учебниками крайне нежелательны. Никто нам не позволит в одной книге писать эдак, а в другой иначе». Я цитировал в статье о Бухарине его собственные слова о колоссальном на него влиянии Ленина, а мне объясняли: «Восторг Бухарина о влиянии на него Ленина был хорош вчера», и так далее и тому подобное. Это было отвратительное мне приспособление научной истории к потребностям сегодняшнего дня. И если в былые годы указание на роль Ленина требовалось хоть за уши притянуть, то теперь, когда декларируемые государственные ценности изменились, стало нежелательным упоминать его имя даже тогда, когда это необходимо. В этой большой работе не могли не быть действительно спорные моменты и мелкие погрешности, но я не мог согласиться на неприемлемые требования. Словарь мне вернули на «доработку». То, с чем я согласился, я исправил, а остальное трогать не стал. После этого рукопись пролежала в издательстве почти семь месяцев, а мне объясняли, почему с ней никто не работает (отпуск сотрудников, рецензирование и прочее). Наконец я узнал, что причина оказалась вполне прозаическая — у государственного советского предприятия нет средств, чтобы выпустить книгу такого большого объёма. Я был уверен, что найду коммерческое издательство, но для этого нужно было расторгнуть договор с «Просвещением». Как это лучше сделать, мне подсказал заведующий редакцией истории Александр Иванович Самсонов. Я написал заявление на имя директора издательства об отказе от доработки рукописи и внесения

в неё исправлений, что являлось основанием для расторжения договора. После этого я предложил свою рукопись издательству «АСТ», где со мной сразу же заключили договор, мне выплатили аванс, и работа началась. Осенью 1997 года двухтомник «Деятели отечественной истории: Биографический словарь-справочник» вышел в свет тиражом 11 тысяч экземпляров. Оба тома открывались изображением памятника «Тысячелетие России», созданного скульпторами Михаилом Микешиным и Иваном Шредером и установленного в 1862 году в Великом Новгороде. На нижнем ярусе бронзового монумента находятся фигуры самых знаменитых людей в истории страны. Любопытно, что царю-деспоту Ивану Грозному места среди них не нашлось. В «Предисловии» я поблагодарил всех моих рецензентов, в том числе и А. И. Самсонова за ценные замечания и советы. Книгу я посвятил памяти моего друга, с которым эта работа задумывалась и начиналась, — Александра Владимировича Ратнера.

Как и учеников, читателей не выбирают. В 2009 году одна девица посетила Николо-Угрешский монастырь, попала на экскурсию в Музей императора Николая II. Студент-семинарист привёл её в восторг своим рассказом о царской семье. И вот, приехав домой, она решила почитать о Романовых. После чего не удержалась от комментария. Предоставляю её публикацию в интернете без исправлений:

Случайно натыкаюсь на биографический справочник Шикман А. П. «Деятели отечественной истории». Ажно глаз задёргался от злости... про Александра III: «...умер от нефрита, начавшегося то ли от ушибов, полученных при крушении императорского поезда на ст. Борки, то ли из-за неумеренного потребления алкоголя». Этот пиздюк не решил от чего умер наш царь!!!

Когда мужеству этого человека нет границ! Когда царский поезд в результате теракта потерпел крушение недалеко от Харькова, несколько вагонов было вдребезги разбито, но царская семья осталась цела, т.к. они были в тот момент в вагоне-ресторане. Во время взрыва обвалилась крыша вагона, но Александр III удержал её на своих плечах (он был физически очень сильным человеком: гнул пальцами монеты, мог разогнуть подкову и т.д.) и держал до тех пор, пока жена и дети не выбрались наружу.

А вскоре после этого случая у него заболела поясница. как оказалось, болезнь почек. Нефрит, и в следствие чего — смерть.

и какой-то мудака по фамилии Шикман сомневается — не бухал ли наш государь, как наверно и вся его страна!!!

Полезла за инфой про этого писака. ну очень интересно! «...Анатолий Павлович Шикман (род. 1948) — российский (!!!) историк и литератор...»

Я не понимаю, зачем заниматься словоблудием про страну, которая приняла твоих предков (я так понимаю, везде гонимых), если назвал себя историком, тем более, что информация-то не засекреченная! Может из зависти, что большая часть родственников смогла уехать жить за границу, а он остался? якобы из чувства патриотизма и благодарности... ага... я так сразу и подумала... а как просмотрела названия написанных им книг, мне аж поплохело... названия: Кто есть кто в российской истории (Книга адресована тем, кому было бы интересно узнать об отечественной истории, но главным образом будет полезна преподавателям и учащимся) вот такую историю нам в школах и преподавали».

Я никогда не спорил с мнениями читателей, если они не являлись специалистами в данном вопросе. Но этот случай мне показался симптоматичным в путинском государстве с пропагандируемыми верованиями, ценностями, историческим образованием и новой жизненной реальностью. Поэтому возмущённой авторше я ответил:

Во-первых, поезд Александра III потерпел крушение на ст. Борки не из-за террористов, которых там не было, а потому, что Александр III потребовал, чтобы его тяжёлый поезд шёл со скоростью, с какой нельзя было ехать по этой ветке. Об опасности его предупреждал С. Ю. Витте, но император послушаться не пожелал. Когда своей головы нет, а умных людей не слушают, то необходимо на сильных руках держать крышу столового вагона. Во-вторых, если бы Александр III очень переживал, что какая-то девица из XXI века, называющая его «наш царь», так возмутится от упоминания факта его пьянства, он бы, наверное, не пил часто и «до изумления». А автору справочника не пришлось бы вместе со специалистами-медиками гадать о причине его нефрита. В-третьих, историю (особенно, если её изучать у монастырского

семинариста) можно не знать, но русский язык надо бы. Когда Вы видите еврейскую фамилию автора, а рядом слово «российский», то от возмущения ставите три восклицательных знака. Дескать, как это может быть! Но дело в том, что «русский» и «российский» — не синонимы. В России живёт более ста наций и народностей. Когда говорят об их профессиональной принадлежности, то будь они украинцами, татарами, осетинами, калмыками, евреями или немцами (немцами, к слову, были русские цари, начиная с Екатерины II), их называют российские (инженеры, писатели, водители). В-четвёртых, о том, как автор возмущившего Вас словаря оказался в России, Вы можете прочесть в интернете («Почти семейная история»), а вот Ваши предположения о «патриотизме» автору словаря чужды. И не только ему. Вот что писал Л. Н. Толстой (русский человек, но некоторые церковники его не любили): «Патриотизм есть ложное чувство превосходства, разжигаемое в народе правительством с корыстными целями». А вообще-то, гордиться своей национальностью (любой!) может лишь тот человек, которому больше гордиться нечем. Ум, талант, профессионализм никак с национальностью не связан. Гении и болваны, мерзавцы и порядочные люди есть у любой нации.

И последнее: от всех Ваших возмущённых аргументов и фактов остаются только два слова — мудак и пиздюк, свидетельствующие о полученном Вами воспитании. Если Вы хоть что-нибудь поймёте, то и хорошо. Если нет, я даром потерял время. Но пытаться, мне кажется, всегда стоит.

В год пятидесятилетия моего лучшего друга Александра Владимировича Ратнера, до которого он не дожил семь лет, я потерял надежду на обещания восторженной дамы из Государственного архива Российской Федерации. Она лично просматривала содержание многочисленных папок его архива, бережно сохранённого семьёй, удивлялась, восхищалась, обещала непременно позвонить... Говорят, обещанного три года ждут, однако с тех пор к тому времени прошло шесть лет. Причины для восхищения у неё были. Этот архив ярко характеризовал научный, литературный, редакционный быт советского времени. В нём сохранилась интереснейшая переписка Саши за четверть века с историками, писателями, библиографами, литературоведами из многих городов страны. Там были и материалы для «Словаря историков осво-

бодительного движения в России», множество других ценнейших документов и материалов, оставленных Сашей в идеальном порядке. Обычно требуется не один год кропотливой работы архивистов, чтобы сделать архив доступным для научного использования. Но это уже сделал сам создатель архива — редактор, историк и библиограф Александр Ратнер. Мне представляется, что лучше всех труд Саши охарактеризовал социолог культуры, историк литературы, библиограф Абрам Ильич Рейтблат: «А. В. Ратнер ... не был выдающимся учёным. Но он был исследователем квалифицированным, добросовестным, честным и, что самое главное, ведущим свои штудии не ради карьеры, славы или денег, а из чувства внутреннего долга перед историей (или, если хотите, народом, человечеством) — сочетание, к сожалению, не столь уж частое в отечественной гуманитарной науке».⁷ В первом номере журнала «Библиография» за 1998 год была напечатана моя статья «Служитель внутреннего долга». В ней я рассказал об Александре Ратнере и его уникальном архиве. В конце статьи я сообщил, что его вдова Татьяна Добросердова и сын Дмитрий готовы подарить принадлежащий им архив государственному хранилищу. На удивление быстро редакция получила отклик. Ныне личный архив А. В. Ратнера находится в Фонде библиотековедения Библиотеки Академии Наук в Санкт-Петербурге и доступен исследователям.

Однажды мне позвонила по телефону незнакомая женщина и предложила сделать для неё работу, которая пришлась мне очень кстати. Девяностые годы были временем непростым. Деньги, заработанные в школе, и гонорары за публикации были невелики, и я был рад любой возможности заработать. Мы встретились у неё дома, и я узнал, что меня она нашла, познакомившись с моей книгой «Деятели отечественной истории». Это была пожилая женщина, которая захотела создать словарь знаменитых евреев. Когда я стал расспрашивать её, как она представляет себе будущую книгу, кто и где будет её издавать, оказалась, что моя собеседница не имеет никакого представления обо всём этом. Она даже не знала, что книга о знаменитых евреях уже существует, хотя составлена (слово «написана» для этой работы просто неуместно) она была плохо, и плагиат, совершённый автором, бросался в глаза.

⁷ Новое литературное обозрение. — 1994. — № 8. — С. 346.

Оказалось, что сын моей новой знакомой успешно занимается бизнесом, и поэтому у неё есть деньги, чтобы заплатить за работу, которая для неё «просто интересна». Ей почему-то казалось, что после её окончания непременно найдётся кто-то, кто захочет такую книгу издать. Мне не нужно было ни о чём заботиться. Просто пару раз в месяц я должен был привозить ей готовые статьи и получать оговорённую сумму, а она могла бы использовать мои тексты как пожелает.

Так всё и было. Потом я узнал, что кто-то ещё пишет для неё статьи. Для любой коллективной работы необходим редактор и понимание того, что должно получиться в итоге. А она, если иногда и высказывала свои пожелания, то суть их сводилась к необходимости чего-то «остренького», «пикантного» и т.п. Я, конечно, догадывался, что она имеет в виду, и осознал, что написанное мною никогда не будет ею опубликовано по той простой причине, что моя работодательница смутно представляет, что делает. Но однажды, когда она обозвала меня сухарём, я решил её порадовать и принёс ей словарную статью, написанную в живой манере «Московского комсомольца», предложив, при её желании, расширить статью массой бытовых подробностей. Вот как это выглядело.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (1890–1960) — поэт. Родился в обеспеченной семье академика живописи, имевшей и гувернантку, и прислугу, поэтому позволял себе, не работая, изучать живопись и архитектуру в Германии. Как он это делал, мы знаем из его же стихов. Вот чем он занимался вместо занятий в университете в городе Марбурге: «В тот день всю тебя, от гребёнок до ног, // Как трагик в провинции драму Шекспирову, // Носил я с собою и знал назубок, // Шатался по городу и репетировал». Такой же хулиган и бездельник, как Пастернак, Маяковский, ясное дело, назвал эти стихи гениальными, но мы знаем, почему кукушка хвалит петуха. Рано проснувшуюся сексуальность Пастернак разогревал алкоголем, который, как истый алкаш, пытался разыскивать всюду: «В траве, на кислице, меж бус // Брильянты, хмурясь, висли, // По захладелости на вкус // Напоминая рислинг». Стихи, которые писал этот поэт, никто не понимал. Например: «Ждёт — улягутся. Вдруг — гигант из затеми, // И другой. Шаги. «Тут есть болт». // Свист и зов: «Тубо!». Но некому было прокри-

чать, что король голый. Когда подлец В. Катаев сравнил Пастернака одновременно с арабом и его лошадью, мы видим не поэтическую критику разлагающегося в заграничных путешествиях молодого бездельника, а ярко выраженный антисемитизм. Потому как Пастернак был евреем, то на араба быть похож не мог, а лошади у Пастернака не было вообще. Короче, вы понимаете. Пастернак постоянно приспосабливался к советской власти. Кровопийцу Ленина он изобразил так: «Он был — как выпад на рапире, // Гонясь за высказанным вслед, // Он гнул своё, пиджак топыря // И пяля передки штиблет». Сейчас нам хорошо известно, куда загнул Ленин Россию и еврейский вопрос. Получив Нобелевскую премию за «Доктора Живаго», Пастернак, естественно, стал представлять большой интерес для женщин. Беспорядочная половая жизнь Пастернака привела к тому, что наряду с его официальной женой у него появилась жена неофициальная — Ольга Ивинская, которая, как ей по штату и полагалось, требовала узаконить их сексуальные отношения. А Пастернак, естественно, жениться по новой не желал и ничего менять не захотел. Поэтому Ивинская написала книжку, из которой явствует, что если поэт что и создал, то только благодаря ей, а Пастернак взял и умер в Переделкино. И тогда все сразу поняли, что он гений.

Разумеется, предприятие моей знакомой кончилось ничем, но хорошо поддержало меня финансово и осталось в памяти как забавное.

В начале 90-х годов были популярны изданные массовым тиражом сочинения Виктора Суворова. Их автор, советский разведчик В. Б. Резун, бежал в Великобританию и под говорящим псевдонимом написал книги, в которых высказал свою концепцию Второй мировой войны и, в частности, Великой отечественной войны. По Суворову, эту войну начал Сталин, создав Гитлеру все условия для прихода к власти и столкнув его с европейскими государствами, рассчитывая впоследствии стать «освободителем» Европы. Гибель Гитлера была предрешена, вот почему он, под неминущей угрозой сталинского нападения, был вынужден самоубийственно напасть на СССР. Свою точку зрения Суворов изложил увлекательно, с журналистской непринуждённостью. Многочисленные факты, которые он приводил, не имели сносок, были не проверяемы.

Реальность живо соединилась с вымыслом, а в итоге получалась история, по занимательности не уступавшая романам Александра Дюма, но, в отличие от последних, претендовавшая на подлинность. Профессиональные историки сразу же обратили внимание на многочисленные неточности, ничем не подкреплённые предположения. Они разбирали «доказательства» Суворова и документально объясняли их фантастичность.

Но Суворов писал не для историков. Его читал народ и проникался свежим историческим знанием. То, что в этом новом знании оказалось много старого, как-то поначалу и не очень замечалось. По Суворову, сталинский СССР был могучей державой, до которой было далеко Великобритании, Франции, США, Японии и Германии. Сталин был гениальным стратегом, готовым покорить Европу и установить там советский режим. Но вот ведь незадача: эти великие планы порушил Гитлер, напав первым. Для меня был очевиден один факт. Суворов рассказывал о том, что не произошло, а в истории фраза «если бы» ничего не стоит. Любая гипотеза, рассматривающая какую угодно альтернативу реальности, не может изменить то, что случилось. Основная мысль Суворова, сколькими бы книгами он её ни формулировал, звучит так: победа этому боксёру была бы гарантирована, если бы он не оступился.

Так что я решил написать рецензию на очередное творение В. Суворова не ради опровержения его теорий, а по вполне конкретной причине. В своей новой книге «Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?» (М.: АСТ, 1998) Суворов написал панегирик мудрому и великому вождю и учителю И.В. Сталину, который, по словам автора, «начал будить в людях чувство Родины. И начал он это делать в конце 30-х годов, только после того, как ему удалось частично очистить страну от троцких, тухачевских и уборевичей» (с. 250).

Фантазиям Суворова можно улыбнуться, но позволять искажать кровавую советскую реальность нельзя. В своей рецензии я привёл цитаты из книги, ярко характеризующие стиль и степень информированности автора, дав свои комментарии к ним.⁸ Вот такая «историческая» литература пользовалась популярностью в конце XX — начале XXI века.

⁸ См.: Шикман Анатолий. Странные умозаключения // Независимое военное обозрение. Еженедельное приложение к «Независимой газете». — 1998. — № 42 (116). — 6–12 ноября. — С. 8.

В «лихие девяностые» выходило много псевдоисторических сочинений и бульварной литературы. Но наряду с ними появились действительно замечательные книги. Они были написаны недавно или давным-давно, и многие уже были изданы в других странах, но в России эти свежееотпечатанные страницы стали открытием для множества людей. «Колымские рассказы» В. Шаламова и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына вряд ли сегодня нуждаются в представлении. Но я совсем не уверен в широкой известности великолепной книги Юрия Дружникова «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова», сопоставившего официальный миф с подлинной историей одного из самых знаменитых советских героев. То же можно сказать и о трёхтомной работе историков М. Я. Геллера и А. М. Некрича «Утопия у власти». Авторы не только обратили внимание на то, что мечта об Утопии — явление универсальное, но и смогли исследовать, что происходит, когда она становится действительностью. Этот трёхтомник стоило бы прочесть всем современникам, желающим создать очередную Утопию в разных странах сегодняшнего мира. На огромном документальном материале читателям была предложена дилемма, что предпочтительней: идеальное государство или государство свободное. История объясняет нам, почему мы сегодня живём именно так, а не по-другому. Но умение исторически мыслить — не единственный способ постижения жизни. Блистательная книга Игоря Голомштока «Тоталитарное искусство» позволяет понять, каким был двадцатый век в СССР и нацистской Германии, в Италии и Китае. Помимо ярких и новых для российского читателя научных работ совершенно свободно стала массово издаваться и художественная литература. Наконец-то появилась возможность прочесть старые книги Набокова, Осоргина, Мандельштама, Алданова, новые произведения Довлатова, Войновича, Вайля и Гениса, познакомиться с «Дневником Елены Булгаковой» и с грустью осознать, что так долго граждане «самой читающей в мире страны» были всего этого лишены. Я, разумеется, даже не пытался назвать все заслуживающие внимания имена и книги, появившиеся тогда и органично вошедшие в отечественную культуру, — этот список велик. Я лишь хотел показать, что громадные возможности открылись для всех, кто хотел понять, в каком мире они живут, и кто мечтал свой мир изменить. Все желающие прочесть эти книги — прочли. Большинство, к сожалению, не прочтёт

никогда. Можно, конечно, вспомнить грустные слова Экклезиаста: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Эта же мысль была несоизмеримо конкретнее выражена Николаем Карамзиным: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание». Так, да не так. В разных странах мира уровни богатства, как и бедности, имеют сильные различия, как отличаются образованность, стремления и возможности живущих в них граждан.

Весной 1998 года историк, заместитель директора 45-й, первой в России государственной школы, принятой в Международный Бакалавриат, Михаил Яковлевич Шнейдер и я отправились в командировку в Париж. Произошло это так. Директор Института всеобщей истории РАН Александр Оганович Чубарьян, который был дружен с Мильграмом и часто бывал у нас в школе, получил грант от Дома наук о человеке в Париже. Мильграм попросил его отправить в поездку Шнейдера и меня. С Александром Огановичем мы оба были знакомы. Шнейдер виделся с ним чаще. В начале 90-х годов и мне довелось встретиться с Чубарьяном в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Александр Оганович просил рассказать, как я объясняю ученикам некоторые острые и спорные вопросы XX века. Позже, по его просьбе, мною были написаны замечания к готовящемуся новому учебнику истории для школьников. Но, конечно, только благодаря Мильграму поездка состоялась. Для нас обоих это было первое в жизни путешествие в Париж. Мы увидели во всём великолепии город, о котором столько читали. Я не стану рассказывать о наших туристических впечатлениях, поездке в Версаль и прочем. Любой человек, побывавший в Париже, поймёт наш восторг. Помимо этого, мы смогли удовлетворить и наш профессиональный интерес. Мы получили замечательную для нас возможность посмотреть лицей в Севре и познакомиться с работой французских преподавателей истории. Вдвоём мы побывали на уроках, поговорили с методистом, посмотрели компьютерные программы. И, наконец, главное: 11 мая 1998 года в одном из самых влиятельных в мире центров общественных наук — Доме наук о человеке в Париже — мы встретились с французским историком

Жаком Ле Гоффом (1924–2014). Он навсегда занял своё почётное место среди знаменитых профессионалов мира, сумевших сказать новое слово в науке. Тогда мы сидели рядом с ним в его кабинете и неспешно разговаривали об истории. Этот высокий, полный, приветливый человек держался просто и, хотя не курил при нас, не расставался со своей трубкой. Как многие французы, Ле Гофф неохотно переходил на английский язык. Он предпочитал общаться с коллегами, не знающими французский, через переводчика, но для нас сделал исключение. Михаил Яковлевич оказался прекрасным синхронным переводчиком. Он же и записал всю нашу беседу. (Запись этой беседы см. в «Приложении» в этой книге.)

Я и раньше догадывался, что в советскую эпоху в нашей стране люди, интересовавшиеся историей, воспринимали как сегодняшнее открытие то, что в других странах уже стало историей исторической мысли. Однако догадка и факт — явления разного порядка. Одним из ряда ошеломляющих доказательств подобного «нового слова в исторической науке» стало издание в Москве в 1992 году книги Жака Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», увидевшей свет в Париже ещё в 1964 году. В этой работе поражало всё, даже необыкновенный для историка импрессионистический, яркий, но точный и лаконичный язык. Неслучайно автор определял историю как движение и изменение. Его не занимало, какая история, экономическая или политическая, является определяющей в жизни людей. История может быть только целостной. Средневековая Европа показывалась Ле Гоффом через пространство и время, быт и эмоции, социальные противоречия, религию и чувства реальных людей. При этом читатель не просто видел, как историк ставил вопросы и интерпретировал источники, но и сам в какой-то мере превращался в соучастника творчества, получал возможность в другом ракурсе увидеть то, что казалось давным-давно знакомым. Предисловие к русскому изданию своей книги Жак Ле Гофф завершил словами, которые по-особому читаются под сегодняшним презрительным прищуром на «лихие девяностые»: «Наконец, я хочу выразить огромную радость по поводу того, что вижу свою книгу в переводе на русский язык, оказавшемся возможным благодаря новым условиям, созданным исключительной смелостью, с какой граждане, населяющие эту страну, изменяют свою собственную историю. Конечно, историческая наука в Восточной Европе не была уничтожена в 1917 г., и многие из русских

советских историков с риском для жизни продолжали работу в русле их великой историографической традиции. Но свобода, в которой нуждается труд историка, ищущего истину, была подавлена. Теперь мы можем возобновить диалог, в котором мы так нуждаемся». С огромным интересом я читал эти страницы, как только они появились. И вот, шесть лет спустя, я имел счастье беседовать с их автором об истории, о том, как её понимает он и его предшественники, представители «Школы Анналов», получить от него эту, так восхитившую меня, книгу с дарственной надписью. Удача продолжала мне сопутствовать. Исчерпывающе точно об этой командировке сказал мой друг Михаил Шнейдер: «Славная была поездка».

Девяностые годы, столь ярко начавшиеся и так много обещавшие, завершались грустно, хотя хорошие книги продолжали выходить. Выяснилось, что запрещать какие-то издания и даже газеты нет никакой нужды. Общественное мнение формируется не ими, а телевидением. Очень быстро всё телевидение стало «согласованным» и подконтрольным. Наиболее известный пример — закрытие при президенте Путине острой и талантливой политической программы «Куклы». Её участниками были куклы узнаваемых главных деятелей отечественной жизни (не исключая президента Ельцина) в сатирически гротескных сюжетах, занимавших людей в то время. В конце правления Б. Н. Ельцина и с приходом к власти В. В. Путина действительность стала быстро и отвратительно меняться.

Если о происходящем в стране я узнавал из средств массовой информации, то быстрые изменения в школьной жизни происходили у меня на глазах. После крушения советской власти и вместе с ней единственно правильной идеологии образовательные чиновники впали в ступор. Они рассуждали о «плюрализме мнений» и срочно меняли взгляды на мир, сравнительно быстро сумев освоиться в новых реалиях. В 1996-м окружное педагогическое начальство уже потребовало провести лекции, выступления или беседы во всех классах, и младших в том числе, в связи со столетней годовщиной маршала Г. К. Жукова. В 1998 году уже воссоздалась пионерская организация, разумеется, «по просьбе самих педагогов и ребят». Короче, как говорил известный политический деятель, «Процесс пошёл!». Однажды мой урок посетили две никому не ведомые дамы-методистки, чьё заключение о моей работе, высказанное знакомым с советских времён чиновным

канцеляритом, я прочёл без удивления. После моего отказа ездить и объясняться с очередным чиновником от образования мой 14 (высший) разряд был заменён 11-м. Но существующая проблема была значительно серьёзнее. О происходящих переменах я написал в статье с говорящим названием «Прощай, профессия» в журнале «Неприкосновенный Запас» (1999, № 4).

Я сократил время работы в школе, но из неё не ушёл. Мне стали больше доплачивать, не говоря о том, что в школе я занимался своим делом и, несмотря на ухудшающиеся времена, всё же ещё мог давать уроки так, как считал нужным. Благо дело, Министерство образования подбрасывало мне материалы, которые было интересно разбирать вместе с детьми. Вот, к примеру, два профессора моего родного МПГУ А. А. Данилов и Л. Г. Косулина (при участии к.и.н. В. А. Клокова) написали учебник для старшеклассников «История государства и народов России. XX век» (М., 2001). Читал я его, изумляясь обещанному авторами в предисловии изложению «основной канвы событий». Всё вроде бы структурировано, обозначено и оценено. Но ощущение такое, что взял попробовать красивое яблоко, а оказалось — муляж. Вот, к примеру, среди новых слов, «которые необходимо запомнить»: «русификация», трактуемая как «распространение среди местного населения присоединённых к Российскому государству земель русского языка, культуры, православной веры» (с. 26). Вы запомнили? А пропущено всего одно словечко — «насильственное». Или: «При всех недостатках советской системы её отличало привлечение к соуправлению, хотя *во многом* и формальному (курсив мой — А. Ш.), делами общества миллионов граждан» (с. 438). «Открытие Запада» обернулось не только знакомством с лучшими сторонами его культуры, но и хлынувшим в страну потоком низкопробных поделок. Это не могло не привести к размыванию многих черт традиционной для россиян морали» (с. 448). Жаль, что о «традиционной для россиян морали» сказано так коротко. «В эмиграции высокую марку российского балетного искусства нёс Р. Х. Нуреев» (с. 372). Так вот, чем он там, оказывается, занимался! Почему-то авторы не поставили с ним рядом высоко нёсших марку российской литературы В. Н. Войновича и И. А. Бродского или не менее высоко нёсших ту же марку российского искусства А. А. Тарковского и Ю. П. Любимова. «На протяжении столетия менялись роль

и место России в мире. Дважды (в 1917 и 1991 гг.) казалось, что она уже не поднимется. <...> Но эта неуверенность проходила, как только народ объединял свои усилия для возрождения страны» (с. 458). Если авторы убеждены в том, что в 1917 году произошла катастрофа, то почему события 1991 года ими оцениваются, как равновеликое зло? А если они полагают, что крах произошёл в 1991-м, чем же не нравится авторам 1917? В 2001/2002 учебном году ученики читают: «Созданная Сталиным сверхцентрализованная тоталитарная система оказалась в чём-то и более эффективной, нежели её альтернатива — демократия с рыночной экономикой» (с. 439). Дело даже не только в миллионах загубленных людей, а в том, что это утверждение не соответствует действительности, и доказать в 2001 году это мог бы даже толковый школьник. Одна лишь радость вселяла в авторов оптимизм, что 26 марта 2000 года победу на президентских выборах одержал В.В. Путин. И ещё один характерный для этого учебника штрих: в списке литературы для дополнительного чтения указана книга А.И. Солженицына «Россия в обвале» (М., 1998), но не предложен его же «Архипелаг ГУЛАГ». На титульном листе этого учебника значится «Допущено Министерством образования Российской Федерации». Вот так, постепенно, с грифом министерства, преподавание истории в школах, к тому же ориентированное на сдачу ЕГЭ, быстро возвращалось в советские времена, которые так близки временам авторитарным.

Уже после возвращения в США моей тёти, Нормы Морисовны Шикман, разбирая оставленные ею в московской квартире вещи и бумаги, я наткнулся на некоторые семейные и официальные документы, которые послужили началом моих разысканий истории семьи со стороны отца. Мне пришлось работать в архиве ФСБ и в газетном зале РГБ. Съездил я и в посёлок Бавлены, ныне относящийся к Владимирской области. Здесь мой дед, Морис Шикман, приехавший из США вместе с другими американцами во время Великой депрессии в поисках заработка, работал начальником ОТК машинно-тракторной мастерской. Он жил в бараке без водопровода, как и многие жители Бавлен в то время. В 1938 году он был арестован и в этом же году расстрелян. У меня не было ни адреса, где жил мой дед, ни одного знакомого, к которому я мог бы обратиться. Надеялся я только на случай.

Я вышел из электрички на платформу и пошёл куда глаза глядят. У первого встречного мужчины я спросил, не слышал ли он хоть что-то об американцах, живущих здесь. Он радостно заулыбался: «Ну конечно, кто же их не знает!» — и повёл меня к небольшому дому: «Вот, здесь дом американца». Я поблагодарил и постучал в дверь. Вышла немолодая женщина, которой я представился и сказал, что в Бавленах жил мой дед, американец, Морис Шикман. Спросил, не сможет ли она мне помочь встретиться с кем-нибудь, кто что-то помнит о том времени. Меня пригласили войти. Я попал в дом Галины Вайнтрауб, дочери одного из четырёх американцев, не вернувшихся в США и не погибших в период массовых репрессий. Она оказалась отзывчива и гостеприимна, оставила ночевать в своём доме и познакомила меня со всеми, кто помнил то время. Я встретил людей, которые знали мою семью. Попал в музей при Бавленском заводе «Электродвигатель», созданном на базе машинно-тракторной мастерской. Заведующий музеем, Алексей Дмитриевич Виссарионов, потом прислал мне в Москву чудом сохранившиеся фотографии моей семьи. На одной из них группа людей, среди которых мой дед Морис и его жена, моя бабушка Ида. На другой — юная Норма Шикман вместе с подружкой Марусей Ярембинской, о судьбе которой я тогда ещё ничего не знал. Когда я привёз эти фотографии моей тётке Норме, в США, она в счастливом недоумении спросила: «Где ты их взял?» В общем, поездка оказалась на редкость удачной.

А потом я писал статью «Почти семейная история», на какое-то время полностью занявшую все мои мысли и свободное время. Название статьи не без грустной иронии. Дело в том, что трагическая история моей семьи не только была характерна для жуткого времени тоталитарного советского государства, но и поднимала непростые вопросы сосуществования власти и народа, «величия» державы и ценности человеческой жизни. Так что история эта была не просто и не только семейной, а и «почти» историей моей страны. Когда статья была закончена, я нигде не мог её опубликовать. Редакторы кожей чувствовали — времена уже пришли другие, и тема стала неактуальной. Мне предлагали согласиться на ряд сокращений и изменений, которые я принять не мог. Всё же статья была напечатана полностью в том виде, как была написана, благодаря сопровождавшей мне по жизни удаче. Заведующий отделом библиографии журнала «Новое литературное

обозрение», Абрам Ильич Рейтблат, познакомил меня с главным редактором этого журнала и главой одноимённого издательства Ириной Дмитриевной Прохоровой. Сидя в кабинете этой умной и успешной женщины, я узнал, что она была ученицей Нормы Морисовны Шикман, оказавшей на неё большое влияние. Именно ей Ирина Дмитриевна была обязана знанием английского языка и английской культуры. Вот так, в одном из журналов, выходящих в её издательстве, статья «Почти семейная история» увидела свет. В числе адресатов, которым я отправил экземпляры журнала в нашей стране и за её пределами, были заведующий музеем Бавленского завода «Электродвигатель» Алексей Виссарионов и Галина Вайнтрауб, оказавшие мне огромную помощь.

Публикация статьи «Почти семейная история» повлекла за собой ряд событий. В феврале 2006 года я поехал в Нью-Йорк встретиться с мамой и сестрой. Когда я там находился, мне предложили выступить по русскому радио, рассказать историю моей семьи. Реакция слушателей мне понравилась сочувственными и эмоционально заданными вопросами, на которые я постарался ответить. Поездка оказалась чрезвычайно важной, потому что я смог в последний раз увидеться с моей мамой, умершей спустя год. Всю свою жизнь мама прожила с чужими именем и свидетельством о рождении, что не было редкостью во время социальных катаклизмов в России.

Я уже рассказывал, когда писал о моём дедушке Борисе Ильиче Коренблате, что после женитьбы на моей бабушке Евгении Владимировне они имели сына Леонида, дочь Еву, умершую в младенчестве, и дочь Елену, впоследствии мою маму. В условиях подполья дед не стал заморачиваться получением свидетельства о рождении Елены, а использовал оставшийся у него документ. Таким образом, Елена, родившаяся 7 ноября 1919 года, по всем советским документам была старше на год и записана Евой. Так уж вышло, что до знакомства с отцом мама проработала недолго, а потом она была занята сначала маленьким мной, потом сестрой, мотаясь между Москвой и Комарово, заботясь о пожилых родителях и муже. Вернувшись в Москву, отец стал неплохо зарабатывать и хотел, чтобы мама занималась домом и детьми. Уже после развода с отцом, когда мы с сестрой были взрослыми, она пошла работать секретарём в школу. Мама была замечательной матерью,

и мне с сестрой повезло, что наше детство было счастливым, во многом благодаря ей. Прекрасная хозяйка, любившая устраивать вкусные застолья для друзей и родственников по любым поводам, она была сердечным и хорошим человеком. Ещё мальчишкой я всегда мог позвать своих друзей в дом, не сомневаясь, что их встретят дружелюбно. Когда мама и моя сестра со своим сыном решили эмигрировать, я уезжать не захотел. С мамой я общался по телефону и в письмах. Ещё не было компьютера, поэтому письма посылались по обычной почте в конвертах с марками. А когда это стало возможным, мы с женой несколько раз приезжали в Америку в гости. Незадолго до смерти мама позвонила мне по телефону и спросила про нашу жизнь с Леной и мою работу, как я теперь понимаю, уже догадываясь о конце и подводя итоги всего самого важного в своей долгой жизни. Мамы не стало 8 мая 2007 года. Судьба была к ней милостива. Ей не пришлось узнать о скорой, смертельной болезни моей сестры. Вот так и получилась, что мой американский отец умер в Москве, а моя почти всю жизнь прожившая в Москве мама — в Нью-Йорке. На её могильном памятнике впервые указаны её настоящие имя и дата рождения.

Прочёл мою статью и владимирский журналист Владимир Забуга, узнал мой московский телефон и приехал ко мне в гости. Мы с Еленой провели с ним вечер, и я рассказал ему всё, что его интересовало. После нашей встречи он написал статью «Русские американцы» во владимирской газете «Призыв». Эту газету он мне прислал с извинениями, что ни одной ссылки на меня он не сделал из-за какой-то технической ошибки при подготовке статьи в печать. Из статьи я с удивлением узнал, что мой дед в США имел автомобиль. В двадцатых годах XX века автомобиль в Америке был не средством передвижения, каким он стал впоследствии, а весьма недешёвой мечтой, и, конечно, мой дед в Кливленде его иметь не мог. В Нью-Йорке, где он снимал квартиру в Южном Манхэттене, машина была и не нужна, пользовались сабвеем. Но, как однажды справедливо заметил мой друг Николай Формозов, «помогать всяким „писателям“ опасно, но не помогать нельзя». Об этой истории я забыл. Но через несколько лет, совершенно случайно, в интернете, я наткнулся на информацию о том, что вышла книга Владимира Забуги «Завод и посёлок. История ОАО „Бавленский завод „Электродвигатель“» (Владимир, 2008). Я позвонил

автору и попросил экземпляр. В ответ он стал что-то мямлить о том, что книга вышла тиражом только 200 экземпляров, и у него её нет, может быть, если я позвоню в местном заводе, они найдут книжку для меня. Тут я разозлился по-настоящему. Парень, на которого я потратил вечер, молчаливо использовавший мои материалы и даже не потрудившийся сообщить мне о выходе книги в свет, советовал мне, как её найти. Не сдерживая себя, я предложил автору книги самому озаботиться её разысканием. После этого разговора книга для меня всё-таки нашлась. В одной из её глав — «Бавленские „шпионы“» — на основе «Почти семейной истории» рассказано о трагических временах в истории завода. Эта глава была иллюстрирована двумя полученными от меня фотографиями членов моей семьи. Свою фамилию я увидел лишь в конце книги в числе тех, кто оказал помощь в подготовке её издания. Но я был рад, что, пусть и с опозданием, получил эту книгу.

Характерной чертой советского времени было смешивание с грязью порядочных людей, имевших несчастье попасть под каток репрессий. Делали это яростно и публично: по радио, в газетных статьях, на партийных, комсомольских и прочих собраниях в трудовых, учебных и военных коллективах. А реабилитировали по-тихому и даже без извинений. Вот почему я считаю таким важным, чтобы все те, кто тщетно пытались доказать свою невиновность в следовательских кабинетах, получившие пулю в затылок и безвестную яму, выжившие или не выжившие в лагерях ГУЛАГа, имели возможность публичного восстановления своего доброго имени. В России такой перспективы нет до сих пор. Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» было внесено в реестр «иностранных агентов», что максимально затруднило его работу по восстановлению исторической правды, а 28 декабря 2021 года Верховный суд России постановил ликвидировать эту организацию.

Всего за месяц до моей эмиграции в Америку я вынул из почтового ящика обычный конверт из США, адресованный мне. Открыв его, я увидел уже знакомую мне фотографию двух подруг в Бавленах. В письме от неведомого мне жителя Чикаго Рассела Кинга я узнал о судьбе улыбающейся девушки, стоявшей рядом с моей тётей Нормой. Семья Маруси Ярембинской вернулась в США после года жизни в СССР. Маруся, которую снова стали звать Мэри,

вышла замуж, родила трёх сыновей, одним из которых и был автор этого письма. Заинтересовавшись своей семейной историей и попытавшись разыскать информацию о пребывании семьи его матери в России, Рассел по почте связался с музеем в Бавленах, а там уже после выхода моей статьи ему сообщили мой почтовый адрес. От меня он узнал некоторые интересующие его сведения об истории приехавших в Советский Союз на работу американцев. Эту информацию он использовал в своей интересно написанной и прекрасно документированной книге. Я познакомился с Расселом Кингом, уже живя в Америке, осенью 2018-го, когда вместе с женой прилетел посмотреть Чикаго.

В своих заметках я уже упоминал имя этого человека. В моей жизни он сыграл большую, важную роль. Тем удивительнее, что когда и как мы впервые встретились с Абрамом Ильичем Рейтблатом, я вспомнить не смог. Вероятнее всего, нас познакомил мой друг Александр Ратнер. Я серьёзно заинтересовался этим моим знакомым во время работы над биографическим словарём «Деятели отечественной истории». Изучая весьма обширную литературу о писателе, журналисте и издателе Фаддее Венедиктовиче Булгарине (1789–1859), я обратил внимание на единодушное его осуждение. Характеристика Булгарина, основанная на громкой и скандальной известности доносчика Третьего отделения, противника Пушкина и бездарного реакционера, разделялась даже такими талантливыми исследователями, как Юрий Тынянов или Натан Эйдельман. И вдруг в журнале «Вопросы литературы» (1990, № 3) я встретил интересное, прекрасно обоснованное и принципиально иное суждение о Булгарине в статье А. Рейтבלата «Видок Фиглярин (история одной литературной репутации)». Оказалось, что биография и взгляды Булгарина, не связанные с его отношениями с Пушкиным, почти не изучены. Причиной этому были особенности развития отечественной истории литературы, к которым добавились специфические представления советского времени. Жизнь всегда сложнее однозначного мифа. Булгарин был создателем первого в России театрального альманаха «Русская талия», где увидели свет отрывки из «Горе от ума» Грибоедова, и первой в России частной политической газеты «Северная пчела». Сотрудничество с политической полицией не мешало ему быть предприимчивым издателем и литератором, знакомым

практически со всеми литературными деятелями своего времени, автором первого российского «бестселлера», авантюрного романа «Иван Выжигин», создателем «Воспоминаний», не лишённых исторического интереса, и многих иных сочинений. Прочитать обо всём этом теперь можно в уже получивших известность книгах А. И. Рейтблата,⁹ ставшего лучшим специалистом по Булгарину. А тогда я написал свою словарную статью, указав в литературе к ней журнальную публикацию Рейтблата. Впоследствии мы часто виделись, беседовали о жизни и книжных новинках. Абрам Ильич к тому времени был не только талантливым исследователем, но и замечательным редактором, заведующим отделом библиографии журнала «Новое литературное обозрение». Он редактировал и мои рецензии на новые книги. А потом у нас появилась большая совместная работа. После выхода в свет в 1993 году в Вятке составленного мной сборника «Александр Владимирович Ратнер. Дневники. Письма. Воспоминания» А. И. Рейтблат не только написал благожелательную рецензию в «НЛО», но и, заручившись согласием Ирины Прохоровой, предложил мне вместе с ним сделать большой сборник, посвящённый жизни и творчеству моего замечательного друга. Я должен был написать вступительную статью о Ратнере, подготовить к печати его дневник, письма и статьи. Абрам Ильич взял на себя самое сложное — не только рассказать о незаконченной работе Ратнера над словарём «Историки русского освободительного движения», но и подготовить к изданию сам этот словарь. Рейтблат поставил цель не просто опубликовать имеющиеся материалы, но и реконструировать словарь в том виде, в каком его задумал Александр Ратнер. Результат этой большой работы сегодня доступен. Прекрасно изданная книга «Конспект времени. Труды и дни Александра Ратнера» (составители А. И. Рейтблат и А. П. Шикман. — М.: НЛО, 2007) вышла в серии «HISTORIA ROSSICA». Абрам Ильич нашёл в бумагах Ратнера фамилии и адреса тех, кто когда-то написал статьи для словаря, и передал эти сведения мне. Я сначала писал письма, чтобы узнать, живут ли ещё авторы по указанным адресам, а потом почтой

⁹ См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. — М.: Новое литературное обозрение, 1998; Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. — М.: Новое литературное обозрение, 2016; и др.

рассылал авторские экземпляры книги. Вот так, через шестнадцать лет после смерти Александра Ратнера, главная работа его жизни, пусть и не доведённая им самим до конца, увидела свет.

Осенью 2008 года телеканал «Совершенно секретно» пригласил меня участвовать в передаче с телеведущим Станиславом Кучером. Тему беседы я знал заранее. После встречи с гримёром я оказался в студии, где ведущий стал разговаривать со мной о Вере Засулич, построив беседу в формате, с которым меня никто не ознакомил, перебивая меня, часто некстати, высказываясь то об одном, то о другом, чем сильно мешал моему рассказу о трагической судьбе этой деятельницы революционного движения. И хотя в итоге всё прошло нормально, я бы предпочёл построить своё выступление совершенно иначе. Меня поблагодарили, пообещали позвать снова, что вскоре и сделали. На этот раз речь шла о Генрихе Ягоде. Никто не предложил заплатить мне за участие в этих передачах, вероятно, полагая, что появление на экране телевизора уже достаточная награда. После второй передачи я попросил Станислава дать мне диск с записанными моими выступлениями, на что получил ответ, что эти передачи являются коммерческой собственностью телекомпании и поэтому отданы быть не могут. Когда меня пригласили в третий раз, я просто отказался от участия в столь «секретном» проекте, так как решил больше не тратить на него своё время. Эти «совершенно секретные» передачи всё же были записаны на диск моим племянником и поэтому сохранились у меня в качестве факта моего короткого и безрадостного сотрудничества с российским телевидением.

Воссоздание ушедшего в историю времени возможно по многочисленным источникам. Необыкновенные и запоминающиеся архитектурные памятники, к сожалению, почти всегда недолговечны. Войны, реконструкции и реставрации приводят к тому, что построенные на века они, если и переживают свою эпоху, представляются потомкам совсем не такими, какими их видели современники. Официальные документы, без знания реалий времени, в котором они появились, бывают столь же неясными, как и мотивы тех, кто их создавал. Уходят в небытие мелочи жизни — от керосинки до слов, столь естественных и привычных, чтобы стать абсолютно ненужными и непонятными для людей нового времени. Вот почему

мемуарная литература, родившаяся в России ещё в XVIII веке, многократно умножившаяся в следующие два столетия и успешно пережившая все режимы, при издании или переиздании нуждается в многочисленных комментариях. Воспоминания, дневники и письма, написанные карандашами, пером и чернилами, часто на плохой бумаге, оказались долговечнее многих исторических памятников, и при всех особенностях их авторов донесли до нас свою эпоху. Эта литература всегда меня интересовала, но впервые у меня появилась реальная возможность принять участие в её издании.

В издательстве «Новое литературное обозрение» под редакцией Абрама Ильича Рейтблата выходит интереснейшая книжная серия «Россия в мемуарах» — своеобразная энциклопедия повседневной российской жизни, составленная из воспоминаний людей, которые, окажись они вместе, вряд ли смогли бы найти общую тему разговора. Потому что жили они в разные исторические эпохи и принадлежали к разным социальным слоям, национальностям, культурам, профессиям. Вот для этой, успешно продолжающейся серии, мне предложили подготовить книгу воспоминаний Александра Вениаминовича Храбровицкого (1912–1989). Между собой мы с Александром Ратнером называли его Витаминаыч, или просто, по начальным буквам имени-фамилии, ХАВ. Это не было фамильярностью, мы относились к нему тепло и уважительно. Этот литературный труженик и щедрой души человек для Саши был учителем, наставником и первым читателем его статей. Я с Храбровицким общался меньше, но время от времени выполнял его просьбы по поискам материалов в архивах и библиотеках или «доставал» ему необходимые лекарства. Переживший несколько инфарктов, тяжело больной диабетом, он уже не выходил из дома.

Характер ХАВ имел тяжёлый и своенравный. Он был не очень приятен в общении, категоричен в оценках и не всегда справедлив. Но неизменно отличался безусловной честностью, порядочностью и был настоящим учёным. Его вечерние телефонные звонки были вежливы, но категоричны: «Дорогой, я вас очень прошу, сделайте мне завтра выписку из документа». И если в ответ следовало: «Завтра я занят, лучше через пару дней», — спокойно и непреклонно отвечал: «А если я завтра умру?» Но и сам он был всегда щедр на консультации и советы. Он никому не прощал не только откровенной халтуры, но и небрежности, необязатель-

ности. Обычно люди работают, получая за это деньги. Храбровицкий занимал деньги, чтобы иметь возможность, проживая гроши, полностью отдаться работе, а потом долго, с трудом, расплачивался с кредиторами. Он ежедневно без выходных и праздников работал по 10–12 часов. До конца жизни трудился над «Летописью жизни и творчества В.Г. Короленко». Он был знаком с огромным количеством людей, которых он именовал гражданами Республики Литерарум, и мог быть бескорыстным помощником для тех, кто, по его мнению, был «полезным работником». Так, он находился в числе неназванных 227 помощников Александра Солженицына, которых тот упоминает в предисловии к книге «Архипелаг ГУЛАГ». Храбровицкий, посвятивший жизнь исследованию биографии и творчества Владимира Галактионовича Короленко, стал его лучшим знатоком. Большинству тех, кто читал книги Короленко, он знаком как писатель-народник, сторонник демократических и гуманистических взглядов. А вот как последовательный противник Октябрьского переворота, автор безответных писем Анатолию Васильевичу Луначарскому, ходивших в самиздате, советскому читателю он, как правило, не известен.

Храбровицкий оказался не только скрупулёзным учёным, но и смелым человеком. Он и его друг, исследователь из Воркуты Павел Иванович Негретов, издали в 1985 году в США книгу «В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны». Вскоре Негретов был арестован, ждал ареста и Храбровицкий, но «перестройка» прекратила это «дело». Американский сборник был переиздан московским издательством «Книга» пятидесятитысячным тиражом. Увидеть его Храбровицкий не успел. В конце этой книги П.И. Негретов написал: «13 сентября 1989 года скончался Александр Вениаминович Храбровицкий, которому принадлежала главная роль в создании этой книги». С подаренного мне П.И. Негретовым экземпляра началась наша дружба и постоянная переписка, которая длилась до смерти Павла Ивановича в 2004 году в Воркуте. Огромный архив Храбровицкого, ныне хранящийся в Отделе Рукописей РГБ, подарит будущим исследователям немало находок. Сохранились и написанные им когда-то дневниковые и мемуарные записи, которые он давал читать близким друзьям. Один из читателей, писатель Юрий Дружников, написал Храбровицкому: «Получились даже не мемуары, а книга о литературных нравах нашего времени, что значительно важнее». Эти и другие

тексты Храбровицкого были подготовлены мною к печати с помощью Рейтблата. Вот так популярная книжная серия «Россия в мемуарах» пополнилась в 2012 году книгой А.В. Храбровицкого «Очерк моей жизни. Дневник. Встречи». Эта книга не прошла незамеченной. Помимо рецензий, авторы которых высказали свои обоснованные мнения (См.: Краевед и генсеки // НГ-EX LIBRIS. — 05.07.2012. — С. 6.), эти мемуары вызвали и откровенно клеветнические статьи, которые потребовали ответа.

К старости круг общения сужается. Друзья и близкие умирают, и всё меньше остаётся тех, кого интересует твоя жизнь. Иначе бывает у людей знаменитых, но к последним Александр Вениаминович Храбровицкий никогда не принадлежал. Тем удивительней, что не только при жизни, но и много лет спустя после смерти его личность и публикации продолжают привлекать внимание, и споры о нём не утихают. Во время работы с архивом Храбровицкого я прочёл множество документов, записок, писем его и к нему, из которых узнал важные подробности о его отношениях со многими, в том числе и очень известными людьми. Я читал его бумаги много лет спустя после его смерти и по-другому их воспринимал, даже если читал о фактах, мне известных, потому что за эти годы я изменился сам. Мне было несложно представить, как бы реагировал он и что отвечал бы на бесстыдную ложь человека, который был с ним знаком.

Французский славист и коллекционер Рене Герра в беседе с художницей и искусствоведом Мариной Колдобской охарактеризовал А.В. Храбровицкого, как «литературоведа в штатском», безумца и сексота (Новое время, 1999, № 49). На клевету Герра Рейтблат и я ответили статьёй, просто рассказав, кем на самом деле был Александр Вениаминович (см.: Рейтблат А., Шикман А. Делаю что должно, и пусть будет что будет / Новое время. — 2000. — № 7). Об этом факте я упомянул в предисловии к мемуарной книге А.В. Храбровицкого «Очерк моей жизни. Дневник. Встречи». Однако дама, увешанная научными регалиями, как новогодняя ёлка игрушками, Лола Уткировна Звонарёва написала книгу «Серебряный век Ренэ Герра» (СПб., 2012), где герой её творения как ни в чём не бывало продолжил рассказывать о своих домыслах. Тогда в журнале «Новое литературное обозрение» (2012, № 118) я написал статью «К истории одной клеветы», в которой опроверг из-

мышления французского коллекционера. Если Р. Герра, не мудрствуя лукаво, приводил анекдотичные по форме и сути «веские аргументы» и «факты», то доктор филологических наук Евгения Викторовна Иванова написала памфлет «Мемуары А. В. Храбровицкого: «Топор в руках судьбы» (Вопросы литературы, 2014, № 1), весьма нелестно высказавшись как о книге в целом, так и о конкретных воспоминаниях Храбровицкого о Корнее Чуковском, сославшись на архивы и на собственное изучение творчества Чуковского. Хотя сочинение Евгении Ивановой было объёмом с небольшую книгу, редакция журнала «Вопросы литературы» сочла возможным его опубликовать. Я прочёл эту публикацию и написал уместившуюся на нескольких страницах статью «Корней Чуковский опровергает Евгению Иванову», отправив её для публикации главному редактору Игорю Олеговичу Шайтанову. Не сомневаюсь, что моя статья была прочитана и, возможно, отправлена Евгении Викторовне Ивановой для ответа по существу, но возразить на мои однозначные и документированные факты ей было нечем. А признаваться своим читателям, что был напечатан бойко написанный, но откровенно предвзятый и не соответствующий реальности материал, редакции сильно не хотелось. И тогда главный редактор поступил, как поступали во времена советской власти. Он коротко ответил, что меня отказываются напечатать по причине завершения полемики (которой не было). Но времена всё же немного изменились. Моя статья была опубликована в «Новом литературном обозрении» (2014, № 126). И ведь, что интересно, никто и нигде не напечатал хотя бы крохотного опровержения.

В 2013 году врач онкологического центра на Каширке, познакомившись с историей болезни, посмотрела на меня с нескрываемым удивлением и задала по-детски наивный вопрос: «А как же вы выжили?» На что мне пришлось отвечать избитой шуткой о том, что если пациент хочет жить, то врачи бессильны. Впрочем, этот разговор был уже тогда, когда всё осталось позади, и я уже пережил трудные дни в раковой палате. О том, что у меня появилась подозрительная опухоль и мне нужно срочно оперироваться, сказал мой знакомый врач, когда я пришёл посоветоваться с ним, не поверив рекомендациям в районной поликлинике. В Первой градской больнице мне сделали операцию, подтвердили, что опухоль оказалась злокачественной, но операция прошла успешно,

и я могу об этом забыть. Хотя чувствовал я себя неважно, осмотревший меня после операции хирург сказал, что всё протекает нормально. Спустя месяц началась сильная боль, не оставляя меня ни днём, ни ночью. Мне становилось всё хуже. Позже я узнал, что начался гнойный воспалительный процесс, и всё кончилось бы плохо, но моя бывшая коллега по 45-й школе, Эмилия Павловна Вячкилева, узнав о моём состоянии, позвонила своему бывшему ученику, замечательному хирургу-онкологу Всеволоду Матвееву, чем спасла мне жизнь. После сделанной им операции всё пришло в норму, хотя каждый год я должен был приходить на проверку. Уже после моей эмиграции в США обследовавший меня врач сообщил, что от того рака не осталось никакого следа.

Моя книга о Николае Морозове, написанная ещё в Москве, была бы невозможна, если бы к нам с Леной в гости из Нидерландов в очередной раз не приехала наша дочь Марина со своим сыном, нашим внуком Сашей, и мы бы не решили все вместе съездить в Санкт-Петербург. Поэтому до истории с книгой стоит рассказать про Марину.

Эта милая и послушная девочка, забавные детские словечки которой мы иногда продолжаем цитировать с женой до сих пор, очень рано научилась чтению, письму, счёту и с увлечением читала книжки таким же маленьким, как и она, в детском саду. Марина прекрасно училась в школе. Любила домашних животных и птиц, занималась музыкой, а впоследствии сочиняла песни, которые пела под гитару. Она серьёзно увлекалась театром, фотографией и вообще всегда была поразительно способной и готовой узнать и попробовать что-то новое. Недобрав одного балла в МГПИ, Марина поступила в Педагогическое училище им. Ушинского. Это учебное заведение она всегда вспоминала с благодарностью, и когда недолго работала в начальной школе, и позже, занимаясь со своим сыном. Последующее, высшее, образование Марина получила лишь потому, что родители её об этом попросили, но считала потраченное на это время потерянным зря.

Больше всего она любила театр. Эта любовь оказалась сильнее известного экономического закона. Конечно, спрос рождает предложение, но у Марины всё произошло наоборот. Начав фотографировать спектакли в Театре на Таганке для себя, она делала фото столь мастерски, что их стали публиковать многие газеты и жур-

налы. В ряде театров, много лет спустя, эти фотографии до сих пор используются. В театре «Сфера» специально для неё сделали штатную должность фотографа. Позже Марина устроилась реквизитором в театр «У Никитских ворот», и театр занял её жизнь почти полностью. Она покинула его, лишь уйдя в декретный отпуск.

Когда родился сын, она сказала мужу, что у Саши будет её фамилия, которую она решила никогда не менять. С мужем она развелась по своей инициативе несколько месяцев спустя, после рождения ребёнка. Их совместная жизнь не получилась, но они остались добрыми друзьями. Когда Саше исполнилось три года, Марина вышла замуж за голландца и вместе с сыном уехала к нему в Лейдердорп. В Нидерландах Марина и Саша прожили тринадцать лет, стали гражданами страны. Марина голландский язык выучила, для Саши он стал родным. Русским он владеет лишь потому, что Марина, по своей первой профессии преподаватель начальной школы, разговаривала с ним только на русском, научила читать и писать. Как все голландцы, он вполне прилично знал английский язык, что давало ему возможность читать серию романов «Гарри Поттер» в подлиннике, не тратя время на ожидание перевода очередной вышедшей книги. Английский помогал ему в общении во время его участия в международных шахматных турнирах в Европе и во время наших совместных путешествий. Каждый год Марина и Саша обязательно приезжали к нам в гости в Москву. Или мы с Леной вместе с ними отправлялись на недельку-другую туда, где мы раньше никогда не бывали. Марина стала прекрасным водителем (получить водительские права в стране, переполненной узкими старинными улочками и велосипедистами, очень непросто), так что мы узнавали мир с комфортом. Есть что-то волшебное в превращении точек географической карты в собственный опыт приобщения к красоте и истории мира. Так мы посмотрели Кипр, Италию, Францию, Испанию, Англию, Бельгию, Австрию, Германию, Люксембург, Чехию, Хорватию, Израиль. Разумеется, мы смогли объездить вдоль и поперёк Нидерланды, неплохо узнав эту замечательную страну. После того как Марина вышла замуж в третий раз, за американца, и уехала в Нью-Джерси, выяснилось, что путешествовали мы не зря. Помимо полученного удовольствия, воспоминаний, фотографий и сувениров, было и ещё одно приобретение, о котором мы в те годы знать не могли. Когда Саша учился в старших классах

американской школы и писал сочинения, то, в отличие от учеников, рассказывавших о других странах на основании прочитанных книг, Саша писал, по его словам, «из головы», ухитрившись повторить мысль Михаила Зощенко, которого он никогда не читал.

Наш внук Саша с раннего детства отличался самостоятельностью мышления. Когда Елена говорила нашей маленькой дочери, что она сама, как большая, может выбирать, какую кашу она хочет есть, манную или овсяную, Марина после небольшого размышления делала свой выбор. С Сашей этот фокус не удался. На поставленный вопрос он сразу же ответил: «Никакую». Он всегда требовал конкретики. Так на слова Марины: «Саша, мне надо с тобой серьезно поговорить», — он тут же ответил: «О каком серьёзе?» Выяснив родственные отношения, сделал вывод: «Но вообще-то дедушка — самый главный, потому что у него борода». Он не любил ходить в школу, но учился хорошо, хотя и мыслил нестандартно. Когда в русской школе в Голландии учительница читала детям басню «Лебедь, рак и щука», то до того, как она успела выдать мораль басни, Саша вполне серьёзно заявил: «Рак был прав. Зачем телеге в небо? Зачем телеге в воду? Рак, хоть и тянет назад, но ведь это на земле». Своеобразность мышления отличала Сашу не только при знакомстве с русской классикой. Он неплохо изобретал слова: «Когда лёд на земле, это называется скользняка», — или: «Февраль — это когда врать всё время надо». Поражал знаниями: «Я знаю, какой герб у России — страус с двумя головами». Защищал справедливость и, играя в «Волка и семерых козлят», говорил о поведении волка с негодованием: «Посмотри, что этот дурак с козой делает!» К тому же был прагматичен; когда на его возглас: «Я очень болен», — бабушка, дедушка и мама хором спросили: «Саша, чем? Что может тебя спасти?» — то услышали в ответ: «Пять евро». Марина поинтересовалась: «А пять рублей тебя не могут спасти?» — и получила в ответ: «Пять рублей — никогда!» Десятилетний Саша уже серьёзно занимался шахматами, рисовал, очень любил читать и увлекался компьютерными играми. С детских лет он был вполне независим. Когда он приезжал погостить в Москву на Новый год, то отправлялся гулять с нами в двадцатиградусный мороз без шапки и в лёгкой курточке, и на все недоумённые вопросы, кто же так одевается, отвечал: «Настоящие голландцы». Его детские мысли и высказывания сохранились в небольшой книжке:

Саша Шикман, «Всем это можно» (М.: Бослен, 2009, с рисунками автора). Времена меняются быстро. Книжку и теперь можно посмотреть в РГБ в Москве. А её автор стал взрослым парнем, который служит на американской базе Военно-воздушных сил в Италии, собственным выбором подтвердив свою же детскую мысль: «Мы, человеки, сами решаем, кем мы будем быть!».

Во время поездок в Нидерланды я познакомился со многим необыкновенным и интересным. Но только однажды увиденное ошеломило меня совершенной неожиданностью. Я хорошо знал биографию Марины Цветаевой и любил её стихи. Она обладала независимым характером и собственным взглядом на мир («Я не хочу иметь точку зрения, я хочу иметь зрение»). Цветаева не приняла ни Октябрьскую революцию, ни эмигрантские склоки. Ненависть к фашистам, оккупировавшим Чехию, бесконечная бедность вынудили её вернуться в СССР в 1939 году. Здесь были арестованы её сестра, дочь, муж («Не за кого держаться...»). В 1941-м, отправленная в эвакуацию в Елабугу, она покончила с собой, не выдержав унижений, нищеты и бессмысленности существования («Отказываюсь — быть. // В бедламе нелюдей // Отказываюсь жить. // С волками площадей // Отказываюсь выть».).

В июне 2013 года я шёл по улице голландского города Лейдена. Нидерланды — очень красивая и уютная страна. Объездив её вдоль и поперёк, я не устал ею любоваться. По летнему нарядному городу я шёл в радостном, приподнятом настроении, вертя головой во все стороны, и остановился изумлённый. Ведь пришла же здесь кому-то в голову такая замечательная идея: украсить глухие стены домов стихами поэтов разных стран! Стена выросла на пути, и прямо на ней крупными, видными издалика буквами были написаны стихи на русском языке, а ниже под стеклом — их перевод на английский, в очередной раз доказывавший непереводаемость поэзии. Я не скользил глазами по строчкам, а читал их про себя медленно, как читают вслух, и каждое слово звучало во мне с особым смыслом в этом городе, в котором Марина Цветаева никогда не была:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана.
Как искры из ракет.

Ворвавшимся, как маленькие черти
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берёт!)
Моим стихам, как драгоценным винам
Настанет свой черёд.

Вспомнился забавный случай. Однажды в зимние каникулы Марина с Сашей и со своим голландским мужем Вимом приехали к нам в гости в Москву. Всей семьёй мы отправились в Битцевский парк. Сашка катался с горки, когда Вим что-то громко сказал ему на нидерландском. Рядом со мной и Леной стояли два мальчонки лет восьми, и один сказал другому: «Смотри, иностранцы. Ты же умеешь по-английски. Ну, скажи ему!» Малец, едва достававший до пояса Вима, подошёл к нему и сказал: «Фак ю». Ошалевший от неожиданности и удивления Вим спросил его: «How do you imagine it?» (Как ты себе это представляешь?). Малец, не поняв ни слова, почувствовал, что происходит что-то не то, и стоял с раскрытым ртом, не зная, что ему делать. Лена взяла Вима под руку и объяснила, что этот ребёнок не понимает не только то, что Вим ему ответил, но и то, что сказал он сам, и что не стоит тратить на него нервы и время. Но Вим никак не мог успокоиться и спрашивал её: «Объясни, почему он мне так сказал?»

Слыша смелые высказывания ряда современных российских политических деятелей по поводу политики, поведения и жизни людей в развитых европейских странах или в США, я вспоминал того мальчишку, полагавшего, что он разговаривал на английском.

В 2012-м дочь и внук приехали к нам в гости в Москву. Мы решили съездить все вместе в нежно любимый Мариной Санкт-Петербург. Можно было бы об этой поездке и не вспоминать (кто же не ездил из Москвы в Петербург и обратно), если бы не случай, повлиявший на мою жизнь в последующие четыре года. Мы замечательно проводили время в Питере. Но в тот день, 1 августа, было пасмурно, ожидался дождь, поэтому уходить из гостиницы мне не хотелось, и я безуспешно пытался отговорить Марину от поезд-

ки в музей. Когда мы подошли к Петропавловской крепости, то, как я и предсказывал, начался дождь, а после её осмотра случилась новая неприятность. Мы поймали такси, но не смогли доехать до гостиницы. Водитель задел чью-то машину, и пришлось нам идти пешком по лужам под проливным дождём. Ругался я тогда громко по поводу всего на свете, но совершенно зря. У меня даже сохранились музейные билеты, как напоминание о неожиданно пришедшей мне мысли. Моя жена вообще считает, что в мою голову здравая мысль приходит нечасто. Но к тому времени, когда я высох и переоделся, смутная идея стала принимать какое-то очертание. Когда-то, когда я сам был мальчишкой и побывал в Шлиссельбургской крепости, то был ошеломлён увиденным. Но в Петропавловской крепости, находясь около камер и аккуратных табличек с фамилиями узников, я уже ничему не поражаюсь. В музейном помещении я вдруг подумал, что было бы любопытно проследить судьбу тех сидельцев, которые сумели дожить до пришедшей «свободы» и смогли сравнить советскую реальность со своими мечтами. Составив, для начала, список таких людей, я решил посмотреть, что из этого сможет получиться. Первым я вспомнил Михаила Фёдоровича Фроленко (1848–1938), известного члена Исполнительного комитета «Народной воли». У меня дома был его мемуарный двухтомник, изданный обществом политкаторжан в 1930–1931 гг. В архиве нашлась его небольшая переписка, где, конечно, проступали характерные детали новой эпохи вроде открытки супруге из Ессентуков от 1 июня 1926 года с фотографией построенного по проекту архитектора Щусева здания грязелечебницы с таким сообщением: «А вот, дорогая Нютушка, ещё снимок здания, где находятся грязевые ванны. На карточке не хватает ещё львов, у которых все зубы обломали мальчуганы...» (РГАЛИ.— Ф. 2261. Оп. 2.— Ед. хр. 84. Л. 3.). Обломанные львиные зубы — обычный в советскую эпоху, свойственный не только «мальчуганам», вандализм, следы которого сохранились до нашего времени. Но большая часть материалов касалась дореволюционной эпохи, а меня интересовало советское время.

Короче, я написал вчерне первый очерк и стал знакомиться с архивом знаменитого революционера и учёного Николая Александровича Морозова, находящегося в моём списке. Я хорошо знал его биографию, читал его автобиографию и некоторые книги, написанные о нём. В моём словаре исторических деятелей есть статья

и о Н. А. Морозове. Работая над словарными статьями, я пользовался только печатными материалами, что оговорил в предисловии к словарю. Иначе мне бы оставшейся жизни не хватило его написать. Но когда я начал изучать огромный архив Морозова, то был потрясён. Оказалось, что великий революционер не только давным-давно перестал им быть по своим убеждениям, но и научился отлично приспосабливаться к реалиям советской эпохи. Его «учёные труды» при серьёзном рассмотрении оказались фикцией. Приведу лишь один яркий пример. В очерке о Морозове академик С. И. Вольфович написал: «Н. А. Морозов много работал над вопросами теории относительности». Звучит весомо, если не знать, о чём идёт речь. Вот свидетельство самого Морозова: «Я только что закончил большую и важную работу по теоретической физике. Доказал неправильность принципа относительности Эйнштейна...» Похожими оказались «открытия» Морозова в химии, математике, истории и других науках. Я нашёл документальные подтверждения того, что почётным академиком Морозов стал вовсе не за свои научные заслуги, и того, каким необыкновенным образом его кандидатура вообще стала рассматриваться. Он был директором научного института, но чем он занимался на самом деле, я смог узнать, только сопоставив множество печатных свидетельств и архивных документов. Мой герой был известным поэтом, писателем и мемуаристом, но когда я занялся изучением его мемуаров, стихов, переводов и прочего, то был поражён, потому что и в литературных делах он оказался не тем, кем его многие считали.

То, о чём я сейчас пишу, я узнавал не сразу, но оказалось, что великий человек являлся фигурой мифической, что он был «отцом» советского дилетантизма в науке. Сочинять легенды о нём продолжили даже после его смерти и продолжают делать в наши дни. Недавно я узнал о новом сериале, «основанном на реальных событиях», где 87-летний академик Морозов героически убивал нацистов на фронте из снайперской винтовки. Вот так, для меня неожиданно, тема новой книги приняла отчётливые очертания. Я получил возможность на примере конкретного человека, Николая Морозова, показать, как создавалась и создаётся сегодня мифология советско-российской жизни. Эта работа продолжалась четыре года в архивах, в библиотеках и во время поездки в родное имение Н. А. Морозова — в Борок, относившийся когда-то к Мологскому уезду Ярославской губернии, а ныне к Некоузскому району Ярославской области.

Я рано познакомился с интересной, хотя и спорной с точки зрения диалектического материализма, мыслью Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Поэтому я не унывал, когда столкнулся с нежеланием издательств напечатать мою рукопись о Николае Морозове. Дело в том, что я уже давным-давно понял, что информация о «самой читающей стране в мире» не соответствует действительности. Я не надеялся, что моя книга заинтересует любителей псевдонаучной литературы или «настоящих советских людей». Сочинённая история 28 героев-панфиловцев и аналогичные героические истории являются священными для подавляющего большинства россиян. Об этом не раз говорили такие выдающиеся люди, как историк, бывший министр Мединский или современный классик Захар Прилепин, а всякие Венедиктовы, Ерофеевы, Шендеровичи и прочие Бильжо, на эти святыни посягающие, — лишь безобразный эпизод российской жизни. Созидаемый в путинской России мираж из советских патриотических ценностей дал возможность возродить в огромных масштабах политико-историческое мифотворчество. Вот почему мне было интересно показать, как складывалась жизнь настоящих учёных в эпоху Морозовых-Лысенко на широком фоне потрясений России в первой половине XX века.

Писал я прежде всего потому, что чрезвычайно увлёкся темой, но полагал, что это может быть интересно тысяче-двум граждан. Когда я предложил эту, уже готовую, книгу о Николае Морозове издательствам, я получил ряд обоснованных коммерческими соображениями отказов, подтверждающих мою реальную оценку своей потенциальной читательской аудитории. И только в издательстве «Весь Мир» директор Олег Александрович Зимарин сразу же заключил со мной договор, потому что работа ему понравилась. Впрочем, позже он, осознав коммерческий риск этого дела и не получив ожидавшегося гранта, договор со мной расторг, и пришлось мне впервые в моей жизни самому оплачивать издание. К слову, поздравляя меня с Новым годом, он написал мне, что книга неплохо продаётся (она существует не только в бумажном, но и в электронном виде) и он рад тому, что и в этом случае не ошибся.

Сколько же раз я с этим сталкивался! Вроде бы не глупые люди: книжки читали, мир посмотрели, но разбирая работу по истории, которая (ужас какой!) содержит очевидные иронию, негодование

или восторг автора, непременно хмуро указывают, что история должна писаться «без гнева и пристрастия». Цитируя слова римского историка Тацита, они даже не догадываются, о чём на самом деле говорит эта крылатая фраза. Тацит «без гнева и пристрастия» объяснял читателям своё желание сделать историю воспитывающей и поучающей, «сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве». А в массовом сознании эта фраза почему-то означает — «объективно». История не бывает объективной или субъективной, она может быть только научной или ненаучной.

И ещё. Историк, занимаясь исследованием какой-то эпохи, события, биографии, может относиться к предмету изучения с любовью или с негодованием, но к исследованию это отношения не имеет. Исследуя, я стремлюсь прежде всего понять, что, как и почему произошло. Если из науки уходит вопросительный знак, то она превращается во что-то другое. При разных подходах, по-новому поставленных вопросах, появившихся новых фактах и ином ракурсе возможна другая интерпретация и ещё один ответ на поставленный вопрос. Здесь нет повода для презрительного отношения к исторической истине. Познание в любой науке — процесс. Разные точки зрения дают возможность увидеть проблему иначе, а это всегда лучше фанатичной уверенности. Я, разумеется, говорю о научном познании, а не о конъюнктурных поделках.

«Я считаю, что в Москве должны жить только люди славянской национальности». Если бы эту фразу сказал мне ученик на уроке, я бы не удержался от слов сочувствия: «Как жаль, что этой своей мыслью вы не успели поделиться с товарищем Сталиным». Но слова эти были сказаны за столом, где я и моя жена были гостями наших добрых знакомых. Хозяйка дома, сказавшая их, не имела в виду ничего личного. Ей, вероятно, и в голову не пришло, что я, знавший её уже лет сорок, родившийся и проживший в Москве большую часть жизни, к людям «славянской национальности» не принадлежу. Её ксенофобия была искренна и органична, как и у подавляющего большинства советских людей. Вот почему, продолжая выпивать и закусывать, мы не стали убеждать наших легковверных приятелей в нелогичном поведении.

Если в течение четырёх поколений гражданам страны, которая противостояла всему миру, вдалбливать, что против неё ополчил-

ся весь мир, то к любым представителям этого чужого и огромного мира начинают относиться с осторожностью и подозрительностью. Это применимо не только к настоящим иностранцам, но и к согражданам другой национальности или религии, которые хоть чем-то отличаются и живут иначе. Может быть, поэтому захват Крыма у соседнего, родственного народа, совсем недавно находившегося в одном государстве с Россией, воспринимался с одобрением и восторгом. А войну на востоке Украины против «укрофашистов» поддерживает большинство россиян.

С неприятием всех «чужих» в Москве я сталкивался постоянно, и напоминали мне об этом часто. Даже когда мы с Леной, в уже далёком 1969 году, собирались пожениться, мой отец убедил её не менять свою девичью фамилию Слабейко. С моей, еврейской, ей будет сложно устроиться на многие работы. Впоследствии она смогла убедиться в его правоте. В общественном транспорте, в очередях и где только возможно всегда громко высказывались о «понаехавших», которых иначе, как «чурками», «чёрными», «лимитой», не называли. Патологическая ненависть к таджикам, убивающим дворы в любое время года, без выходных и праздников, органично переходила на «чёрных», торгующих на всех рынках. А в тех случаях, когда беседующие пытливо стремились понять, что не так в отечестве, конечно, вспоминали «евреев» или «жидов» (в их устах звучит одинаково ругательно), которые виноваты почти во всех неустройствах российской жизни, но никак не хотят уехать в свой Израиль, а живут за счёт доверчивых и открытых россиян, впрочем, как и «азеры», и «хохлы». Конечно, небольшая часть образованных людей, ценящая либерализм, думает иначе. Но даже замечательный писатель Сергей Довлатов неслучайно вспомнил о своей беседе с Верой Пановой:

«— Конечно,— говорю,— я против антисемитизма. Но ключевые должности в российском государстве имеют право занимать русские люди.

— Это и есть антисемитизм,— сказала Панова.

— ?

— То, что вы говорите,— это и есть антисемитизм. Ключевые должности в российском государстве имеют право занимать ДОСТОЙНЫЕ люди».

Всегда у женщин в голове крутятся какие-то фантастические мечты.

С осени 2016 года я живу в США, в красивом и вольно раскинувшемся городе Лоренсвиле штата Нью-Джерси. Отсюда недолго и удобно ездить в Нью-Йорк или в Филадельфию. Я обитаю в тишине прозрачного воздуха, в окружении ярких природных красок и при удобствах большой квартиры. Как ни странно, мне здесь нравится, хотя почти всю свою жизнь я жил в Москве. Не принадлежа к азартному племени авантюристов, всегда готовых к любой жизненной перемене, я, тем не менее, сознательно пришёл к необходимости изменить казавшуюся уже безальтернативной судьбу. Эмигрировать я никогда не хотел, хотя такая техническая возможность у меня существовала очень давно. Но всё, что мне представлялось жизненно важным, находилось в России. Крупные московские библиотеки, необходимые для работы архивы и любимые мною книжные магазины, где я рылся в книгах не реже раза в неделю. Мы с женой были завсегдатаями московских больших художественных музеев и уютных выставок друзей-художников, где мы постигали правоту Николая Заболоцкого:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Знакомые адреса редакций газет и журналов, близкие друзья и вообще вся интересная, насыщенная увлекательной работой, привычная жизнь, от которой если и хотелось уехать, то ненадолго, в туристическую поездку или повидать родных. Я когда-то, в семидесятые-восемидесятые годы, окружённый неглупыми людьми, полагал, что и все остальные прекрасно понимают, в какой стране они живут, но всё равно стараются делать то, на что способны. В том, что советский режим непременно рухнет, я был уверен, как и в том, что я до этого не доживу. Но вот наступили девяностые, когда советская власть кончилась и появилась реальная свобода. Тут-то и выяснилось, что подавляющая часть населения страны абсолютно добровольно голосует за Зюганова, Жириновского, Лебеда и подобных прочих. Объясняется это просто: потеряв понятное, предсказуемое будущее и гарантированное настоящее, народ увидел счастье в исчезнувшем прошлом. Оказалось, что я принадлежу к ничтожному меньшинству населения.

В России нет спроса на либерализм и парламентаризм. Госдума или независимый суд — лишь имитация самостоятельных ветвей власти. В России общество ведёт себя, как дикая орда, радующаяся захвату чужих территорий, требующая вождя, который бы справедливо делил нажитое и награбленное. Народ требует не законности, а справедливости, которую каждый понимает в силу собственного разума. Большинство даже представить себе не может, что можно жить без вождя. Эти люди на самом деле не осознают, что когда меняют одного вождя на другого, то всё равно остаются с диктатурой. А я в вождях не верю. Бороться против негодного правления можно, но против народного большинства — бессмысленно. Жить молчаливым наблюдателем я не умею, а писать и говорить при путинской вертикали стало слишком опасно. «От сумы да от тюрьмы...» — поговорка российская. Я решил не повторять ошибки моего деда Мориса Шикмана, убитого в 1938-м, и обойтись на старости лет без характерных случайностей диктаторского режима. Уж если и быть эмигрантом, то не в своей стране.

Что относится к «национальному достоянию»? Когда я решил уехать из России навсегда, то непосредственно столкнулся с этим понятием. Не то, чтобы я о нём услышал первый раз в жизни, но впервые эти слова имели конкретное ко мне отношение. Несколько тысяч томов домашней библиотеки разделились на те, которые вышли в свет после 1945 года, и их можно было забирать с собой, и на все, без исключения, остальные, изданные, где и когда угодно до 1945 года. Эти вывозить из страны почему-то было запрещено. Незадолго до отъезда я узнал, что правила изменены, и уже можно увезти с собой книги, изданные не ранее ста лет тому назад.

Популярная советская сказка о чудесном народе, который являлся самым читающим народом в мире, основывалась на огромном дефиците хороших книг, которые моментально исчезали с прилавка несмотря на многотысячные тиражи. Но как только после реформ Гайдара в магазинах появились продукты, вещи, книги и вообще всё, что покупается и продаётся за деньги, дефицит ушёл в прошлое, как и самый читающий в мире народ. Книжки больше не вызывали ничью зависть, — любой мог купить такие же. Мода на них ушла в прошлое раньше, чем появился интернет и электронные издания. Книжки перестали быть овеществлёнными деньгами, как в те времена, когда их всегда можно было продать,

и даже дороже, чем купил. И тут выяснилось, что желающих их приобрести несоизмеримо меньше, чем мечтающих от них избавиться. С поразительной быстротой книги превратились в громоздкий и неликвидный товар. В многочисленных объявлениях о продажах книг, изданных чаще всего в пятидесятые и последующие годы XX века, их исключительная сохранность характеризовалась словами «книги не читаны». Факт, какое-то время удивлявший меня, — а для чего же их покупали и хранили столько лет?

К слову, книги старше ста лет ещё реже кому нужны, и продать их чаще всего невозможно, что не мешает их все, оптом, зачислять в разряд «национального достояния». Всё, что я смог и захотел взять с собой, я увёз: самые любимые книги и подаренные мне авторами. Было лишь одно исключение. К моему шестидесятилетию Мильграм сделал мне восхитительный подарок: юбилейное энциклопедическое издание 1910–1911 годов, в шести великолепных томах, посвящённое пятидесятилетию крестьянской реформы в России — «Великая реформа», когда-то преподнесённое ему самому. Под дарственной надписью его учеников он написал для меня: «Шикманище, дружище! Прими дорогой моему сердцу подарок как эстафету поколений. Мастеру от подмастерья. Мильграм». Я очень хотел взять книги с собой, но с момента их печати прошло больше ста лет. Книги я подарил своему другу Михаилу Шнейдеру, директору любимой мною 45-й гимназии, в которой я учительствовал двадцать два года. Всё остальное было продано за гроши, подарено друзьям и знакомым, просто сложено стопками в подъезде и кем-то взято. От огромной моей библиотеки у меня сохранилось примерно 500 книг.

Было немало разных историй, связанных с продажей книг из моей библиотеки. Одну из них стоит рассказать хотя бы потому, что на этом примере можно посмотреть на механизм создания мифа, на этот раз всего лишь для успешной торговли. Дело было так. Уже живя в США, я увидел московское объявление о продаже в антикварном салоне книги Гольцева В. А. «Законодательство и нравы в России XVIII века», изданной в Москве в 1886 году, с автографом: «Многоуважаемому Павлу Гавриловичу Виноградову от преданного ему автора». Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) — учёный, журналист, литературный критик, подарил свою книгу Павлу Гавриловичу Виноградову (1854–1925) — крупному историку-медиевисту, правоведу, профессору Московского

университета. Виноградов ещё в 1911 году покинул университет в знак протеста против увольнения ряда профессоров и преподавал в Оксфорде. В 1917-м он был удостоен рыцарского звания за заслуги перед наукой, а в 1918-м по известной причине принял британское подданство. Так вот, об этой книге продавец сообщил следующую историю.

В 1909 году вдова Гольцева В.А. передала его книжное собрание в дар Московскому университету, всего около 750 томов по социально-экономической тематике (в настоящий момент эта библиотека хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени Ломоносова М.В.). Наш экземпляр книги не попал в это собрание, так как автор в 1890-х годах презентовал его Виноградову П.Г., из оксфордской библиотеки которого в середине 1930-х годов он попал к переводчику Павлу Морисовичу Шикману, от которого книга перешла по наследству его сыну, историку и литератору Анатолию Павловичу Шикману. В 2013 году старинное издание в числе других было приобретено у него лично для личной библиотеки Александра Александровича Лугачева.

Я на самом деле продал этот экземпляр А.А. Лугачеву. Библиотека Гольцева действительно была подарена университету его вдовой. Всё остальное — сказка. В дарственной надписи в книге ни месяц, ни год не указаны. Непонятно, на каком основании продавец книги решил, что книга, вышедшая в свет в 1886 году, была подарена «в 1890-х годах». Как нет никакой причины считать, что эта книга когда-либо находилась в «оксфордской библиотеке» Виноградова. Судя по всему, книга Россию не покидала. А уж каким образом и почему этот экземпляр П.Г. Виноградова «в середине 1930-х годов» оказался у переводчика Павла Морисовича Шикмана, вообще объяснить невозможно. Дело в том, что в 1931 году Пол Шикман вместе с отцом прибыл на корабле из Нью-Йорка в Ленинград. В середине 30-х годов мой отец ещё не успел стать переводчиком. Он был студентом, а потом находился на действительной военной службе. Из СССР до конца своей жизни Павел Морисович Шикман никогда, ни на один день, уехать не мог. Да и сам П.Г. Виноградов блестяще знал английский и в услуге переводчика надобности не имел. К тому же историк Виноградов умер в 1925 году, когда

Пол Шикман ещё жил в Америке и было ему всего лишь восемь лет. Так что мой отец не был знаком с Виноградовым и даже не подозревал о его существовании, как и об этой книге, которой он никогда не владел и поэтому не мог оставить мне её «по наследству». На самом деле я просто купил эту книгу в букинистическом магазине на Арбате. Но, согласитесь, что книга «с родословной» несоизмеримо привлекательней для покупателя, чем просто старая книга.

К слову, у меня в библиотеке была ещё одна книга, имевшая отношение к В. А. Гольцеву. Толстый том — Милюков П. Н., «Очерки по истории русской культуры», в трёх частях (СПб., 1896–1901). На титульном листе третьей части есть автограф: «Виктору Александровичу Гольцеву на добрую память от П. Милюкова». Увлекательную историю о судьбе этой книги пока ещё никто сочинить не успел.

Продолжу о национальном достоянии. Если книги моложе ста лет из России можно было просто увезти (только плати за упаковку и отправку), то с картинами всё обстояло принципиально иначе. На их вывоз необходимо было получить разрешение, которое выдавало Министерство культуры на основании экспертной оценки. Подобные сложности существовали вовсе не потому, что эта живопись кому-то нужна в отечестве. Продать картины, если вы не обладаете работами мировых знаменитостей, практически невозможно. Да я и не хотел их продавать или отдавать. Любой дом сразу же становился своим, если они висели на стенах. Но, прежде всего, стоит пояснить, как они оказались у меня. Многие представляют себе покупку картин по сценам из фильмов, где неторопливые и уверенные в себе коллекционеры откликаются на предложение аукциониста многократным увеличением предложенной суммы. Я не коллекционер. Свою первую картину я купил в художественном салоне города Севастополя в 1969 году, куда вошёл, будучи матросом срочной службы в увольнительной.

Размытая осенним дождём севастопольская улица с рядом домов, мокрыми деревьями и остановившимся жёлтым автобусом, уместившаяся на небольшом холсте, несмотря на грубую рамку, была восхитительна. Картина притягивала к себе настроением, точно и ярко переданными деталями. К своим гонорарам за публикации, полученным во флотской газете, мне пришлось добавить хранимый на случай рубль, так за десятку (для меня тогда

это были огромные деньги) работа Петра Коломойцева стала моей. Художника уже нет на свете. И хотя он не стал знаменитым, а мне довелось увидеть множество шедевров великих мастеров в самых известных галереях мира, я и сегодня смотрю на эту картину замороженно, не говоря уже о том, что рядом с ней прошла почти вся моя жизнь.

Эксперт неторопливо поскребла этот холст ногтем. Уж и не знаю, зачем, и что она пыталась узнать. Но увидев это варварство, я взял картину из её рук и стал отгибать металлические скрепки, чтобы достать картину из рамы для её обозрения.

В нашей семье картин было немного. Купленные нами или подаренные друзьями-художниками в разные времена, они стали частью нашей жизни. Я не знаю, какими познаниями владеют сотрудники, выдающие «заключение экспертизы», но они пытались получить у меня сведения о художниках, работы которых я им привёз. Когда я сказал, что всё это есть в поисковых системах интернета, они сразу же успокоились. Выдаваемая ими информация проста, как табурет. Картина старше 50 лет по определению является «культурной ценностью». Вот почему картина художника Михаила Добросердова «Сад вечером», написанная в начале 70-х годов XX века, «не является культурной ценностью», а его же работа «Весна» 1934 года «относится к категории культурных ценностей». Вывезти можно и ту, и другую, но платить за «культурную ценность» необходимо значительно дороже.

Понятие о цене картины получает смысл только тогда, когда существуют продавец и покупатель. Стоимость же картин, указанная экспертом, берётся между полом и потолком. Так, одну из работ Михаила Добросердова эксперт оценила в 4 тысячи рублей, но после недовольства, высказанного в министерстве культуры, эта же работа была оценена уже в 40 тысяч. На моё удивление столь стремительным изменением цены я получил исчерпывающее объяснение: «Экспертам то одно рекомендовано, то другое. Мы не будем на этом заикливаться». Суммы, отданные экспертам и государству, были несоизмеримо выше, чем когда-то потраченные на эти картины. Однако наш отъезд с эмиграцией в советское время и сравнивать нельзя. Потому что раньше, покидая родину, нужно было заплатить феерические деньги за полученное высшее образование, не считая всяких поборов и грабежей на таможне, а уж о том, чтобы что-то ценное увезти, и речи не было.

Всё-таки это замечательно, что ни я, ни моя жена, вместе с миллионами других людей, навсегда покинувших Россию, не принадлежим к национальному достоянию.

В моём свидетельстве о рождении указано, что я родился 12 марта 1948 года в Москве. Значительно позже я узнал от мамы, что на самом деле я появился на свет после 12 часов ночи, т.е. уже 13 марта. Однако мама, побоявшись «несчастливого числа», решила не портить мою жизнь общением с inferнальными силами и упростила записать меня на 12-е, состарив, таким образом, на целый день. Думаю, что я не случайно родился 13-го. В этот день мне постоянно везёт, но дату рождения уже никто не изменит. Впрочем, в США такая жизненная мелочь, как один день, и вовсе меня не занимает, потому что, оказавшись здесь, я сразу же попал не только в иное пространство, но и в другую историческую эпоху.

Когда мы с женой впервые прилетели в США в 1997 году в гости к моей маме и сестре, жившим тогда в городе Нэшвилле в штате Теннесси, мы, конечно, уже кое-что знали об Америке. И удивляло нас, в первую очередь, совсем не то, что поражало наших соотечественников, приехавших сюда ещё в семидесятые годы. Помню, как один мой дальний родственник, бывший житель Кишинёва, привёл нас с Еленой в супермаркет и, с видом открывающего нам новый мир, время от времени удивлённо поглядывал на нас, почему мы не выражаем своего восторга. Мы объяснили ему, что подобные супермаркеты с такими же товарами есть в Москве, а он недоверчиво улыбался. Тогда мы были туристами, и новая страна открывалась прежде всего восхитительными контурами американских даунтаунов, яркими красками парков, богатейшими художественными музеями, величественным океаном и непривычным бытом наших родных или друзей. Туристическое восприятие любых стран совершенно не похоже на жизнь в них. Много ли видят и понимают иностранные туристы в той же Москве, разглядывая станции метро, Третьяковку, кремлёвские музеи или катаясь по Москве-реке?

Жизненное устройство в США особенно ошеломляет, если знаешь российскую историю. В России все конституции появились уже в XX веке, но существовали исключительно на бумаге, потому что их статьи чересчур сильно не соответствовали реальности. Первая из Конституций появилась в 1918 году и просуществовала

ла до 1924 года, когда была принята новая Конституция после создания СССР. В 1936-м родилась «Сталинская» Конституция, которую уже в 1977 году заменили «Брежневской». А когда советская власть кончилась вместе с СССР, то в 1993 году приняли Конституцию России, в которую за время путинского правления уже внесли многочисленные поправки. Кроме того, права российских граждан, закреплённые в статьях Конституции России, постоянно игнорируются властью. Тем очевидней различие с США. Конституция здесь появилась в 1787 году (в России тогда правила императрица Екатерина II). Вот эта Конституция США действует до сих пор. С XVIII века до сегодняшнего дня понадобилось лишь двадцать семь поправок. Причём в их числе одна поправка, вводящая сухой закон, а другая — её отменившая. Поэтому на Конституцию и поправки к ней постоянно ссылаются, обосновывая свою точку зрения. Американская Конституция на самом деле защищает основные права американцев. Да и сами американцы сильно отличаются от россиян. Дело не только в том, что здесь вместе живут люди разных рас, религий, национальностей и поэтому эмигранты, приезжающие сюда во все времена, принимают спокойно и с пониманием. И не в том, что нет здесь «государственного» языка. Английский наиболее распространён, но в зависимости от конкретного места в США можно чаще слышать речь испанскую, китайскую, польскую, русскую и так далее. Гораздо важнее в этой стране другие факторы. Люди, живущие здесь, даже если их мнения не совпадают, научились слышать друг друга. Здесь на самом деле можно говорить и писать то, что думаешь. Хозяева вешают у своих домов американский флаг не по начальственному распоряжению, а по собственному желанию, потому что относятся с уважением к своей стране. Здесь действительно свободные выборы, и власти зависят от населения страны, а не наоборот. Инвалиды живут полноценной жизнью, потому что о них позаботились, когда открывали супермаркет, библиотеку, музей. В США не отучали думать и не препятствовали свободному получению информации по причине политической целесообразности. Здесь никогда не строили социализм, поэтому не уничтожали своих граждан во имя светлого будущего. Может быть, и по этой причине население США более чем вдвое превосходит российское по численности, несмотря на значительно меньшую территорию. Это не значит, что люди здесь в большинстве интеллектуалы

с превосходным характером и чудесными манерами. В больших городах есть места, куда небезопасно приходить не только ночью, но и днём. Варварское использование огнестрельного оружия или проявления расизма не редкость. Очевидные отвратительные черты американской жизни шокируют, и нерешённых проблем тут множество. Но эти черты и проблемы — лишь обратная сторона свободного, открытого, плюралистического общества, которое быстрее и эффективнее может на них реагировать, чем диктаторские режимы. Когда я видел дома не богачей, а людей среднего достатка, то понимал, что так они жили «всегда», то есть, по крайней мере, всю мою жизнь. Потом я вспоминал наши съёмные комнатки в разных районах столицы в начале нашей семейной жизни и московские коммуналки в центре мегаполиса, в которых продолжают жить сегодня мои соотечественники, не алкаши и не бездельники. Короче, именно живя здесь, можно по-настоящему понять то сильное чувство негодования, с которым писала главная советская газета «Правда»: «Два мира, две судьбы». Или обличительную ухмылку, как в «Крокодиле» — «Их нравы».

Вечер, посвящённый Анне Ахматовой в нашей библиотеке Лоренсвилля. Двенадцать собравшихся, из которых русских было двое — Елена и я. Все остальные любители поэзии читали Ахматову исключительно в английских переводах. Они пришли, чтобы поговорить о стихах и судьбе поэта и жуткой эпохе, в которую она жила. Попробуйте себе представить, что в каком-нибудь российском городке, вроде Плёса Ивановской области, сидят десять русских людей, которые заинтересованно разговаривают об американском поэте Уистене Одене (Wystan Auden). В общем, мы пребывали в сильном удивлении. Ведь это же не Бостон или Нью-Йорк, а небольшой город с населением около четырёх тысяч человек. Готовясь к этой встрече, мы читали предисловие Иосифа Бродского к стихам Анны Ахматовой в переводах Lyn Coffin. С каким же интересом собравшиеся говорили об Ахматовой и слушали на русском прочитанное ими в английском переводе стихотворение. Вот уж действительно, есть чему удивиться в Америке.

Конечно, чего только политики не обещают. Но время от времени у некоторых из них появляется такая козырная карта, которой они всех и кроют. Так, в России коммунист Геннадий Зюганов,

занимавший при Ельцине по количеству отданных за него голосов второе место, обещал вернуть «счастливое» социалистическое время. В США Дональд Трамп использовал на выборах лозунг: «Сделаем Америку снова великой». Фраза предполагала факт существования грандиозного былого на сером фоне действительности.

И что ведь поразительно, множество людей на разных сторонах Земли, в ничем не похожих странах, верят совершенно одинаково в одну и ту же глупость. И не только старички со старушками, убеждённые, что в дни их юности трава была зеленее, а вода мокрее, но миллионы молодых людей, наивно и искренне считающих, что раньше было лучше.

Мне везло на замечательных учеников. Среди них есть люди яркие и талантливые. Один из них — Василий Русанов. Я встретился с ним в очередной раз уже после моего приезда в США. Он учился в аспирантуре Нью-Йоркского университета. Так что он смог приехать ко мне в гости в Лоренсвилль, а я — побывать у него в университете. Так вот, Василий сделал мне великолепный подарок. Дело в том, что каждые десять лет в США проводится перепись населения. Русанов отыскал для меня архивные материалы этих переписей, в которых была информация о семье моего деду Мориса Шикмана, жившей в Кливленде в 1920 и в 1930 году в Нью-Йорке. Эти сведения оказались у меня как раз перед намеченной поездкой вместе с женой и дочерью в Огайо. Я гулял по городу Кливленду штата Огайо спустя 102 года после рождения здесь моего отца. В Янгстауне через 39 лет после его смерти я увидел дом, в котором он вместе с семьёй жил в начале двадцатых годов прошлого века. Семейные воспоминания, связанные с точками американской географической карты, стали для меня реальностью. Конечно, мой отец не мог видеть этих городов такими, какими их увидел я. Оранжевой улицы в Кливленде, где в доме 3950 жила моя семья, уже не существует. На Оранжевой авеню невозможно отыскать даже место, где стоял этот дом. Но я увидел и то, что видели они: озеро Эри, старый монумент солдатам и матросам и сохранившиеся корпуса фабрик, где, возможно, работал мой дед Морис. Занимаясь историческими исследованиями, я и раньше приезжал в места, где жили мои герои, чтобы лучше понять их и время, в котором они жили, но впервые поездка была связана со столь близкими мне людьми.

Дом моего деда в Янгстауне до сих пор стоит на своём месте. Об этом доме я знал не только благодаря заботе и труду моего ученика. Когда в начале девяностых моя тётка Норма Шикман вернулась в США, её сумел разыскать банк, которому принадлежал дом её родителей и в котором сохранился их счёт. Ей предложили вернуть находящиеся на нём шестьдесят тысяч долларов и дом, отремонтировать который и платить налоги за всё прошедшее время было себе дороже. Даже не говоря о том, что ей, старой одинокой женщине, пережившей семь лет ГУЛАГа, невозможно было прожить без социальной помощи и медицинской страховки, которых она, вероятно, лишилась бы на какое-то время, приняв наследство. Она отказалась. Я смог постоять у этого дома, рядом с несколькими такими же брошенными домами, выстроившимися один за другим грустным памятником Великой депрессии в США и множеству поломанных судеб.

Кливленд — красивый город. Вообще-то, особенность этой страны в том, что огромных, поражающих своим величием городов и прекрасно обихожённых пригородов в ней множество. Но в каждом городе есть свои неповторимости, заставляющие запечатлеть их на фотографии, чтобы не затерялись в череде впечатлений. Вот, к примеру, риторический вопрос: кто не видел знаменитую Венеру Милосскую, оригинал скульптуры которой выставлен в Лувре? Но увидеть Венеру такой, как увидел я, можно, только приехав в Кливленд. Венера Кливлендская лишена не только рук, но и головы. Она стоит у подножья небоскрёба, с которым составляет единое художественное и архитектурное целое.

Задолго до того, как я узнал о существовании множества летоисчислений, учил «Русскую хронологию» по учебнику Льва Владимировича Черепнина, и даже до того, забытого мною года, когда у Даниэля Дефо я прочёл о Робинзоне Крузо, который на необитаемом острове почувствовал необходимость календаря, я уже любил часы. Именно в них находится невидимое и неслышное время, которое привычно делят на прошлое, настоящее и будущее. Для меня оно стало зримым в старых настенных часах моего деда Бориса Ильича Коренבלата, когда под ними за небольшим столом я делал уроки. Маятник бесшумно качался, тёмные стрелки незаметно двигались по золотистому циферблату, и каждый бой часов на секунды превращал незримо меняющееся

время во что-то конкретное и в конце концов освобождающее от домашнего задания.

О времени кто только не размышлял, что только не говорил и как только не приспособливал его к своим надобностям. Философ Платон определял время как «движущееся подобие вечности». Историки делили время на периоды для удобства изучения. Физики понимали время как априорную характеристику мира, а предпосылки, из которых исходили математики, вообще могут не иметь связи с реальным миром, и поэтому их суждения о времени не имеют ничего общего с представлением о нём обычных людей. Особенности исторического развития России способствовали появлению немалого числа тех, кто лелеял идею время остановить или повернуть вспять. Поэты стремились увековечить время в стихах. Слова персонажа Грибоедова превратились в поговорку: «Счастливые часов не наблюдают». А последний — восемнадцатый по счёту — король Франции с именем Луи (в России их называют Людовики) сумел кратко объяснить отличие времени для начальника и подчинённого: «Точность — вежливость королей, но обязанность для их подданных».

Одно дело — объяснять и использовать время, и совсем иное — воплощать его в нечто зримое, осязаемое и прекрасное. Каких только не существует часов на свете: солнечные, песочные, механические, электронные... Есть те, которые носят в карманах и на руке. Иные стали частью карет, автомобилей, каминов или городских башен. Часы вешают на стену и ставят на пол. Они являются нам, как воплощение эстетики эпохи. К примеру, в Джорджтаунском университете в столице США с университетских часов, находящихся на высокой башне, каждый год в мае, что, вероятно, связано с окончанием учебного года, непонятным образом исчезают часовые стрелки, доказывающие как смелость, так и неистощимость на выдумки студентов. Фёдор Тютчев совершенно напрасно написал: «Часов однообразный бой». Нет ничего однообразного в бое Пражских курантов на башне Староместской ратуши в Праге, сделанных в 1410 году, когда под эти звуки движется процессия из двенадцати апостолов, а в это время фигура Смерти переворачивает песочные часы, фигура Тщеславия любит себя в зеркале, а Алчность трясёт свой мешок с деньгами. Грандиозные музеи часов ошеломляют посетителей богатством коллекций в нидерландском Утрехте, в столице Австрии или в городе Колумбия штата

Пенсильвания. Последний музей не без основания сообщает о себе: «Мы имеем всё время в мире». Часами гордились и украшали ими такие величественные дворцы, как Лувр или Эрмитаж. Бывало и иначе. Знаменитый в Пенсильвании Генри Мерсер, создатель музеев, человек, чьи многочисленные занятия и таланты напоминают всеохватность великих людей эпохи Возрождения, при постройке своего дома-замка спланировал небольшую комнатку-нишу, куда поставил старинные родительские часы, которые он терпеть не мог, чтобы они не попадались ему на глаза. Часы разных стран и эпох имеют неповторимую историю, свой уникальный вид и звучание. Вот почему я всегда стремился посмотреть музеи часов в любой стране мира, где мне посчастливилось побывать.

В доме моего лучшего друга Александра Ратнера я познакомился с Ефимом Меламедом, приехавшим в Москву для работы в архивах из Житомира, где он тогда жил. Случилось это так давно, что год нашей встречи я позабыл. Были у нас с Ефимом и другие общие знакомые: писатель Юрий Давыдов, литературовед Александр Храбровицкий и писатель, литературовед Евгения Таратута. Довольно быстро мы подружились и с тех пор никогда не теряли друг друга из виду. Много лет мы обменивались мнениями о наших готовящихся публикациях, дарили друг другу свои статьи и книги. Он начинал свои историко-литературные разыскания как короленковед, но вскоре увлёкся и многими другими темами. В частности, на его работу «Забытое письмо Н. М. Карамзина» (Русская литература, 1976, № 3) сослался в своей замечательной книге «Последний летописец» Натан Эйдельман. Ефим написал две интересные книги о первом американском эксперте по России, журналисте, путешественнике Джордже Кеннане, авторе знаменитой книги «Сибирь и ссылка». Чем бы ни занимался Ефим: изучением истории русской литературы, исследованиями по русско-еврейской истории и генеалогии, писал ли он собственные книги и статьи или являлся комментатором, научным редактором и составителем общих работ по иудаике, ему всегда были присущи основательность, лаконизм, свежесть фактического материала. Его работы издавались не только в постсоветских странах, но и в Польше, Израиле, США, Англии. Исследовательская работа была смыслом и сутью его жизни. Когда я ему пожаловался, что директор издательства по коммерческим соображениям расторг со мной договор на книгу о Ни-

колае Морозове и предложил мне издать её за свой счёт, именно Ефим мне посоветовал согласиться, и на все мои резоны приводил главный аргумент: «Но ведь книга-то будет». И в этом он был весь.

Мы с женой однажды приехали в Киев и навсегда полюбили этот красивый и приветливый город. Заказывая номер в гостинице «Украина», Елена обмолвилась, что мы приезжаем в Киев впервые. Неведомая нам женщина-администратор поселила нас на двенадцатом этаже с видом на Майдан Незалежности, и весь город во всей своей красоте раскинулся перед нами. Когда Ефим поднялся к нам в номер и вышел на балкон, то был поражён и сказал, что таким Киев он никогда не видел. Позднее, слушая в Москве пропагандистские байки о преследовании в Украине русскоязычных, мы с Леной часто вспоминали чистую русскую речь государственных служащих, которую мы слышали, гуляя по правительственному кварталу Киева.

Ефим приходил к нам домой во время своих достаточно частых приездов в Москву, и иногда мы вместе гуляли по городу. Оккупация Россией Крыма и развязанная Путиным война на востоке Украины (мы с Ефимом одинаково относились к этим преступлениям) создали немалые сложности для наших встреч и в поездках Ефима в Москву для работы в архивах. Последний раз мы увиделись с ним весной 2017-го, когда он приехал ко мне в Лоренсвилль во время своей рабочей поездки в Институт Кеннана в Нью-Йорке. А потом мы беседовали по Скайпу, Фейсбуку и в письмах. Ефим умер в Киеве 3 марта 2021 года, заразившись ковидом. Было ему 69 лет. Его книги и путеводители по архивам, с тёплыми дарственными надписями, живут со мной, и время от времени, открывая их, я вспоминаю его ироничный голос.

Когда с женой и дочерью я приехал в город Остин в Техасе, то первым местом, куда мы пришли, был дом-музей писателя О. Генри. В тот самый момент, когда мы пытались понять, в каком из стоящих перед нами домов находится музей, остановился автобус, из которого посыпались туристы. «Ну вот и всё,— сказал я,— будем ходить по музею в толпе». Однако туристы отправились в другую сторону, а в музей мы оказались первыми и единственными. Милая женщина-смотритель встретила нас улыбкой, сказала, что вход в музей бесплатный, и рассказала об этом доме, в котором всё сохранилось таким, каким было при жизни писателя. Здесь

можно было чувствовать себя свободно и даже брать с полок книги, в том числе и восемнадцать томов полного собрания сочинений О. Генри. Собственно, в то время, когда с 1893 по 1895 годы он жил здесь, его ещё звали Уильям Сидней Портер. Он женился на любимой девушке, имел дочь, и всё у него складывалось неплохо.

В Техас Портер приехал из родной Северной Каролины, заболев туберкулёзом. Жаркий и сухой климат помог ему. Здесь он кем только не работал: ковбоем, поваром, помощником по дому на ранчо, в магазине сигар, аптекарем, церковным певчим, чертёжником в земельном управлении и кассиром в банке. Помимо этого, он создал юмористический еженедельник, и литература всё больше увлекала его. Но тут произошло несчастье. Спустя год после ухода Портера из банка ревизия обнаружила хищение, и обвинён был он. Был ли он виновен на самом деле, сказать сложно. Порядки в банке отличались простотой, отчётность была небрежной, деньги часто брали владельцы и без кассира. За Портера был внесён денежный залог, и до суда он оставался на свободе. Почему-то он усомнился в справедливости решения предстоящего суда и бежал в Гондурас, но спустя шесть месяцев узнал о тяжёлой болезни жены и вернулся. Она умирала от туберкулёза, и он ухаживал за ней до конца. А потом состоялся суд. Хотя недостача была возвращена владельцами банка, Портера приговорили к пяти годам лишения свободы. Каторжная тюрьма в штате Огайо была известна жестокими порядками, но Портера спасла его первая профессия фармацевта. Его взяли работать по этой специальности в тюремную больницу. Он не только был избавлен от общих работ, но и жил в отдельной комнате. Именно в ней заключённый Уильям Сидней Портер превратился в писателя О. Генри. Его короткие рассказы, мастерски написанные, ироничные, грустные, трагикомические и державшие читателя в напряжении до последнего абзаца, заканчивались совершенно неожиданно. Лишь для примера, сюжет его рассказа «Witches' Loaves» («Ведьмин хлеб»).

Сорокалетняя владелица булочной обратила внимание на постоянного посетителя, говорившего с сильным немецким акцентом. Он был неважно одет, но опрятен и отличался хорошими манерами. Она решила, что он бедный художник и очень переживала, что он покупает только самый дешёвый чёрствый хлеб, не имея возможности купить её вкусную свежую выпечку. Короткие беседы с ним нравились ей всё больше, и она сменила свою бумажную

блузку на шёлковую. Она мечтала помочь ему, но так, чтобы он не обиделся. Однажды такой случай ей представился. Она успела разрезать чёрствый хлеб и положить внутрь сливочное масло. Она представляла себе, как художник приятно удивится, откусив кусок чёрствого хлеба. На следующий день в её булочную вошёл так понравившийся ей художник с каким-то человеком, которого она раньше не видела. Художник выглядел ужасно и ругался на неё: «Вы старая драная кошка!» — а его спутник с трудом его удерживал. Выпроводив на улицу кричащего художника, он объяснил, что его друг — архитектор, он три месяца работал над чертежом на конкурс и в последний вечер, уже всё обведя тушью, стирал карандашные линии чёрствым хлебом, который лучше любой резинки. Но в хлебе оказалось масло, и теперь его чертёж годится только для завёртывания бутербродов. Владелица булочной ушла в заднюю комнату, сняла свою шёлковую блузку и надела старую бумажную. В этом коротком, но характерном для О. Генри рассказе, лишь 1281 слово.

У Уильяма Сиднея Портера была несчастливая, короткая жизнь. Его alter ego, знаменитый американский писатель О. Генри, продолжает увлекать и завораживать читателей разных стран грустными и смешными сюжетами, яркими характерами, заставляющей задуматься лаконичной прозой.

Я ходил по комнатам обыкновенного, ничем не примечательного американского дома, где он жил, любил и работал. Я листал написанные им книги, счастливым образом оказавшись одновременно в XIX и XXI веках.

Летом 2021 года я перечитывал книгу «Подстрочник», изданную в Москве в 2014 году, об истории жизни замечательной переводчицы Лилианны Лунгиной (1920–1998), рассказанной ею самой. Широко известны её переводы книг Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше», «Пеппи Длинныйчулок». Книга «Подстрочник» была создана на основе одноимённого фильма Олега Дормана. Я помню, как впервые посмотрел пятнадцать серий этого необыкновенного фильма по телевидению в 2009 году. Невозможно было оторваться от спокойного рассказа пожилой женщины, с будничной простотой рассказывавшей о своём времени и перипетиях своей судьбы. Фильм сейчас доступен любому, как и книга, появившаяся благодаря труду и настойчивости Олега Дормана. Меня до сих пор поражают слова,

сказанные Лунгиной в 1997 году: «Мне вообще думается, что сейчас, к концу века, когда идёт такой страшный разброд умов и когда наша страна тоже совсем непонятно куда катится, — есть ощущение, что она катится в какую-то бездну, всё убыстряя темп...»

Высказанное ею тогда было не более чем ощущением. В 2010 году режиссёр фильма Олег Дорман отказался получать главную телевизионную премию ТЭФИ и статуэтку «Бронзовый Орфей» за этот, так долго не допускавшийся к зрителям, фильм. Он прислал организаторам открытое письмо, в котором написал: «Среди членов Академии, её жюри, учредителей и так далее — люди, из-за которых наш фильм одиннадцать лет не мог попасть к зрителям. Люди, которые презируют публику и которые сделали телевидение главным фактором нравственной и общественной катастрофы, произошедшей за десять последних лет. Кто-то сеет и печёт для нас хлеб, кто-то проводит жизнь в шахте, в море, или на военной службе, или в торговом ларьке. На людях образованных, думающих, лежит ответственность перед теми, кто не столь образован и не посвятил себя духовной деятельности. Получив в руки величайшую власть, какой, увы, обладает у нас телевидение, его руководители, редакторы, продюсеры, журналисты не смеют делать зрителей хуже. Они не имеют права развращать, превращать нас в сброд, в злую, алчную, пошлую толпу. У них нет права давать награды „Подстрочнику“. Успех Лилианны Зиновьевны Лунгиной им не принадлежит».

Когда Олег Дорман написал эти слова, ещё не было ни «закона Димы Яковлева», обрёкшего российских детдомовских детей-инвалидов на ужасную жизнь, лишь бы не допустить их усыновления иностранцами, ни «Болотного дела» (уголовного преследования и реальных сроков для участников мирного протестного движения в Москве 6 мая 2012 года), ни «возвращения» Крыма, ни войны на востоке Украины, ни «Закона о поправках в Конституцию», ни отравления и тюрьмы для Алексея Навального, но уже была война с Чечнёй, с Грузией и освещение этих событий российским телевидением.

Под очередной российской диктатурой страна катится в бездну, убыстряя темп. Рассказ Лилианны Лунгиной убедительно показывает, какими жертвами оборачивается и какой жуткой становится обычная жизнь на страшном мрачном фоне античеловеческого режима. Я согласен с мыслью этой замечательной

женщины, что никогда не надо отчаиваться. Но я помню и о том, что слишком многие не доживают до счастливых перемен. Об этом свидетельствует и рассказ Лилианны Лунгиной, который ей так и не довелось увидеть на экране телевизора.

Я стал как-то более вдумчиво воспринимать окружающее, что, впрочем, ничего не меняет ни в нём, ни во мне.

Сначала анекдот: «1942 год. В Кремле идёт заседание Государственного комитета обороны. Из зала заседаний выходит раздражённый Жуков:

— Уу, жопа усатая!

Поскрёбишев докладывает об этом факте Сталину.

Сталин вызывает Жукова.

— Товарищ Жюков, ви кого имэли в виду?

— Гитлера, разумеется, товарищ Сталин.

— А ви, товарищ Поскрёбишев, кого имэли в виду?»

Теперь жизнь. 1 июля 2021 года федеральный закон России «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» дополнен новой статьёй о запрете «публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии...»

Уже нет ни нацистской Германии, ни СССР. Всё, что происходило до, во время и после Второй мировой войны, относится к компетенции историков, библиография работ которых по этой теме обширна. Что касается «публичного отождествления», то оно уже произошло так много раз, что из примеров можно составить объёмную книгу. В советские времена с оглядкой, а с конца горбачёвского времени я совершенно свободно рассказывал об этом старшеклассникам, опираясь на огромную документальную базу. Достаточно вспомнить фильм «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, где невозможно не заметить тождество двух тоталитарных режимов. О том же — исследование Игоря Голомштока «Тоталитарное искусство», в котором сходство двух государственных систем можно просто наблюдать в работах художников нацистской Германии и сталинского СССР. Многочисленные свидетельства и высказывания знаменитых писателей, известных публицистов, социологов и, наконец, информированных, самостоятельно

думающих людей, как в России, так и в других странах, никаким федеральным законом отменить невозможно.

Потребность переписать историю возникает тогда, когда существующая реальность требует исторического обоснования. Конституция 1993 года стала уже фактом ушедшей эпохи. Отсутствие смены политического лидера, превратившегося в диктатора, провал в экономике, реваншизм, имперские лозунги, изоляционизм — не новая политика, а реанимация практики старой советской обанкротившейся системы. В СССР так понятны и привлекательны были слова о великих традициях, трудовых и ратных подвигах и славном историческом прошлом. Возвращать их в жизнь без очередной реконструкции «славного прошлого», былые достижения и победы которого оказались не только тщетными, но и имеющими криминальный характер, невозможно. Задача нового закона в создании ещё одного государственного мифа, позволяющего перекрыть историческую реальность и дать возможность очередным циничным и преступным временщикам сохранять власть.

Маша Лапина и Костя Стельмачонок — наши близкие московские друзья. После нашей эмиграции они первыми приехали к нам в гости в Нью-Джерси. Маша — племянница моего лучшего друга Саши Ратнера. Я когда-то видел девочку-подростка, вместе с родственниками приходившую в дом Ратнера, но тогда не обратил на неё внимания. Познакомились мы по-настоящему уже после Сашиной смерти и стали добрыми друзьями. Костя — её муж. Фамилия Стельмачонок из-за уменьшительного суффикса воспринимается, как что-то маленькое. Её носитель — здоровенный амбал под два метра ростом, который на завтрак шутя и с удовольствием съедает шесть яиц, не считая всего остального. Человек он обстоятельный и серьёзный. Костя по профессии геолог со статусом кандидата наук и обладает рядом достоинств. Он прекрасно водит машину и объездил большую часть Европы. Он знает всё о компьютерах, и мне трудно представить нашу семейную компьютерную технику без его советов и помощи. Он умеет делать фильмы о своих путешествиях, поражая качеством съёмки, подбором музыки и всем тем, что из разрозненных кадров и случайных впечатлений создаёт художественное целое. А ещё он отзывчивый и добрый человек. В компании наших друзей мы съездили в Филадельфию. Провели день в одном из самых знамени-

тых ботанических садов в Пенсильвании Longwood Gardens и совершили поездку в столицу США — Вашингтон.

Во многих странах мира, в том числе и в США, мы смогли посмотреть много удивлявших богатством и размахом вилл и дворцов. В отличие от некоторых из них, Белый дом, официальная резиденция президента США, поражает изяществом и простотой. Когда-то, приехав в Америку в гости, мы ездили и в Вашингтон, подходили к ограде Белого дома и смотрели на множество резвящихся на его территории белок. Когда мы приехали сюда в 2017 году, подойти к ограде уже было невозможно. Металлические заграждения и вооружённые полицейские охраняли резиденцию тогдашнего президента. Мы посетили другое знаменитое и величественное здание — Капитолий. Над дверью, ведущей в капитолийскую ротонду, мы увидели великолепную скульптуру музы истории Клио, стоящую на летящей колеснице Времени (вместо колеса — часы) и записывающую события в свой свиток. Скульптуры и живопись в капитолийской ротонде представляют самые знаменитые события истории страны, в том числе и принятие 4 июля 1776 года Декларации независимости, в которой были сформулированы с исчерпывающей полнотой главные права людей родившегося государства — жизнь, свобода, стремление к счастью. Мы побывали ещё в одном грандиозном здании (точнее, двух зданиях, соединённых внутренним переходом) — Национальной галерее искусств. Мы осмотрели её целиком за два дня, несмотря на ошеломительную величину.

Я не раз слышал, что большая часть этой известной, поражающей ценностью и разнообразием, коллекции картин состоит из шедевров петербургского Эрмитажа, проданных советскими руководителями, чтобы получить валюту для индустриализации. Это не так. Национальная галерея создана Конгрессом США в 1937 году на основе крупных частных коллекций, и лишь в одной из них, принадлежащих банкиру Эндрю Уильяму Меллону, находились и эрмитажные полотна. Здесь не место рассказывать о бессмысленной продаже национального достояния России, попавшего в разные страны в частные и государственные коллекции, но о картинах, волей советских властителей и судьбы оказавшихся в США, не стоит печалиться. Они находятся в идеальных музейных условиях, и любой посетитель галереи может бесплатно любоваться её сокровищами. Чтобы не пропустить ничего,

каждый может взять план всех помещений с объяснениями на разных языках, в том числе и на русском.

Отели в Вашингтоне значительно дороже, чем отели в неподалёку от него расположенных городах. Благодаря автомобилю Кости, мы смогли сэкономить и жили в городе Александрии, всего-то в пятнадцати-двадцати минутах от столицы США. В той спокойной и фешенебельной части Вашингтона, где не ходят толпами туристы, но размещаются посольства, Костя снял замечательный фильм. Здесь находится одно из самых старых учебных заведений страны — величественный Джорджтаунский университет, основанный в 1789 году. Это был не первый университет в Америке, в котором нам удалось побывать. Но ещё никогда мы не имели возможности увидеть университетские корпуса не только снаружи, но и внутри, услышать историю учебного заведения с увлекательными комментариями. Дело в том, что одним из профессоров этого университета является Марианна Рышина-Панкова, моя бывшая ученица из мильграмовской 45-й школы, предложившая встретиться и устроить для нас экскурсию. Были мы и у неё дома, познакомились с мужем и двумя детьми. Мир ли тесен, учеников ли у меня было много, или слишком часто талантливые, трудолюбивые молодые люди, родившиеся в СССР — России, предпочли реализовать себя и растить своих детей во многих европейских или американских странах? Не знаю. Но я часто, как до эмиграции, так и после того, как навсегда покинул Москву, встречался или переписывался с теми, кто в Россию приезжает только в гости или уже не возвращается никогда.

Старость — счастливейшее время жизни. Одна забота — времени не хватает. Я помню старость Мильграма, Храбровицкого, Сигурта Оттовича Шмидта — всех тех, кто сумел, несмотря на старческие болячки, остаться собой. Я рад, что дожил до времени, когда нет необходимости думать хоть о чём-нибудь, кроме того, что самому интересно. В старости можно просто быть самим собой и делать только то, что хочется. Каждый день ценен, как подарок судьбы. Я лишь не хочу дожить до состояния, когда жизнь становится только физиологией. Лучше не переживать самого себя. Надеюсь, что и в этом удача останется ко мне благосклонна.

Мои родители. Комарово, 1952 г.

Мне пять лет.
Комарово, 1953 г.

Наш дом в Комарово.
55 лет спустя

Аберабегай

Мой дед
Борис Ильич Коренблат
с изобретённым
им станком

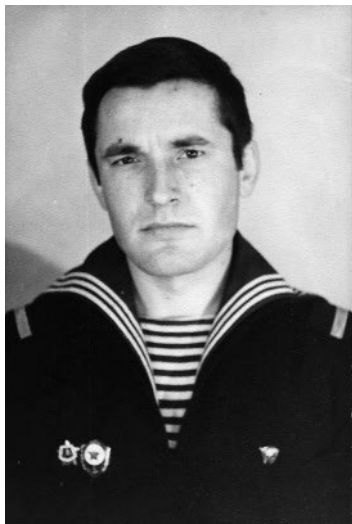

Фото Виктора Ахломова.
Оно же, после ретуши

Наташа Высоцкая

Я — матрос срочной службы.
Севастополь, 1968 г.
Фото Алексея Галенко

Лёша Галенко.
Севастополь

С моей женой
Еленой
в Севастополе.
1969 г.
Фото
Алексея Галенко

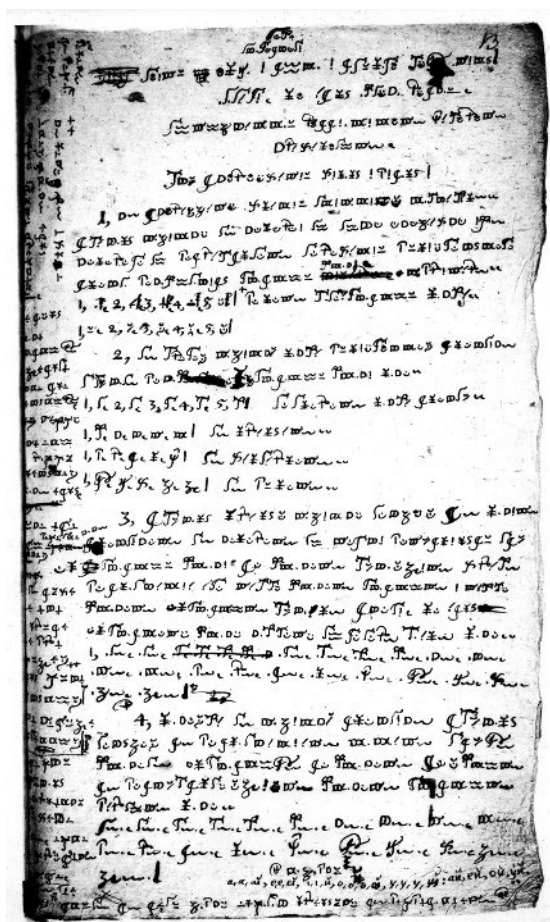
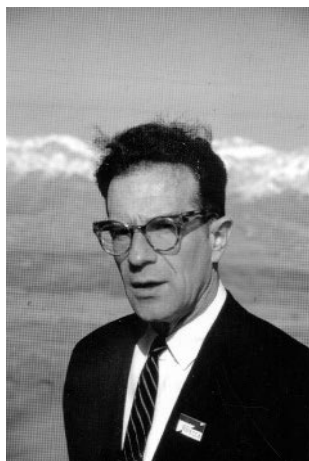

С Александром Ратнером (слева) у него дома

Мои первые ученики. Москва, 1973 г.

Мой отец
Павел Морисович
Шикман

Шифрованная
страница
Фёдора Кречетова

1. Къ скорѣйшему чтенію вниманію подлежитъ та-
шину, въ которой бы было окошко изъ которой бы посредствомъ
воротенъ пятиугольного стѣна показывались ясные знаки
табулировъ 1, α , 2, e , 3, μ , 4, 0, 5, y .⁺ Потому двѣ явныя табу-
1, α , 2, e , 3, μ , 4, 3, 5, 10.

1 Б, 2 В, 3 Г, 4 Д, 5 И.
1 З, 2 К, 3 Л, 4 М, 5 Н.
1 П, 2 Р, 3 С, 4 Т, 5 Д.
1 У, 2 Ц, 3 Ч, 4 Ш, 5 Щ.

[illegible]

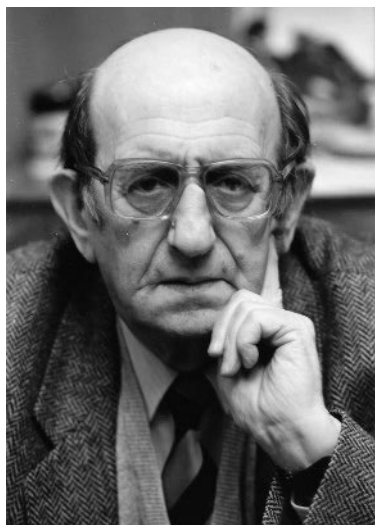
4. Такой же в инициалах стабильно сделать большой с поставленным на нем двумя знаками отглагольного от знаменного созвучия в последующих знаках главных пробных так:

бба, вва, гга, дда, кка, лла, мма, нна, ппа, рра, сса, тта, ффа, хха, цца, чча, шша, щша.

Потому что подававшие шапки г-у --- Грелю

Къ толпу все иныи знаменъ между вами.....

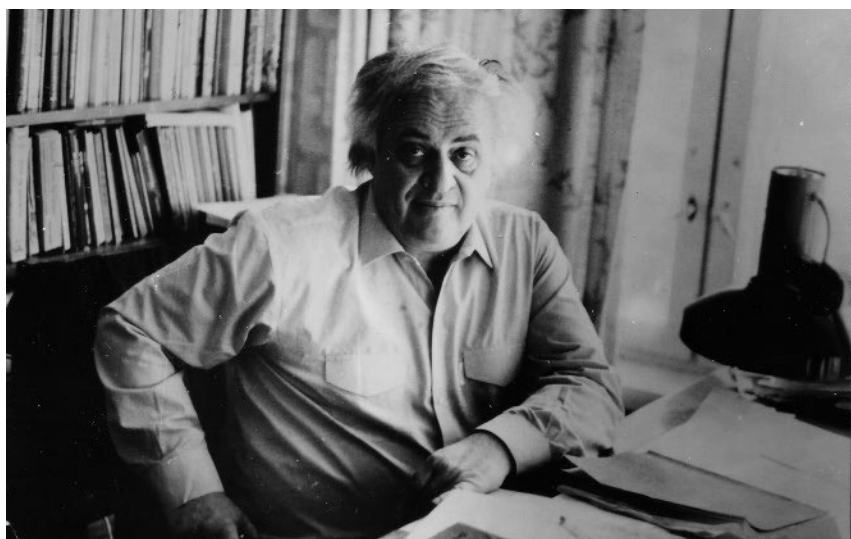
и что есть средней

Леонид Исидорович
Мильграм

Дарственная надпись
на фотографии
Л. И. Мильграма

Чужому-Юдичу
Шикману, который
раздел своим подарком
(порезка) в 45-55.
С надеждой, что 45-55 станет
домом.
Муж-с!
С любовью
Лили

Натан Яковлевич Эйдельман. Фото Ефима Меламеда

Teachers At Work

Seventh in a biweekly series of visits to education's front lines: teachers in classrooms around the world

EDUCATORS AS FUND-RAISERS

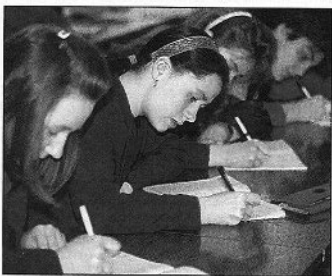
■ The collapse of the Soviet Union has forced school officials in Russia to assume the unfamiliar role of fund-raiser, as well as educator.

With Russia's economy in turmoil, the state no longer has the resources to properly fund most schools, leaving educators on their own to come up with everything from textbooks to heating oil. While many schools have had problems, Leonid Milgram, principal of School No. 45 in Moscow, has been able to adapt.

"It's a necessary evil," Mr. Milgram says of fund-raising efforts. "But I still consider my main priority is connected with the teachers and the students."

Milgram says several parents contributed large sums of money, enabling the school to increase teacher salaries.

-J.B.

MILGRAM: "He gives us the opportunity to decide for ourselves," says one.

By Justin Burke

Guide to The Christian Science Monitor
MOSCOW

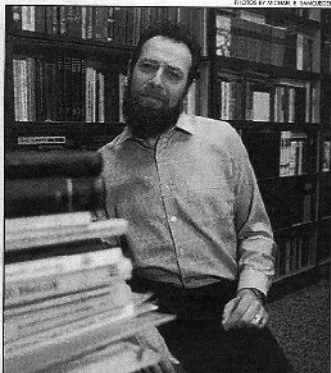
IDEOLOGY has never been very important to Arslan Shikman, yet symbols of the Soviet Union and the country's communist legacy are prominently featured in his high school classroom.

A bas-relief portrait of Vladimir Lenin, the founder of the Soviet Union, still hangs on the wall next to the blackboard, while a red velvet flag, also bearing Lenin's likeness, stands in a glass case not far from Mr. Shikman's desk. Though opposed to their presence, Shikman says he's not in a rush to dismantle the Lenin symbols: "They were put there a long time ago. Now we have more important things to do than take them down."

For Shikman, the most important thing is teaching objectively — something that hasn't always been easy in the 30 years since he first started giving history lessons. Ignoring ideology has caused trouble for Shikman on more than one occasion in his career. But former President Mikhail Gorbachev's policy of *perestroika* (restructuring), followed by the demise of the Soviet Union and the Communist Party, freed Shikman once and for all from the political constraints of the past. And now he is clearly thriving.

"The fact that I can teach freely isn't necessarily the result of *perestroika*. I always taught as I thought," he says. "But now I have more access to information."

On a recent gray and bitter-cold January day, the atmosphere was lively and warm in Shikman's classroom at School No. 45 in southeast Moscow. The teacher seemed unable to remain in one

SHIKMAN AT HOME: "I also taught as I thought," says the historian.

place for more than a few seconds as he lectured on the period between Russia's February Revolution in 1917 and the Bolshevik coup in November of the same year.

Racing around the front of the room, enthusiasm ringing in his voice, Shikman sparked a sharp debate among his pupils by asking them to compare the Russian provisional government of 1917 with the current administration of President Boris Yeltsin.

Students, who voted Shikman "teacher of the month" last September, say his provocative teaching methods are a big reason why they are interested in history. "He gives us the opportunity to decide for ourselves what to think," says 16-year-old Alana Kotsyeyeva.

Listening to 'enemy radio'

Challenging students to raise up their own minds was tantamount to heresy just seven years ago in the pre-Gorbachev Soviet Union. During the years of Communist Party rule, political considerations were paramount in the training of future generations. But Shikman says that never deterred him: "I was convinced, as a teacher, that I shouldn't just recite historical facts, but also explain them."

In the early 1970s, when he first started to teach, Shikman found the textbooks inadequate and newspapers devoid of meaning. So he asked his class to listen to the Voice of America and the British Broadcasting Corporation radio news. "I told them that after

listening we'll compare the versions of our press with the Western press and then we'll try to figure out what's going on," he says.

It wasn't long before Shikman was rebuked for encouraging his students to listen to "enemy radio" and transferred to another school. At the second school he was closely supervised and forced to leave within a year. He found subterfuge: teaching jobs, but was unable to keep them for more than two years at a time. "The officials kept interfering, saying my teaching methods were wrong — a dangerous influence on children," Shikman says.

During his time of teaching troubles, Shikman was able to survive by his work as a historian and archivist. A specialist in 17th- and 18th-century Russian history, he wrote articles for such scholarly journals as *Soviet Bibliography*, and he published several books on historical topics. Being a full-time historian, he says, is more interesting to him than teaching. He became a teacher primarily because he thought it would be the best way to advance his career as a historian, he adds.

Six years ago, Shikman's teaching fortunes permanently changed for the better when he landed a part-time job at School No. 45, which enjoys the reputation of being one of the finest schools in the Russian capital. School No. 45's principal of 30 years, Leonid Milgram, recognized Shikman's talents and gave him the freedom he needed.

"He's not a typically thinking

man. He's a personality," says Mr. Milgram. "He adapts easily and finds a common language with students of all ages."

Shikman says it's easier to relate to the more open students of today than it was to pupils of a decade ago. "What's appeared in kids is honesty. They say what they think," he says. In the past, "Children often didn't say things because of self-censorship. Life experience was telling them not to be open about their true feelings."

Milgram says there is a desperate need for more teachers of Shikman's caliber. "The greatest achievement of Soviet power was to give the people wide access to education," Milgram says. "But it required a great amount of teachers and that, in turn, lowered standards."

In addition, although the Commonwealth of Independent States has eclipsed the Soviet Union and democracy is slowly replacing the totalitarian system, schools still must use textbooks full of outdated Communist dogma. New, de-politicized textbooks haven't been printed largely because of the economic crisis now battering the commonwealth.

A search for better pay

To make matters worse, skyrocketing prices are forcing many top instructors to leave teaching in search of better-paying jobs in the building private sector. "One has to love school and children these days in order to remain a teacher," Milgram says.

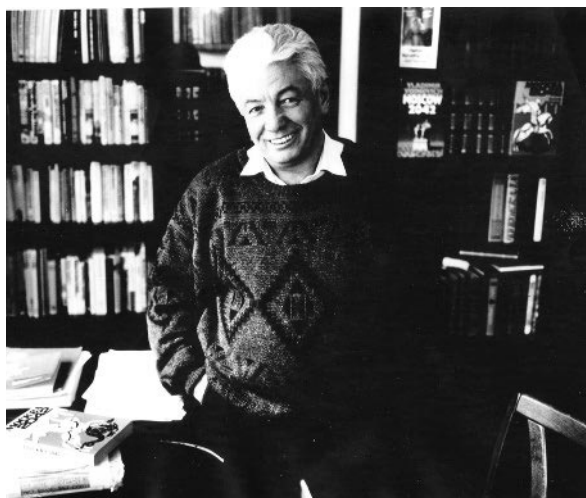
In Shikman's case, he receives a much higher salary than the average monthly teacher's wage of about 400 rubles (\$4 at current exchange rates). Nevertheless, he says things are tough. "Teachers aren't the only ones affected," he says. "It's difficult for everyone. We're all getting by these days on reserves. Nobody is eating well."

If the economic crisis worsens and the current government is replaced by something more authoritarian, Shikman says he'd consider emigrating to the United States. Shikman's paternal grandfather happened to be an American who moved his family here from Cleveland in search of the socialist ideal. But Shikman doesn't speak English and says emigrating from Russia would be a "personal tragedy."

"I don't want to emigrate. I'll never be able to do what I can do here," he says, referring to his work as a teacher and historian. "But I have a wife and a daughter and I have to do what's best for them."

■ Other articles in this series run Nov. 4, Nov. 18, Dec. 2, Dec. 16, Dec. 30, and Jan. 21.

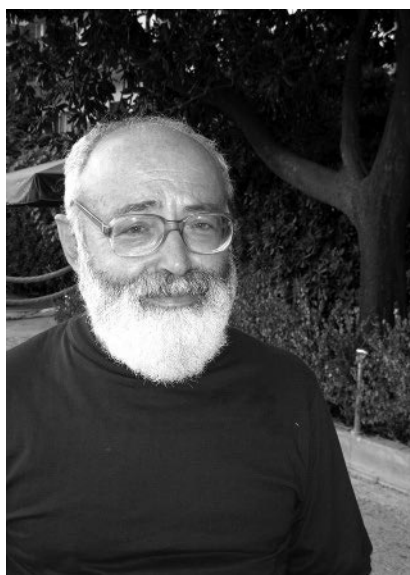
Статья Джастина Берка

В. Н. Войнович.
Фото из личного
архива
В. Н. Войновича

Морису Шикману
45 лет. Таким
он был арестован
и расстрелян в 1938 г.

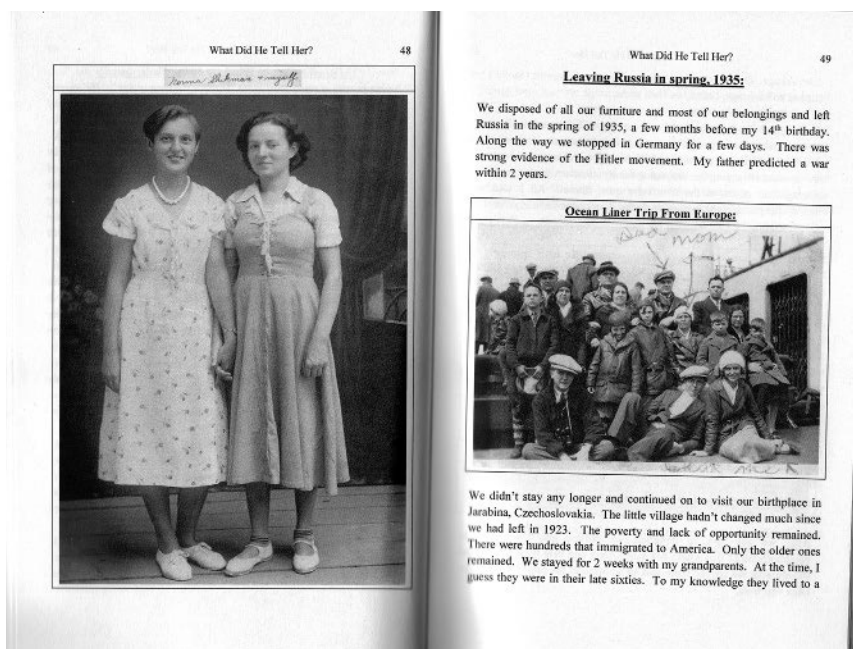
Абрам Ильич Рейтблат.
Фото Ефима Меламеда

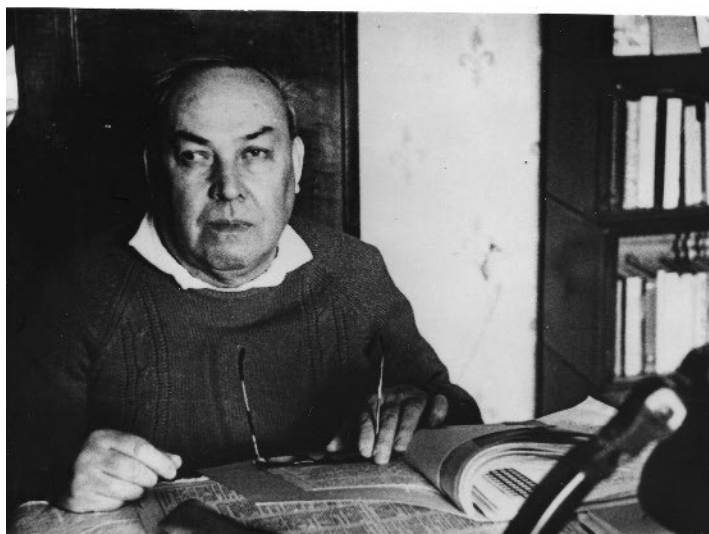
С Нормой Шикман.
За нами фото моего деда Мориса. Бостон, 2009 г.

С мамой и сестрой. Нью-Йорк, февраль 2006 г.

Страницы книги Рассела Кинга.
Подруги М. Ярембинская и Н. Шикман (справа)

Александр Вениаминович Храбровицкий

С женой, дочерью и внуком в Петербурге в 2012 г.

Дом-музей Н. А. Морозова

Мой внук
Александр Шикман.
США, 2020 г.

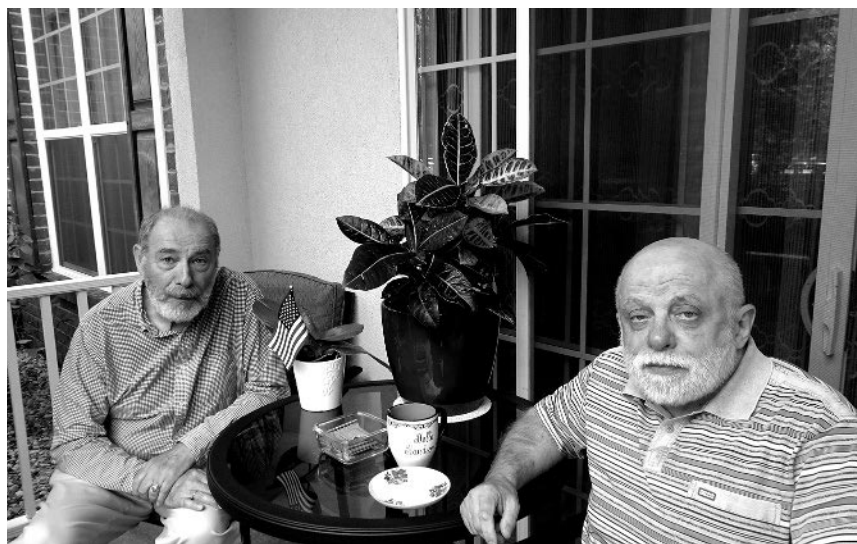

Мой бывший ученик
Василий Русанов
у меня дома в Нью-Джерси.
2018 г.

Дом моего деда
Мориса Шикмана
в штате Огайо.
Июнь 2019 г.

Кливлендская
Венера

С Ефимом Меламедом у меня дома в Нью-Джерси. 2017 г.

У дома-музея О. Генри в Техасе. 2020 г.

Мы с женой вместе с Машей Лапиной
и Костей Стельмачонком.
Джорджтаунский ун-т, 2017 г.

С моей бывшей ученицей,
профессором
Джорджтаунского
университета
Марианной
Рышиной-Панковой

С женой у Белого Дома. 2017 г.

С женой в парке Нью-Джерси. 2020 г.

Почти семейная история¹⁰

Мой дед Морис эмигрировал из США в СССР. В Великую Отечественную погиб жених моей мамы. Два этих случая позволили счастливо вернувшемуся фронтовику Павлу Морисовичу Шикману создать вполне обыкновенную, не считая американского происхождения её главы, московскую семью. В течение многих лет официальные лица, читая заполненные мною всевозможные анкеты и доходя до места рождения отца (город Кливленд, штат Огайо, США), всегда задавали идиотский вопрос: «А почему он там родился?» И я объяснял, что там жили его родители. После чего спрашивавшие глубокомысленно умолкали. Как будто им было понятно и известно всё остальное.

КАК СТАНОВЯТСЯ СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ

В отличие от отца, мой дед Морис Борисович американцем по рождению не был. Он появился на свет в бедной еврейской семье в небольшом польском городишке, где ничто не обещало перемен к лучшему. Несытая жизнь маляра и предстоящая служба в царской армии заставили его круто изменить жизнь. В 1913 году с молодой женой он уехал в Канаду, а оттуда в США, где в конце концов обосновался в Нью-Йорке.

Прошедшее переоценивается, когда выясняется иллюзорность настоящего. В 20-е годы XX века американская жизнь, сопоставлявшаяся со сказочными успехами социализма в СССР, казалась

¹⁰ Впервые опубликовано: Почти семейная история // Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре. — 2001. — № 2. — С. 127–132.

новым гражданам США безусловно несправедливой и требовавшей перемен, хотя наша семья, в отличие от многих восточноевропейских эмигрантов, смогла неплохо устроиться. Морис стал в Америке квалифицированным механиком. Его жена Ида была учительницей немецкого языка. Они хорошо зарабатывали, а в свободное время вместе с детьми Полом и Нормой писали рассказы на идише, печатавшиеся в детском уголке еврейской газеты «Утро свободы».

Аккуратно наклеенные вырезки из неё составили объёмистый альбом, сохранявшийся как главная семейная ценность. Посещения социалистических митингов позволяли ощущать себя борцами с капиталистическим гнѐтом. И будущее, при всей сложности, рисовалось ярким и исполненным смысла.

«Работа на босса» была потеряна Морисом, как и сотнями тысяч таких, как он, вскоре после «чѐрного четверга» на Нью-Йоркской бирже в 1929-м, положившего начало Великой депрессии. Ждать лучших времѐн, существуя лишь на заработок жены, он не захотел. Единственное в мире советское государство не только не знало безработицы, но и приглашало на работу иностранных специалистов. Ида, вступившая в компартию США, убеждала ни в каких партиях не состоявшего мужа, что только в СССР они получают уверенность в завтрашнем дне, а их дети — высшее образование.

В сентябре 1931 года на пароходе, следовавшем рейсом Нью-Йорк — Ленинград, с американскими гражданами, преимущественно восточноевропейского происхождения, находились и Морис с сыном. Ида с дочерью приехали к ним летом следующего года и увидели, что никого из уехавших с Морисом и Полом американцев в зерносовхозе «Шахтѐр», что недалеко от Донбасса, уже не осталось. Причина объяснялась на разных языках одной фразой: «В этой стране жить невозможно». Морис поругался на всю жизнь со своим близким другом, вернувшимся в Штаты: «Миллионы людей тут живут, а ты, цаца такая, не можешь!» Шикман остался. В декабре 1933-го он был переведѐн Наркомземом в посѐлок Бавлены тогда Ивановской, а ныне Владимирской области, где работал техническим контролѐром, а затем начальником ОТК машинно-тракторной мастерской. В этом же году сюда приехали очередные 70 американских спецов, и хотя через год их осталось только семеро, у Мориса было с кем пого-

ворить по душам. Время делилось между работой и хозяйственными заботами. Он жил в бараке с печуркой, без водопровода. Ида преподавала в школе в райцентре Кольчугино, жила в общежитии и с мужем встречалась только по воскресеньям. Но он ни о чём не жалел. Пол и Норма поступили на рабфак при Московском институте иностранных языков. На детей обычно переносятся несбывшиеся желания родителей. Мечта владевшего многими профессиями самоучки исполнилась: его дети получали высшее образование. В 1936 году вся семья приняла советское гражданство.

КАК ОТКРЫВАЕТСЯ ИСТОРИЯ

Ещё мальчишкой я слышал, что мой дед по отцу был арестован и дальнейшая его судьба неизвестна. Восьмилетним на московском вокзале я вместе с родными встречал вернувшуюся после семи лет лагерей тётку Норму и помню, как поразила меня её телогрейка. И это всё «в меня запало и лишь потом во мне очнулось». Студентом-вечерником в 1974-м на лихую фразу институтского профессора: «Любой сифилитик называл себя жертвой культа личности Сталина», — я ответил «провокационным» вопросом: «Сколько в нашей стране было сифилитиков?» И всё же жуткая суть случившегося ошеломила и раскрылась для меня много позже. На антресоли квартиры моей тётки, Нормы Шикман, единственной из той семьи, дожившей до наших дней и вернувшейся в США в начале 90-х, я нашёл старый, потрёпанный отцовский словарь «Webster». В нём лежала пачка запросов, сделанных бабушкой Идой и отцом по поводу судьбы моего деда М. Б. Шикмана, со множеством стандартных ответов: «сведений нет», «по прописке не значится», «не проживает», «разъясняю, что по этому вопросу следует обратиться в органы милиции», «„Правда“ объявлений о розыске родных не печатает»...

Беззлобная жестокость отписок замечательна тем, что точный ответ на эти запросы был известен. Его выслали Норме Морисовне Шикман 24 июля 1990 года: «Управление КГБ СССР по Владимирской области лишь спустя долгие годы может в настоящее время сообщить Вам действительную судьбу Вашего отца...»

В этом сообщении есть одна ошибка — неверно указана дата ареста Мориса Борисовича, и одна неправда — его жене Иде

Григорьевне, умершей в Москве в 1979 году, не присылали справки о реабилитации её мужа. Но удивляет не это.

Если Морис был виновен в том, в чём его обвиняли, то скрывать действия властей не было нужды. Однако скрывали. В 1956-м было официально признано «отсутствие состава преступления», тем не менее его близких продолжали мучить неизвестностью.

КАК СТАНОВЯТСЯ ИЛИ НЕ СТАНОВЯТСЯ ШПИОНАМИ

Работавший начальником ОТК, но числившийся контролёром (отличный механик, но не имевший специального образования), Морис Шикман отказался пропускать будто бы исправные трактора, которые через несколько дней неизбежно вернулись бы в мастерские. Он всё-таки был ненастоящий советский человек и не понимал разницы между работой и выполнением плана.

15 января 1938 года районная газета «Голос кольчугинца» в редакционном материале сообщила об очередном факте вредительства в сельском хозяйстве: «В Бавленской МТМ... имеет место явно подрывная работа со стороны отдельных работников МТМ. Например, некий Ковалёв и Шикман с целью затормозить ход ремонтных работ забраковывают совершенно годные части от моторов и других машин. Директор МТМ тов. Кривошеин проявляет либерализм к этим „незаменимым“ работникам».

Так получилось, что это разоблачительное сообщение не прочли те, кого оно более всего касалось. В день выхода газеты Морис и Ида Шикман находились в Москве на заседании суда, рассматривавшего дело их сына.

Ему, исключённому из комсомола за то, что не проявил бдительность, живя в одной комнате общежития вместе с однокурсником, разоблачённым органами врагом народа, сидеть бы тихо. А Пол, переименованный начальником паспортного стола в Павла, в праздничную ночь 31 декабря 1937 года разбил магазинную витрину и дождался приезда милиции. Он отказался от адвоката и на суде защищал себя сам. Свой поступок объяснил тем, что на стипендию не проживёшь, а устроиться на работу не получается: отказывают сразу же, как только узнают, что он «американец». Его логичный вывод: если не позволяют работать, пусть разрешат уехать в США — мог искалечить ему жизнь. Возможно, положение спас дед. В коротком убедительном выступлении Морис

Шикман попросил суд, приняв во внимание, что Павел приехал в СССР «без языка», пережил вместе с семьёй все трудности, разрешить поехать вместе с сыном в место отбытия наказания. Приговор был мягок не по времени: Павлу Шикману дали условный срок, обязали выплатить стоимость разбитого стекла и освободили из-под стражи в зале суда.

Вот почему о публикации в районной газете Морис и Ида Шикман узнали слишком поздно, а прочесть заметку удалось только мне в газетном зале РГБ в совсем другие времена. В жизни же моего деда эти несколько строк стали началом его «дела». 15 января напечатали. 21 января «отдельные работники» МТМ были арестованы.

Ему позволили оставить записку родным. Этот листок пронумерован и вшит в следственное дело его дочери Нормы Шикман. С одной стороны, на ломаном русском: «Я арестован не знаю почему. Не беспокойтесь. Деньги я оставляю в мой пиджак в шкафу. Все печатанные наши забрали собою. Будте здоровы. Живите спокойно пока не выяснится почему мне арестовали 21/1 38 г.». С другой — на еврейском: «Не бегите, не ищите. Меня и Украинца арестовывают. Едем в Кольчугино. Приговор Полу мне почёта не прибавил».

Это последние сохранившиеся строки моего деда. Множество других, написанных его рукой и им подписанных, ему не принадлежат, подтверждая наблюдение Юрия Тынянова, что документы лгут, как люди.

Я перелистываю их в читальном зале архива ФСБ. Ордер на арест, где перевернуто даже имя. Феерически безграмотные протоколы допросов, «откровенные и полные» признания обвиняемого, специфический язык которых не оставляет никаких сомнений в их авторстве («я — Шикман, как активный участник контрреволюционной диверсионно-вредительской группы, орудовавшей на...»), обвинительное заключение, решение «тройки» о расстреле, информация об исполнении приговора 4 октября 1938 года. Вся формальная сторона механики массового уничтожения людей. В отдельном конвертике — выданный всего лишь за два года до ареста советский паспорт.

21-го он ещё не знал, почему его арестовали. Прошло шесть дней, и он признался во вредительстве, а после двухмесячного заключения — в шпионаже в пользу США. На листе протокола от

2 апреля 1938 года, объявляющего об окончании следствия, стоит его, с трудом выведенная, ужасная подпись.

Я никогда не узнаю, что делали с моим дедом, чтобы слепить в неисчисленной череде дел это «дело»: избивали, не давали спать, издевались или сочувственно предлагали пожалеть жену и детей... В архивной папке об этом ни слова. Как нет никаких упоминаний о драгоценном альбоме с газетными вырезками — «все печатанные наше».

Мир меняется быстро, и всё забывается. «В настоящее время установить точное место захоронения Шикмана М.Б. не представляется возможным».

Иду Григорьевну Шикман арестовали 8 февраля 1938 года по обвинению в антисоветской и шпионской деятельности, а 19 февраля 1939-го освободили, определив, что «оснований для предания её суду нет». Достаточно прочесть её следственное дело, чтобы найти основания для нескольких «дел». Запротоколированные свидетельства коллег: ученики на перемене бросали тряпку в портреты вождей, а «она не поставила в известность»; сравнивала жизнь учителей в Америке и СССР не в пользу последнего; заявила на собрании, что «органы НКВД тоже делают ошибки». Наконец, её муж сознался во вредительстве и шпионаже. И зачем понадобился суд, если «тройки» никто не отменял?

В этом случае нет ни ошибки, ни чудес. В 1938 году Л. П. Берия, выполняя волю Сталина, собрал компромат на Н. И. Ежова и сменил его на посту наркома внутренних дел. Лаврентий Павлович начал свою деятельность чисткой НКВД, заменяя старых работников своими людьми и пересматривая некоторые дела. Так появился «противопоток» 1939 года. Арестованный вместе с дедом, такой же, как и он, «американец», Украинец уже был расстрелян. А проходивший по этому же делу инженер Ковалёв, упомянутый вместе с дедом в газетной статье, не только остался жив, но и был выпущен на свободу. Ида Шикман, как большинство тех, кто уцелел во время Большого террора, так ничего и не поняла, полагая, что если бы не мерзавец Сталин, то коммунизм уже бы победил и не была бы загублена жизнь множества невиновных людей. Она жила в Казахстане, поближе к лагерю, где отбывала срок её дочь Норма, потом в Москве и почти до конца долгой жизни надеялась на чудесное спасение давным-давно убитого мужа.

КАК ФСБ ИСПРАВЛЯЕТ БЫЛЫЕ «ОШИБКИ»

В Москве на мою тётку Норму глазели прохожие. В лютый мороз она ходила с непокрытой головой. Так привыкла в заключении, потому что она, женщина, не желала снимать шапку перед лагерным начальством. В Бостоне, где она сейчас живёт, морозов нет. Она профессионально владеет английским, русским, идишем, и множество её учеников рассеяно по обе стороны Атлантического океана. С ней непросто ходить рядом. Лёгкая, подвижная, она стремительно несётся по переходам московского метро. В свои 82 года, с синим американским паспортом она прилетела в Россию читать своё следственное дело.

После ареста родителей от неё потребовали отречься от них. Она не только отказалась это сделать, но и вопреки советам друзей (ведь посадят!) выступила на комсомольском собрании, заявив, что обязательно придёт день, когда её отец и мать будут признаны невиновными. Её исключили из комсомола с формулировкой: «За связь с врагами народа и за недоверие к НКВД», но дали закончить институт. А посадили спустя одиннадцать лет за измену родине. В своих дневниках, показанных близкому человеку, она написала: «Я не хочу жить в стране, где невинно страдает мой отец». Следствие, Особое совещание, срок, этап, Джезказган, откуда она написала матери, чтобы её не ждали — отсюда не выйти...

Сотрудник ФСБ был предупредительно-вежлив:

— Вопрос о дневниках ещё не решён. Но, вероятно, будет решён положительно... Наверное, завтра... Лично я считаю, что нужно отдать. А вы пока можете знакомиться со своим «делом»...

Я работал во многих архивах, но в этот попал впервые, сопровождая Норму. В пустой комнате она вслух читала собственное «дело», прерывая чтение ирреальных формулировок не то стоном, не то шёпотом: «Ведь это же неправда!» — и объясняла мне то, что и так было понятно до очевидности. Давно и полностью реабилитированная в СССР, полноправная гражданка США, со своей изуродованной, но состоявшейся жизнью, она всё ещё пыталась что-то объяснить и в чём-то убедить уже наверняка покойного следователя.

Через пару дней я нёс портфель, туго набитый отданными ей в ФСБ тетрадами дневников, отобранными у неё ровно 50 лет тому назад как вещественное доказательство и потому сохранёнными. Любезному сотруднику ФСБ она оставила листок с перечнем

страничек «дела», с которых попросила снять ксерокопии. Сделать это он пообещал, но (ну никак не успевают!) уже после отъезда Нормы в США. Мне было понятно, что если просьбу Нормы действительно собирались выполнить в будущем, то вполне могут это сделать и теперь. Ещё больше удивил меня вежливый сотрудник, когда на мой вопрос, что необходимо, чтобы познакомиться со следственными делами моих деда и бабушки, ответил, что Норма должна оформить на меня доверенность. Ответ этот был столь нелеп, что я закончил беседу. Через какое-то время мне позвонили домой и сообщили, что я могу взять сделанные ксерокопии документов, но не всех: некоторые копировать, к сожалению, нельзя.

Никаких доверенностей на меня никто не оформлял. Я подал обычное заявление и по прошествии определённого времени был приглашён в архив знакомиться со следственными делами моих родственников. Сотрудница вручила мне интересующую меня папку с документами, но часть их была закрыта обёрточной бумагой, на которой было написано: «Стр. 49–64 не знакомить». Она с вежливой улыбкой сообщила мне, что это решение УФСБ по Владимирской области, где и хранятся эти дела. Если я имею какие-нибудь претензии, то могу обратиться к ним за разъяснениями.

Я заглянул в свою папку с присланной мне из Бостона копией архивного дела, давно уже сделанной Норме друзьями из общества «Мемориал», и сказал сотруднице, что в закрытых от меня страницах нет не только сегодняшних тайн России, но нет даже тайн страны Советов. Это я не предполагаю, а знаю. Мне известно их содержание.

— Вы что, уже видели это «дело»?

— Нет. Но у меня есть его рукописная копия, присланная из США, и если у Владимирского УФСБ есть какие-нибудь претензии по этому поводу, они могут обратиться ко мне за разъяснениями.

Своих «претензий» Владимирскому УФСБ я не высказывал. Я догадываюсь, почему от меня скрыли листы архивного дела. На них стоит гриф «Секретно» или «Сов. Секретно». И не важно, что гриф этот появился в 1955 году, что эти страницы — немногие в деле — с очевидностью доказывают нелепость обвинения и вызывают чувство признательности к человеку, их написавшему. Я, как и моя американская тётка, столкнулся со столь хорошо знакомой любому советско-российскому гражданину запретностью, воплощённой в прославившем Асися-Полунина возгласе: «Низзя!»

Это «низзя», как и попытки вернуть на старое место памятник Дзержинскому, конечно, можно объяснить просто глупостью, чиновной инертностью и тому подобным, что тянется, как шлейф несуществующего наряда. Однако часто и свысока повторяющийся призыв «Возродить великую державу» заставляет предполагать иное и вспомнить вопрос Козьмы Пруtkова: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?»

КАК И КТО ПЛАТИТ ЗА «ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ»

Обычный россиянин, хоть немного знакомый с деятельностью государственных органов любого уровня и практикой нашего законодательства, знает, что независимо от его достатка у него ничего нет. В приватизированной квартире ему принадлежит только пространство между полом и потолком. Его счёт в банке можно завтра превратить в пустоту, спрятанную «в чулок» свободно конвертируемую валюту объявить незаконной. Его можно лишить свободы, здоровья, жизни, не понеся за это наказания, но с детских лет он непоколебимо уверен, что живёт в великой державе.

Последний факт почему-то преисполняет большинство граждан чувством гордости. В. Даль так объясняет слово «великий» — «превышающий обычную меру». Например, при Петре I, в результате проведённых реформ, коснувшихся всех сторон жизни общества, Россия превратилась в Российскую империю, в одну из могущественных европейских держав. Цена этих реформ, выраженная человеческими жизнями, равна седьмой части населения. Историк и писатель Н.Я. Эйдельман объяснил, что «для времени Петра это было то же самое, как если бы ныне *вдруг* (не дай-то бог!) в нашей стране исчезло 40 миллионов человек!». При этом, оставшиеся стали платить втрое больше налогов, не став ни свободней, ни счастливей. А ведь в других, невеликих, странах тоже флот строили, заводы ставили, газеты печатали и даже бороды брили... Дело в том, что наш государь «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» (В. О. Ключевский). А небывалое величие державы при «товарище Сталине» обеспечивалось таким превышением «обычной меры» загубленных миллионов людей, что по сегодняшней информации их подсчёт приблизителен настолько, что почти лишён всякого смысла.

В современных деяниях политических, экономических, религиозных и иных меня поразили публикации, посвящённые событию 30-летней давности, которое известно как «советско-китайский вооружённый конфликт» на крохотной полоске земли, называемой китайцами Женьбао, а у нас — Даманский, где в 1969 году погибли 58 и были ранены 99 наших мальчигов-солдат во время идеологического спора Китая и СССР, переросшего в спор территориальный. А через 30 лет стало очевидным: и островок этот нам не принадлежал, и решать проблему могли дипломаты, а не военные. И нет ни правых, ни виноватых, потому что во власти сменяют друг друга временщики, друг за друга не отвечающие, а казённые гробы давно уж истлели.

Если бы сегодняшние фээсбэшные начальники понимали, что хотя бы потому, что они согласились сесть в свои кресла, они не могут не нести ответственности за своих предшественников, то ни в чём не повинному человеку, потерявшему любимого отца, отбывшему семь лет сталинских лагерей, лишившемуся семьи и счастья материнства... да они бы ей не какие-то дурацкие странички — всё «дело» скопировали бы, раз ей это зачем-то понадобилось, чтобы хоть отчасти загладить вину и скрасить изувеченную жизнь. Но в том-то и дело, что снизу доверху ни один государственный человек ни за кого и ни за что не отвечает. Сначала потому, что он — власть или выполняет её, вышестоящей власти, распоряжения. Потом потому, что приходит другой, выдающий предшественникам отпущение грехов как вольных, так и невольных и начинающий жизнь «с чистой страницы». Так было «при социализме». И ничего не изменилось сейчас. Задавались ли вы, читатель, вопросом: «Государство в нашей стране — это кто?»

Лишь несколько строк из стенограммы встречи В.В. Путина с родственниками экипажа подводной лодки «Курск» 22 августа 2000 года:

«Женщина: Мой сын 15 лет на Севере работал! Не ел, не пил, детям не мог ничего купить. И только ценой смерти заработал нам квартиру! Почему? О живых надо заботиться было!

Путин: Мне не хочется говорить это. Но вы мне не оставляете выбора. За те 100 дней, которые я являюсь президентом, я готов ответить. За все остальные 15 лет я готов сесть с вами за одну скамейку и задавать эти вопросы другим».

Ответ, достойный человека, попавшего в президенты из слесарей-сантехников после революционного свержения предшественника.

Моя страна, к сожалению, не уникальна. Кроме России, есть и другие, подобные ей «великие державы». Но мне бы хотелось жить не в великом, а в нормальном государстве для людей. Где граждане успевают следить за сменой законов, а государственные деятели делают политическую карьеру не только ради решения своих персональных проблем.

Пока власть занята своим самосохранением и самосовершенствованием, число тех, кто убеждён, что они самые замечательные, быстро увеличивается. Они идут по улице, едут в автобусе и метро и, то ли подражая рекламе, то ли друг другу, пьют на ходу разнообразные напитки, оставляя ёмкости там, где их опустошили. Они разговаривают, метая вокруг себя пространство плевыми и цедя однообразный мат исключительно для связки слов в предложении. Они мочатся в подъездах и блюют в лифтах, оставляют после себя помойку в любом месте, где отдыхают. Они несутся, не притормаживая, на автомобилях, даже если вы стоите на середине пешеходного перехода. И в подтверждение их правоты над забором мелкооптового рынка «Битца» гордо высится: «Здравствуй, наша Москва! Здравствуй, лучшая в мире столица!»

КАК СХОДЯТСЯ КОНЕЦ И НАЧАЛО

Жизнь моего отца трудно назвать счастливой. Мечтавший стать инженером, он поступил в Московский институт иностранных языков — единственный, где языковый барьер не слишком мог бы помешать учёбе. Закончил его с отличием в 1940 году и был призван в РККА. С лета 1942-го — на Ленинградском фронте. Через два года получил тяжёлое ранение, а после излечения был направлен преподавать в Военный институт иностранных языков в Москве. В 1949-м, во время борьбы с «космополитами», был демобилизован и оказался на улице. Уже семейный человек, лишённый средств к существованию и возможности трудиться по специальности в любом городе страны, он отправился в Министерство просвещения со своим красным дипломом и Конституцией, в которой ему гарантировалось право на труд. Там ему разъяснили, что право у него есть, но о работе в городе и в вузе

в Конституции нет ни слова. И предложили на выбор три точки нашей бескрайней страны. Отец ткнул пальцем в первую попавшуюся и оказался школьным учителем английского языка в посёлке Комарово Любытинского района Новгородской области. Только после смерти «великого вождя» отец смог вернуться в Москву. Он был переводчиком и, будучи человеком обязательным, работал на совесть. По 10–12 часов в день он сидел за пишущей машинкой, обложенный русско-английскими специальными словарями, и неутомимо шерстил «Webster». Апофеозом этого нелюбимого, но кормящего семью труда стал перевод на английский книги Л. И. Брежнева «Малая земля». Ну и, конечно, до конца своих дней Павел Морисович Шикман был невыездным. Он умер, не дожив до 63 лет, за несколько дней до рождения сына моей сестры, которого назвали Павлом.

Сейчас этого мальчика зовут Пол. Он живёт вместе с сестрой и нашей старенькой мамой в столице штата Теннесси, Нэшвилле. Так решила сестра, не захотевшая, чтобы её единственный сын был взят на военную службу, где возможны дедовщина, очередная война и всё что угодно. Человек не может жить без проблем, но эти проблемы должны быть иного порядка. Пол учится в университете и в Россию если и вернётся когда, то так же, как и моя сестра, — только в качестве туриста.

Шестьдесят пять лет спустя после того дня, как мой дед и отец сели на пароход, следовавший рейсом Нью-Йорк — Ленинград, все оставшиеся в живых члены семьи возвратились или уехали в США.

Только я остался в старой «новой России», потому что очень хочу жить дома. Но до омерзения знакомые лица продолжают повторять истёртые слова всё с теми же проникновенными интонациями. Где начало того конца...

Мориса Шикмана убили за десять лет до моего рождения. Но если в 2000 году я, 52-летний внук, читаю «дело» моего навечно 45-летнего деда, которое до сих пор не стало историей, то должен же быть во всём этом хоть какой-то смысл.

Мечты о стабильном учебнике истории в нестабильное время¹¹

Трудно создать стабильный учебник по истории в нестабильное время. Зеркальная ситуация была в двадцатые годы, когда на смену доступному, занимательному учебнику истории монархиста С. Платонова пришёл яркий, талантливый, хотя и переполненный «экономическим материализмом» учебник марксиста М. Покровского. Как известно, в жизни всё бывает дважды. Используя сегодня на уроках истории учебник Л. Жаровой и И. Мишиной «История отечества. 1900–1940» (М., 1992), можно проследить, как на смену старой идеологии приходят новые мифы. «Признавая право классового подхода на существование, мы отдаём приоритет общечеловеческим ценностям при анализе исторических событий» (с. 5), — заявляют авторы, искренне убеждённые, что нашли «новые подходы к изучению истории».

Взгляд на историю с тем или иным «приоритетом» (классовым, религиозным, национальным, общечеловеческим — без разницы) не нов и афористично определён М. Покровским: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Так создавались исторические труды славянофилов и западников, монархистов и коммунистов. Во всех этих историях есть ценные приобретения, но они есть не что иное, как история ножниц и клея во имя той или другой схемы. История — это не коллекция фактов, из которой составляется нужное изображение. История — это исследование, поиск ответа на поставленный вопрос. «Поэтому не надо бояться „неправильных“ ответов», — убеждают авторы. Конечно, не надо,

¹¹ Впервые опубликовано: Мечты о стабильном учебнике истории в нестабильное время // Учительская газета. — 1994. — 12 апреля. — С. 10.

особенно когда учишься. Бояться нужно неправильных без кавычек вопросов, на которые невозможно дать правильный ответ. На с. 146 детям предложено задание:

«Попытайтесь по приведённым ниже характеристикам двух лидеров составить внутренний портрет каждого автора.

Ленин о Керенском (в 1917 г.):

«Демократ» Керенский приглашён в новое правительство только для того, чтобы создавать видимость «народного» правительства, чтобы иметь «демократического» краснобая, который говорил бы народу громкие, но пустые слова, в то время как Гучковы и Львовы будут делать антинародное дело».

Керенский о Ленине (в 1953 г.):

«Он был великим организатором. Его сила была в умении организовать. С другой стороны — и это очень важно знать, — ему не были ведомы в политической жизни такие понятия, как уважение к другим, сдержанность, верность политической линии. Он был готов на что угодно, если в этом нуждались партия и «мировая революция».

Что рассчитывали услышать авторы — понятно. Но вот как на практике выглядит провозглашённый «приоритет». Потому что если не знаешь, что ищешь, то не понимаешь того, что находишь. Прежде всего, приведённое сравнение некорректно. Ленин высказался о Керенском в разгар политической борьбы (1917). Керенский вспоминает Ленина в эмиграции, на покое (1953). Из приведённого авторами задания дети могут узнать, как нельзя сравнивать; объяснить, как важна хронология для правильной постановки вопроса; понять, что для поставленной авторами задачи необходимо искать иные источники; и, наконец, на личном примере убедиться, что не любой типографским способом изготовленный текст учебника требуется воспринимать как истину.

Хорош ли новый учебник? От учеников я не слышал похвалы этой книге: «Тяжело читать текст, часто прерываемый то вопросами, то „фактами“, то „личностью“. „Личность“ — начало без конца. Из-за частокола мнений трудно пользоваться как учебником, т.е. учить какой-то материал». «Я бы эту книгу не купил просто читать» и т.д. Одобрение получила только патриотичная трехцветная обложка. Но, положила руку на сердце, много ли вы, читатель,

видели учебников, которые с восторгом читают дети? Мне известен лишь один случай: умный и весёлый задачник Г. Остера. Но он, к сожалению, не по истории. Впрочем, если показать, на что пригоден любой учебник, отношение к нему всё-таки меняется. И мыслящий ученик точно знает, как надо ответить на вопрос Лихтенберга: «Когда книга сталкивается с головою и при этом раздаётся глухой пустой звук, разве всегда виновата книга?».

Как сказал мой молодой коллега: «Этот учебник хорош для того, кто историю знает». Значит, учитель может с ним работать. Откроем с. 179. Прочтём вместе с учениками: «Какой по характеру будет власть, установившаяся в стране? Чьи интересы она будет отражать? Какими методами будет осуществляться руководство страной — демократическими или диктаторскими? На эти вопросы в первые месяцы после Октября нельзя было ответить определённо и однозначно».

Так уж и нельзя! Не только в первые месяцы — в первые дни и даже до Октября это определённо и однозначно сделали Г. Плеханов, В. Бурцев, М. Горький и др. Но даже если этого не знать, если позабыть, что устанавливалась не диктатура класса, а партии, а поэтому, как писал П. Аксельрод, «большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог», даже в этом случае ученики вспомнят численность пролетариата и беднейшего крестьянства и сделают однозначный вывод о том, что устанавливающаяся диктатура была диктатурой меньшинства населения страны. Каким же образом нелегитимное меньшинство может осуществлять неограниченную власть? Ответ очевиден, и нет нужды читать следующий абзац. К тому же авторы предлагают вспомнить историю якобинской диктатуры. Что ж, вспомним. Нужно это не для того, чтобы увидеть сходство, а дабы уяснить различие. Во Франции террор якобинцев в экономических целях, несмотря на горы трупов, был лишь эпизодом революции, а сами якобинцы — бревном, лежащим на пути буржуазного развития страны. И когда преграда была убрана, начался быстрый, бурный рост жизнеспособного капитализма. В России же идея бестоварного производства была сутью Октября, иначе, как писал Ленин, «мы скатимся назад, как французская революция». И если 125 лет тому назад якобинцам «ещё извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих „избранных“ и громами декламаций, то теперь...» Вот почему

якобинцы были дилетантами террора, а большевики обязаны были стать профессионалами. Зная всё это, забавно читать размышления авторов о пролетарско-крестьянской демократии (?!), которая «в полной мере» не сумела раскрыться. А не в полной? Солагательное наклонение в учебнике по истории для детей правомерно и необходимо. Поговорить о несбывшихся возможностях не менее интересно, чем о реально происшедшем. Но о возможном, а не о придуманном.

То и дело текст учебника перебивается вставкой «Факт». Столь часто упоминаемый термин вообще-то требует объяснения. Школьники этого не знают, но учителя знать обязаны: вопрос о том, чем является исторический факт, имеет большую литературу. В обыденном сознании факты воспринимаются как кирпичи, из которых складывается историческое знание. Выдаются эти «кирпичи» в готовом виде в архивах, библиотеках, музеях. Задача историка в том и состоит, чтобы их отыскивать и демонстрировать современникам. Если бы это было на самом деле так, мы были бы вынуждены признать, что история нам даётся в готовом виде и мы можем лишь повторять чьи-то слова, как единственную истину. Ю. Тынянов заметил, что документы лгут, как люди. То, что мы получаем в качестве готового материала (факта), на самом деле является лишь источником, из которого историк выбирает важное, отбрасывает ненужное, критикует его, исправляя ложь, ошибку, восстанавливая то, о чём прямо не сообщается. Установить факт — значит выработать его. Для историка, воссоздающего прошедшее, фактами являются любые данные, которые могут при анализе давать ответы на поставленные вопросы. Факт — это определённый ответ на конкретный вопрос. Качество этих ответов зависит от историка. Так же как картина — создание художника, а не предметов, которые он написал. Помня всё это, откроем один из многих так называемых «фактов».

«Факт». Определённым влиянием в России тех лет (1916–1917 гг. — А. Ш.) пользовались масоны. Они объединялись в за-
конспирированные организации, деятельность которых до конца неизвестна. Масоны благодаря близким связям и доверительным контактам координировали совместные действия. Однако сами масоны своё влияние на ход революционных событий сравнивали со светом свечи на фоне вспышки молнии» (с. 108).

Здесь что ни предложение, то вопрос без ответа. Характерная логическая ошибка, считающая доказанным то, что требуется доказать. «Определённым влиянием» — каким? в чём? на кого? Какие «совместные действия» координировались? «Сами масоны» считали своё влияние на ход революции ничтожным. А на самом деле? Где же факт? В лучшем случае мы знакомимся с недостаточно аргументированной «точкой зрения». Откройте монографию А. Авреха «Масоны и революция» (М., 1990) и посмотрите на работу историка с фактами по данному сюжету.

Авторы, безусловно, правы говоря об истории как гуманитарной науке через личностное восприятие. Я не соглашусь с ними в их оценке просвещения народа в 1917–1920 гг. Когда мне сообщают, что «53,6% рабочих до революции умели читать и писать», я не забываю, что таковыми считались и люди, умевшие расписаться. Картинка Б. Пильняка: «В Москве на Мясницкой стоит человек и читает вывеску магазина «Коммутаторы, аккумуляторы»:

— „Ком-му... таторы, а... ккому... лядторы...“, — и говорит: — Вишь, и тут омманывают простой народ!..» При подобной грамотности сожалеть о развитии просвещения не вглубь, а вширь, по-моему, нельзя. Это моё мнение авторы вправе отнести к «точке зрения». Но вырывать цитаты из контекста, дабы придать им смысл, которого не существует, уже противоречит правилам науки, к которой, как мне кажется, авторы относятся с любовью. Пусть читатель прочтёт на с. 232 учебника цитату из письма Ленина Горькому, а потом откроет 51-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина на с. 48 и, прочтя письмо, ответит на вопрос: какое отношение к советской школе имеет эта цитата?

В учебнике есть и утверждения (не «точки зрения»), мягко говоря, спорные. «В тех странах, где имелись гарантии экономических и гражданских свобод, нередко отдавалось предпочтение представительным формам демократии (парламенты). В России же исторически преобладали элементы непосредственной демократии: на вече или на общинном сходе вопросы решались всем миром. Власть в таких условиях обычно не воспринимается как ценность» (с. 162).

Во-первых, в XI–XIII вв. Русь намного меньше отличалась от западноевропейских стран, чем впоследствии. В 1265 году английский король присягал первому парламенту, а во Владимире

в 1211 году Всеволод Большое Гнездо созывал собрание разных сословий. В Европе были кортесы, сеймы, у нас — вече. И там, и здесь в них участвовали и феодальные городские верхи, и простолюдины. И здесь, и там главная роль принадлежала первым, а не вторым. Принципиальных отличий нет. Но на Руси естественное развитие было прервано монгольским завоеванием. Больнее всего удар пришёлся по городам, и из-за отсутствия третьего сословия самодержец в России обладал властью значительно большей, чем его западноевропейский коллега. «Становление российского самодержавства» шаг за шагом, силой и большой кровью сокрушало старинные вольности. Кто же за них боролся, если они не воспринимались как ценности? Будто и не было исследований С. О. Шмидта, В. Б. Кобрин, А. А. Зимина, Н. Я. Эйдельмана... А во-вторых, когда из этих вот вечевых времён пытаются вывести историческое обоснование альтернативы демократии или диктатуры в 1917 году, то трудно сдержать улыбку. Ладно. Хватит.

Так что же, зря написан этот учебник? Ни в коем случае. В нём сделана честная попытка переписать партийную историю с точки зрения науки. Пусть некоторые историко-биографические материалы авторов оставляют желать лучшего не только по содержанию, но и по форме (Троцкий: «Отличался выразительной внешностью»; Сталин: «Отличался пытливостью и настойчивостью» (с. 264)). Важно само напоминание, что история — наука о человеческих деяниях, что главные субъекты истории — люди, говорим ли мы об экономике, политике, военном деле или религии. Огромным достоинством этой работы является знакомство учеников с разными точками зрения на исторические проблемы, что побуждает учащихся думать самим, а не повторять написанное. Одна из главных задач любого учебника — подвести ученика к пониманию необходимости пользоваться не только им. Поэтому было бы хорошо сделать ссылки на книги и статьи в тексте учебника или дать их список по конкретным проблемам в приложении. Есть, как мне кажется, хорошо сделанные главы: например, о нэпе, образовании СССР. Интересно и то, что создали этот учебник не ученые-педагоги, коим это по штату положено, а учителя. Написали, используя громадный материал, так, как смогли. Думаю, что в ближайшие годы появится немного альтернативных учебников. Дело это трудоёмкое и неблагодарное.

По-видимому, авторы будут вносить поправки в свою работу. Будут это делать и те, кто учебником пользуется. Если из этих субъективных замечаний что-то пригодится, значит, они были написаны не напрасно.

Уже упоминаемый мною М. Покровский в 1924 году писал: «Впервые ставшая передо мною во всей своей грандиозности действительно материалистическая картина русского исторического процесса открыла передо мною ряд прорех в моих старых изложениях русской истории — но чинить их как следует было... некогда». Обращаясь к своим преемникам, он сам отдал себе должное: «Они признают, что уж кому-кому, а нам, работавшим в сверхдьявольской обстановке, нельзя ставить всякое лыко в строку..., что благодаря нам им есть с чего начать». Согласимся.

ПРОЩАЙ, ПРОФЕССИЯ¹²

Каким-то образом многое замечательное в жизни проходит мимо меня. Недавно выступала по телеканалу «Культура» милая женщина, к тому же замминистра образования, и на вопрос ведущего о возможности воссоздания пионерской организации ответила, что такая организация нужна, тем более что вместо старого девиза дети придумали новый... Одиннадцать лет я учился в школе, преподаю в ней 24-й год. У меня взрослая дочь, и уже учится говорить и, надеюсь, думать внук, но за все эти годы я ни разу в жизни не видел детей, сочиняющих девизы. Нет, никогда мне не стать замминистра.

В последнее время меня вообще стал занимать вопрос, кто же я такой и чем занимаюсь? Тем более что этот вопрос заинтересовал не только меня.

АТТЕСТАЦИЯ

Две улыбающиеся женщины вошли ко мне в класс. Они представились, но их имён я не запомнил, так как видел их в первый и в последний раз в жизни. Послушав мой урок, поинтересовались: «Как вы относитесь к тестам?»

— Мне кажется, что тесты свидетельствуют только об интеллектуальном уровне их составителей.

— Это очень, очень лёгкие тесты. Мы дадим их вашим школьникам, чтобы сделать срез знаний. (Какой восхитительный

¹² Впервые опубликовано: Прощай, профессия // Неприкосновенный Запас. Очерки нравов культурного сообщества. — 1999. — № 4. — С. 50–53.

термин! — А. Ш.) А потом мы с вами побеседуем. Так, небольшие формальности...

Если вы, читатель, не имеете никакого отношения к школе, но слышали о размерах учительской зарплаты, то вам необходимо пояснить, что она может быть маленькой и чуть-чуть меньше. Всё зависит от присвоенной квалификационной категории. Вы пишете заявление по образцу, администрация школы — «объективку», а потом к вам придут методисты, предоставляющие своё заключение в аттестационную комиссию, которая сделает вывод о том, чего же вы стоите. Вот я, например, пока имеющий высшую категорию московский учитель (спасибо мэру Ю. Лужкову за регулярное получение зарплаты!), каждый рабочий день зарабатываю почти целую курицу. До целой немного не хватает из-за оплаты автобуса и метро.

Тесты, которые я не видел ни до, ни после выполненной детьми работы, впрочем, как и саму работу, собраны и куда-то убраны. Методисты, отложив в сторону написанный мной для учащихся и учителей двухтомник «Деятели отечественной истории. Биографический словарь-справочник» (М., АСТ-ЛТД, 1997), интересуются, как я повышаю свой профессиональный уровень, если не посещаю курсы повышения квалификации Московского института повышения квалификации работников образования (МИПКРО). Их волнует, как я отношусь к новым учебникам по истории и почему, в отличие от большинства учителей школ, не перехожу на «концентрический метод» изучения истории. Они просят отметить галочкой в списке моих книг и статей те, которые имеют отношение к школе (не для ознакомления, а для отчёта), любопытствуют, как это я, не работая по совместительству ещё где-нибудь, ухитряюсь жить на зарплату, получаемую здесь...

Через какое-то время мне позвонили из МИПКРО с просьбой приехать. Оказалось, что прокатиться через всю Москву было необходимо для того, чтобы почитать заключение методистов, процитировать блистательный канцелярит которого мне мешает лишь отсутствие данного документа, за знакомство с которым мне было позволено лишь расписаться. Я узнал, что, несмотря на урок, удовлетворивший высокие требования проверявших, мои дети, увы, дали весьма низкий «процент качества», что неудивительно при учителе, не использующем новые учебники, созданные

для «концентра» и не посещающем курсы МИПКРО. Поэтому аттестационной комиссии рекомендовалось продолжить ознакомление с моей педагогической деятельностью.

КОЕ-ЧТО О ТЕСТАХ

Давным-давно, когда английское слово *test* в школе не употреблялось, довелось мне почитать замечательные инструкции для директора школы, чтобы мог он уверенно и со знанием дела осуществлять контроль учебной деятельности вверенной ему организации. Приходил этот директор на любой урок и, вызывая всеобщий трепет пронизывающим взглядом и всеохватной эрудицией, не только задавал проверочный вопрос по любому предмету, но и поправлял путающегося школяра. Дело в том, что вопросы, как и ответы на них, были даны в готовом виде в инструкциях-шпаргалках. Самым главным было держаться уверенно и не перепутать последовательность слов в произносимом предложении, что для проверяющего с опытом административной работы было не очень сложно. Подобные вопросы соответствовали тогдашнему образовательному стандарту, ответы были однозначны, а форма контроля — эпизодической.

Сегодняшние тесты (я рассказываю, конечно, о тестах в нашем отечестве; их создание и использование в Западной Европе и США — тема особая и к моему рассказу отношения не имеющая), служащие совсем другим целям, существенно отличаются от инструкций тех времён. Дело в том, что после крушения советской системы образовательный стандарт находится в процессе обсуждения. Тесты же сочиняются всеми кому не лень и используются так, как захочется. Беру из толстенной пачки листов-тестов, взятых в учительском зале Исторической библиотеки (ГПИБ), лишь три для иллюстрации:

1. Почему декабристы были вынуждены выступить в декабре 1825 года ранее намеченного срока?

1. Внезапно умер Александр I;
2. Произошло объединение Северного и Южного обществ;
3. Они надеялись на крестьянские восстания;
4. План восстания был готов, и члены Общества не хотели терять времени.

Я, учитель истории, догадываюсь, что автор этого теста считает правильным первый вариант. Но здесь нет ни одного верного ответа, и доказать это до смешного просто может любой, кто знаком с историей не только по школьному учебнику. Однако на основании ответа на этот вопрос делается вывод об осведомлённости ученика, а не тестолога.

II. Первая российская революция начиналась как:

1. эмоциональная реакция на жестокую расправу 9 января, стихийно;
2. запланированное большевиками действие;
3. запланированная партией эсеров акция;
4. акция, организованная зубатовским «Собранием русских фабрично-заводских рабочих».

Правильный ответ в пункте первом. Но умный ученик, знающий историю Зубатова и Гапона, осведомлённый об участии в событиях эсеров и большевиков, понимающий смысл возникшего в предреволюционное время «вируса дезинтеграции», как изумительно точно определил это явление Пителим Сорокин, поймёт и бестолковость вопроса, и примитивность навязываемого ответа (как будто речь идёт об извержении вулкана или наводнении). Ученику же при таком задании думать не положено, ему надо «правильно» и в срок отвечать.

III. Нобелевскую премию за достижения в области науки получил в начале XX века русский учёный:

1. И. И. Мечников;
2. В. И. Вернадский;
3. П. Н. Лебедев;
4. К. А. Тимирязев.

Если учащийся не знает ответа на поставленный вопрос, что это незнание означает? Если бы Мечников (совместно с немецким учёным П. Эрлихом) не получил в 1908 году Нобелевской премии, стали ли бы его открытия менее значительны? Мысль Мечникова во многом работала в направлении идей Вернадского, Нобелевской премией не удостоенного. Задавая этот вопрос, что мечтал услышать составитель теста?

Все эти вопросы обращены к анонимному тестологу, а не к ученику, и поэтому превращаются в риторические.

ЧЕМУ И ЗАЧЕМ УЧАТ ДЕТЕЙ

Если почитать тесты, то ответ должен быть такой: учат чему угодно для участия в «брэйн-рингах». Как звали вторую жену Ивана Грозного? Назовите столицу Австралии? Сколько опер написал Глинка? Человек, быстро и точно ответивший на эти вопросы, может не знать ни истории, ни географии, ни музыки, но он станет Победителем и Знатоком.

Каждый день миллионы школьников выдавливают громадную массу всевозможных сведений, помнить которые вовсе не обязательно. Любой образованный человек знает, если нам нужна какая-то справка, мы открываем энциклопедию, словарь, монографию. Можно же учить так, что читать не понадобится.

Существует американская система «культурной грамотности». Получив кем-то определённый минимум знаний в разных областях, человек считается образованным. Любопытно, что именно в США социологическая Служба Гэллапа и Национальный фонд гуманитарных наук выяснили, что почти 90 процентов окончивших школу выходят оттуда не только с ничтожным объёмом усвоенной информации, но и не имеют никакого желания пополнять его в будущем.

Смысл образования вовсе не в том, чтобы после сдачи зачёта или экзамена в наших головах остались обрывки бесполезных сведений, сохраняющиеся лишь по прихотливой игре памяти. Любая наука начинается с осознания нашего незнания. Если не возникает вопрос, то незачем искать на него ответ, и нет необходимости заниматься исследованием, когда сам акт познания становится творчеством. Суть учительского ремесла в том и состоит: научить задавать вопросы (не только учителю, а самому себе), потому что с этого начинается самообразование, без которого серьёзное образование невозможно; пробудить интерес к своей науке, показать, что, в отличие от учебника, где на каждый вопрос всегда есть правильный ответ, в науке сплошь и рядом белые пятна. Мысль, которая афористически точно выражена В.О. Ключевским: «Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую».

Детей можно учить истории, а можно научить отвечать на вопросы тестов по истории. Это разное знание. Но специфическая наука достижения высокого «процента качества» меня никак не занимает, и с этим уже ничего не поделаешь.

О РЕФОРМАХ, НАЧАЛЬНИКАХ И ПРОЧЕМ

Отечественная школа пребывает в состоянии перманентных реформ образования, из которых ни одна не была доведена до конца. Последнему факту можно порадоваться, так как все декларируемые модернизации в лучшем случае ничего не меняли, но ухудшали почти всегда. Ничего удивительного в таком положении нет. Банальная истина: школа всегда аккумулировала в себе все государственные проблемы, являясь своеобразным увеличительным стеклом общественных изменений. Но школа никогда не существовала сама по себе. Она всегда была низшим звеном во властной вертикали.

Сложное положение образовательных чиновников во времена перестройки сменилось откровенной паникой после крушения советской системы. Это было сравнительно короткое, но восхитительное время. Десятилетиями формировавшиеся структуры оказались неработоспособны. Протянуть указующий перст инструкции ими же выпестованным учителям они не могли. Бездвестные учительницы стали писать учебники. Чуткие на конъюнктуру издатели запустили в оборот гимназические курсы старого доброго царского времени. Выживание всевозможных педагогических «учёных», «руководителей», «методистов» обеспечивалось лишь мудрым киванием головой, рассуждениями о необходимости «плюрализма мнений» и сменой взглядов на противоположные.

Помню, как в 1990 году я стал вести для старшеклассников свой авторский курс философии истории. Пришёл к директору школы, мудрому Леониду Исидоровичу Мильграму, и безо всяких бумажек объяснил, почему и чем хочу заниматься с десятиклассниками наряду с преподаванием истории. Никаких «согласований» и административных проблем с введением этой дисциплины в сетку часов не было.

Это время было восхитительным потому, что думающие и работающие в школе люди (от ученика и учителя до директора)

получили необходимую им свободу от чиновного творчества. Никакой необходимости «бороться», «пробивать» и т.п. не стало. Нищая учительская жизнь (как будто она когда-нибудь была другой!) в какой-то мере компенсировалась значимостью своего дела, возможностью выполнять своё предназначение.

Хотя после нескольких лет успешных занятий один из очередных «перспективных» сотрудников школы (перспектива открывалась, естественно, не для нашей школы, а для него после ухода на «повышение») попросил меня дать программу моего курса для «утверждения» в РОНО (не ручаюсь, что тогда эта организация называлась так, но значения это не имеет). А через несколько дней показал мне полученную «там» визу: «Утверждаю». И я стал вести курс уже с вышестоящего разрешения, чем и занимаюсь по сегодняшний день. Забавно здесь то, что ни на одном занятии «утверждавший» никогда не был, из представленной программы ничего вынести не мог, так как имена Джамбаттисты Вико, Бенедетто Кроче, Р. Дж. Коллингвуда и т.д., кроме впервые слышанных буквосочетаний, для него или неё никакой (ручаюсь!) понятной информации не несли.

То, что имеет начало, должно иметь конец. Он приходит не в одночасье. Всё чинно. Например, так: «В связи с переходом на 9-летнее образование, от линейного к двухконцентрическому преподаванию, на переходный 1993/1994 учебный год Министерством народного образования РФ определена новая структура преподавания истории и других общественных дисциплин» (см. инструктивно-методическое письмо МНО РФ 84-М от 11.05.93).

Если интересно, то посмотрите. Но я объясню короче. В девять лет надо пробежать то, что раньше проходили за десять. Чтобы формально изучить весь курс истории, необходимо его «резать» на другие периоды, соединяя материал пятого класса с шестым, шестого с седьмым и т.д. При этом часть информации уплотняется до полного исчезновения. И вот эта операция выдаётся в качестве инновации в педагогике.

Ноябрь 1996 года. По распоряжению окружного педагогического начальства, в связи со столетней годовщиной маршала Г.К. Жукова во всех классах необходимо провести беседы, выступления, лекции и т.п. Я не знаю, служил ли отдававший это распоряжение в «застойные» годы, но этот приказ ничем не отличался от требований двадцатилетней давности о необходимости серьёзного

изучения (естественно, от мала до велика) гениальной трилогии Л. И. Брежнева, которую надо было штудировать на классных часах, уроках (например, вместо греческой мифологии) и т.д.

Октябрь 1998 года. Естественно, «по просьбе самих педагогов и ребят» решено воссоздать пионерскую организацию, о чём сообщила председатель комитета по общественным и региональным связям столичной мэрии Л. Швецова.

15 января 1999 года вице-премьер В. Матвиенко, рассказывая, как успешно погашается задолженность учителям по зарплате, с трибуны Государственной Думы произнесла: «У некоторых присутствуют иждивенческие настроения. Нажмём, побастуем и получим» (информационная программа «Вести»). Обращаю внимание на «советский» лексикон былого времени и полагаю, что комментарии излишни.

КЕМ БЫТЬ

Весной 1998 года я был в командировке в Париже, где общался с замечательным историком Жаком Ле Гоффом, знакомился с работой французских преподавателей. И у них методист может прийти на урок для «аттестации» учителя. Но оказывается, что этот методист пишет этому учителю календарно-тематические планы, разрабатывает методику проведения конкретных уроков, а потом приходит проверять, как его рекомендации используются. При этом никакой власти над учителем он не имеет, и будут ли приняты его советы во внимание, зависит от их ценности и умения найти с учителем общий язык.

У нас же, зная прописную истину, что чем ниже стоит чиновник на иерархической лестнице, тем больше у него амбиций и своеволия, в качестве инструкции по спасению можно использовать совет из книги Д. Мережковского «Болезнь России»: «Чтобы не тронул медведь, надо лечь на землю и притвориться мёртвым — не дышать, не двигаться: медведь обнюхает и отойдёт. Так и с властью: надо покориться ей, смириться до смерти».

Стремление образовательных функционеров взять под контроль всё, что только возможно, при том бесспорном факте, что они ничего никому не могут «дать», а в состоянии только мешать работать или не мешать (на последнее у них, как правило, не хватает ума), не приводит ни к чему хорошему. Когда чиновники

присваивают себе исключительно контрольные функции, которые к тому же сами и регламентируют, непременно начинается то, что у нас происходит.

Слушая прочувствованные выступления о гражданском подвиге учителей, работающих, несмотря ни на что, я знаю: или это честное заблуждение, или представление желаемого действительным. Лишь для единиц (вроде моего директора Мильграма) работа в школе — единственно возможная форма существования. Остальным (среди которых есть и настоящие профессионалы) просто некуда деться. Другой профессии и иной возможности зарабатывания денег у них нет. Тем и пользуется вся властная вертикаль, экономящая за счёт учителя, чтобы содержать себя с привычным набором льгот.

Несмотря на так называемый «кризис», который, на мой взгляд, имеет вполне рукотворное происхождение, реальные ценности не упали в цене. Труд учителя к этим ценностям, очевидно, не относится. В условиях, когда непросто сохранить самоуважение и обеспечить прожиточный минимум, работая в школе, мне представляется лучшим сменить сферу деятельности и урегулировать свои отношения с обществом, приняв, наконец, настойчивые предложения давнего и близкого друга-бухгалтера стать у него помощником. При этом, разумеется, я не откажусь от исследовательской и популяризаторской исторической работы. И, оставаясь самим собой, надеюсь к тому же не пропустить ничего из того замечательного в жизни, что до сих пор традиционно проходило мимо меня.

СОВЕРШЕННО НЕСЕКРЕТНО¹³

После того как телевизионная программа «Время» показала торжественное открытие выставки книг, освобождённых из спецхрана главной библиотеки страны, а центральные газеты запестрели заголовками: «Спецхран: читаем опальные книги», «Гриф „секретно“ снят», «Спецфонды открывают двери», «Возвращено из спецфондов» и т.п., когда член коллегии Главлита СССР Владимир Алексеевич Солодин в многочисленных интервью дал ответы на самые «каверзные» вопросы журналистов, кажется, что можно поставить точку на этой теме. Проблема решена, чего же ещё?

Пусть не подумает читатель, что автор ломится в открытую дверь. «Когда человек хочет узнать — он исследует, когда он хочет спрятаться от тревог жизни — он выдумывает» (А. М. Горький). Чтобы отделить желаемое от действительного и понять, что происходит со спецхраном сегодня, приступим к исследованию.

НЕТ НИЧЕГО ЯВНОГО, ЧТО БЫ НЕ СТАЛО ТАЙНЫМ

Общеизвестно: чтобы разобраться в любом факте общественной жизни, необходимо узнать его историю. Писаной истории спецхрана не существует, и почти никто не может или не хочет о ней рассказать. Помня о том, что отсутствие информации — это тоже информация, хотя и особого рода, я был вынужден пользоваться сведениями не только явными, но и сообщаемыми тайно.

¹³ Впервые опубликовано: Совершенно секретно // Советская библиография. — 1988. — № 6. — С. 3–12.

По этой причине буду благодарен тому, кто сумеет поправить меня или дополнить.

Слова, вынесенные в начало главки, не шутка. Даже на самые, казалось бы, простые вопросы я не получал однозначных ответов. Ну, например: когда появился спецхран? Заместитель директора ГБЛ И.В. Морозова ответила: «Об этом часто спрашивают, и я специально узнала, — 63 года тому назад». То есть в 1925 году. На тот же вопрос от заведующей читальным залом спецфондов ГБЛ Е.В. Макаревич я услышал: «Из документов сохранился только старый инвентарь, где были занесены первые поступившие в спецфонд книги, — от июня 1923 года. Вот почему в 1983 году мы отмечали своё шестидесятилетие». И юбилеи, оказывается, бывают тайными, если о них не знает даже руководство своей же библиотеки.

Но и в тех случаях, когда ответы были однозначны, тайна становилась ещё таинственнее. Так, на вопрос, по чьей инициативе возник спецхран, я получил от разных, но компетентных работников один ответ: «По инициативе В.И. Ленина». Каково же было моё изумление, когда я прочёл документ, на который они ссылались, — Постановление Совнаркома, действительно принятое 17 января 1920 г. по предложению Владимира Ильича: «Обязать Народный комиссариат иностранных дел, Региструп, Всероссийскую Чрезвычайную комиссию и все подведомственные ему органы, а также Военный комиссариат с его подведомственными органами направлять имеющуюся у них белогвардейскую литературу, русскую и заграничную, по использованию её для их специальных целей, в Народный комиссариат просвещения **для хранения и общественного пользования в государственных библиотеках**» (выделенные слова вписаны в проект документа В.И. Лениным). Нужно очень здорово научиться читать между строк, чтобы найти здесь «инициативу создания специального фонда».

Так когда же всё-таки возник спецхран? Может быть, его зародыш можно разглядеть в Постановлении Совнаркома от 12 декабря 1921 г. о Государственном Румянцевском музее? В этом документе, подписанном А.Д. Цюрупой, в частности идёт речь о комплектовании библиотеки «печатными документами как секретного и специального, так и общего характера, и поручается Наркомпросу совместно с ВЧК разработать инструкцию о порядке хранения и пользования секретных материалов и документов».

Или, может быть, появление спецхрана — следствие Декрета СНК от 6 июня 1922 г., подписанного А. И. Рыковым, об организации Главлита, которому среди прочего предписывалось в тесном сотрудничестве с ГПУ осуществлять надзор за распространением произведений печати, составлять списки запрещённой литературы, издавать правила, распоряжения и инструкции по делам печати, обязательные для библиотек? Кстати, не эти ли неизвестные нам циркуляры отражают дальнейшие метаморфозы спецхрана?

Пока что вопросов больше, чем ответов. Поэтому расскажу то, что сумел узнать.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СПЕЦХРАНА

При жизни В. И. Ленина спецхрана как такового просто не существовало. Что не противоречит факту изъятия Главполитпросветом из массовых библиотек литературы религиозной, монархической и уничтоженных партий (эсеров, меньшевиков, анархистов и других), выпущенной после октября 1917 г. Дело в том, что все эти распоряжения никогда не относились к библиотекам научным. В крупных библиотеках страны было устно рекомендовано «не пропагандировать» подобную литературу, но для её использования никаких бумажек не требовалось. Достаточно было объяснить библиотекарю, почему данная работа заинтересовала читателя. Даже высылка из страны в начале двадцатых годов враждебных Советской власти интеллигентов не сопровождалась изъятием их книг. Традиция борьбы со словом словом же была ещё жива.

Так было на протяжении двадцатых и первой половины тридцатых годов. Положение изменилось после убийства С. М. Кирова. Сталинский аппарат совершенствовался в процессе работы и «убеждал» по-своему. Массовое уничтожение старых партийных кадров повлекло за собой цензурную чистку всех библиотек Советского Союза. Чтобы быстрее и верней вышибать из памяти народа множество имён, органы ОГПУ пересылали списки всех арестованных, имевших отношение к печатному слову (будь то безвестный воронежский врач или знаменитый Г. И. Ломов-Оппоков), в цензуру. Руководствуясь этими списками, Главлит СССР и приступил к изъятию книг. В массовых библиотеках вся эта литература на месте активировалась и сжигалась. В книгохранилищах,

имевших возможность изолировать «вредные» издания от читателей, были организованы спецфонды. Во всесоюзном масштабе начало этой деятельности можно датировать 1935 годом. В большинстве случаев спецхраны возглавили старые члены партии, но, по понятным причинам, не проявили достаточного рвения и очень быстро были заменены деятельными и послушными функционерами. Именно под их руководством и во многом по их инициативе громадный массив литературы в спецфондах увеличивался со сказочной быстротой.

По распоряжению Главлита, в республиканских и всесоюзных библиотеках два экземпляра конфискованного издания оставались «для истории». Если же книга попадала в число крамольных из-за предисловия, написанного кем-то из «неугодных», то один полный экземпляр сохранялся в спецфонде, а из остальных предисловие удалялось. Конечно, и в этом деле были свои сложности. Хорошо было Ленинской библиотеке, постоянно контролируемой Главлитом. Туда на просмотр миллионных каталогов периодически посылались инспекторы, которые, имея хорошую зрительную память и зная имена даже малозаметных деятелей, включённых в «проскрипционные» списки, не без успеха «искали блох». А, например, в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, где спецфонд появился в 1938 году, поступавшие централизованные списки имён, подлежащих изъятию, не только запаздывали, но и не могли учесть труды многих деятелей ленинградского масштаба.

Но, несмотря на все сложности, работа спецфондов, организованная на государственном уровне, постоянно совершенствовалась. Строгая инструкция потребовала от читателя отношение, заведенное руководителем учреждения, с указанием, для какой надобности испрашивается литература. Примерно до 1953 г. неукоснительно соблюдалось и такое правило: работник спецхрана просматривал записи, сделанные исследователем, и не допускал, чтобы «непроизносимые» фамилии выписывались в контексте (на этом месте исследователь рисовал какой-нибудь значок). Таким образом обеспечивалось надёжное хранение, а точнее, захоронение. Но и оно не было бы вполне надёжным, если бы забота об идейной чистоте «сверху» не находила отклика «снизу».

Почти все сотрудники, через руки которых проходили «репрессированные» книги, считали необходимым проявлять личную бдительность. Они выскабливали, заливали тушью имена тех, кто

становился очередным «врагом народа», писали свои «представления» в Главлит, следили как за читателями, интересовавшимися «такой» литературой, так и за коллегами. Иногда подобная активность объяснялась просто перестраховкой, но гораздо чаще диктовалась желанием быть святее папы римского. Фамилии «врагов» были на слуху, инициалы же частенько путали. Именно так арестованными оказались книги авторов, никогда во врагах не ходивших. Например, похороненного у Кремлёвской стены командарма Сергея Сергеевича Каменева. Именно поэтому уже в наши дни иной исследователь недоумевает: как же так, его книгу я свободно получил в ГПИБ, а в Ленинке она почему-то заспечхранена. Но подобные казусы никого не смущали. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Так выкристаллизовался девиз спецхрана — «Лучше перебдеть, чем недобдеть!».

Конечно же, работали в спецфондах и другие лица, пытавшиеся в меру своих сил хоть в чём-то изменить нелепую систему. Опытнейший работник спецхрана (ныне на пенсии) Вера Семёновна Гречанинова рассказала: «Когда я попала в спецхран и мне впервые выдали авторский список, я задала вопрос, который привёл в ужас (как смеют спрашивать?!), а потом в недоумение. Вопрос был таким: «Не могут быть одинаково виновны Троцкий и санитарный врач из Чувашии. Они не просто незнакомы, они, если начнут говорить, просто не поймут друг друга на русском языке. Почему же с их произведениями поступают одинаково?» Этот вопрос задали представителю Главлита. Объяснено было так: «Да, виновны по-разному. Но этот врач придерживался взглядов Троцкого». Тогда я спросила: «А если он его не читал?» Представитель посмотрел на меня пристально и спросил: «Ты можешь поручиться за него, что он не читал?»

Были и настоящие герои. Известный историк М. Г. Седов вспоминал, как в первой половине пятидесятых ему, вернувшемуся из заключения преподавателю университета, библиотекарь кабинета истории СССР истфака МГУ доставала из оборудованного ею тайника подлежащие изъятию книги о народничестве. Думаю, не стоит объяснять, чем рисковала эта женщина, несмотря ни на что выполнявшая свой долг так, как она его понимала.

В отличие от дореволюционной цензуры, когда печаталось, что в таком-то году конфискованы такие-то издания, с указанием причин, отныне все изъятые книги сводились в общие списки,

где безо всяких объяснений работа видного государственного деятеля соседствовала с трудом безвестного директора совхоза, пытавшегося написать историю своего хозяйства. Всё шло в едином перечне. Ибо, как заметил герой А. Платонова, «Когда будет всё сложно, тесно и непонятно... тогда честному уму выйдет работа, а прочему элементу в узкие места сложности не пролезть».

Одним из результатов хрущёвской «оттепели» был массовый возврат литературы в открытые фонды. Была проделана колоссальная работа. Из авторского списка, включающего более десяти тысяч имён наших соотечественников, персонами *non grata* остались только 33 человека, по той причине, как потом было объяснено, что они фигурировали на процессах и признать их невиновность никак нельзя.

Когда пал Хрущёв, для спецхрана наступил звёздный час. Опасения спецхрановских работников, что они будут сокращены за ненадобностью, канули в Лету. Именно в брежневское время сталинские рамки цензуры были даже раздвинуты. Именно тогда начался возврат в спецфонд доброй половины реабилитированных книг. Молодые и энергичные главлитовские чиновники, начавшие свою карьеру где-нибудь в высших комсомольских органах, не знавшие истории, но повторившие путь отцов на поприще цензуры, люди с высшим образованием, но низкой культурой, — они обладали тем ожесточением, которого не было у старых членов партии. Те, старики, помнили прошлое и считали правильным освобождение книг из спецхранов. Эти — впервые замахнулись на периодику. Так, из всех журналов Советского Союза вырывались произведения Солженицына. В журналах и сборниках выискивались и уничтожались немногочисленные публикации Галича. Успешно шла охота на диссидентов и «тамиздат». В ногу с Главлитом шагал спецхран. В ленинградской ГПБ вся спецхрановская литература имела градации использования — одна, две, три «звёздочки» — и в соответствии с «тавром» выдавалась или не выдавалась. При Брежневе Публичка лишилась права хранения «особо опасной» литературы. В Москву передавалось всё «кремлевское», часть советологии. А иностранные журналы приходили в спецхран с уже вырванными статьями о высшем партийном руководстве, об Афганистане... Но и это ещё не всё.

Параллельно Главлиту любое ведомство создавало свою систему ограничений, которая, каждая по-своему, воздвигала препоны

на пути к знаниям. Сначала это называлось «доверительно», «конфиденциально». А потом пошло: «Для служебного пользования», «Не подлежит оглашению», «Секретно» и «Сов. секретно». Эта печатная масса, миновавшая цензуру, но не поступавшая к читателю, шла в библиотеку с требованием «Не допускать!». Среди этих изданий есть всё: от ведомственных инструкций и нормативов министерства пищевой промышленности до сборников статей ряда НИИ. Только на издания ИНИОН АН СССР в спецхране ГБЛ заведён специальный ящик в картотеке. И, естественно, никакой секретной информации. Конечно же, и здесь не обходилось без «ляпов». Так, например, «Современные зарубежные исследования творчества Н. В. Гоголя. Сборник научно-аналитических обзоров» (М., 1980) или «Достоевский в современном литературоведении США. Сборник научно-аналитических обзоров» (М., 1980) вышли с грифом «для служебного пользования», а аналогичные сборники, посвящённые Чехову и Пушкину, без грифа. Пополнялся спецхран и книгами, изданными, скажем, весьма ограниченным тиражом для ЦК КПСС (например, А. Верт, М. Джилас, Д. Оруэлл, Ж. Мок, Т. Клифф, П. Патэ, У. Гарриман, М. Слоним).

Мало того что огромная масса литературы была отнята у читателей. Главное заключалось в другом. Читатель не знал и не мог знать, чего же его лишили. В спецхране на изъятую литературу есть только алфавитный каталог. Но этим каталогом пользуются лишь работники спецхрана, читателям он недоступен. И только от доброй воли библиотекаря зависит объём информации, которую может получить исследователь, даже по предъявлении отношения. Благодаря иезуитским правилам спецхрана библиография страдала в первую очередь. Так, нельзя было делать точные библиографические ссылки на зарубежные издания. Спецхрановская литература не отражалась ни в каталогах, ни в библиографических указателях.

ОТРЕЧЁМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА

Читаю «Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС»: «Конференция видит неотложную задачу партии в том, чтобы всемерно способствовать утверждению и развитию основных принципов гласности: неотъемлемого права каждого гражданина на получение по любому вопросу общественной жизни полной

и достоверной информации, не составляющей государственной или военной тайны». Среди мер, обеспечивающих выполнение резолюции «О гласности», и эта — «Обеспечить доступность всех фондов библиотек». Итак, решение чёткое, ясное и без оговорок. Посмотрим, как оно реализуется сегодня.

Если верить заведующей спецхраном ГБЛ Инне Васильевне Балдиной, то решение партконференции лишь констатирует очевидный факт, в ГБЛ давно имеющий место. Судите сами.

— Вы знаете, что такое спецхран? Это 240 тысяч изданий, выданных в год. У нас в спецхран очень простой доступ. Студенты пишут у нас курсовые работы. Аспиранты... все кто угодно. Нужно только, чтобы это не было для праздного любопытства. Когда говорят, что в спецхране книги заарестованы, что они недоступны, то это абсолютно неверно. Посмотрите, сколько в зале работает исследователей.

Смотрю. 42 места. Значит, сто и более человек проходят через зал ежедневно. Слушая Инну Васильевну, ловлю себя на том, что вообще перестаю понимать, для чего работает межведомственная комиссия, зачем передают огромный массив литературы в общий фонд. Исследователь и раньше читал Бухарина, Рыкова, Суханова или Деникина. Свободно, потому что доступ в спецхран прост. Значит, вся эта громадная работа затеяна для удовлетворения чьего-то праздного любопытства?

Каталог литературы на иностранных языках теперь находится на беломраморной лестнице и открыт любому. (Если вспомнить, что читательский и генеральный каталоги далеко не идентичны, то по аналогии напрашивается вопрос: сколь полно отражена в данном каталоге иностранная спецхрановская литература?) Что же касается литературы на русском языке, то этот каталог по-прежнему находится в полной власти работников спецхрана. Мой вопрос об этом каталоге почему-то вызвал у Инны Васильевны раздражение. Она никак не могла понять, что мне нужно: «Вы ко мне пришли узнавать, что переходит из спецхранения в открытые фонды или правила отдела спецхранения? О правилах спецхрана я вам говорю, как читателю. А что здесь для печати нужно? Это наши внутренние распорядки. Спецхран остаётся пока режимным отделом». Всё так. Но, удовлетворяя специфический интерес читателей «Советской библиографии», мне хочется знать, каким образом я могу составить библиографический

список «спецхрановской» литературы по теме. И слышу в ответ: «У нас нет такого правила, каждому читателю составлять библиографию. У нас нет такой службы. Но так как у нас есть люди, хорошо знающие литературу, мы очень часто помогаем читателям. Что-то мы расписываем, где-то у нас сохранились старые справки. Ведь читательские запросы повторяются. Если сохранены старые справки, мы даём их читателю посмотреть. Это всё, что мы можем сделать». Думаю, что читающему эти строки не нужно объяснять профессиональную ценность «старых справок». Итак, «что-то», «где-то». А я вспоминаю слова В. С. Гречаниновой: «Я в спецхране завела картотеку некрологов людей, умерших за границей, но имеющих отношение к русской истории и культуре. Они (сегодняшние работники спецхрана — А. Ш.) сейчас не только не продолжают её, но и не знают, где она находится». А алфавитный каталог для читателей по-прежнему недоступен.

Да и те книги, что сегодня получили права гражданства, не так-то скоро дойдут до читателей. Чтобы их смогли прочесть, прежде всего о них должны узнать. Машинописные кирпичи-списки, лежащие в библиотеках (в одном, двух экземплярах?), — не библиографические карточки в каталоге. Я знаю только один случай, когда списки книг, возвращённых из спецфонда, сами пришли к читателям. Это сделано в клубе «Вятские книголюбы» имени Е. Д. Петряева при Кировской областной библиотеке. На программках клуба печатается продолжающийся перечень освобождённых изданий. И программки, выпущенные тиражом 250 экз., известны не только в Кирове, но и попадают в руки специалистов других городов. Думаю, что полиграфическая база ГБЛ, ГПБ, БАН и многих других крупных библиотек позволила бы легко затмить кировских коллег. Но что-то не торопятся...

Люди, служащие в спецхране, конечно же, разные. Наивно думать, что события, происходящие сегодня, всех воодушевляют. Работники, десятилетиями приученные «хранить», причастные к тайне, к «особому» знанию, сознававшие свою значительность и окружённые таким таинственным ореолом, вдруг превращаются просто в библиотекарей, таких же, как и в любом отделе книгохранилища. Вот почему в сегодняшнем спецхране раскол. И далеко не мало тех, кто уверен, — это ненадолго. Те, кто так думают, вовсе не наивны. У них есть серьёзные основания для такого вывода.

«БЕЗ РАБОТЫ ОНИ НЕ ОСТАНУТСЯ»

«С прошлого года настоящую исследовательскую аналитическую работу ведёт специальная комиссия с представителями Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, Госкомиздата, Министерства культуры СССР и самой библиотеки (ГБЛ—А.Ш.). Открытыми уже стали не только 10 тысяч экземпляров отечественных изданий, но и сотни тысяч — зарубежной литературы. Шестизначным числом суммируются номера иностранной периодики, перестали быть запретными 8 тысяч годовых комплектов зарубежных газет» (Моск. правда, 1988, 2 сент.).

Конечно, это радует. Но как-то не очень. Ведь эта масса литературы не в один день оказалась в спецфонде. Кто её туда упрятал? Да те самые ведомства, которые сейчас ведут «исследовательскую аналитическую работу». Обратите внимание, в комиссии нет ни одного представителя от научных организаций, нет представителей общественности. По-видимому, создатели этой комиссии руководствовались железным доводом: пусть те, кто эту литературу прятал, её и освобождают. Не учёные ведь и не писатели издавали приказы на изъятие работ своих оппонентов. Так и нечего им там делать. Что ж, логично.

И ещё цитата из той же газеты: «Черта под изъятием литературы из спецхранилища не подведена. Временной ориентир по финишу работы комиссии близкий: октябрь — ноябрь. Вопрос к члену коллегии Главлита СССР В. А. Солодину. Вопрос каверзный: „Сохранится ли этот спецфонд?“. К такому вопросу комиссия готова. По ориентировочным подсчётам, останется в нём около 500 единиц хранения. („Подумываем об издании каталога“, — как бы размышляя вслух, сообщил корреспонденту „СБ“ В. А. Солодин». Будет ли?).

Во-первых, финиша ещё не видно. На открытие выставки в ГБЛ сам Владимир Алексеевич говорил о том, что к этому сроку комиссия не управится. Слово, конечно, громкое — комиссия, но в ней всего-то семь человек. И так объём проделанной работы колоссален. А во-вторых, журналистка, задавая «каверзный» вопрос, не заметила каверзости ответа. Дело не в том, что подсчёт того, что останется, — ориентировочный (как и сроки работы). Главное — Владимир Алексеевич мудро умолчал о том, на сколько фонд пополнится.

Отдел литературоведения ИНИОН АН СССР издал в количестве 600 экз. великолепный справочник «Современные зарубежные литературоведы. Страны капитализма» (М., 1985–1987, в 3 т.). В нём представлены учёные 24 стран, три тома содержат 704 статьи. Знаете, где этот справочник сейчас? Правильно, в спецхране. Ведь на нём гриф «Для служебного пользования». Множить примеры мешает только объём статьи. Ну да ладно, поговорим о том, что «останется». Что же это за литература, которую всем нельзя, которая особо опасна? На это всегда отвечают охотно, хотя полного перечня я ни разу не слышал и не видел. Упоминаются издания, где даются рецепты приготовления наркотиков или взрывчатых веществ, книги о каратэ, националистическая, фашистская литература, порнография, антисоветчина и т.д. и т.п. Дескать, неужели непонятно? Нужно ли объяснять почему?

Ещё как нужно! Ибо всё перечисленное и не упомянутое только кажется очевидным. Примеры? Пожалуйста.

Инженер Евгений Николаевич Никитин живёт в Зеленограде и пишет сейчас книгу для издательства «Просвещение» об изобретателе радио А.С. Попове. Известно, что Попов служил в минном офицерском классе и минной школе в Кронштадте. Его сослуживец И.М. Чельцов написал книгу «Взрывчатые вещества» (СПб., 1880–1883, вып. 1–2). Д.И. Менделеев так отозвался об этой работе: «Сочинение господина Чельцова составляет важное приобретение научной литературы предмета и ему не имеется равного ни в нашей, ни в иностранной литературе». Так вот, Попов, конечно же, знал работу своего коллеги, держал её в руках. Именно поэтому Никитин хотел её посмотреть. В каталоге ГБЛ карточки на книгу не оказалось. Требование, посланное без шифра, вернулось с примечательной записью: «Передано в спецхран. Акт № 325 от 1984 г.». Кто и чего так испугался, что в 1984 году спрятал классическое исследование, с дореволюционных времён благополучно находившееся в общем фонде?

А что такое «антисоветчина»? В журнале «Знамя» (1988, № 7) напечатано письмо приговорённого к двум годам лишения свободы за распространение «идейно-вредных» (какая ёмкая формулировка!) книг. Среди них «Котлован» («автор клеветает на строительство социализма в СССР») и «Собачье сердце» («автор клеветает на вождей революции»). Автора письма осудили в апреле 1986 года, а 30 августа 1987-го (обращаете внимание на даты?)

прокуратура Чувашской АССР, не мудрствуя лукаво, сообщила ему, что его просьба исключить из приговора распространение этих книг необоснована: «Доводы о том, что книги Платонова «Котлован» и М. Булгакова «Собачье сердце» не являются антисоветскими, а поэтому необходимо провести повторную искусствоведческую экспертизу, несостоятельны, т.к. антисоветское содержание их налицо». А ведь найдутся и те (и таких немало), кто думает так же о работах Бухарина или Бабеля, Рыкова или Мандельштама: «У нас зря не сажали и не расстреливали». У В. А. Солодина спросили: «Освободят ли из спецхрана Авторханова?» Последовал ответ: «Никогда. Такого врага Советской власти, пожалуй, больше и нет. Слишком много за ним грехов». А Солженицына, а Войновича, а... Оказывается, вопрос о возврате этих книг решает... Союз писателей СССР. На вопрос: «Каков же критерий отбора?» — ответа так и не последовало.

Но уж если термин «антисоветский» стараются как-то обосновать, то достаточно сказать «порнография» и всё — никаких вопросов. Я не знаю, что за издания прячутся под этим ярлыком, но мне памятни недавние весьма многочисленные публикации об уголовном преследовании людей, смотревших, хранивших «порнографию» на видеокассетах. Оказалось, что к «порнографическим» были причислены многие шедевры мирового кинематографа. Кто знает, что скрывает этот термин в библиотеке? И ещё вопрос. Если речь идёт действительно о порнографии, то для чего тратится драгоценная валюта на её приобретение и зачем эту литературу хранят?

Рассуждая о любой спецхрановской литературе, не мешает помнить, что речь идёт не о книгах, изданных миллионными тиражами и свободно продающихся в книжном магазине, а о единицах, много — десятках экземпляров, которые имеются лишь в крупнейших научных библиотеках страны. Думаю, понятно, что ни о какой пропаганде, пусть даже и вредных книг, речь не идёт. Как будто бы национализм или фашистские бредни не имеют места в нашей жизни при упрятанных в спецхран книгах. Против идей, как и против лжи, можно и необходимо бороться идеями, логикой, правдой. Спрятанная, арестованная книга — зло всегда большее. Логика здесь проста: раз скрывают, значит боятся! И самое главное — даже одна честная книга, упрятанная в спецхран, — зло много большее, чем десяток действительно дрянных книг, лежащих открыто.

А пока чиновниками, радеющими о нашей идейности, нравственности и безопасности, разрабатывается новая инструкция для нового спецхрана. О ней мне сообщает иногородний корреспондент: «Суть её в ограничении на выдачу литературы, содержащей, с их точки зрения, опасные данные: о каратэ, об изготовлении взрывчатых веществ, так называемая порнография и т.д. Критерии отбора такой литературы будут намеренно расплывчаты, и таким образом будет создана лазейка для любых вариантов. Так что без работы они не останутся».

На мой взгляд, лучшая статья, посвящённая спецхрану, напечатана Б. Мироновым в «Правде» (1988, 10 сент.). Заканчивается она так: «И сегодня ещё у „спецхрана“ есть защитники, утверждающие, что государство имеет право на тайны. Действительно, имеет, кто спорит. Но, во-первых, Библиотека имени В. И. Ленина не получает издания с заведомо секретной информацией. И даже если допустим, что такая литература в её стенах есть или может быть, то всё равно, имея закрытый книжный фонд, библиотека должна держать открытым абсолютно весь каталог. Только на карточке должна стоять пометка: книга выдаётся по особому требованию. Но, видимо, и мы должны знать, почему её „секретят“. И какое ведомство это делает». Автор цитированных строк не делает напрашивающегося вывода, но он подошёл к самой сути.

ЭТА ВЫСТАВКА — СОБЫТИЕ!

В выставочном зале Ленинки после закрытия выставки «Издания, возвращённые в открытые фонды ГБЛ из спецхранения» читаю книгу отзывов. Эта «книга» не менее интересна, чем те издания, которые были здесь показаны. Какая буря эмоций!

Восторг: «Мне кажется, что это во сне», «Как правильно, как нужно!», «Дальше! Дальше! Дальше!».

Ирония: «Тише едешь, дальше будешь».

Удивление: «Непонятно, что здесь, собственно, секретного?»

Негодование: «800 произведений из многих тысяч — капля в море. Вызывает гнев и возмущение!»

Но ещё больше вопросов: «А Троцкий где?»; «Почему мы боимся Троцкого? Что, он сильнее Ленина? По тому, как прячут труды Троцкого, выглядит так»; «Положено замечательное начало. Но где же книги из зарубежного спецхрана? Где публикации писателей

и учёных, которым пришлось уехать из СССР при Л. И. Брежневе? Вспоминается стих из „Краткого курса истории ВКП(б)“: „Царь испугался — издал манифест. Мёртвым свободу, живых — под арест“»; «Так когда же мы увидим книги Роя и Жореса Медведевых и многие другие, изданные за рубежом?»; «До каких пор у нас будут делать вид, что нет А. И. Солженицына?»; «Были ли объективные критерии передачи книг в спецхран, или всё голый субъективизм „вождей“?»; «А нужен ли спецхран вообще?»; Значит, многочисленные публикации на эту тему ясности, увы, не внесли.

Есть в этой «книге» и «историческое эссе». Приведу отрывок, рискуя быть обвинённым в пропаганде национализма и заведомо ложных сведений. Итак, «В ЦК КПСС в 1922 году было пять человек: Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев. В 1924 году Ленин умер. Осталось четыре человека: Сталин и Троцкий, Каменев, Зиновьев. Сталин был грузин (Джугашвили). А Троцкий, К., З. (так у автора — А. Ш.) были евреями. Так что я хочу показать русским людям, что если бы не Сталин, то всем нациям, кроме евреев, было бы очень плохо... А репрессии были неизбежны, хотя не в таких размерах. Никогда не было голода. Ни до войны, ни после. С 1948 по 53 год розничные цены падали из года в год».

Это «эссе» — зримый результат многолетней деятельности «спецхрана». Российский вариант «капричос» Гойи — «Сон разума порождает чудовищ». Вот почему трудно не согласиться с другой записью: «Нам, учащимся Московского книготоргового техникума, эта выставка будет очень полезна. Мы и не предполагали о существовании некоторых изданий, что не делает чести ни нам, ни тем, кто эти книги спрятал от читателей». И не стоит успокаивать себя, что времена, когда «прятали» книги от читателей, в прошлом. «Думаю, что пока возвращена читателю только малая часть того, что должно быть доступно. Учтём, что и в спецхране не возьмёшь того, чего хочешь, и не найдёшь литературы, ведь там к каталогам доступа нет», — пишет один из посетителей выставки.

Эмоции и вопросы требуют осмысления. Мысль требует дела.

«Эта выставка — событие! И событие двусмысленное. С одной стороны, не может не радовать возвращение книг — каких бы то ни было — читателю. И с этим можно поздравить библиотеку (или кого-то там ещё). С другой стороны, и без того поразительный идиотизм „специального хранения“ становится ещё более очевидным. „Специальное хранение“ — это горе и посмеши-

ще библиотечного дела в СССР. Пора с ним кончать». Американский профессор-славист не одинок в своём мнении. «Присоединяюсь к меткой характеристике моего американского коллеги. Очень точно сказано, и прибавить нечего», — мнение советского учёного.

На всём протяжении мировой истории попытки лишить людей книг, т.е. попытки запретить им мыслить свободно, тормозили, но никогда не могли остановить прогресс. Ещё древним было понятно: «Нет такой плохой книги, которая в каком-нибудь отношении не была бы полезна». Демократию нельзя отмерять порциями. Или она есть, или её нет. Вот почему в деятельности «спецхрана», порождённого самыми мрачными временами, должна быть поставлена последняя точка. Невесёлый афоризм Гегеля — «Единственная вещь, которой учит история, — то, что никто никогда ничему у неё не научился», — не должен получить нового подтверждения.

«ПРЕЗУМПЦИЯ РАЗРЕШЁННОСТИ»¹⁴

Иногда удаётся дурачить народ, но только на некоторое время; дольше — часть народа; но нельзя всё время дурачить весь народ.

Авраам Линкольн, из книги «The Oxford dictionary of Quotations», никогда не бывшей в спецхране

Ещё совсем недавно было бы фантастичным предположить, что я, обычный журналист, более трёх часов буду сидеть в просторном кабинете члена коллегии Главлита СССР, председателя Межведомственной комиссии по переводу советской и зарубежной литературы из специальных фондов в фонды общего пользования библиотек Владимира Алексеевича Солодина и, стряхивая пепел с сигареты, с уже выключенным диктофоном вслушиваться в его неторопливую, тихую речь...

Впрочем, беседам в Главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, или Главлите СССР, или цензурном ведомстве, окутанном плотным покровом могущественной Тайны, предшествовали события, достойные внимания читателей.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Глубокоуважаемый т. Нуриджанов!

В № 6 за 1988 г. Вашего журнала была опубликована статья А. П. Шикмана «Совершенно несекретно».

Примерно тогда же, когда этот номер готовился к печати (октябрь — декабрь), я имел переписку с газетой «Известия», Главным управлением государственного таможенного контроля СССР и Первым заместителем начальника Главлита СССР. Мне кажется, что эти материалы (особенно ответ гр. Н. П. Зорина) мо-

¹⁴ Впервые опубликовано: «Презумпция разрешённости» // Советская библиография. — 1990. — № 1. — С. 22–31.

гут быть Вам интересны, так как они имеют некоторое отношение к указанной публикации.

С уважением Б. Равдель

Письмо, присланное главному редактору «СБ» 37-летним кандидатом химических наук Б.А. Равделем, и содержание приложенных к нему документов свидетельствовали, что Борис Адольфович, оставаясь коллегой получившей геростратову славу Нины Андреевой, иначе понимает сущность современного общественного процесса. В этом нет ничего удивительного — его взгляды разделяют многие. Важно другое. Когда в разных концах страны, не сговариваясь друг с другом, люди начинают задаваться одними вопросами, то подобные совпадения свидетельствуют об осознанной общественной необходимости решения поставленной проблемы. Вроде бы о чём говорить? Вот-вот должен быть принят закон о печати. Но и он, как мне кажется, не лишит присланные материалы актуальности. Речь идёт не только о вчерашнем дне нашей истории, хотя и этого аргумента было бы достаточно. Хорошо известно, как всеильные ведомства при помощи разъяснений, инструкций и т.п. уже не один закон свели на нет. История же, как известно, повторяется. Итак...

Редакции газеты «Известия»

Глубокоуважаемый тов. редактор!

В публикации Вашей газеты (Известия, № 320, 15.11.88) «Таможня даёт добро» в числе предметов, запрещённых к ввозу в СССР, упомянуты «антисоветская литература и порнография». Упомянуты вскользь, как будто с этим всё просто и ясно, хотя эти характеристики более чем расплывчаты. В статье «Защита законом» (Известия, 1988, 22 нояб.) поставлен вопрос: «А что такое порнография?», и показано, что этот термин до сих пор не имеет юридического определения. Тем не менее таможня, по-видимому, компетентна решать, является ли некий предмет порнографией или нет...

Но меня гораздо больше интересует вопрос об «антисоветской литературе», ибо он проработан ещё меньше.

По-видимому, «антисоветской» следует считать ту литературу, которую «распространяют либо изготавливают или хранят в... целях подрыва или ослабления Советской власти...»

(неточная цитата из ст. 70 УК РСФСР). В этой связи приходят на ум публикации в «перестроечной» печати о необходимости укрепления и повышения роли Советов. По-видимому, если что-то необходимо «укреплять и повышать», то оно было «ослаблено или подорвано». А если так, то кто-то должен нести за это ответственность по ст. 69 УК РСФСР («Действие или бездействие, направленное к подрыву... деятельности государственных органов... с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено... путём противодействия их нормальной работе...»). Либо упомянутые публикации следует признать «заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй» (ст. 190 «1» УК РСФСР). Тогда эта литература должна быть запрещена к вывозу из СССР?

Эти казуистические фокусы я провёл не для того, чтобы солидаризироваться с Н.А. Андреевой, И.Т. Шеховцовым и другими, но чтобы обратить внимание на положение дел в этой области: как-никак, а от 6 месяцев до 7 лет, а то и от 3 до 10 — при некотором усердии «телефонного права».

А теперь конкретно. Сравнительно недавно за хранение книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» вполне можно было рассчитывать на упомянутые «от 6 месяцев до 7 лет», причём ближе к последнему. А теперь в журнале «Новый мир» № 10 на стр. 152 дано подстрочное примечание: «...см.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ и т.д.». Я как раз желаю сделать это «см.».

В связи с этим я направляю запрос в ГУ таможенного контроля при СМ СССР (прилагаю) и прошу Вашего содействия в получении ответа. Мне кажется, что публикация ответа на страницах Вашей газеты заинтересовала бы многих читателей.

С уважением заранее благодарный Б. Равдель

* * *

Начальнику Главного управления
таможенного контроля при СМ СССР
тов. В. Базовскому
Глубокоуважаемый тов. Базовский!

Прошу указать, какие из нижеперечисленных книг запрещены к вывозу в СССР как антисоветские:

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.
Конквест Р. Большой террор.
Авторханов А. Технология власти.
Авторханов А. Происхождение партократии.
Авторханов А. К истории пакта Риббентроп — Молотов.
Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева.
Авторханов А. Загадка смерти Сталина.
Б. А. Равдель.

Запрос был послан таможенникам, а ответ пришёл («по принадлежности») из цензурного ведомства. На страницы «Известий» он так и не попал.

Уважаемый тов. Равель!

Авторы указанных Вами книг стоят на позициях крайнего антикоммунизма и являются идейными противниками социализма. Позиция авторов ярко проявляется в данных книгах, которые носят резко антисоветский, клеветнический характер.

Ввиду этого указанные вами книги не разрешены для свободного ввоза в СССР.

26.12.88.

Первый заместитель начальника
Главного управления по охране
государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР (Главлит СССР)
Н. П. Зорин

Самое примечательное в последнем документе — дата. Конец 1988 года. Заканчивается четвёртый год перестройки. Кажется, что безвозвратно ушло в небытие реликтовое сознание охранительства. Мы уже знаем, не пройдёт и года, как в «Новом мире» будет опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», начнётся публикация произведений Р. Конквеста. Знаем мы и то, что авторы этих книг не изменили в них ни одной запятой. Следовательно, их взгляды, по утверждению Н. П. Зорина, остались антисоветскими и клеветническими. Тем не менее Николай Петрович продолжает оставаться Первым заместителем начальника Главлита СССР. Может быть, изменил точку зрения он сам? Я позвонил, и мы договорились о встрече.

КИТАЙСКИЙ ПРОЕЗД, 7

Тётя из ВОХРы смотрела на меня оловянными глазами, а я объяснял, что иду в Главлит и что пропуск ждёт меня на шестом этаже у милиционера. «Документы», — монотонно повторяла страж порядка. Я достал паспорт. На секунду взяв в руку и не раскрыв, она вернула его, милостиво разрешив: «Ладно, проходите». И пока я поднимался в лифте, мне было ужасно интересно, у кого же, кроме бомжей, нет паспортов, а если у всех они есть, то для чего их требовать, тем более если неохота заглядывать внутрь. Не успев разрешить эту проблему, я уже стоял перед новой — в виде здорового парня в милицейской форме, которому показал на мой пропуск, одиноко лежащий на столике. Ещё никто и никогда столь долго и тщательно не сравнивал мою бороду на фотографии и вживе. И как раз тогда, когда я с облегчением понял, что я это я, к нам подошёл с улыбкой человек, которого мне так хотелось увидеть. Мы быстренько устроились в кабинете и, начиная беседу, я назвал его «Николай Петрович». Улыбка моего собеседника стала пленительной: «А я не Николай Петрович. Он, к сожалению, сегодня не сможет быть на месте».

По-видимому, существует ряд нигде и никем не записанных правил беседы главлитовских чиновников. Жаль, если этот ценный опыт будет утерян для грядущих поколений. Правило первое: ничего не говори до той поры, пока тебя не спросят. Мне пришлось спросить, и только тогда мой собеседник представился:

— Скороходов Борис Алексеевич.

— Ваша должность?

— Начальник управления.

О том что Б.А. Скороходов руководит контролем за иностранной литературой, я узнал лишь позже, и то стороной. В дальнейшем опускаю груды вытягивающих вопросов, хочу лишь заметить, что этот приём даёт возможность, говоря обо всём, свести до минимума опасность сообщить что-то «лишнее».

Правило второе: говоря не говори. Я несколько раз прокрутил плёнку с записью нашей беседы. Слова Бориса Алексеевича были гуттаперчевые. Они растягивались в любую сторону. Их смысл ускользал, как обмылок из рук. Слова складывались в предложения. Предложения повторяли мой же вопрос, но уже в другом

порядке слов. Часть фактов не имела никакого отношения к делу, но они позволяли заполнять паузы и не нарушать Правила первого, ибо все эти факты уже давно и не раз опубликованы и, следовательно, прекрасно знакомы нам обоим.

Так, положив на стол Бориса Алексеевича уже известные читателю список Б. А. Равделя и ответ Н. П. Зорина (о них Скороходов, естественно, знал ещё до нашей встречи), я поинтересовался: «Прошёл почти год после написания этого ответа. Что изменилось и изменилось ли?» И услышал, что и бумага эта, и ответ годичной давности. Что Межведомственная комиссия ведёт огромную работу по освобождению книг из спецхранов. Что рассылаются многочисленные приказы, а если где-то книги ещё не освобождаются, то это происходит по чисто техническим неурядицам. Что уже изданы приказы о переводе в открытый доступ книг А. Солженицына, в том числе и «Архипелаг ГУЛАГ». Что решение по книге Р. Конквеста «Большой террор» уже есть. (Не правда ли, ценнейшая информация после сообщения о выходе сигнального экземпляра Солженицына и публикации в «Неве» Конквеста?) «Новизна» (вводные слова, междометия, повторы, незаконченные фразы опускаю) заключалась только в одном предложении: «Что касается Авторханова, с ним ещё пока вопрос не решён». Замечательно сказано! Нет проблем, кроме тех, что касаются Авторханова. Пока вопрос не решён. Значит, решается, не о чем и говорить. Дескать, с одной стороны, слова Н. П. Зорина о клеветнике-антисоветчике вроде бы справедливы (вопрос не решён), а с другой — *пока* не решён, так зачем же в лоб-то?

И тогда я поинтересовался, существует ли критерий для определения литературы как антисоветской, и если да, то кем он установлен?

— Критерий у нас сейчас такой. Разрешено всё, что не запрещено советским законодательством. (В письме Равделя в «Известия» это утверждение уже прокомментировано. — А. Ш.) Сейчас критерием «советский» или «антисоветский» оперировать чрезвычайно сложно. Это настолько может быть расплывчато... («Расплывчатый» критерий, что бы это значило? — А. Ш.) В основном (Правило третье: почаще употребляй это слово, дескать, стоит ли о деталях... — А. Ш.) сейчас в спецхране остаются, помимо порнографии — здесь нет вопросов (Правило четвёртое: как бы между прочим упреди вопросы и констатируй очевидность тех утверждений,

которые таковыми не являются. — А. Ш.), те издания, что содержат прямые призывы к свержению власти, и литература, разжигающая национальную рознь. Среди этих произведений есть не только свежие, но, скажем, и 20-х годов. Если человек просто высказывает свои взгляды, то здесь криминала нет. И это не только воля нашего ведомства, всё решается Главлитом коллегиально с Министерством культуры и Госкомпечатью (Правило пятое: с одной стороны, всегда подчёркивай коллегиальность и, следовательно, демократичность любого решения, а с другой — разделяй ответственность за любое решение так, чтобы персонально за него никто не отвечал. — А. Ш.).

— Существует ли список литературы, запрещённой к ввозу в СССР, и доступен ли он гражданам, пересекающим государственную границу?

Признаюсь, задавая этот вопрос Борису Алексеевичу, я уже знал, как ответил на него начальник Главлита СССР В. А. Болдырев: «Нет и не может быть списка авторов или книг, запрещённых к ввозу в СССР. В этом вопросе существует, если так можно выразиться, «презумпция разрешённости». Беспрепятственно пропускается всё, за исключением материалов, призывающих к свержению советского государственного и общественного строя, пропагандирующих войну, терроризм, насилие, расизм, национальную исключительность, религиозную ненависть, порнографию» (Известия, 1989, 9 февр.). Тем замечательнее прозвучал ответ Скороходова:

— Списка такого нет и быть не может, особенно в наши дни, когда отношение к той или иной литературе меняется даже не по годам, а по месяцам. Никогда не было его и раньше.

Сопоставим эти ответы. Интересно, как может меняться отношение к перечисленной Болдыревым литературе «даже не по годам, а по месяцам»? Одно из двух: или Болдырев перечислил далеко не всё, или в используемые им определения можно вкладывать любое содержание. Лукавил Борис Алексеевич. Список запрещённой литературы не только существовал, но и, составленный Равделем и подписанный Зориным, лежал у него на столе. Единственный его недостаток — очевидная неполнота. Что за светлые, можно сказать, гениальные умы трудятся на таможне, если, не имея перечня авторов, названий книг или издательств, они в состоянии из моря провозимой литературы, старой и новой, безошибочно выдернуть криминальные тома? «В среднем

ежемесячно ограничивается в распространении около 20–30 изданий из десятков тысяч поступивших» (из рассказа Б.А. Скороходова в «Аргументах и фактах», 1989, № 27). Я понимаю, что могло никогда не быть печатного списка запрещённых изданий, достаточно было устных инструкций (это подтвердил и В.А. Солодин), книги каких авторов или издательств считать преступными. Непонятно другое: даже печально знаменитый «Индекс запрещённых книг» был доступен верующим. Почему же человек, ввозящий литературу в нашу страну, оказывается в положении контрабандиста поневоле. Как известно, незнание закона не освобождает от ответственности перед законом. Но почему человек не имеет возможности этот закон узнать?

Если такого списка действительно не было и нет, то причина тому не «презумпция разрешённости», а произвол ведомства, зависящего от идеологической конъюнктуры и всегда готового по велению свыше отпустить или затянуть гайки.

Как это делается, можно посмотреть на примере Эстонии. В газете «Ноорте Хяэл» (1989, 5 марта) зав. отделом Национальной библиотеки Эстонии Тоомас Кяэн писал: «В Эстонии, более чем в других республиках, проделана большая работа с фондами специального хранения. Начиная с января месяца все издания на эстонском языке, вышедшие из печати до 1989 года, невзирая на место издания, пополнили фонды открытого доступа... Но при теперешнем положении, когда книга на иностранном языке, изданная за рубежом, проверяется не в Эстонии, а в Москве и по велению наших идеологических стражей попадает только в фонды специального хранения, мы эти издания вообще не увидим... Да что говорить о библиотеках, если даже ЦК КПЭ на протяжении ряда лет не считался достойным доверия, получал такие журналы, как Time, Newsweek, Spiegel и др., в сокращённом виде, с вырезанными специфическими статьями».

Сейчас положение изменилось, Республиканский Главлит подбирает новых сотрудников, владеющих иностранными языками, так как получил право самостоятельно цензурировать иноязычные издания. Не характерно ли, что в то время, как на осенней сессии Верховного совета СССР депутаты обсуждают проект Закона о печати, который отменяет цензуру как таковую, Главлит, судя по всему, не волнуется о том, что его сотрудники останутся без работы.

Произвол может быть ограничен только свободой слова. Поэтому я спросил:

— Всякий секрет имеет срок давности. Не предполагает ли Главлит СССР открыть свои документы историкам или создать компетентную группу для написания истории собственного учреждения?

— Этот вопрос за рамками моей компетенции, хотя я должен сказать, что Главлит сейчас раскрывает всю свою кухню...

— Но ведь документы, отражающие деятельность Главлита, увидеть невозможно.

— Их может и не быть. Мы сами иногда не можем найти, кем было дано иное распоряжение, и когда, и как.

Это примечательное признание даёт возможность читателям самостоятельно оценить весомость принципа «презумпции разрешённости».

ДЕМОКРАТИЧНЫЙ КОНСЕРВАТОР

В отличие от Н.П. Зорина, Владимир Алексеевич Солодин не пытался переложить малоприятную беседу с журналистом на своего подчинённого. Да, он действительно не ответил редакции на пересланное ему письмо библиографа Читинской библиотеки (см.: Сов. библиогр., 1989, № 5, С. 23), так как находился в командировке, но готов ответить на поставленные в нём вопросы.

Расхождение в цифрах освобождённых из спецхрана книг, данных им и начальником Главлита, объяснятся просто: В.А. Болдырев считал издания по изданным приказам. Он же, Солодин, назвал количество физически освобождённых книг, уже вернувшихся к читателям. Приказы Главлита рассылаются непосредственно только крупнейшим библиотекам, до остальных же доводятся Министерством культуры, которое, видимо, не торопится...

— Давайте сделаем так. Завтра утром я позвоню в местный «лит», и вопрос со спецхраном Читинской библиотеки решится быстро.

— Но ведь подобное положение существует и в других библиотеках страны. Возможно ли принципиальное решение проблемы?

— Я поставлю на коллегии вопрос об отчёте местных органов за 1989 год. Это и будет принципиальное решение. Вы можете ко мне прийти 2 января, и я скажу: всё, Главлит чист.

Пока диктофон был включён, Владимир Алексеевич говорил, соблюдая все вышеописанные Правила, и делал своё дело виртуозно. Один пример. Я задал тот же вопрос, что и Скороходову:

— Не предполагает ли Главлит сделать достоянием гласности собственную историю?

— Такое намерение у нас в принципе есть, — последовал ответ. — Я думаю, это будет большим ударом для историков, которые говорят об «ужасной» деятельности Главлита.

Но, видимо, эта игра Владимиру Алексеевичу надоела. Выключите, кивнул он на диктофон, это уже только для вас... Куда девался гуттаперчевый язык?! Передо мной сидел интеллектuala, умница, ироничный, знающий и тонко чувствующий литературу человека. Да, он умел читать книги, которые со знанием дела прятал от других. Конечно же, Владимир Алексеевич не стал до конца откровенен, и отчасти это была всё та же игра. В конце концов, он ведь понимал, что оба мы находимся при исполнении служебных обязанностей, оба стараемся сработать на совесть. А делом своим, это очевидно, Владимир Алексеевич занимался и занимается не корысти ради, а по убеждению.

— Как часто Главлит обвиняли в том, в чём он не виноват. Зло было изначально заложено в том, что с нами работал редактор, а не автор. И редактор, не желая ссориться с маститым писателем и в то же время не желая печатать то, что ему предложено, разводил руками: «И рад бы, да они...» Придёт автор ко мне проверить? Нет, конечно. Так и рождались легенды. А цензура не загубила ни одного по-настоящему талантливого произведения.

По всей вероятности, формально Владимир Алексеевич прав. А вот по сути... Ведь под цензурным прессом находилась не только художественная литература — вся печать! Не потому ли столько белых пятен в истории нашего общества? Цензура губила правдивые, по-настоящему талантливые произведения самим фактом своего бытия. Ей не надо было ничего запрещать — ей нужно было существовать. И коль в бесцветном произведении можно вычеркнуть слово или фразу, то что делать с «Котлованом» Платонова или «Собачьим сердцем» Булгакова? Их не стоит и нести в редакцию. Разве не так рождалась самоцензура?

— Вы никогда не задавались вопросом, почему в царствование Николая I, при самой страшной цензуре, какую только Россия знала, появилось столько великих произведений?

— Может быть, всё же не благодаря цензуре, а вопреки ей? Потому что если это не так, то существует простое и эффективное средство создавать гениев.

Умный человек, он пытался оправдать изначально незаконное учреждение.

— Да, цензура и ограничения на печать были введены как временная мера, но это же факт, что нет ничего более постоянного, чем временное решение... Вы рассуждаете о Главлите и его решениях с точки зрения сегодняшнего дня. А тогда о какой законности можно было говорить?

Если следовать этой логике, то во все времена никто не несёт ответственности за добросовестное выполнение приказов.

— Владимир Алексеевич, занимая такой пост, вы не можете быть, ну, скажем так, умеренно консервативным.

— Я и есть такой. Посмотрите, что сейчас происходит. «Огонёк», «Московские новости» с одной стороны и «Наш современник», «Молодая гвардия» — с другой. К чему приведёт эта бесконечная драка? К гражданской войне? Мы это уже имели и к 1934 году только-только дошли до уровня 1913-го. Но мне говорят, что цензура не должна вмешиваться...

— Владимир Алексеевич, скажите не как один из руководителей ведомства, а с личной точки зрения: спецхран нужен?

— Да, нужен. Повязку нельзя срывать сразу.

— Что же такого страшного в том, что нормальный, здоровый, грамотный человек прочтёт путь даже клеветническое произведение или увидит порнографический журнал?

— Нормальный, здоровый, грамотный? Ничего. А много ли у нас таких?

Я не просил у Солодина разрешения привести здесь те страшные цифры, которые услышал от него. И без того есть что вспомнить. В хронике происшествий «Московского комсомольца» (1989, 25 нояб.) В. Кравченко сообщил о явлении не менее страшном, чем воровство или пьяная поножовщина. У пожилой и больной женщины пропала ручная галка, и журналист, желая помочь, напечатал в газете её телефон. «Звонили около 100 раз. В 30 случаях вообще ничего не говорили и трубку молча вешали («развлекались»). Ещё примерно 30 раз женщине в трубку громко кричали: «Мы поймали вашу Варьку и уже съели! Было вкусно!» или «Мы Варьку отловили и убили...» Мужчины, как правило, грязно

ругались (раньше не с кем было, а тут телефон появился). Наконец, один, особо оригинальный, со злорадством заявил: «Варьку больше не найдёте, я её поймал, спрячу и никому не дам...»

Нормальные? Здоровые? Грамотные?

Солодин смотрит на меня с грустной усмешкой: что это вы приуныли, Анатолий Павлович?

Это ведь образ — «повязку нельзя срывать сразу». Но что такое Главлит, спецхраны — гнойники или повязка? Да, общество тяжело болеет, но разве не Главлит и спецхраны наряду с прочими охранительными органами пестовали эту болезнь, загоняя её внутрь? Сила действия равна силе противодействия. Десятилетиями из людей выкорчёвывали здравый смысл, самостоятельность, смелость, культуру, отмеривая порциями положенное знание. Пружина ударила кровью зоологического национализма, шквалом преступности, цинизмом и страхом обывателя. Кто знает, кто может предсказать, что будет дальше...

В конце XVIII в. доведённый до отчаяния народ совершил Великую французскую революцию. Казнь Людовика XVI, победы на фронтах — Свобода! Но якобинский террор залил страну кровью. На смену тирании Бурбонов пришла тирания Робеспьера, который в конце концов сам стал жертвой гильотины. Значило ли это, что не надо было свергать короля?

Я положил на стол Солодина список книг, составленный Равделем.

— Всё, что могу сказать: я хотел бы извиниться за Зорина. Николай Петрович напрасно так ответил.

Как бы ответил он сам, Владимир Алексеевич не уточнил. И тут я понял, кого мне напоминает мой собеседник: умного, талантливого и консервативного государственного мужа — Константина Петровича Победоносцева, ушедшего в отставку с поста обер-прокурора синода после Манифеста 17 октября 1905 г.

Сегодняшние деятели Главлита никуда уходить не хотят. Более того, мы видим «стремление Главлита стать логичной частью демократического государственного механизма» (Известия, 1989, 9 февр.). Но в том-то и дело, что в демократическом государстве существование Главлита нелогично, так как всё, о чём до сих пор шла речь, не имеет никакого отношения к охране государственных тайн в печати. Ни в спецхранах библиотек, ни тем более за пределами отечества наших государственных тайн быть

не может, или это уже не тайны. А тайн от собственного народа, какой он ни на есть, быть не должно.

Наша беседа подходит к концу. В.А. Солодин рассказывает о тех изменениях, которые я бы назвал программой демократического консерватизма. С начала следующего, 1990 года начнётся составление каталога книг, находящихся в спецхране, и останется их там не более полутора сотен. Никаких «двойных шайб», а каталог нынешнего спецхрана будет доступен любому читателю. Что ж, будем довольствоваться чем можем, если не можем чем хотим.

Владимир Алексеевич предложил на прощанье:

— Давайте 5 января вместе отправимся в ГБЛ. Пойдём в спецхран как обычные читатели, и вы сами увидите... Мне ведь и самому интересно. Столько работали для этого!

Я обещал прийти. Возможно, читателей ждёт продолжение темы.

БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА¹⁵

Около двадцати лет тому назад американский историк Ричард Пайпс в одной из своих статей написал, что российская организация «Народная воля» стала родоначальницей политического террора во всём мире. Наша самая главная тогда газета, стушевавшись, возразила, что «Народная воля» в русской революции никакого особенного значения не имела и прошла незамеченной. Писатель Юрий Владимирович Давыдов, автор многих замечательных книг, в том числе и о народовольцах, возмущаясь безграмотной лживостью «Правды», рассказывал мне, как, по его мнению, можно было ответить на обвинение Пайпса: «Да, в марте 1881 года в самодержавной России был убит Александр II, а летом того же года в республиканских Соединённых Штатах был в очередной раз убит очередной президент. Поэтому, если говорить о родоначальниках террора, то приоритет спорный. Но дело не в этом. Когда убили президента Гарфилда, наша «Народная воля» обратилась с открытым письмом, в котором осуждалось политическое убийство в стране, где существуют политические свободы. Мы вынуждены это делать, писали народовольцы, потому что в нашей стране они отсутствуют. То, что вы сделали у себя с вашим президентом, есть проявление того духа деспотизма, с которым мы боремся у себя на родине».

¹⁵ Впервые опубликовано: Бремя белого человека // Скепсис.— 2008. Сентябрь.— URL: <http://scepsis.ru/id-791/html>.

«ГАЗЕТА — ЭТО НЕ ЧТЕНИЕ ОТ СКУКИ...»

Мне вспомнилось об этом, когда после трагедии на Дубровке я прочёл ряд статей на тему о мерах по предотвращению терроризма, в том числе размышления диакона Андрея Кураева «Как бороться с терроризмом без спецназа» (Известия, 2002, 13 нояб.). Категорически не согласившись с теми, кто утверждает, что у бандитов нет ни веры, ни национальности, г-н Кураев просто и понятно объяснил, каким образом невинный отрок превращается в террориста. Национальные предания и религиозные наставления мам и пап, в нравственной сущности которых ещё надо разобраться, усугубляются порочным влиянием школы.

«Да, советская школа есть школа терроризма. Она из поколения в поколение передаёт (не могу решиться писать в прошедшем времени) восхваление террористов, их героизацию. Пугачёв и Разин, братья Ульяновы и Робеспьер, декабристы и бомбисты, санкюлоты и прочие „несгибаемые борцы“ преподносятся ею как образцы, достойные всяческого подражания».

Тот бесспорный факт, что советские учебники много внимания уделяли лицам и событиям, так или иначе способствовавшим революционному движению, классовой борьбе и прогрессу в трактовке «Краткого курса истории ВКП(б)», свидетельствует не о героизации террористов, а всего лишь о том, что вместо изучения истории научной изучалась история партийная. Если смелый полёт реформаторской мысли Министерства образования России, ведами которого являются эксперимент по введению системы Единого государственного экзамена, перевод школ на 12-летний цикл обучения, активное общественное обсуждение нового школьного стандарта в среднем образовании, изменение системы оценок от пятибалльной к двадцати- или стобалльной, приведёт и к введению «Основ православной культуры», то дети в государственной, а значит пока ещё светской, школе станут изучать иную историю.

«Надо по-другому смотреть на историю. И нужно делать это со стороны Русской православной церкви. Вся история Отечества связана с ней, с той жертвенностью, которую несли наши люди, будучи православными христианами». Из размышлений отца-настоятеля строящегося в Котловке храма преподобной Евфросинии, великой княгини Московской (За Калужской заставой, 2002, № 46. — С. 14.).

Эта и им подобные истории (например, национальная, партийная, романтическая и т.д.), безусловно, имеют право на существование, но необходимо осознавать, что к науке они имеют отношение весьма отдалённое. Отбор имён «террористов» г-ном Кураевым тому подтверждение. Почему-то не вспомнились ему Иван Грозный, Пуришкевич с Дубровиным, Сталин или хотя бы Салтычиха, а вот Рылеев с Пестелем — это и есть наше собственное ужасное террористическое прошлое, требующее сегодняшнего осуждения. Впрочем, для церковного автора история — это не исследование, а шаблон государственной пользы, с помощью которого он может возводить в ранг святыни российскую власть и предавать проклятию любых её противников во все времена. Потому и нет ему нужды отличать террористов-народовольцев от террористов наших дней, террористов любого времени от мощных народных движений, как бы эти движения ни оценивались. Поэтому и разговоры об огрехах отечественной педагогики (ведь понимает, что «не все выпускники советской школы подкладывают бомбы и захватывают роддома») для Андрея Кураева лишь повод, чтобы перевести разговор на то, что его по-настоящему волнует, и, вполне в духе своих воззрений, он рассматривает «вопрос о групповой солидарности, групповой ответственности». «Конфликт культур», с его точки зрения, имеет действенное решение: «Разбойным аспектам туземной культуры Империя должна объявить войну. Газетами, школами, церковью. Если надо — и спецназом». Андрей Кураев искренне полагает, что «если в течение столетий проводить жёсткую линию, подкупая и устраняя местных национальных лидеров, контролируя школьное и религиозное образование», то мы решим не только свои проблемы, но и проблемы заблуждающихся туземцев. Что поделаешь, если дикий народ сам не понимает, что ему же делают лучше. Такая уж наша судьба, такое вот доставшееся нам от былых времён «бремя белого человека».

Статья кандидата философских наук, профессора богословия, диакона, клирика храма св. Иоанна Предтечи, что на Пресне, завершается таким выводом: «Террористы, вовлекая в военные действия мирных жителей России, по-своему правы: они понимают, что с ними воюет не та или иная дивизия, а именно Россия. В их глазах мы едины с нашей армией. Настала пора и нам осознать меру единства террористов с их народом».

А террористов, как известно, безжалостно уничтожают и правильно делают. Вспоминаются замечательные слова Н. С. Хрущёва на судьбоносном съезде партии: «Наши цели ясны. Задачи определены. За работу, товарищи!»

Это ведь не убогий бритоголовый, самоутверждаясь обрезком арматуры, крушит «чёрный» череп. Статья А. Кураева, напечатанная в уважаемой газете, примечательна, прежде всего, откровенным признанием того, что в Российской Федерации проживает народ, чью «невиновность» можно определять «только на основе данных армейской разведки и ФСБ», и столь же откровенным утверждением, что есть народы-миротворцы, а есть народы-террористы. Философ В. Малахов пишет по этому поводу:

«Современный расизм редко говорит о крови и генотипе, зато всегда — о культуре. „Они“ ведут себя так потому, что именно такой тип поведения задан их культурой».

Известный журналист Максим Соколов с присущим ему блеском в статье «Преступность и национальность» (Известия, 2002, 30 окт.) приводит статистическое обоснование вышеизложенной точки зрения: «Есть криминальная статистика, и она разная для разных этнических групп». Осознавая напрашивающееся сравнение, Соколов его отмечает:

«Ссылки на фашизм etc. заранее отклоняются по тем же статистическим основаниям. Нацисты, будучи крайне заинтересованными собирателями доказательств еврейской опасности, располагали тем не менее только одним — на всё мировое еврейство — примером того, как еврей является источником смерти: эмигрант Гершель Гриншпан в 1938 г. убил немецкого дипломата в Париже. Будь у чеченцев такая же статистика, всякий благомыслящий человек был бы обязан встать на их защиту. Но она у них другая».

Сначала о статистике. «Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика». Уже одно то, что эту фразу приписывают Бисмарку, Марку Твену и Дизраэли, свидетельство того, что она попала в цель. В «Известиях» же (29.10.2002) я читал материал профессионального журналиста Максима Романова, оказавшегося в московском «обезьяннике» лишь по причине отсутствия при нём паспорта и нежелания дать на лапу стражу порядка. В ответ на законное негодование по поводу незаконного задержания ему предлагали «на выбор» — огнестрельное оружие или наркотик. Что сделал этот человек, чтобы ему не попасть «в статистику», можно

прочитать в статье. Но что было бы, если бы на его месте находилось «лицо кавказской национальности», регистрации не имеющее?

Какими фактами располагали нацисты, не столь уж важно. Большинство людей предпочитают руководствоваться не фактами, а эмоциями или соображениями практической пользы. Нацисты — яркое тому подтверждение. Что же касается статистики, рассматриваемой в качестве дубины народного гнева, то при желании отыскать любое количество евреев (как и любых других национальных особей), являющихся «источниками смерти», не представляет труда, начиная от библейской Юдифи до участницы покушения на Александра II Г. Гельфман, руководителей боевой организации эсеров — Г. Гершуни, Е. Азефа, деятелей советского государства — Я. Свердлова, Л. Троцкого, убийцы немецкого посла Мирбаха Я. Блюмкина и множества других, на вопрос о национальной принадлежности которых придётся ответить: «Таки да». Мало-мальски образованный антисемит назовёт злокозненные фамилии виновных во всех смертных грехах в разных частях света. Если его попробовать переубедить и объяснить, что характер, поведение, жизненные ценности зависят вовсе не от национальной принадлежности, а от окружающей среды, образования, воспитания, времени и обстоятельств, в которые человек попадает чаще всего независимо от своей воли, то он сошлётся на статистику, которой лихо аргументирует по иному поводу известный журналист.

Да что уж там журналисты! Нобелевский лауреат и знаменитый писатель совершенно серьёзно анализирует национальный состав большевиков, будучи искренне убеждён, что мозги профессионального революционера Троцкого, железнодорожного магната Полякова и местечкового раввина работают одинаково по причине национальной общности. О чём свидетельствует процент убиенных брюнетов и процент брюнетов-убийц? А о чём свидетельствует процент убиенных евреев и процент евреев-убийц? Поставьте вместо евреев любую другую национальность (китайцы, русские, татары, латыши, французы, испанцы...). Но ведь не устают подсчитывать. Библиография подсчётов составит множество страниц.

Я не о том, кто и как создаёт такую статистику, а о том, что происходит, когда на основании подобной статистики делают далеко идущие выводы. Ещё раз сошлюсь на мнение философа В. Малахова, который доходчиво объяснил суть такого действия.

«В принципе группой может быть названо любое множество людей, выделенное по определённом критерию. Скажем, блондины или очкарики. Однако для того, чтобы считать некоторое множество социальной группой, необходимо, чтобы оно соответствовало двум критериям: наличие прочных связей и специализация ролей между его членами. Индивиды, которых внешний взгляд на основании тех или иных признаков (по форме носа, по языку или особенностям поведения) объединяет в группу, вовсе не обязательно являются таковой в социологическом смысле слова. Те, кого статистика относит к единству по имени «армяне», отнюдь не образуют социального единства. Между коренным петербуржцем с армянской фамилией, играющем в симфоническом оркестре, и беженцем из Степанакерта, занятом в мелком обувном бизнесе, не больше общего, чем между двумя блондинами» (Расизм и мигранты // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 5).

Или по-другому: этноса как однородного целого не существует. Вот почему любые выводы, сделанные на основании статистики в отношении всего народа, в лучшем случае ошибочны. Когда же нам предлагают осознать единство террористов с народом (А. Кураев) или депортировать чеченскую диаспору как «враждебных иностранцев», если чеченская диаспора не обяжется «в обозримо сжатые сроки физически их (террористов — А. Ш.) уничтожить», в противном же случае «объектом дискриминации и погромов» окажутся «виноватые, полувиноватые, четвертьвиноватые, случайно стоявшие рядом и просто приятно смуглявые» (М. Соколов), то необходимо осознавать, что в этом случае мы получим не гимназический опыт народовольцев, а проверенную жизнью профессиональную практику сталинского, нацистского, etc. настоящего террора, где социальный, национальный, хозяйственный и любой иной вопрос решается «окончательно», безжалостно и масштабно.

Мне отвратителен полевой командир Шамиль Басаев. Бывший председатель Верховного Совета РСФСР, а ныне профессор Руслан Имранович Хасбулатов у меня также не вызывает симпатий. Но последний — известный представитель чеченской диаспоры. Меня чрезвычайно занимает вопрос, возникший после прочтения статьи журналиста-аналитика: каким образом Р.И. Хасбулатов, даже при огромном желании, может сделать то, что до сих пор не удаётся армии, МВД, ФСБ — уничтожить физически

террориста Басаева. (С Басаевым наконец-то разобрались, хотя чеченские террористы пока не перевелись — прим. 2006. — А. Ш.) Неизвестные, спалившие магазин чеченского торговца, мирно и давно проживавшего в подмосковном городке (Известия, 2002, 1 нояб.), может быть, и могли верить, что раз чеченец, значит заодно с террористами, и что все чеченцы одного поля ягоды, но неужели так же рассуждает М. Ю. Соколов?

Существует национальная ненависть, которая называется зоологической. Чаще других ею страдают люди малообразованные, малообеспеченные и малоудачливые. В политике, бизнесе и других серьёзных сферах жизни руководствуются иными критериями. Только ничего не понимающие иностранцы пытаются объяснить происходящее в нашей стране примитивной ксенофобией.

К слову

Мой голландский друг Вим Пласмейер после первой поездки в Петербург и Москву искренне недоумевал. Со своей подругой из России он ходил в знаменитые на весь мир музеи и на многочисленные экскурсии. Но ему билеты обходились гораздо дороже, чем его спутнице.

«Это несправедливо. Я соглашался платить, но просил, чтобы тогда экскурсию переводили на любой понятный мне язык: английский, немецкий, французский или голландский. Но они говорят только по-русски. За что же я должен отдавать двойную и тройную плату?! В любой европейской стране к туристам, которые интересуются историей и культурой народа, относятся уважительно. Почему же у вас такие порядки?»

Вероятно, если бы Вим лучше знал историю, он бы не задавал пустых вопросов. Римский император Веспасиан в ответ на упрёки сына, жаловавшегося, что над ними смеются после того, как был введён налог на общественные уборные, мудро поднёс деньги к носу сына: «Что, пахнут?»

Мы же живём не в Древнем Риме, и аргумент у нас такой силы, что старик Веспасиан изошёл бы от зависти. Тот же голландец Вим платит, не морщась, в родном Амстердаме 10 евро за вход в Rijks museum. С какой стати в нашем отечестве он должен платить меньше? А вот российскому человеку такой расход не по карману. Однако музею необходимо выживать. Поэтому пусть

иностранец платит — не обеднеет. А уж если кому очень жалко, то, чтобы не переплачивать, пусть выучится без акцента небрежно произносить только одну фразу: «Ты что, мать, офигела?»

ВО ЧТО ВЕРИТЬ И ЗА КЕМ ИДТИ

Политическая ответственность подменяется ответственностью национальной или религиозной, конечно же, неслучайно. Всё чаще я стал слышать и читать о людях, которых нужно опасаться. Перечень их до странности знаком: «чёрные», картавые, иностранцы. Это вовсе не означает, что врагов вокруг стало больше. Это значит лишь то, что подлинных виновников происходящих безобразий, чьё место определяется политической иерархией и при этом не зависит от их национальной принадлежности, освобождают от ответственности. Безусловно, пользоваться этим вариантом развития событий проще, чем по древней российской традиции сбрасывать с крыльца разъярённой толпе очередного боярина.

Вот почему в различных формах зазвучала сформулированная давным-давно мысль обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева о том, что в народе нужно воспитывать не ум и знание, а душу и веру, привязанность к прошлому, к старым учреждениям. При отсутствии средств на содержание в мало-мальски приличных условиях библиотек, школ, музеев, огромные деньги были потрачены на строительство, так называемое «воссоздание», храма Христа Спасителя, возведение Мемориального комплекса на Поклонной горе и разных памятников. При этом многие появившиеся скульптуры поражают не только своей, по изумительному определению М. Зощенко, «маловысокохудожественностью», но и отбором персонажей: Пётр I, Николай II, Г.К. Жуков. Как высказался последний: «Великому, большому народу всегда нужны великие идеи и большие имена, чтобы было, во что верить и за кем идти». Может быть, символика истории проявилась лишь в том факте, что первого Петра создал Э. Фальконе, а последнего — З. Церетели. Давно позабыто решение об установке памятника жертвам сталинской победоносной эпохи, но вновь и вновь реанимируется идея восстановления на Лубянке монумента Ф.Э. Дзержинскому (как объяснил московский мэр, «несмотря на издержки времени, которые, безусловно, были, если поставить на чашу весов всё, что сделал этот человек, полезное перевесит»).

Как быстро в новой России получила признание фраза А. И. Солженицына о стране, где КГБ пишется с большой буквы, а Бог — с маленькой. Стали писать Бога с большой буквы, а КГБ переименовали в ФСБ. Ах, как же всё это ново! В православии, вслед за Победоносцевым, можно обнаружить консолидирующее национальное начало, органически слитое с монархизмом (в современном варианте: просвещённым авторитаризмом). Религиозность поддерживать проще и дешевле, чем добиваться человеческой цивилизованной жизни на разумных началах. Вот почему поддерживаются или не преследуются по закону всевозможные будто бы патриотические движения, мудро сходящиеся на небогатой мысли об исключительности и неповторимости умом не понимаемой России.

18 января 2003 года шестеро мужчин, впоследствии назвавшие себя православными, вошли в зал Музея и Общественного центра имени Андрея Сахарова в Москве, где проходила выставка десятков художников под названием «Осторожно, религия!», и с помощью баллончиков с краской стали расписывать своими комментариями («кошунство», «вы бесы» и т.д.) экспонаты или крушить их.

Вопросы о художественной ценности уничтоженных работ, все ли или лишь некоторые из них кошунственны, как мне представляется, совершенно несущественны. Когда в годы оны в пасхальную ночь комсомольцы атеистически мяукали, то делали они это не на комсомольском собрании, а в церкви или рядом с ней, что верующими, естественно, воспринималось как кошунство. Выставка же проходила в светском учреждении, и православных, как и представителей иных конфессий, туда никто насильно не тащил. А уж если пришли и им что-то не понравилось, то вместо уподобления комсомольцам былых огненных лет они могли (никто ведь не препятствовал) выйти вон и высказать публично своё отношение к происшедшему. Но они избрали погром, чем заслужили, независимо от решения суда, имя вандалов и религиозных мракобесов. Но знаковый факт: Замоскворецкий суд Москвы не усмотрел состава преступления в действиях налётчиков и признал незаконным возбуждение против них уголовного дела. Более того, уголовное дело было возбуждено против пострадавших организаторов выставки за «разжигание религиозной вражды». У этого судебного решения, свидетельствующего о продолжающемся клерикализме властных структур, большое будущее: какие художественные работы вызовут возмущение налётчиков в следующий

раз и что может стать новым объектом погрома: Третьяковка, Музей на Волхонке или сами художники, зависит уже не от суда.

Очевидно, что на смену воинствующему атеизму приходит воинствующая религия. Мусульмане, гораздо более категоричные и нетерпимые к инакомыслию, попросту обещают, что издательство, которое посмеет напечатать роман «Сатанинские стихи» Салмана Рушди, не сможет рассчитывать на безопасность жизни своих сотрудников. Факт призыва к убийству (фетва) имамом Хомейни в Исламской республике можно объяснить государственным устройством страны, но когда российскому издательству «Лимбус Пресс» заявляет о возможной расправе в случае издания этой книги лидер мусульман светского государства России муфтий Равиль Гайнутдин, и в итоге книга так и не выходит в свет, то в каком же государстве мы живём? Можно вспомнить и сравнительно недавнюю, 1997 г., борьбу за показ на телеканале НТВ художественного фильма американского кинорежиссёра Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», когда и Патриарх, и уже знакомый нам специалист по борьбе с терроризмом А. Кураев, и председатель комитета по связям с общественными объединениями и религиозными организациями В. Зоркальцев (КПРФ), и прочие, и прочие, трогательно заботящиеся о «нравственном здоровье» россиян, добивались, чтобы «мерзостная» лента не была увидена. Самое интересное, что издававшийся в Ватикане в 1559–1966 гг. знаменитый Индекс запрещённых книг (Index Librorum prohibitorum) обращался со своими указаниями к католикам, а нынешние духовные наставники полагают, что вправе устанавливать свою цензуру для людей, не разделяющих их веру.

Может быть, и об этом рассказывала разорённая выставка в Сахаровском центре? Не знаю, увидеть её я так и не успел и лишь прочёл извинение устроителей перед потенциальными посетителями, не получившими возможность удовлетворить свой интерес из-за действий погромщиков.

«Почём опиум для народа?»

В связи с тем, что к 1939 году сложилась ситуация, когда «непрерывно повышающийся рост благосостояния советского народа предъявляет к пищевой, рыбной и мясомолочной промышленности всё новые и новые требования», вышла в свет первая

в Советском Союзе большая поваренная книга. Несмотря на стотысячный тираж, издание давно стало библиографической редкостью. Помимо рецептов разнообразных блюд, «Книга о вкусной и здоровой пище» ненавязчиво давала историческую, идеологическую, статистическую и иную информацию. Изящество подачи, ценность статистических выкладок, серьёзные исторические познания и глубокий анализ современности даже сегодня не могут не заинтересовать. Лишь один пример, взятый мною на 332 странице указанного сочинения:

«Некоторые думают и говорят о том, что у нас, мол, много водки пьют, а за границей вот мало пьют. Это в корне неверное представление. Вот цифры душевого потребления водки, вина и пива в переводе на чистый спирт в 1931 г.: во Франции — 18,9 литра, в Бельгии — 11,2, в Англии — 3,2, в СССР — 1,6 литра. Если взять только водку и водочные изделия (без вина и пива), то во Франции на душу населения приходится 9,4 литра, в Бельгии — 3,5, в Англии — 1,4, в СССР — 3,7 литра. Душевое потребление пива составляет во Франции 35 литров, в Бельгии — 228, в Англии — 62, в СССР — 3 литра. Потребление вина составляет во Франции 171 литр на душу, в Бельгии — 4 литра, в СССР — всего 0,6 литра. Пол-литра на душу! На юге вина пьют побольше, а уж на севере совсем мало. Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили, именно чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. Достанет иногда человек на бутылку водки и пьёт, денег при этом на еду не хватало, кушать было нечего, и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьёшься. Весело стало жить, значит и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью» (А. Микоян. Из доклада на второй сессий ЦИК Союза ССР VII созыва 16 января 1936 г.).

Как и в советские времена, сегодня в нашей стране для констатации факта достаточно о нём просто сказать. Слова, в абсолютной зависимости от правильно понятой необходимости, во все не должны хоть как-то соотноситься с реальностью. И вот уже давным-давно несуществующие верования, традиции, ценности объявляются живыми. Николай II Кровавый из нашего непредсказуемого прошлого превратился в Святого. Ходят по улицам

и заседают на съездах ряженные в казацкой форме, украшенной погонами и царскими крестами, неведомо от кого и за что полученными. Церковь вдруг превратилась в опору нравственности. А светлая монархическая идея воплотилась в образе сильного, мудрого Президента, органично соединившего двуглавого орла с советским гимном. Последнее утверждаю без всякой иронии: имперский двуглавый орёл и сталинский гимн — символы великорусского национализма в качестве отечественной идеологии. Им уютно вместе.

Привычная манипуляция мозгами граждан, которым дают под видом истины то «Краткий курс истории ВКП(б)», то идеалы православия, самодержавия и народности, приводит не к рождению новой веры, а к «пофигизму» и пустоте, пригодной не к пестованию гражданских и нравственных добродетелей, а к ненависти, которую в зависимости от потребности можно нацелить в нужном направлении и оправдать интересами класса, партии, народа, государства и вообще всего прогрессивного человечества. И если в нашей замечательной стране никогда не прекращает литься кровь и никак не удаётся решить насущные жизненные проблемы, то, как и прежде, в этом виноваты злые козни инородцев, кавказцев, евреев, болтовня «общечеловеков» о правах и достоинстве личности и происки иностранцев, главным образом заокеанских. На этой ниве произрастают богатейшие возможности. Правильно сделанные выводы из истории и статистики уже взяли на вооружение всевозможные «патриотические» организации, а то и властные структуры, например на Кубани. На роль учёных-историков или учёных-статистиков вожди или губернаторы не претендуют. Интеллектуалы в рясе и без дают понятные и простые объяснения, которые по славной отечественной традиции являются для читателей и слушателей не догмой, а руководством к действию.

Наша страна уже пережила «реальный социализм». Очень не хочется испытать его вторично с приставкой «национал». Даже если этот порядок назовут как-нибудь иначе. История не раз доказывала, что с помощью перелицованных слов можно сделать старую идею весьма привлекательной — хотя бы потому, что никто не вспомнит, сколько за неё уже заплачено.

«НАША СУДЬБА БЫТЬ ЛИШЬ В СНОСКАХ ИСТОРИИ...»¹⁶

В феврале 1929 г. литератор М.Л. Слоним написал из Парижа в Прагу своему товарищу по партии, библиографу С.П. Постникову: «Смущает меня наша апатия партийная. Очевидно, пришли мы к черте и не способны ничего сделать, не можем остановить процесс разложения эсеровской эмиграции <...> Мы должны оправдаться если не перед собственными товарищами, то хотя бы перед тем неизвестным учёным 21 столетия, который будет издавать книгу о русской эмиграции <...> Быть может, он нам посвятит только подстрочное примечание — наша судьба быть лишь в сносках истории, — но я хотел бы, чтобы это примечание было не слишком неправильно» [1].

Первая волна русской эмиграции уже не нуждается в чьём-либо оправдании. Её общественный и культурный вклад в отечественную историю, неотъемлемой частью которой она себя заслуженно считала, огромен. Конец эпохи социализма освободил из спецхранов библиотек и архивов документы и труды тех, кого именовали белоэмигрантами. Однако многие из этих людей часто известны лишь по сноскам и примечаниям к выдающимся событиям и ярким именам.

Об основных вехах биографии литератора и библиографа Сергея Порфирьевича Постникова можно узнать из немногих энциклопедий [2]. В серии интересных статей и публикаций литературоведа Р. Янгирова [3] очерчен круг печатных и архивных материалов, характеризующих этого человека, но С.П. Постников

¹⁶ Впервые опубликовано: «Наша судьба быть лишь в сносках истории...» // Библиография. — 2002. — № 5. — С. 62–69.

интересует его не сам по себе, а своими отношениями с литераторами, изучением жизни и творчества которых он занимается. Опубликованные А. Черневым архивные документы [4] рассказывают об одном из последних периодов непростой жизни библиографа. Весьма ценны результаты огромной и скрупулёзной работы, проделанной редактором С. Г. Блиновым при подготовке к печати книги С. П. Постникова [5].

Цель данной статьи — опираясь на опубликованные и архивные материалы, рассказать о жизни и трудах С. П. Постникова, чья судьба необычна даже на фоне ярких и трагичных историй, на которые был столь богат недавно завершившийся XX в.

Сергей Постников родился в 1883 г. в Архангельске. Окончил духовную семинарию, где его отец преподавал греческий язык, и сам стал учителем в уездной школе. Уже на семинарской скамье он обнаружил и своё истинное призвание, и широту мысли, выразившуюся в способности выслушивать точку зрения, которую не разделял. «В 1900 году я начал издавать рукописный журнал „Микстура“. Название это, по тому тогдашнему моему мнению, означало, что журнал не будет придерживаться строго одного какого-либо направления и даст возможность высказываться и печататься авторам, вне зависимости от взглядов и литературных вкусов самого редактора» [6]. На следующий год корреспонденции С. П. Постникова начинает печатать ярославская газета «Северный край». Вскоре его публикации появляются в петербургских «Сыне отечества», «Экономической газете» и других периодических изданиях.

Революционная атмосфера тех лет не оставила равнодушным молодого учителя, имевшего много друзей среди крестьянской интеллигенции, и он вошёл в местную организацию партии социалистов-революционеров (ПСР).

В 1906 г. Сергей Постников стал членом Архангельского комитета партии и постоянным сотрудником заграничных эсеровских изданий. Арест в Крыму, где он лечился от туберкулёза, и почти год, проведённый в тюрьме, не лишили его ни веры в народнические идеалы, ни литературной активности.

В 1909–1910 гг. он жил в Баку и, наряду с изданием грузинской газеты «Мрцвали», где в противовес господствовавшему в Грузии марксизму проводились народнические взгляды, издавал и редактировал нелегальные эсеровские журналы «Морская волна»

и «Современник». В 1909 г. в Париже он представлял бакинскую организацию на конференции ПСР.

Переехав в Москву, С.П. Постников учился в Коммерческом институте и сотрудничал во многих газетах и журналах Москвы, Петербурга и Киева. Но, не довольствуясь этим, в 1912 г. стал издавать большой (объёмом 25–30 листов) легальный ежемесячный журнал «Заветы». Обладавший огромной работоспособностью, организаторским талантом, тонко чувствующий и любивший литературу, скромный секретарь редакции «Заветов», начав работу фактически в одиночку, вскоре совместно с А.И. Иванчиным-Писаревым, В.С. Миролюбовым и Р.В. Ивановым-Разумником привлёк к сотрудничеству лучших литераторов своего времени — Л.Н. Андреева, А.А. Ахматову, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, И.А. Бунина, А.М. Горького, Н.С. Гумилёва, Б.К. Зайцева, Е.И. Замятина, О.Э. Мандельштама, А.М. Ремизова, Ф.К. Сологуба, А.Н. Толстого и др.

Первая мировая война лишила Сергея Порфирьевича места в журнале, закрытого без объяснения причин приказом Верховного главнокомандующего. Осенью 1914 года Постников поступил на службу в Петроградский Комитет Всероссийского Союза городов, где вместе с ним организовывали помощь раненым и больным будущие чекисты В.Р. Менжинский и Г.Г. Ягода, будущий редактор «Известий» Ю.М. Стеклов и будущий советский партийный и государственный деятель Н.И. Подвойский.

«Наша канцелярия, можно сказать, была в некоторые моменты как бы политическим клубом, куда заходили политические деятели и приносили сведения как из думских сфер, так и правительственных» [7]. В 1916 году С.П. Постников был назначен ПСР кандидатом в Думу и поехал в Архангельскую губернию, где встретил знакомого священника. О беседе с бывшим семинарским одноклассником он впоследствии вспоминал так: «Поговорили мы о своих товарищах, рассказал, чем теперь занят, и между прочим поделился мыслями о своей кандидатуре в Государственную Думу. В ответ я услышал совсем неожиданное для себя: „Да ты у нас в семинарии всегда был первый бунтовщик. Тебе и место в Думе. Будем за тебя голосовать, и своих мужиков стану уговаривать“. Хотя не для бунта я собирался в Думу, а всё-таки я понял, что даже священник ждёт от Думы какой-то коренной перемены в русской жизни» [8].

В марте 1917 года С.П. Постников основал газету, превратившуюся в центральный орган ПСР — «Дело народа», и издательство «Революционная мысль», выпускавшее агитационные брошюры и художественные произведения. В Петроградской городской думе он стал главой эсеровской фракции и был избран членом Учредительного собрания. После разгона заседания 6 января 1918 года, которое завершилось словами матроса А.Г. Железнякова об уставшем карауле, С.П. Постников стал выпускать «Простую газету», о которой писал: «Начали мы выходить тотчас после Октябрьского переворота, и весь пафос газеты был в борьбе с захватчиками власти в стране. Этим определился темпераментный, агитационный характер газеты...» [9]. Но и в этом случае политика соседствовала с литературой. Наряду с агитацией, С.П. Постников печатал в газете произведения Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, потому что «наш читатель не знал этих вещей и, как потом все убедились, с интересом и любовью читал прекрасные произведения русской литературы вместо того, чтобы читать случайные, хотя и нигде не написанные прежде рассказы» [10]. Разумеется, в январе 1918 года эти газеты были закрыты.

Сергей Порфирьевич возглавлял культурно-просветительский отдел Продпути, заведовал библиотекой Межевого института. Оставалась и работа в кооперативном издательстве «Колос», руководимом П. Витязевым [11], где С.П. Постников был избран председателем литературного совета. Но и здесь возникли «трения с большевистской властью». Издательство привлекли к суду за издание национализированных произведений русских классиков. «Кроме того, цензура не стала пропускать к печатанию такие книжки, как „Семь повешенных“ Леонида Андреева, „Не могу молчать“ Толстого. Издание этих произведений, в разгар красного террора, считалось недопустимым» [12]. Удалось, однако, издать книгу П.Н. Столпянского, где в предисловии Сергей Порфирьевич рассказал о судьбе разрушающейся при новой власти столицы и объяснял, что «в связи с опасениями за будущее города у петербуржцев явился большой интерес и к прошлому города, и к его истории» [13], чем и объяснялось это издание. Во второй выпущенной им книге — сборнике статей «Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота» (М., 1918) — были проанализированы внешняя и внутренняя политика, экономика и социально-психологические основы большевизма.

Издательская деятельность С.П. Постникова завершилась обыском в октябре 1920 года и нелегальным переходом вместе с женой границы Финляндии.

В Берлине с февраля по октябрь 1922 года он, продолжая заниматься административными делами Заграничной делегации ПСР в Европе, служил секретарём в редакции газеты «Голос России», являлся членом редколлегии, заведующим литературно-художественным отделом и директором-распорядителем, членом редакции исторического журнала «Летопись революции», издаваемого З.И. Гржебиным [14]. Об эмигрантском быте С.П. Постников кратко сообщил в письме своему корреспонденту в Харбин: «Жизнь наша течёт здесь тихой реченькой. Все заняты своей работой, которой у всех достаточно. Но ни бурь, ни волнений особых нет. Только кого-либо придавит эта жизнь, кого-либо очередной кризис выбросит за борт... на время задумаются и другие о своей ближайшей судьбе и тянут дальше свою лямку. А тянуть её становится всё труднее и труднее» [15].

В конце 1922 года он переехал в Прагу, где стал одним из основателей Русского заграничного исторического архива (РЗИА), который со временем превратился в эмигрантский культурно-исторический центр, собравший документы и печатные материалы по истории российского общественного и революционного движения XIX и начала XX в. [16]. С.П. Постников стал бессменным заведующим библиотекой РЗИА. Обширная переписка Сергея Порфирьевича с литераторами и товарищами по партии, раскиданными Октябрьским переворотом по всему миру (Харбин, Палестина, Белград, Париж, США), позволяла не только узнавать о выходе в свет, но и приобретать для архива множество книг и периодических изданий. Вот характерный ответ из Норвегии: «Разумеется, я с большой радостью постараюсь сделать, что смогу, для пополнения архива скандинавскими материалами... Что будет выходить в Норвегии (за Швецией и Данией систематически следить не могу), о том буду уведомлять Вас, либо, если будут даны на то полномочия — обращаться к издателям или авторам с покорнейшими просьбами» [17]. Помимо эмигрантской литературы, приобретались или получались в порядке обмена все книги, изданные в Советской России. К этому добавлялись купленные или подаренные книжные собрания. В письме к В.М. Зензинову С.П. Постников сообщал: «Только что разобрал присланные

Вами книги. Очень хорошо у Вас подобраны книги о беспризорных. Если бы вообще нам поступали такие коллекции, то, конечно, работа по комплектованию специальной библиотеки значительно облегчилась. Ведь мне приходится по кирпичам создавать коллекции книг по разнообразнейшим отдельным вопросам» [18].

Помимо подбора литературы, С.П. Постников занимался формированием рукописного отдела. Так, в письме к литератору А.В. Амфитеатрову Сергей Порфирьевич предлагал: «За Вами есть ещё большой долг — это история газеты «Россия». Напишите ли Вы об этом где-н[ибудь]. Я думаю, что наш Архив с готовностью приобрёл бы такую Вашу рукопись» [19]. Именно благодаря С.П. Постникову удалось собрать и описать почти все материалы по интересующим архив темам.

Сергей Порфирьевич не только пополнял библиотеку в Праге, но и делился информацией о своих рукописных и книжных богатствах. С ним переписывались известные писатели, учёные, политические деятели: М. А. Алданов, А. Белый, Е. К. Брешко-Брешковская, И. В. Гессен, Е. Д. Кускова, С. П. Мельгунов, В. А. Мякотин, Б. И. Николаевский, М. А. Осоргин, Б. А. Пильняк, А. М. Ремизов, Н. С. Рusanов, И. И. Фондаминский, В. Ф. Ходасевич, В. М. Чернов и др. Множество запросов и благодарностей сохранилось в архиве библиографа. Вот лишь одна просьба. М.Л. Слоним из Парижа: «Была у меня сегодня Марина Цветаева и слёзно просила узнать у Вас, где и когда были напечатаны воспоминания Панкратова (бывшего шлиссельбуржца) о царской семье, и жив ли сам Панкратов, а если умер, то где и когда. Ответьте мне, я ей передам» [20].

Работу в архиве С.П. Постников совмещал с широкой литературной и издательской деятельностью. Он являлся одним из редакторов изданий ПСР «Голос России», «Социалист-революционер», «Революционная Россия», писал многочисленные литературно-критические и публицистические статьи, в которых ярко и точно характеризовал советский режим. Ещё до начала большого террора Сергей Порфирьевич констатировал: «Коммунист не имеет особой привилегии ни на свободу своей мысли, ни на своё человеческое достоинство и не освобождён от опасности подвергнуться всем тем репрессиям, каким подвергается рядовой советский гражданин». Он осознавал, что драгоценная для него литература в условиях тотальной несвободы обречена на подпольное существование: «Если на хлебном

и продовольственном фронте они (большевики — А. Ш.) отступили от своих планов и пропускали продовольственные вагоны и посылки, то на умственном, духовном фронте их ничего не заставляет отступить от выдачи только голодного пайка» [21]. Однако Сергей Порфирьевич одним из первых понял, что со временем уйдёт разделение литературы на советскую и эмигрантскую: «река русской литературы... имеет не два русла... а одно и гонит свои воды в одно море русской и мировой культуры» [22]. Вот почему на страницах журналов «Современные записки» (Париж), «Воля России» (Прага) и др. С.П. Постников делал аналитические обзоры книг и журналов, выходящих как в эмиграции, так и в СССР.

Первый опыт по учёту и собиранию русской зарубежной книги был завершён в 1924 году отредактированным Сергеем Порфирьевичем и изданным в Праге двухтомником «Русская зарубежная книга», который включил 4200 названий. Несмотря на недостатки в системе описания и рубрикации, ошибки и опечатки, вызванные спешностью подготовки издания к открытию выставки русской книги в Праге, в рецензии на этот труд отмечалось: «Как пролог к будущей работе о русской зарубежной книге и эта книга не лишена серьёзной ценности. Так или иначе зафиксирован значительный материал, который чем позже, тем труднее будет учесть» [23].

В 1928 г. вышла ещё одна работа — «Русские в Праге. 1918–1928 гг.», о цели которой С.П. Постников сообщил в предисловии: «Моя задача... дать картину того, в каких условиях жили русские люди, что сделали они как для своего собственного устройства, так и в области культуры, науки и воспитания молодёжи» [24]. Для реализации этой задачи была собрана информация об общественных, культурных, экономических организациях, учёных заведениях, профессиональных и корпоративных объединениях, издательствах, медицинских учреждениях и др., достаточно полно характеризующая эмигрантскую жизнь за первое десятилетие существования Чехословацкой Республики.

Сергей Порфирьевич организовал необходимое при большой научной библиотеке информационно-библиографическое отделение, которое предоставило исследователям систематический каталог по истории мировой войны, русского революционного движения, гражданской войны, эмиграции. На его основе была издана составленная С.П. Постниковым книга «Библиография русской

революции и гражданской войны (1917–1921)». Профессор Я. Славик в предисловии указал, что, поскольку в данной работе предлагается лишь часть тематического каталога РЗИА, относящаяся к революции и гражданской войне, то «это не библиография русской революции в настоящем смысле этого слова, а лишь пособие библиографического характера, которое может быть полезно исследователям, покуда не будет издана полная научная библиография. Нечего говорить, что историческая наука вряд ли дожждётся в ближайшее время подобного издания» [25]. В рецензии на этот указатель, содержащий информацию о более 6 тысячах названий книг, повествующих о политических партиях России, о революции и политических деятелях столь недавно ушедшей исторической эпохи, В. Лебедев писал, что С.П. Постникову «удалось сделать замечательное дело и составить такую библиографию великих событий, без которой не обойдётся ни один историк, ни один исследователь нашей эпохи. Сергей Порфирьевич Постников целиком оправдал своё пребывание за границей, своё вынужденное эмигрантство <...> Он не даром прожил свой век!» [26]. Эти слова были бы справедливы и в том случае, если бы эта работа С.П. Постникова, не потерявшая научного значения и сегодня, оказалась последней.

Оккупация нацистами Чехословакии в 1939 г. осложнила, но не прекратила деятельность архива и библиотеки, пополнявшихся изданиями казацкими, власовскими и др. А Сергей Порфирьевич уже собирал материалы для ещё одного библиографического труда — «Политика, идеология, быт и учёные труды Русской эмиграции (1918–1945)», который, несмотря на все препоны, увидит свет, преодолев пространство и время.

В 1945 году, после освобождения Чехословакии Советской армией, РЗИА перестал существовать [27], а С.П. Постников в числе группы эмигрантов первой волны был арестован Пражской опергруппой «Смерш» 1-го Украинского фронта и депортирован в Москву.

О встрече с родиной С.П. Постников впоследствии рассказал сам: «В 1945 году сидел я в Пресненской тюрьме „на вокзале“. Так называется камера, куда сначала поступают заключённые до своего распределения по постоянным камерам. На „вокзале“ находились и профессора, и урки. Урки по ночам не спят, а в тюрьму они приходят, как в дом отдыха. Кто рассказывает о своих героических воровских подвигах <...> а один, помню, стал вдруг читать стихи,

посвящённые Есенину, которого они считают „своим“ поэтом. <...> И вот я стал рассказывать уркам о Есенине, что жена его была моей секретаршей, что я лично хорошо его знал, а после стал на память читать его стихи. Урки слушали как зачарованные. Потом ночью, когда профессора и остальные заснули, урки вскрыли их мешки и всех обворовали. Не тронули только меня. Ревизию карманов и вещей провели, но ничего не взяли, очки мои (в заключении — это валюта) даже хорошо спрятали, чтоб не валялись. Так спас меня Серёжа от потери вещей» [28].

Уголовники, хотя это им и несвойственно, могли проявить человечность, но на подобное С.П. Постников не мог надеяться, имея дело с «органами». Особым Совещанием НКВД СССР за бывшую принадлежность к бывшей партии социалистов-революционеров он был приговорён к пяти годам лагерей.

Разделив тяжёлую судьбу многих соотечественников, Сергей Порфирьевич не оставлял надежды добиться досрочного освобождения. Заключённый ИТЛ Каменск-Уральского С.П. Постников написал письмо своему давнему знакомому, писателю В.Б. Шкловскому, которому оказывал помощь в Берлине в 1922 году. Вспоминая о бывших встречах, он деликатно намекал на желательность ходатайства адресата: «Необходимо, чтобы кто-н[ибудь] из моих добрых знакомых писателей обратил бы внимание самого Жданова на моё положение» [29]. Это обращение осталось без ответа и последствий.

В 1950 году, отбыв срок заключения полностью, 67-летний инвалид С.П. Постников был отправлен на жительство к сестре в г. Никополь Днепропетровской области, где ему удалось кормиться, работая швейцаром в чайной.

В 1952-м он обратился с ходатайством в МВД СССР о выезде в Чехословакию, но получил разъяснение, что этот вопрос может быть рассмотрен лишь после получения им советского паспорта.

В 1954 году новоявленный гражданин СССР С.П. Постников обратился с заявлением к министру внутренних дел и в ЦК КПСС, где объяснил, почему он просит разрешения на выезд в Прагу: «Я — старый человек — 71 год, болен эмфиземой лёгких и миокардитом сердца. В Праге осталась моя жена, Постникова Елизавета Викторовна, возрастом 70 лет и тоже больная; на почве склероза она потеряла зрение на один глаз. Прожили мы вместе почти 50 лет, последние девять лет разлучены. Детей у нас нет, умерли

в детстве. Жить нам обоим осталось очень немного, и хотелось бы дожить оставшийся недолгий век вместе. <...> Я подготовил большую работу «Библиография идеологии и политики эмиграции» (размером до 600 стр.). В этой области я являюсь единственным специалистом, так как почти 25 лет я собирал абсолютно всю бытовую и политическую литературу эмиграции. В результате моей работы получается интересный спектр эмигрантской политики. В двадцатых годах эта литература от монархистов-легитимистов до анархистов-безвластников. В тридцатых годах — от младороссов, фашистов и союза национальной молодёжи до троцкистов и невозвращенцев. Особняком стоит литература всевозможных сепаратистов.

Осталось ещё немного доработать. Закончить эту работу я могу только в Праге. В случае моей смерти (а дни мои считаны) вся эта моя работа пропадёт, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вновь мог проделать её. А между тем для советской власти такая работа, конечно, имеет значение в борьбе с антисоветскими течениями. Свою работу, если я буду иметь возможность закончить, отдам в полное распоряжение ЦК Коммунистической партии Советского Союза» [30].

Для решения вопроса о судьбе С. П. Постникова понадобились первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, партийный и государственный деятель В. Д. Бонч-Бруевич, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями И. Т. Виноградов, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. П. Степанов, секретарь Днепропетровского обкома компартии Украины А. Ф. Ватченко, посол СССР в Чехословакии Н. П. Фирюбин, первый секретарь ЦК компартии Чехословакии А. Новотный, секретари ЦК КПСС М. А. Суслов, П. Н. Пospelов, Н. Н. Шаталин, заместитель председателя Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС А. Ф. Сененков. И хотя высокопоставленные деятели руководствовались отнюдь не гуманными соображениями, полностью отбывшему срок, но амнистированному зеку несказанно повезло: он получил разрешение вернуться в Прагу и прожил несколько лет в семье [31]. С. П. Постников выполнил данное им обещание, передав без какого бы то ни было вознаграждения подготовленную им рукопись в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) и в ЦГАЛИ СССР, где они и пролежали в спецхране до 90-х годов XX в.

С. П. Постников умер в 1965 году и похоронен на Ольшанском кладбище [32].

Счастливо сложилась его посмертная судьба. В 1987 году его архив стал доступен исследователям [33]. В 1989-м он был реабилитирован [34]. В 1993-м в Нью-Йорке в издательстве Нормана Росса вышел в свет двухтомный труд С. П. Постникова «Политика, идеология, быт и учёные труды Русской эмиграции». Редактор этого издания, член-учредитель Русского библиографического общества в Москве С. Г. Блинов, взяв за основу для публикации и редактирования копию, хранящуюся в ГБЛ, поставил перед собой следующие задачи: «1. Точно, без искажений и изъятий, передать состав части систематического каталога РЗИА, получивший отражения в библиографии. 2. По возможности уточнить и по необходимости исправить наличную библиографическую информацию, а также дополнить библиографические сведения об изданиях эмиграции, которые имелись в библиотеке РЗИА не в полном комплекте. 3. Уточнить и дополнить библиографическую информацию об изданиях, взятых Постниковым из печатных каталогов издательств и справочников» (Т. 1. С. XV).

Значительную долю изданий, описанных С. П. Постниковым, С. Г. Блинов проверил *de visu*, уточнил фамилии и имена авторов книг и брошюр, редакторов журналов и газет, а где возможно — раскрыл псевдонимы, установил названия трудов авторских коллективов, дополнил отсутствующие сведения о месте и дате издания книг и брошюр, газет и журналов. Все вмешательства редактора в текст библиографии заключены в угловые скобки. В процессе выполнения этой работы С. Г. Блинов трудился в крупнейших библиотеках и архивах России и блестяще справился с поставленной задачей.

Первый том — «Книги и брошюры русской эмиграции, 1918–1945 гг.» — включает в себя предисловие С. П. Постникова о содержании и форме библиографической работы, её хронологических рамках и методах составления и введение, где дан сравнительный анализ развития русской книги за рубежом в связи с историей русской эмиграции. В десяти частях (I. Политика и идеология русской эмиграции. Общий отдел. II. Политические партии и группировки русской эмиграции. III. Воспоминания, дневники, письма. Очерки по истории революции и Гражданской войны. IV. Русские эмигранты в различных странах. V. Первая мировая война.

Военное дело. VI. Издания эмиграции по вопросам религии. VII. Учёные труды. Издания коллективов. VIII. Сборники. IX. Библиографические указатели. X. Труды русских учёных за рубежом) описано 3775 книг и брошюр.

Второй том — «Периодика русской эмиграции, 1918–1945 гг.» — включает предисловие, которое содержит краткие сведения об основных журналах и газетах, издающих их партиях и организациях, 1435 библиографических описаний журналов и 1030 газет, а также научно-справочный отдел с тремя указателями: именным, предметным и географических названий. В приложении даны автобиография С. П. Постникова, «Записка о Русском Историческом Архиве в Праге» А. Ф. Изюмова и обзор книжно-журнального и газетного отделов РЗИА.

Для историков и литераторов этот труд стал ценной находкой. Для Сергея Порфирьевича Постникова — библиографическим памятником, свидетельствующим как о значимости его работы, так и о благодарности потомков, независимой ни от времени, ни от географии.

-
- [1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 6065 (С. П. Постников). Оп. 1. — Ед. хр. 79. — Л. 32, 32 об.
 - [2] Дойков Ю. Постников С. П. // Русское зарубежье. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. — М.: 1997. — С. 509–510; Соколова В. А. Постников С. П. // Книга: Энциклопедия. — М., 1999. — С. 508.
 - [3] Янгиров Р. Пражский круг Евгения Замятина // Рус. Мысль. — Париж, 1996. — № 4154–4155; 1997. — № 4156; «Заветный» друг Е. И. Замятина: Новые материалы к творческой биографии писателя // Rus. Studies. — СПб., 1996. — Vol. II, № 2. — Р. 478–520. Благодарю автора за любезно предоставленные мне печатные материалы, отсутствующие в ГПИБ.
 - [4] «Нельзя упустить им созданную библиотеку...» / публ. А. Чернева // Источник. — 1993. — № 4. — С. 122–127.
 - [5] Политика, идеология, быт и учёные труды русской эмиграции, 1918–1945. Библиогр.: из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге: В 2 т. / сост. С. П. Блинова; Introd. by E. Kasinec, R. H. Davis, Jr. — New York: Norman Ross Publ. Inc., 1993. — Т. 1: Книги и брошюры русской эмиграции,

- 1918–1945.— 256 с.; Т. 2: Периодика русской эмиграции, 1918–1945.— 526 с.; О нём см.: Коган Е. И. Библиотечная жизнь Нью-Йорка. Письмо двенадцатое: Norman Ross Publishing Inc.: «Мы никогда не сможем остановиться» // Библиография.— 2001.— № 5.— С. 117–118.
- [6] ГАРФ.— Ф. 6065. Оп. 1.— Ед. хр. 1.— Л. 1.
- [7] Там же. Л. 32.
- [8] Там же. Л. 27.
- [9] Там же. Л. 87.
- [10] Там же.
- [11] О нём см.: Ратнер А. В. Под псевдонимом «Пётр Витязев» // Советская библиография.— 1986.— № 3.— С. 55–56.
- [12] ГАРФ.— Ф. 6065. Оп. 1.— Ед. хр. 1.— Л. 94. Издательство было закрыто в 1926 г.
- [13] Столпянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург.— Пг.: 1918.— С. III.
- [14] ГАРФ.— Ф. 5777 (В. Н. Тукалевский). Оп. 1.— Ед. хр. 693.— Л. 3, 3 об.
- [15] Там же.— Ф. 6065. Оп. 1.— Ед. хр. 88.— Л. 2.
- [16] Подробнее см.: Изюмов А. Ф. Записка о Русском Историческом Архиве в Праге // Политика, идеология, быт и учёные труды русской эмиграции. 1918–1945 / сост. С. П. Постников; ред. С. Г. Блинов.— New York, 1993.— Т. 2.— С. 408–409; Павлова Т. Ф. Русский Заграничный Исторический Архив в Праге // Вопросы истории.— 1990.— № 11.; Зелов Н. С. Коллегам-архивистам русской эмиграции посвящается // Библиография.— 2000.— № 5.— С. 125–126.
- [17] ГАРФ.— Ф. 6065. Оп. 1.— Ед. хр. 55.— Л. 4.
- [18] Там же.— Ед. хр. 52.— Л. 53. Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953)— один из лидеров ПСР, сотрудник многих эмигрантских изданий.
- [19] Там же.— Ед. хр. 33.— Л. 7 об.
- [20] Там же.— Ед. хр. 79.— Л. 30 об.
- [21] Постников С. П. Режим покаяния // Воля России.— Прага, 1932.— № IV–VI.— С. 142, 153.
- [22] Постников С. П. Среди книг и журналов // Там же.— 1925.— № 1.— С. 236.
- [23] Современные записки.— Париж, 1924.— Т. XXI.— С. 446.
- [24] Русские в Праге, 1918–1928 гг. / Ред.-изд. С. П. Постников.— Прага, 1928.— С. 5.

- [25] Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921). Из каталога библиотеки РЗИ Архива / под ред. Яна Славика, директора РЗИ Архива; сост. С.П. Постников, зав. б-кой Архива. — Прага, 1938. — С. XIII.
- [26] ГАРФ.—Ф. 6065. Оп. 1.—Ед. хр. 30.—Л. 1. Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) — политический деятель, журналист.
- [27] Быстров В. Конец Русского Заграничного Исторического Архива в Праге // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. — Сборник докладов. — Ч. 1. — Прага, 14–15 авг. 1995.
- [28] Постников С.П. Некоторые добавления к воспоминаниям о С. Есенине // С.А. Есенин: Материалы к биографии / сост. Н.И. Гусева, С.И. Субботин, С.В. Шумихин. — М., 1993. — С. 347.
- [29] Из эпистолярного наследия Виктора Шкловского // Тыняновский сборник. Шестые, седьмые, восьмые тыняновские чтения. — Вып. 10. — М., 1998. — С. 497.
- [30] Цит. по: Чернев А. Нельзя упустить им созданную библиотеку... // Источник. — 1993. — № 4. — С. 124–125.
- [31] Постникова Елизавета Викторовна (1884–1961) — жена Сергея Порфирьевича, ветеран ПСР. См. её воспоминания: Постникова Е.В. Детство в Киеве: [Фрагм. из кн. «Записки революционерки»] // Воля России. — 1924. — № VII–VIII; Юность // Там же. — 1926. — № VI; Лето // Там же. — 1927. — № II; 21-й год // Архив русской революции. — Берлин, 1924. — Кн. 13.
- [32] Седельников В. Ольшаны // Наше наследие. — 1990. — Март.
- [33] Петрушева Л.И. Документы пражской коллекции в научно-справочном аппарате Государственного архива Российской Федерации // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. — Сборник докладов. — Ч. 1. — Прага, 14–15 авг. 1995. — С. 92.
- [34] Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. — М.: РОССПЭН, 1999. — 671 с., ил. — См. именной указатель.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ ОПРОВЕРГАЕТ ЕВГЕНИЮ ИВАНОВУ¹⁷

В первом номере «Вопросов литературы» за этот год [1] помещён памфлет (такое определение дала этому тексту сама редакция журнала) Евг. Ивановой «Мемуары А. В. Храбровицкого: „Топор в руках судьбы“». В нём автор рассматривает недавно опубликованные воспоминания краеведа и биографа Короленко Александра Вениаминовича Храбровицкого (1912–1989) [2] и приходит к весьма неутешительным выводам. Воспоминания эти, по её мнению, представляют собой «плод чистого вымысла» [3], содержат немало «настоящей лжи» (с. 265). Евг. Иванову поражает «неправдоподобие, почти абсурдность того, что рассказывает Храбровицкий» (с. 275). Она пытается доказать, что автор мемуаров — «человек мало кому известный, не имеющий никакого морального авторитета и очень сомнительный научный» (с. 293), «он пробавлялся исключительно сплетнями, причём не всегда понимая их смысл» (с. 296), более того, «человек глубоко больной» психически (с. 273). Автор памфлета даже полагает, что воспоминания Храбровицкого «надо было выкрасть <...> вместе с архивом и сжечь, либо печатать без имени автора под заглавием „Записки сумасшедшего“» (с. 295).

Основой подобных заявлений стало рассмотрение Евг. Ивановой фрагмента воспоминаний, посвящённого К. И. Чуковскому, о котором Иванова писала и произведения которого издавала. Она утверждает даже, что после прочтения книги «сразу побежала заново изучать их переписку в Отделе рукописей РГБ»

¹⁷ Впервые опубликовано: Корней Чуковский опровергает Евгению Иванову // Новое литературное обозрение. — 2014. — № 126 (2). — С. 435–441.

(с. 262), однако работа там слабо сказалась в её статье, в основном аргументация сводится к цитированию каких-либо утверждений Храбровицкого и заявлению, что в это нельзя верить.

Вот пример этого: «...ни в архиве Храбровицкого, ни в архиве Чуковского не сохранились письма, подтверждающие такие, например, пассажи из воспоминаний Храбровицкого:

«Однажды он прислал мне в Пензу письмо, что просит работать с ним над комментированием народного издания Некрасова. Я ответил согласием, но просил заключить со мной соглашение. Он не ответил; по-видимому, думал, что я соглашусь работать с ним „из чести“» (с. 181).

Но можно ли верить, что Чуковский, который творчеством Некрасова занимался к тому моменту более 20 лет, мог обратиться к малознакомому пензенскому журналисту, который никогда Некрасовым не занимался, при том, что никаких документальных свидетельств этого обращения не сохранилось?» (с. 263–264).

Однако документальные свидетельства сохранились; именно в том архиве, который Евг. Иванова, как утверждает, изучала, хранится письмо Чуковского (без даты, но с пометой Храбровицкого «Получ[ено] 26.XII.1946»):

Многоуважаемый А. В. Получил «Сталинское знамя». Спасибо. Читая Вашу заметку, подумал (не в первый раз!), что Вам непременно нужно взять широкую всеобщую (а не только пензенскую) тему — требующую кропотливого анализа, высокой честности в обращении с материалом и доброкачественного изложения.

И мне пришло в голову: не захотите ли Вы сотрудничать со мною в работе над Некрасовым? Похоже на то, что мне поручат издание народного Некрасова, и мне очень хочется «сделать» эту популярную книгу в сотрудничестве с Вами. Я уверен, что у нас вышла бы полезная работа.

Отвечайте, пожалуйста!

Вам преданный —

К. Чуковский [4].

По этому же вопросу Чуковский писал Храбровицкому ещё раз 7 января 1947 года:

Уважаемый А. В.

Так как Вы не желаете покидать Пензы, мне приходится ограничиться малым. Дело идёт о создании стандартного сборника стихотворений Некрасова (народное многотиражное издание). Мне хочется для этого издания дать реальный комментарий к каждому непонятному слову. Напр.,—

— *Кивера* не блестят
 — Там торчит *Веллингтонов сапог*
 — И с *запашки* ссадил на оброк
 — За фурой, *вроде погребальной*
 И т.д., и т.д.

Вы оказали бы большую услугу пропаганде некрасовской поэзии, если бы исполнили всю эту работу— лаконично, точно, метко. Я не знаю, привлекает ли Вас эта работа. Если Вы исполните её в своём стиле, она останется в литературе, и «Комментарии А.В. Храбровицкого» будут переходить из одного издания в другое. Пожалуйста, отвечайте! Я думал предложить Вам некую текстологическую работу, но в Пензе проделать её невозможно, а эта не требует Вашего пребывания в Москве.

Сердечный привет.

К. Чуковский [5].

Ещё пример. Е. Иванова после «более внимательного знакомства с перепиской» (с. 262) Чуковского с Храбровицким, желая продемонстрировать, что реальные факты в изложении последнего приобретают такой смысл, который из них никак не вытекает, со своеобразной избирательностью цитирует архивные материалы:

В качестве примера приведу небольшой эпизод, в котором, по мнению Храбровицкого, Чуковский явил «случай неискренности, довольно серьёзный»: «В архиве Короленко есть черновик его письма к Чуковскому, написанного в 1915 году после смерти брата — Иллариона Галактионовича. Короленко писал, что нашёл в бумагах брата документы о судебном взыскании с Чуковского 300 рублей, которые он взял в долг ещё в 1903 году и не отдавал. Как опекун детей брата, Короленко предлагал Чуковскому вернуть деньги без суда. Чуковский вернул, и Короленко послал ему письмо с выражением удовлетворения, что дело окончено.

Я просил Чуковского сообщить для „Летописи“ Короленко, какие письма Короленко у него сохранились. Он прислал мне текст второго письма, не сообщив о первом и неверно изложив весь инцидент. Когда я сказал ему, что в архиве Короленко есть черновик первого письма, он был смущён и замял разговор» (с. 181).

С одной стороны, факты изложены совершенно правильно — письмо Короленко, где он просил уплатить долг, в архиве Чуковского не сохранилось, а сохранилось письмо Короленко от 22 октября 1916 года, написанное после получения долга от Чуковского, которое мы и приводим: «Многоуважаемый Корней Иванович! Посланные Вами 300 р. я получил и на днях отсылаю Нине Григорьевне. Благодарю за быстрое исполнение этого дела. Это был первый мой активный шаг в качестве опекуна. Желал бы, чтобы и другие дела были столь же успешны. Жму руку и желаю всего хорошего. Здоровья и сна! Остальное приложится. Поклон Вашей семье. Вл. Короленко» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 46. Ед. хр. 11. Л. 1).

В чём же здесь неискренность — письмо Короленко очень дружественное, инцидент с долгом был полностью исчерпан в 1916 году, почему Чуковский должен был смущаться оттого, что Храбровицкий нашёл в архиве Короленко копию предыдущего письма? (с. 262–263).

На риторический вопрос Е. Ивановой есть ответ в письме Чуковского, которое она предпочитает не использовать (Храбровицкий пометил на нём: «Получено 21.III.1958»):

Многоуважаемый А. В. — спешу сообщить Вам точную копию единственного имеющегося у меня письма В. Г.

Когда я в 1903 году уезжал в Лондон, брат В. Г. (Илларион Галактионович) дал мне взаймы 300 р. Потом, когда я воротился в Россию, он, видя, что я обременён большой семьёй, дважды предоставлял мне отсрочку.

В 1916 г., когда он умер и обстоятельства мои поправились, В. Г. в качестве опекуна его семьи напомнил мне о моём долге. Остальное понятно из текста.

С приветом. К. Чуковский [6].

Далее следует приведённое Е. Ивановой письмо В. Г. Короленко.

Итак, взятые в долг деньги Чуковский не вернул даже после двух просьб. И лишь после смерти кредитора и просьбы опекуна семьи покойного, сопровождаемой угрозой обратиться в суд, деньги были возвращены. Вот причина «смущения» Чуковского, когда эти факты стали известны Храбровицкому.

Вот ещё один пример. В отличие от Е. Ивановой, я биографией Чуковского занимался лишь в связи с комментированием воспоминаний Храбровицкого, где, к слову сказать, Чуковскому посвящены всего 10 страниц. И вот я читаю в её статье:

Приведём пример настоящей лжи, которой немало в «очерках»:

«Летом 1960 года Чуковский прислал мне рукопись своих воспоминаний о Короленко, чтобы я исправил в ней фактические ошибки. Я отложил свои дела и три дня занимался проверкой. Если бы он заплатил мне за работу, я бы не отказался, но он этого не сделал. Когда я сообщил ему исправления, приехав для этого в Переделкино, то сказал, что не следует писать только анекдоты о забытых сейчас литераторах». (с. 183).

Читатель, не знакомый с воспоминаниями Чуковского «Короленко в кругу друзей», может и впрямь подумать, что их автор нуждался в помощи Храбровицкого, но откройте эти неоднократно переиздававшиеся воспоминания: во-первых, они занимают всего-навсего 30 страниц, то есть прочитать их можно за пару часов, даже если читать по складам. А во-вторых, там нет ни одной строки, которую мог бы проверять Храбровицкий. Чуковский рассказывал о своих встречах с Короленко в Куоккала, в доме Н. Анненкова, кстати, там нет и никаких анекдотов о забытых литераторах (с. 265).

А вот касающаяся этого сюжета открытка Чуковского (на ней почтовый штамп 14 июня 1960 г. и надпись Храбровицкого: «По поводу воспоминаний о Короленко»):

Многоуважаемый Александр Вениаминович. Если бы даже я не получил Вашего любезного письма, я всё равно обратился бы к Вам. Память моя сильно ослабела, и я очень нуждаюсь в авторитетной проверке тех фактов, которые сообщаются в моей мемуарной заметке. Она вышла хуже, чем я ожидал, так как я писал её во время тяжёлой болезни. Горе в том, что у меня нет

под рукой ни одного экземпляра: чуть только мне изготовят копию, я пользуясь Вашим разрешением пришлю Вам оную на суд строгий. С приветом. Корней Чуковский [7].

Рядом записка, переданная Храбровицкому водителем Чуковского:

Многоуважаемый А. В. — Посылаю Вам тот экземпляр, который я должен вернуть Т. Г. Морозовой. Другого у меня нет.

Жду Ваших авторитетных замечаний.

Не приедете ли ко мне в любой день около 5 часов. Буду рад повидаться. И кстати — покажу Вам Короленковские даты в моём «Дневнике».

Пожалуйста, приезжайте! Я приехал бы к Вам, но — еле жив.

С искренним приветом.

Корней Чуковский.

15 июля 1960. <...> [8].

Я готов поверить, что Е. Иванова, приводя «пример настоящей лжи» Храбровицкого, просто не знала о существовании этого письма. Но удивление вызывает тот факт, что она игнорирует подтверждение того, о чём написал в воспоминаниях Храбровицкий. В опубликованном и прокомментированном ею самой (с Е. Чуковской) письме К. И. Чуковского С. А. Богданович от 24 июля 1960 г. можно найти следующее: «Статью мою прочитал Храбровицкий и внёс в неё неск[олько] важных поправок. <...> Статейка появится в Октябре, исправлять её мне не удастся. Но я утешаюсь мыслью, что она войдёт в томик моих воспоминаний, и там я внесу в неё все поправки — и Ваши, и Храбровицкого, и Тани, и Балабановича», а в комментариях поясняется: «См.: Чуковский К. Короленко в кругу друзей // Октябрь. 1960. № 9. С. 191–205» [9].

Таких писем в фонде Храбровицкого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранилось немало (Ф. 357. К. 18. Ед. хр. 44, 45), причём за довольно большой период — с 1943 по 1967 год. Евг. Иванова пишет: «Храбровицкий не входил в сколько-нибудь близкое окружение Чуковского, в дневнике он упомянут всего три раза. Не включили мы и письма к нему в собрание сочинений Чуковского — они носили исключительно деловой характер, отвечали на какие-то просьбы Храбровицкого»

(с. 261–262). Приведённые письма показывают, что не так уж мало значительны письма Чуковского Храбровицкому, они содержат, например, важную информацию о творческих планах Чуковского, о его стремлении популяризировать творчество Некрасова и т.д. Да и просьбы, как видим, были обоюдными.

Можно задаться естественным вопросом, с какой стати знаменитый писатель, литературовед, переводчик, критик столько лет тратил своё драгоценное время для ответов «на какие-то просьбы Храбровицкого»? Найти ответ на этот вопрос поможет информация об обстоятельствах их знакомства.

В то время как в Москве в 1943 году по разным причинам дело издания военной сказки Чуковского «Одолеем Бармалея!» не двигалось, в Пензе никому не ведомый журналист на свой страх и риск предложил Чуковскому издать его сказку и выпустил её. По этому поводу Чуковский писал ему (письмо не датировано):

Уважаемый тов. Храбровицкий! Одновременно я получил свою книжку в двух изданиях: из Пензы и из Ташкента. В Ташкенте её напечатал Узгиз. И я должен сказать по совести, что пензенское издание гораздо лучше: оно сделано любовно, старательно — и в нём нет ни йоты той пошлости, которая так и брызжет из ташкентской книги. Ташкентское издание претенциозно (обложка в красках, формат — in folio, художник действовал под Конашевича) — и оттого его противно взять в руки. Пензенское издание — скромно, благородно и тщательно.

Рисунки Бориса Ив. Лебедева очень приятны по стилю. Особенно хороши на стр. 9, 30 и на обложке. Видно, что он вжился в текст и что у него *есть* вкус.

Фрида Захаровна [10] отнеслась к своему делу с максимальной добросовестностью. Я внимательно прочитал весь текст и нашёл лишь одну опечатку (и то крошечную!). На стр. 41-й нужно:

И падают, падают, *падают* злые шакалы с высот.

Но боюсь, что это описка оригинала.

О Слепцове начал писать, но заболел и кроме того спешно кончаю книгу о Чехове. Почему бы Вам не издать с рисунками Б.И. Лебедева дюжину разных детских книжек таким же способом: я оборудовал бы для Вас всю серию — и Маршака,

и Михалкова, и Барто. Жалко, что пензенские дети лишены книжек. У моей книжки тот недостаток, что она слишком длинная. Детям нужны сказки более короткие — и кроме того загадки, песенки, фольклорные материалы.

Уважающий Вас Чуковский.

Сердечно благодарен Вам за Ваше *творческое* отношение к моему «Бармалею» [11].

Так началось это знакомство. А вскоре об этой сказке писали так: «Сказка К. Чуковского — вредная стряпня, которая способна исказить в представлении детей современную действительность. „Военная сказка“ К. Чуковского характеризует автора, как человека или не понимающего долга писателя в Отечественной войне, или сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма» [12]. «Пошлые выверты К. Чуковского возбуждают чувство отвращения. Они вызывают недоуменный вопрос: что же такое его „поэма“ — плод чудовищного недомыслия или сознательный пасквиль на великий подвиг нашего народа, карикатура на участников войны, прикрытая формой детской книжки?» [13]

Тогда в подобных случаях люди нередко переставали узнавать своих старых знакомых. А Храбровицкий написал Чуковскому письмо, на которое получил следующий ответ:

Дорогой Ал. В. — я был болен, очень удручён. Мне было не до писем. Но теперь немного полегчало, и я хочу раньше всего поблагодарить Вас за чудесное письмо, которое Вы написали мне в пору моего несчастья. Оно было кратко, но в нём — в трёх строках — сказалось Ваше редкое благородство и мужество. Я приобщил его к самым заветным и для меня драгоценным письмам моего архива. <...>

Теперь мне как будто полегчало, и я надеюсь выполнить свои обязательства.

Спасибо за две книжки — Михалкова и Маршака.

Крепко жму руку. К. Чуковский [14].

Приведу ещё одно письмо Чуковского, написанное после выхода в свет первого научного издания В. Г. Короленко «История моего современника»:

18 ноября 1965

Дорогой Александр Вениаминович,

Поздравляю Вас с огромной победой! Хаотичную, расхлябанную, недостоверную рукопись, кишашую опечатками, описками, шаткими полужактами, ошибками, Вы сделали одной из самых надёжных, прочных, научно проверенных книг. Как был бы счастлив Владимир Галактионович, если бы дожил до ноября 1965 года и мог бы положить себе на стол эту монументальную книгу. Сколько *нового* узнал бы он из неё, с какой благодарностью он принял бы все Ваши заметы — и всю вообще Вашу дружескую, самоотверженную, благородную работу над его недописанной и недоотделанной книгой. Простите, пишу бессвязно, у меня очень большое горе, — но надеюсь, что даже эти неуклюжие и сумбурные строки выразят то чувство глубокого уважения, которое внушил мне Ваш многолетний труд.

Обнимаю Вас — и ещё раз поздравляю. Привет Вашей жене.

Ваш Корней Чуковский [15].

Для того чтобы по словам, строчкам и абзацам опровергать статью Е. Ивановой, потребовалось бы несколько печатных листов — формат явно не журнальный. Как видим, многие её утверждения опровергаются самим Корнеем Ивановичем Чуковским. А с суждениями на основе слухов и сплетен («Я потратила некоторое время на расспросы литературоведов, знавших Храбровицкого, но обнаружить среди них тех, кто отзывался бы о нём с уважением, мне не удалось» (с. 271), «По устным рассказам ныне здравствующих людей, был даже эпизод, когда Храбровицкий обвинялся в попытке её (свою жену. — А. Ш.) отравить, но доказать ничего не удалось» (с. 283)) вообще нельзя полемизировать. Это касается и утверждений о психической болезни А. В. Храбровицкого. Мне не известны документы, свидетельствующие об этом, а в отличие от Е. Ивановой (см. с. 272, 275, 295) я не взял бы на себя ответственность ставить медицинский диагноз, у меня другая профессия.

Е. Иванова, безусловно, права, когда утверждает, что «очень многое можно было бы проверить, прежде чем пускать в свет» (с. 294) или что «у историка литературы такого права на субъективность («кого люблю, тому дарю») нет, напротив, он должен отвечать за факты, которые распространяет» (с. 295). Только, на мой взгляд, она должна была бы применять эти максимы и к своим

работам. Многие придерживались принципиально иной точки зрения на Храбровицкого. Например, известный историк археологической науки А. А. Формозов закончил посвящённый ему мемуарный очерк следующими словами: «...в моей памяти он навсегда запечатлён как редкий пример бескорыстия. Помочь в работе незнакомому человеку. В моей среде — археологов, историков — этого я совсем не встречал. Мне грустно, что старческий, но отнюдь не бесстрастный голос больше никогда не зазвучит из телефонной трубки около моего стола» [16].

И последнее. За статьёй Е. Ивановой, напечатанной в рубрике «Полемика», следует послесловие «От редакции», где, вероятно, в порядке полемики с автором, названы некоторые люди, «высоко ценившие Александра Вениаминовича» (с. 296), и отмечено, что Е. Иванова «даёт сконцентрированно негативный образ» последнего (с. 299). Это не помешало «редакции» добавить от себя то, о чём не написала даже Е. Иванова, — о возможном использовании Храбровицкого органами (с. 298) — подкрепив своё мнение лишь ссылкой на книгу Р. Герра «Когда мы в Россию вернёмся» (СПб.: Росток, 2010. С. 103). После неё вышел в свет солидный том, где Л. Звонарёва и Р. Герра приводят новые «веские аргументы» и «факты», «свидетельствующие о причастности» Храбровицкого к «деятельности спецслужб» [17]. Опубликована и моя оценка этих, не выдерживающих критики, «веских аргументов» и «фактов» [18].

«Редакция» посчитала, что «картина реальности» в мемуарах Храбровицкого «сильно деформирована» (с. 299). В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание читателей на письмо от 19 декабря 1960 г., в котором Чуковский высказал своё мнение о публикациях Храбровицкого: «Публикацию Вашу — Чехов и Короленко — я читал. Спасибо за оттиск. Как и всякая Ваша работа — эта публикация по-новому освещает «предмет», обогащает нас новыми сведениями — и отличается полнейшей достоверностью <...>» [19].

Разговор о А. В. Храбровицком требует объективности.

[1] Этот текст я предложил для публикации «Вопросам литературы», поскольку он написан по поводу помещённой в этом журнале статьи. Однако там его отказались печатать. Благодаря редакции «НЛО» за возможность обнародовать отклик на статью Евг. Ивановой.

- [2] Храбровицкий А. В. Очерк моей жизни. Дневник. Встречи / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. П. Шикмана. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. (Россия в мемуарах).
- [3] Иванова Евг. Мемуары А. В. Храбровицкого: «Топор в руках судьбы» // Вопросы литературы. — 2014. — № 1. — С. 266. Далее ссылки на эту статью даются в тексте, в скобках указывается страница.
- [4] ОР РГБ. — Ф. 357. К. 18. — Ед. хр. 44. — Л. 19–20.
- [5] Там же. — Л. 21.
- [6] Там же. — Л. 28.
- [7] Там же. — Л. 30.
- [8] Там же. — Л. 31.
- [9] Чуковский К. Собр. соч. — Т. 15. Письма. 1926–1969. — М.: Терра, 2009. — С. 473–474.
- [10] Храбровицкий писал Чуковскому: «корректору Фриде Захаровне Круткович обещал премию — авторскую надпись на книге без опечаток. Прилагаю второй, лишний, сигнальный экземпляр, на тот случай, если она эту надпись заслужила» (ОР РГБ. — Ф. 357. К. 5. — Ед. хр. 44. — Л. 1).
- [11] Там же. — К. 18. — Ед. хр. 44. — Л. 4–4 об.
- [12] Юдин П. Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского // Правда. — 1944. — 1 марта.
- [13] Бородин С. Быль и зоология // Литература и искусство. — 1944. — 4 марта.
- [14] ОР РГБ. — Ф. 357. К. 18. — Ед. хр. 44. — Л. 13.
- [15] Там же. — Ед. хр. 45. — Л. 20.
- [16] Формозов А. А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). — М.: Гриф и К, 2011. — С. 261.
- [17] См.: Звонарёва Л. У. Серебряный век Ренэ Герра. — СПб.: Росток, 2012. — С. 60–63, 534–537.
- [18] См.: Шикман А. К истории одной клеветы // НЛО. — 2012. — № 118. — С. 419–422.
- [19] ОР РГБ. — Ф. 357. К. 18. — Ед. хр. 44. — Л. 38–38 об.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МИСТИФИКАЦИИ¹⁸

Случаются в России такие исторические события, от которых дух захватывает. Так в газете «Московский комсомолец» (07.05.2019) появилась статья: «87-летний академик-снайпер убил десяток немцев». Ясное дело, что такой человек стал, по словам автора, Александра Добровольского, «знаменитостью фронтового масштаба»: «Зимой 1942 года в один из пехотных батальонов, воевавших с немцами на Волховском фронте, прислали нового снайпера. Им оказался знаменитый на весь мир учёный Николай Морозов. Академику исполнилось к тому времени... 87 лет. Многие историки-исследователи считают, что именно этот человек стал самым пожилым воином регулярной армии, принимавшим участие в боевых действиях на фронтах 2-й Мировой войны и сумевшим лично нанести неприятелю урон».

Появление героя и его военная эпопея в изложении журналиста затмевают многочисленные описания чуда как явления милости божьей. Думаю, если со временем Александр Добровольский продолжит разрабатывать эту тему в духе своих предшественников, то академик-снайпер будет уничтожать врагов сотнями. Всё было бы прекрасно, но — увы. Фронтовые подвиги Морозова в 1942 году не соответствуют достоверным фактам его жизни. Вот, что написал сам Н. А. Морозов о своих военных буднях: «Сам я 2 года войны по разрешению наркома просвещения нахожусь в длительной научной командировке в Научно-исследовательском стационаре Академии Наук «Борок» Ярославской обл., где я продолжаю свои научные занятия по астрономии и геофизике, за

¹⁸ Публикуется впервые.

исключением зимы 1941–1942 г., проведённой по нездоровью в Кремлёвской больнице» (Архив Российской академии наук, Ф. 543. Оп. 4. Д. 2362. Л. 1 об. — 2).

Морозов постоянно находился в своём собственном доме в Борке, за исключением двух с половиной месяцев, которые он провёл на московской больничной койке, пережив хирургическую операцию. Чтобы отрицать этот факт, необходимы какие-то доказательства.

Не знаю, известно ли об этом А. Добровольскому, но о Николае Александровиче Морозове (1854–1946) написаны многие книги и статьи, сохранился его огромный архив. Работая четыре года над книгой о нём, я прочёл всё, написанное им и о нём до меня. Исследовал все его архивные материалы.

Так вот, о подвигах «знаменитости фронтового масштаба» ничего не было известно до 2 июня 2007 г. В этот день в газете «Известия» С. Сергеев впервые сообщил: «...он в 1939 году в 85 лет окончил снайперские курсы Осоавиахима и через три года на Волховском фронте лично пристрелил несколько фашистов». Кем является автор публикации (в интернете есть сведения о Станиславе Сергеевиче Сергееве, авторе книг по боевой фантастике; может быть, это он?) и откуда он почерпнул сведения о фронтовых подвигах Морозова, мне неизвестно. Ссылок на источник этой информации С. Сергеев не дал.

О своём «снайперском прошлом» Морозов, охотившийся в детстве со своим отцом и егерем, рассказал так: «И если при этом отец и я не попадали, то из-за нашей спины раздавался выстрел егеря, бекас падал, а егерь утверждал, что убил его я...» (Морозов Н. А. Повести моей жизни. — Т. 1. — М.: 1965. — С. 39.)

Вторым о «сенсации», добавив весьма колоритные подробности, сообщил литератор Н. Н. Сотников: «88-летний Н. А. Морозов в 1942 году из Борок вызвался прочесть ряд лекций бойцам и командирам Волховского фронта». А после лекции военные «уступили его странной просьбе» пройти по траншеям, ближе к передовой. А там Николай Александрович выхватил из-за пазухи «большущий пистолет с оптическим прицелом и уложил наповал нескольких фрицев!» Эта жизненная ситуация конкретизируется так: «Оказывается, это тот самый пистолет, который он, народоволец, предназначал сначала для Александра II, а затем для Александра III, люто ненавидевшего Морозова-Щепочкина (по настоящему

отцу, а не крёстному) за то, что против него вступил в непримиримую борьбу его родственник: ведь прадед Морозова был женат на Е. А. Нарышкиной и находился в близком родстве, соответственно, с самим Петром Первым. Вот какие невероятные сюжетные ходы рождает история!» (Сотников Н. Н. Ломоносов дней совсем недавних // История Петербурга. — 2012. — № 1 (65). — С. 31).

Хотите — верьте, хотите — нет, но в течение долгих лет, в которые чего только не случалось (к примеру, в 1918 году так и не найденные грабители даже обокрали дом в Борке, когда хозяева были в Питере), у Морозова в отчем доме будто бы хранился пистолет. Откуда автор статьи узнал, что Морозов, навечно заточённый в Шлиссельбургскую крепость, мечтал из этого пистолета стрелнуть в Александра III, который взошёл на престол уже после его ареста и успел умереть своей смертью до его освобождения, — это загадка сюжетного хода истории. Непонятно и то, что хотя ненавидел Морозова «по-родственному» Александр III, пистолет для убийства императора прятал Морозов. Безмерно удивляет и тот факт, что бойцы и командиры согласились проводить Николая Александровича по траншеям, ближе к передовой. А если бы, не ровён час, застрелили почётного академика? Совсем их, видимо, заговорил великий учёный.

Третьим о героической стрельбе Морозова по нацистам написал доктор исторических наук В. Н. Прищепенко. Его статья «Сквозь тернии к звёздам! (О Николае Александровиче Морозове)» в интернете не только сообщила о неведомых мне подвигах Морозова в тылу («Он вместе с земляками строил укрепления на границе Ярославской и Калининской областей»), но и по-новому осветила его фронтовую деятельность: «Стрелял Николай Александрович из дальнобойной винтовки с телескопическим прицелом, усовершенствованным им самим, и из крупнокалиберных револьверов...» По этой версии, больной старик приехал на фронт, движимый азартом изобретателя, испытывавшего им созданный оптический прицел. Непонятны только крупнокалиберные револьверы в неуказанном количестве, про усовершенствование которых ничего не сказано. Первый вариант этой занимательной статьи был опубликован автором в двух номерах университетской газеты (См.: Прищепенко В. Через тернии к звёздам // Московский университет. — 1978. — 27 сентября, 3 октября), но почему-то о подвиге Морозова на фронте там не было ни слова.

Некоторые стилистические особенности этого текста («пламенный патриот», «великий русский народ», «противник капиталистического произвола», «прислужники мирового империализма» и т.д.) безошибочно выдают настоящего советского историка. Вероятно, именно его А. Добровольский именует «многие историки-исследователи», а множественное число использует исключительно из уважения и почтения. До статьи А. Добровольского было несколько подозрительно похожих публикаций (сравните статью о Морозове Георгия Зотова «Дедушка снайпер» из «АиФ» (26.11.2018) и заметок в интернете под никами, с небольшими отличиями). И, наконец, в 2020-м вышел в свет «Дед Морозов» — сериал, «основанный на реальных событиях», о подвигах 87-летнего учёного-снайпера на фронте.

Шестую, последнюю главу своей книги «Николай Морозов. Мистификация длиною в век» (М.: Весь Мир, 2016) я назвал «Третья жизнь Н.А. Морозова». Его третья, посмертная, жизнь позволяет проследить механизм рождения и существования советского мифа, лишь в малой степени порождённого реальностью, но продолжающего самостоятельную жизнь и даже претендующего на общечеловеческую ценность.

Всевозможные сказки советской эпохи, будь то о героине-пионере Павлике Морозове, герое труда Алексее Стаханове, академике Т.Д. Лысенко, почётном академике Н.А. Морозове или о гении всех времён и народов, вожде и учителе товарище Сталине, остаются востребованными.

Тот бесспорный факт, что в XXI веке в России этот советский миф продолжает оставаться притягательным для множества людей, свидетельствует не о малой поучительности истории, а лишь о том, что советские люди, с их безграничной верой в былое величие рухнувшего государства, не исчезли вместе с СССР. Тем и пользуются сегодняшние правители России, создавая, не без помощи лихих журналистов, такую же, как и в советское время, параллельную реальность со своими гениями и злодеями, подвигами и научными открытиями, политическими свершениями и грядущими победами.

2020 г.

На злобу дня

Из первых уст

Широко известные российские учёные в ранге докторов наук время от времени удивляют меня результатами своих изысканий. Данные ими интервью легко и ненавязчиво формируют у российских граждан нужное отношение к российскому настоящему через верно понятое сравнительно недавнее военное прошлое.

К примеру, доктор философских наук Г.А. Зюганов поделился таким своим открытием: «Наша Родина потеряла в Великой Отечественной войне 27 миллионов лучших сынов и дочерей. На каждом из наших убитых в войне американцы „заработали“ по двести долларов».

Геннадию Андреевичу без сомнения известны советские школьные и вузовские учебники по истории, которые, в отличие от учебников сегодняшних, непротиворечиво давали учащимся не искажённую буржуазным влиянием единственно верную информацию. Но даже в них никогда не было сведений об американцах, «зарабатывавших» 200 долларов на каждом из наших убитых в войне. Никаких ссылок на источник этого утверждения Г.А. Зюганов не приводит. Вероятно, он забыл это сделать, ошеломлённый полученной суммой после умножения 200 долларов на 27 миллионов. Ведь никто его не накажет за распространение таких «открытий» о Соединённых Штатах Америки — демократической стране, в годы Второй мировой войны являвшейся союзником СССР в антигитлеровской коалиции.

Зато доктор исторических наук О.Ю. Васильева так трогательно рассказала в одном из интервью об участии СССР во Второй мировой войне, которая почему-то только в России называется

Великой Отечественной, что скупая мужская слеза скатилась мне в седую бороду.

Судите сами. Что с наибольшей яркостью характеризовало наших солдат и офицеров, дошедших до Германии? Не надо смаковать «европейские фантазии». Не верьте! Правильный ответ — гуманизм.

«Когда наши войска входили в немецкие города, командиры смотрели, чтобы в передовых частях не было тех, у кого на Смоленщине или Брянщине уничтожили семью и сожгли всё. За мародёрство расстреливали. А почему не вспоминают, как советские солдаты кормили гражданское население, заботились о детях? Как отдавали последнее?»

Постарайтесь постигнуть всю грандиозность этой успешно выполненной задачи. Под огнём противника, теряя десятки тысяч солдат, но выполняя директивы командования («любой ценой...»), командиры находили возможность выявить тех, кто более всех пострадал от войны, и не допустить их участия в передовых частях, только чтобы не пострадало мирное немецкое население. Представили эту жизненную картину?

И если вы помните строчки «Баллады о детстве» Владимира Высоцкого: «У тёти Зины кофточка с драконами да змеями, — / То у Попова Вовчика отец пришёл с трофеями. / Трофейная Япония, трофейная Германия: / Пришла страна Лимония, — сплошная чемодания» — не верьте им. Ольга Юрьевна научно установила, что, отдававшим последнее, советским солдатам было некогда заниматься мародёрством.

Лишь спустя двадцать лет после окончания войны День Победы сделали праздничным днём. «Не потому, что боялись правды. Правда была в каждом доме. А чтобы чуть утихла боль...» — объясняет учёный.

Вы почувствовали, с каким мастерством О.Ю. Васильевой передана вся филигранная тонкость чувств советских руководителей того времени по отношению к пострадавшему народу?

Но просто восторг у меня вызвал изящный ответ доктора наук, объясняющий тот факт, что до 1991 года скрывали документы о прошедшей войне: «В каждой стране есть закон об архивной тайне. Даже если вы пойдёте в архив, посвящённый деятелям культуры, вам ни один личный дневник до прошествия ста лет никто не выдаст».

Я не стану ссылаться на собственный опыт, хотя мне не раз удавалось читать хранящиеся в архивах дневники, письма, воспоминания задолго до наступления столетнего срока их хранения. Я сошлюсь на Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), по которому ограничение доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, как и к сведениям о личной и семейной тайне, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных материалов. Можно, конечно, вспомнить о том, что в «лихие девяностые» с архивами было работать несравненно проще, что ныне существующий закон не только препятствует работе историков, но и создаёт условия для их судебного преследования. Даже были попытки обращения в Конституционный суд с жалобами. Но это всё дела российские. А Ольга Юрьевна, не до конца разобравшись в отечественном законодательстве, с лёгкостью сослалась на другие страны («В каждой стране...»). Это она, конечно, погорячилась. К примеру, в Англии, которая вступила в войну против нацистской Германии на два года раньше СССР и воевала в то время, когда СССР воплощал в жизнь подписанные с нацистами секретные протоколы о разделе сфер влияния в Восточной Европе, правительство и народ оказались не столь душевно тонки, как в России. Там уже давным-давно открыты материалы о Второй мировой войне, секретные архивы того времени. При этом в архиве может заниматься исследованием не офицер с направлением из Института военной истории, а просто любитель, оформивший читательский билет.

В 2019 году Ольга Юрьевна Васильева с солдатской прямоотой публично заявляет, что нужно «жёстко реагировать на попытки пересмотра итогов войны». То есть об этой войне, по её глубокому убеждению, уже всё известно и правильно изложено настоящими российскими историками. Как сказал в схожей ситуации один советский поэт, «Написал стихи о любви. Закрыв тему!»

Если Г.А. Зюганов — это наше героическое вчера, то О.Ю. Васильева — наше феерическое будущее. Не зря же в мае 2018 года она стала министром просвещения Российской Федерации. Прочтите её замечательное интервью, и вы убедитесь, что в обозримом будущем российское образование ждут удивительные времена.

Июль 2019

КТО ВИНОВАТ? (НЕ ПО А. И. ГЕРЦЕНУ)

31 декабря 1999 года первый президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин добровольно ушёл в отставку до окончания срока своих полномочий...

Я уже слышу гневные слова граждан, чьи денежные сбережения обесценились, о грабительской приватизации и дефолте, о близких ему олигархах, о «семье» и пьянстве, о войне в Чечне и расстреле Верховного Совета. И — главное — это ведь ему, Борису Николаевичу, Россия обязана Путиным, которому он передал власть в надежде, что этот человек продолжит курс демократических реформ.

Ельцин, как всем известно, во многом виноват и грешен, но меня более всего поражает, что получив власть в разрушенной после коммунистического эксперимента стране, он оставил после себя свободные, активно работающие СМИ, внутренне конвертируемую валюту, компьютеры и интернет, слабую, но боеспособную армию, малоэффективный, коррумпированный, но действующий государственный аппарат. После распада СССР, существовавшего вне истории, в России появились предпосылки для создания демократического, правового государства, уважающего общечеловеческие ценности.

Этого добился политический деятель, имевший в соратниках бывшую партийную номенклатуру. Он пытался дать свободу тому множеству людей, которое именуется российским народом и которое не только не отличалось гражданской активностью, но в своём большинстве поддерживало Зюганова и Жириновского. Как это большинство понимало происходящее, знало отечественную историю или хотя бы осознавало собственную пользу, стало очевидным, когда оно с восторгом повторяло лозунги КПРФ («Вернуть награбленное народу») или ЛДПР («Мы за русских, мы за бедных»).

При таких условиях оставить выбор будущего президента свободному народному волеизъявлению, не влияя на этот процесс, Ельцин не мог. Расхожее мнение, что Ельцин выбрал Путина, получив от него гарантию неприкосновенности, может вызвать только улыбку. Такую гарантию ему дал бы любой преемник.

Даже в наши дни известный оппозиционер Алексей Навальный обещал такую же гарантию полной неприкосновенности Путину и его семье, разумеется, в случае оставления им своей должности.

Возможности Ельцина в выборе преемника были невелики. О том, что его выбор оказался не самым удачным, Ельцин успел убедиться ещё при жизни.

Оставляя в стороне спорный вопрос о террористически взорванных домах в городах России (см.: книгу Юрия Фельштинского и Александра Литвиненко «ФСБ взрывает Россию» и отзыв на неё В.В. Путина), посмотрим, как почти никому не известный премьер-министр В.В. Путин стал любим народом. Будучи готовым к новой войне в Чечне, Путин 24 сентября 1999 г. на пресс-конференции обязался защитить российское население от бандитов, пообещав «мочить их в сортире». Блатное выражение главы российского правительства, ошелобив гнилую интеллигенцию, было с восторгом принято подавляющим большинством. Свой мужик! Новая война, несмотря на собственные потери и варварское отношение к мирному населению, завершилась победой и рванувшим вверх рейтингом Путина. После убийства самого умеренного лидера Чеченской Республики Аслана Масхадова ему на смену пришёл Ахмат Кадыров, а после его убийства Чечню возглавил Рамзан Кадыров, ставший к тому же академиком. Выиграла ли Россия, и что именно, от этой героической победы — вопрос, так и оставшийся без ответа, но вопрос о народной популярности Путина уже был решён. На президентских выборах, состоявшихся 26 марта 2000 года, Путин победил в первом туре, получив 52,9% голосов, сумев оставить далеко позади своего главного соперника Зюганова (29,2%). С такой народной поддержкой Президент РФ В.В. Путин и начал укреплять «вертикаль власти». Он ввёл не предусмотренную Конституцией систему федеральных округов, поставив своих полномочных представителей над избранными губернаторами, а потом отменил и выборы губернаторов.

В это же время некоторые аналитики опасались формирования авторитарной власти и высказывали свои опасения о судьбе демократических свобод. Но кто читает аналитиков, кроме кучки интеллигентов?

Путин в это время был занят уничтожением свободы слова. Были ликвидированы популярные телекомпании НТВ и ОРТ. То есть названия остались, но телевидение стало совсем другим. Печатные издания волновали власть значительно меньше, но и их взяли под контроль. Не все, конечно. Например, «Новая газета» продолжает свою «деструктивную деятельность». Так что попробуйте

сказать, что демократии в России не существует. Есть ещё неподконтрольный интернет, но если эту проблему решили в Китае, то, может быть, смогут решить и в России.

Понравилась большинству и замена Путиным гимна России. Нет, это не его инициатива, спортсмены попросили. А он, как демократ, должен прислушиваться к народному мнению. «Патриотическая песня» Глинки была заменена старым, советским гимном, для которого Сергей Михалков написал в третий раз новый текст, за что получил от остряков прозвище «гимнюк». На что Михалков отреагировал: «Гимнюк не гимнюк, а петь будете стоя».

Путин отправил за решётку (нет, нет, конечно, не Путин, а суд!) Михаила Ходорковского — за украденную у самого себя нефть и за неуплату налогов на неё, чтобы все, кому надо, отчётливо понимали: частная собственность существует только до той поры, пока она послушна власти. А вполне успешный «ЮКОС» перешёл в другие руки. Для всего народа это была «борьба с олигархами». Тот факт, что олигархов меньше не становилось, народ не смущал.

Калейдоскоп всех деяний В.В. Путина требует героического эпоса, написать который я не берусь, но я не сомневаюсь, что свой Гомер на него найдётся.

В двух словах не опишешь его «рокировку» с Медведевым, который не только увеличил на год продолжительность третьего и четвертого президентского срока, но и помог Владимиру Владимировичу уже 20 лет удерживать бразды правления Россией.

Один публицист написал о стране, «где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Нет, это не о «долгом государстве» Путина. Это строки из письма Белинского к Гоголю, написанные в 1847 году. В.В. Путин замечателен лишь своим следованием традиции. Товарищ Сталин когда-то лично принимал участие в создании учебника истории «Краткий курс истории ВКП(б)», определившего «правильный» исторический взгляд для всей советской эпохи. Путин тоже счёл для себя необходимым дать руководящие указания по этому вопросу. Со сталинской прямотой он отметил, что главная, стержневая линия, которая должна проходить через весь курс преподавания истории, — это «объективность и непредвзятость, уважение к собственному прошлому, любовь к своей родине». Если объективно и непредвзято

изучить советский тоталитарный режим, то «уважение к собственному прошлому» возникнуть не сможет. А любовь к своей родине не имеет отношения к науке.

Военные деяния Путина неизменно вызывали народное одобрение. Конечно, все эти рейтинги и баллы всегда спорны. Но никто не может оспорить поддержку Путина народом во время героической пятидневной войны (это называлось «конфликт») с Грузией или восторга подавляющего большинства россиян после аннексии Россией Крыма (это называлось «возвращение Крыма в состав России»). Правда, война в Сирии не вызвала массового энтузиазма (как и увеличение пенсионного возраста), зато братская помощь русскоязычным гражданам на востоке Украины и защита их от «фашистской хунты» была одобрена народом.

Никуда «уйти» Владимир Владимирович не может. Он ведь человек умный и понимает, что его обвинят в таком количестве преступлений, что всей его оставшейся жизни не хватит, чтобы пережить будущее наказание.

Поэтому я не сомневаюсь, что он приложит все силы, чтобы и дальше оставаться при власти, каким бы ни было название его должности. Тем более что сегодня этого желает большинство россиян.

Путину есть на что надеяться. Занимаясь историей много лет, я точно знаю, что политические деятели чрезвычайно редко испытывали чувство раскаяния за содеянное, а ещё реже бывали наказаны за свои преступления.

Что делать? (не по Н. Г. Чернышевскому)

Этот вопрос я слышал неоднократно. Задававшие его были уверены, что можно что-то сделать, чтобы существующая политическая реальность кардинально изменилась в самом скором времени.

На днях я прочёл о прошедшем в Москве согласованном митинге КПРФ под лозунгом «За честные выборы». С тех пор как незадолго до начала большого террора любимый вождь и учитель товарищ Сталин 5 декабря 1936 года осчастливил советский народ всеобщим, прямым и равным избирательным правом, честные выборы были законодательно обеспечены. С тех пор и до самого конца безграничной власти коммунистов советские граждане при

явке в 99,9% отдавали 99,8% своих голосов за блок коммунистов и беспартийных в лице единственного кандидата. Даже трудно себе представить, каким же должен быть уровень честности выборов сегодня, чтобы удовлетворить чаяния этой части российского населения.

Россияне совершенно свободно отдают миллионы своих голосов за В.В. Путина, КПРФ и ЛДПР, что лишь в очередной раз подтверждает тот общеизвестный факт, что всеобщее избирательное право прекрасно уживается с самыми несвободными режимами. Политическая жизнь страны не может существовать независимо от мировоззрения и быта живущих в этой стране людей. Условия жизни и понимание происходящих в стране процессов очень сильно различаются в Москве с Петербургом и в других частях страны. Жизнь и гражданское общество меняются медленно, а попытки придать этому процессу революционный импульс наталкиваются на решительное противодействие власти.

Я пережил Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачёва и СССР. Поэтому я оптимист. Но моего оптимизма недостаточно, чтобы надеяться на то, что я переживу Путина. Не лично этого человека, а ту систему, которую он олицетворяет. К тому же, не исключено, что когда его сменит другой лидер или группа людей, система станет ещё отвратительней.

Итак, что же делать? Жить, по возможности, честно. Врачу — лечить, учителю — учить. Активно участвовать в политической жизни своей страны. Непременно ходить на любые выборы, помня, что это — не праздник, а чаще всего реальный выбор между плохим и очень плохим. Участвовать в согласованных митингах, думать своей головой и никому этого права не уступать. Делать то, что можешь, если не можешь то, что хочешь.

Или можно стать революционером и бесстрашно бороться с кровавым режимом, не щадя ни себя, ни других. Но при этом помнить слова Жозефа де Местра: «Злоупотребления ведут к революциям; но любые злоупотребления несравненно лучше любых революций».

И, наконец, можно уехать в другую страну, где политические реалии совершенно иные, и люди живут совсем не так, как в России, что не исключает множества других проблем и сложностей, так как идеального общества всё ещё не создали.

19 августа 2019

Когда вожди союзного государства Лукашенко и Путин уверены, что держат всё под контролем, и поэтому их власть просуществует столько, сколько они проживут, у них есть немало причин. Чтобы избить, убить, посадить или выбросить из страны, никаких особых формальностей не нужно. Тем любопытнее случившееся. В Следственном комитете России создано отделение по расследованию преступлений, «связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории». Воплотилась в жизнь мечта любимого российским народом, тогда ещё главы МЧС, Сергея Кужегетовича Шойгу, предлагавшего сажать историков, чьи работы ставят под сомнение кремлёвскую версию Второй мировой войны. Историкам и раньше давали условные или реальные сроки и успешно делают это сейчас. Но я точно знаю, что мечта великих вождей некоторых постсоветских народов управлять историей неисполнима. В те времена, когда информация о тайномговоре СССР с нацистской Германией называлась исключительно «клеветнической», она всё равно объективно доказывалась историками. И хотя сейчас в судебном порядке карают людей за использование информации, которую они узнали на уроках истории в школах в «лихие» девяностые, попытка перелицевать прошлое бесперспективна. Так что в Историю, из которой им не выбраться, Лукашенко и Путин уже попали.

13 сент. 2020 г.

На уроке истории, который зачем-то проводил В. В. Путин, ученик поправил президента, ошибочно назвавшего Северную войну Семилетней. То, что Путин не является знатоком исторической науки, уже давно не новость. Интересно то, что никому в голову не пришло спросить, почему Россия времён Петра I, победив Швецию времён Карла XII и успешно воюя почти постоянно уже три века подряд, имеет нищее население и ничтожный вклад в мировую экономику, а Швеция, проиграв Петру и Наполеону, не участвует в войнах уже свыше двухсот лет, считая главными ценностями жизнь и благополучие своих граждан. Вопрос: «Что лучше, быть „сверхдержавой“ с ничтожным ВВП и несменяемым президентом, но гордиться былыми победами, или государством всеобщего благоденствия без былой военной славы?» — на самом деле очень интересный.

1 сент. 2021

О КНИГАХ

Волкогонов Д. В. Ленин: политический портрет: в 2 т. — М.: Новости, 1994, — 480, 512 с. — 30 000 экз. — (Вожди).¹⁹

В отличие от доктора философских и доктора исторических наук, члена-корреспондента российской Академии наук Д. В. Волкогонова, я никогда не принадлежал к числу тех «миллионов людей в России», которые считали Ленина «земным Богом» [Т. I, С. 9; далее первая цифра — том, вторая — страница], не состоял в КПСС и не собираюсь оспаривать выводы автора о бесчеловечности и исторической обречённости ленинизма. Дело, видимо, в том, что я родился на 20 лет позже автора книги и многие из материалов, которые он цитирует, давно читал в «тамиздате» и самиздате, в «Ленинских сборниках» и в так называемом Полном собрании сочинений Ленина. Труд исследователя, получившего доступ к «коммунистическим святыням», я приобрёл в надежде на новую информацию от профессионала, не скованного цензурными и идеологическими соображениями. Читая книгу и подчёркивая карандашом строки и абзацы, содержащие необыкновенные факты и выводы автора, я не знал, чему удивляться больше: модели или живописцу. Портрет Ленина на глазах приобретал гнусные черты портрета уальдовского Дориана Грея.

Оказалось, что Ленин — тунеядец: «он фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова)» [I, 19; I, 70]. Конечно, Ленин не отсиживал в присутственном месте от и до; не варил сталь, не добывал уголь, не пахал. Он писал книги, статьи (например,

¹⁹ Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 404–406.

в Энциклопедическом словаре Гранат), переводил. И если даже согласиться со спорным утверждением автора, что ленинские «литературные произведения почти никого не интересовали» [I, 103], то это значит лишь то, что он мало зарабатывал (не зачислить ли врачей или учителей в тунеядцы по этому признаку?). Ленин руководил РСДРП, а впоследствии стал главой правительства. Не думаю, что депутат Государственной думы Волкогонов не считает это работой.

Но дальше ещё интереснее. Оказывается, Ленин — русофоб: «Ведь нередко к России и русским он относился, мягко говоря, непристойно»; «Ленин без тени смущения называет своих соотечественников «дураками» и «идиотами», которые способны лишь на элементарно-примитивную работу» и т.д. [I, 31]. Общеизвестно, что Ленин — русский дворянин. Но автор сообщает: «Предками Ленина были русский, калмычка, еврей, немка. Можно было бы сказать в некотором смысле и о шведском элементе» [I, 49]. Несложно, как Волкогонов и делает, количество цитат увеличить, но интереснее понять, что они означают.

Вот сходные примеры русофобии: «чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!» (А. С. Пушкин); «Прощай, немытая Россия // Страна рабов, страна господ» (М. Ю. Лермонтов). Можно, конечно же, вывести эту неприязнь из эфиопского происхождения Пушкина или шотландского — Лермонтова, но всё объяснил проще сам Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделит со мной это чувство». Вот почему Эфраим Севела может нелицеприятно писать о евреях, а Марк Твен — об американцах, не вызывая национальной обиды. Ленин высказывался не о шведах или калмыках. Он говорил о своих, потому что считал себя русским («Будучи по культуре, языку, русским человеком...», I, 52). Пренебрежения к России у Ленина не больше, чем у русских национальных поэтов Пушкина и Лермонтова, несмотря на их иностранных предков. Тот бесспорный факт, что у Ленина «мироощущение было интернационально-космополитическим [I, 52], вовсе не означает неприятия им соотечественников. Ещё один мазок, и читатель узнаёт, что Ленин — паразит, живший за чужой счёт. Спору нет — «достаточно стабильная материальная обеспеченность Ульянова сыграла очень важную роль в его интеллектуальном развитии, возможности распоряжаться собой, свободно решать, где жить, куда поехать, чем заниматься» [I, 99]. Но сразу на память приходит восклицание графа

Ф. Ростопчина, узнавшего о выступлении декабристов: «Во Франции я понимаю революцию: там сапожники захотели стать князьями. В России решительно не понимаю: здесь князья захотели стать сапожниками». Действительно, Ленин не был богат, но у него «в течение долгого времени был достаток» [I, 99]. Полагаю, что в революцию Ленин ушёл не из-за партийных денег или нежелания трудиться. Широко жившие господа не подсчитывали каждый потраченный грош. Из таких же «бар» был и Г. В. Плеханов. В не столь уж давние годы доводилось мне слышать об А. Д. Сахарове, академике, который «с жиру бесится»; дескать, чего человеку не хватало? Думаю, что материальная обеспеченность политического деятеля не может бросать тень на его нравственный облик.

Очередной удар кисти, и читатель узнаёт, что «Ленин звал людей на баррикады, к восстанию. Сам же не собирался там находиться. Его нельзя было увидеть, как других социал-демократов, во главе колонн демонстрантов, на фронте, кораблях флота. Стихией Ленина было „руководство издали“ в братстве с пером» [I, 265]. Если человек добровольно приезжает из эмигрантского далёка и просит в «случае своей гибели» опубликовать написанные им материалы [I, 266], значит, от опасности как таковой он не бегал. Что же касается «нахождения во главе колонн», то почему-то маршал Г. К. Жуков в Великую Отечественную не бегал с автоматом впереди всех и не прыгал с парашютом в тыл врага. Весьма странное требование к идеологу и руководителю Октябрьского переворота.

Досталось и литературному слогу Ленина: писал он «коряво» [II, 184]. Но и у автора достаточно фраз, над которыми можно при желании поиронизировать. Например, «Хрущёв, *буквально раздевая Сталина*, своего вчерашнего кумира...» [II, 392; выделено мной — А. Ш.]. Жаль, что не удалось узнать, с какой детали одежды начал Никита Сергеевич.

Книга переполнена необычайными историческими констатациями. Лишь для примера: «православие глубоко гуманистично по своему духу. Оно никогда <...> не жгло еретиков на кострах <...> всегда осуждало насилие» [II, 225].

«Тояже зимы князь великий Иван Васильевич и сын его князь великий Василий Иванович всяя Руси со отцем своим, с Симоном митрополитом, и с епископы и со всем собором обыскаша еретиков и велеша лихих смертною казнью казнити. И сожгоша в клетке дьяка Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова

декабря 27-го, а Некрасу Руковову повелеша языка урезать и в Новгороде в Великом сожгоша его» и т.д. и т.п. (см.: Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви.— М., 1991.— Т. I.— С. 500). Не сомневаюсь, что Д.В. Волкогонов видел картину В. Сурикова «Боярыня Морозова», наверняка читал книгу протопопа Аввакума, знает, что знаменитая тюрьма Соловецкого монастыря «прославилась» задолго до большевистских ужасов. Более того, я уверен, что Д.В. Волкогонов знает историю, понимает очевидное и не является «квасным патриотом».

Его книга просто тенденциозна. Главная мысль, которая сквозит в каждой строке: отрекаюсь, я — не «ленинец», я — против большевизма, я больше не думаю так, как думал в молодости. По-видимому, эта мысль вполне искренна, но нет необходимости формулировать её двумя толстыми томами. Увы, но ни исторического, ни художественного портрета Ленина не получилось. О философском же осмыслении происшедшего и речи нет («Учёным, писателям, историкам остаётся только поражаться, как великий народ позволил так экспериментировать над своей судьбой») [I, 291]. Самое же обидное, что документы, впервые напечатанные автором, вызывают недоверие не сами по себе, а из-за неубедительного контекста. В историческом портрете не может не отразиться рука мастера, его мировоззрение, но наряду с этим хотелось бы разглядеть «души изменчивой приметы» изображаемого. Этого мне сделать не удалось.

Всё же, полагаю, книга может быть полезна на уроках истории для «медленного чтения», чтобы показать учащимся, что значит мыслить «от противного» и как нельзя писать научную историю.

Томпсон Пол. Голос прошлого: Устная история / пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2003. — 368 с. — Тираж не указан.²⁰

Автор рецензируемой книги, вышедшей в Англии тремя изданиями, является известным специалистом в области устной истории, редактором-основателем журнала «Устная история», директором Национальной коллекции жизненных историй в Национальном архиве звукозаписей. Он убедительно показывает, что описываемый им метод позволяет отыскать «в прошлом новых

²⁰ Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение.— 2004.— № 6.— С. 390–391.

героев: простых людей, а не только лидеров; женщин, а не только мужчин; чернокожих, а не только белых» [с. 301]. Увлечённый своей темой П. Томпсон не пытается «открыть велосипед»: «Широко используемый ныне термин „устная история“ появился относительно недавно, как и магнитофон; и само его возникновение крайне важно для будущего. Но это не означает, что столь же ново и собственно понятие устной истории. На самом деле устная история возникла одновременно с историей как таковой. Она была *первой* разновидностью истории» [с. 35].

Читать эту работу очень интересно, несмотря на ряд спорных утверждений. В качестве примера: «Тем не менее устная история, несомненно, может быть способом преобразования как содержания, так и цели истории. С её помощью можно изменить сам фокус исторической науки, инициировать новые направления исследований» [с. 15]. Новые направления исследований, новый угол зрения (например, изучение субъективного опыта современников историка), на мой взгляд, всё-таки не могут изменить ни содержания, ни целей истории как науки. Так как содержание истории от Геродота до наших дней — деяния людей, совершённые в прошлом. А цель научной истории, как и цель любой науки, заключается в поиске ответа на поставленный вопрос, поиске истины. Разумеется, речь идёт об истории научной, а не партийной, национальной, религиозной и т.д.

Книга эта весьма полезна как исследование собственных методов исторической науки, разработка аппарата научного описания и критической переоценки наработанного опыта в этой области.

Томпсон резонно констатирует: «...мы добрались до эпохи телефонов и магнитофонов — до изменений в способах коммуникации, которые со временем повлияют на характер исторической науки не меньше, чем в прошлом — появление рукописей, печатного станка и архивов» [с. 67]. Вот почему автор рассматривает устную историю как методiku, которую успешно используют в разных странах при изучении истории экономики, политики, науки, искусства, религии и иных сторон общественной жизни. Дело не только в том, что подобные источники можно целенаправленно создавать и хранить для будущих исследователей, но и в том, что они позволяют привлечь огромный неиспользованный материал, потому что «история — это не только события, структуры или образцы поведения, но и то, как они переживаются и фиксируются в воображении»

[с. 165]. В главе «Источники» автор подробно анализирует и оценивает данную разновидность исторических источников.

Томпсон показывает возможности использования устной истории не только для собственно науки, но и для образования, воспитания, участия в общественных проектах. Расспрашивая старших о далёком или близком прошлом, о событиях, одежде, играх, увлечениях, изменениях в быту и др., школьники или студенты не просто приобретают исследовательские навыки, но и испытывают потребность проверить или дополнить то, что они слышали из других источников. Так, естественным образом, возникает необходимость обратиться к библиографическим указателям, чтению нужной литературы. Таким образом, метод устной истории позволяет самостоятельно воссоздать прошлое, превращающееся во «фрагмент» собственного исторического знания. Воспоминания близкого родственника, органично входящие в контекст изучаемой эпохи, уникальны, и поэтому полученный результат «является особым стимулом и приносит творческое удовлетворение» [с. 194]. Иногда найденный материал оказывается общественно значимым. Так, Томпсон говорит об устно-исторических проектах, следствием которых стали создание нового музея в Италии и серии радиопередач в Германии.

Автор подробно рассказывает, что нужно предпринять для того, чтобы хорошо подготовиться к проведению интервью, делится ценным практическим опытом, накопленным за последние десятилетия исследователями разных стран для успешного получения информации, а также предлагает подробную методику хранения и отбора звучащих исторических источников. Последняя глава посвящена проблемам их интерпретации, которые при всей своей специфике не новы («По существу, основные приёмы оценки устных свидетельств, отбора наиболее выразительных фрагментов и построения аргументации мало чем отличаются от тех, что применяются при создании научной работы на основе документов на бумажном носителе») [с. 263].

Книга завершается интересным послесловием Е. Ю. Мещеркиной «Продолжение устной истории», содержащим информацию о развитии устной истории в нашей стране на примерах исследований РГГУ, «Мемориала» и др. и размышления о ценности устной истории как междисциплинарного исследования на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, антропологии, в частности в микроистории, биографике.

Сарнов Б. М. Скуки не было: Первая книга воспоминаний, 1937–1953. — М.: Аграф, 2004. — 704 с. — 1500 экз.

Сарнов Б. М. Скуки не было: Вторая книга воспоминаний. — М.: Аграф, 2006. — 704 с. — 1000 экз.²¹

В отличие от учёного, стремящегося к объективности, мемуарист ценен именно субъективностью и пристрастностью. Но в полной мере эти качества могут проявиться только в том случае, если, начиная работу, он убеждён в том, в чём уверен Б. М. Сарнов: «Я жил в потрясающее время!»

Воспоминания Бенедикта Михайловича, являющиеся ценным историческим источником, вовсе не кажутся священными скрижалями истории. Написанные с очаровывающей лёгкостью, с многочисленными уходами в сторону и даже ничуть не мешающими повторами («Книга сама пишет себя так, как хочется ей, а не мне»), они создают поразительную иллюзию дружеской беседы с удобно устроившимся на кухне у автора читателем.

Литература для Сарнова не профессия, а форма существования. Поэтому литературные байки и анекдоты столь органично переплетаются у него с фактами собственной биографии, размышлениями о творчестве писателей и с рассказами о современниках: друзьях, недругах, учителях. Даже далеко не полный перечень тех, с кем свели «судьбы скрещенья», не может оставить равнодушным: И. Эренбург, В. Шкловский, К. Чуковский, С. Маршак, Б. Хазанов, Н. Коржавин, Б. Окуджава, В. Войнович, Ф. Искандер, А. Галич, А. Белинков, Б. Балтер, В. Солоухин, А. Солженицын... Мы становимся свидетелями визита к Л. Ю. Брик и весёлого капустника с участием А. Демидовой, И. Кваши, В. Смехова...

Читая, мы ощущаем эпоху в тоске десятилетнего мальчика, жалеющего, что ему не дали имя пореволюционнее, например Ким (Коммунистический Интернационал Молодёжи), или в поведении члена ССП, получившего право присутствовать на судебном процессе Синявского и Даниэля. Впрочем, читатель не сможет долго пребывать в одном и том же настроении. Потому что автор, чья внешность в юности до странности напоминает Эренбурга, а в старости, страшно сказать, но — Киссинджера (в чём нетрудно

²¹ Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3. — С. 410–411.

убедиться, взглянув на опубликованные фотографии), уже совершил маленькую «верояцию в сторону», и вот мы вслушиваемся в гениальные стихи или соглашаемся с тем, что автобусу уступают дорогу не из вежливости. Б. Сарнов принадлежит к поколению шестидесятников. Но формальная принадлежность мало что объясняет, потому что для него 1990-е гг. принесли желанную свободу, до которой он никогда не надеялся дожить. А шестидесятники, в подавляющем большинстве, восприняли постсоветскую Россию с её криминальным капитализмом примерно так же, как российские интеллигенты XIX в., радовавшиеся крушению монархии в 1917 г., советскую власть. И об этом Сарнов тоже пишет, с горечью рассказывая, как расходятся пути бывших близких друзей и единомышленников.

Читатель воспоминаний Сарнова, хорошо знакомый с его книгами, непременно узнает некоторые запомнившиеся сюжеты о Шкловском, Маршаке, Эренбурге и др. Это естественно. Было бы странно для мемуариста не вспомнить о том, что так долго носил в себе. Но иногда, как мне представляется, и в тех случаях, когда возникает тема, ранее не звучавшая, её ценность всё-таки не в новой информации. Те, кто осилили неподымное «Красное колесо» или «Двести лет вместе», прочтя нелюбимые страницы Сарнова, посвящённые Солженицыну (глава «Огонь с неба»), вряд ли совершат для себя открытие. Мне кажется, что от воспоминаний Бенедикта Сарнова невозможно оторваться по другой причине. Два этих тома — замечательная проза. Именно поэтому их можно открыть на любой странице и зачитаться.

ОТ ФОЛЬКЛОРА ДО ДЕТЕКТИВА²²

Рейтблат Абрам. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 448 с. (HISTORIA ROSSICA)

Давно замечено, что наиболее экономный путь к познанию и пониманию современности лежит через историю. Весьма увлекательно посмотреть, как под влиянием печатного слова во времени и пространстве формируются и изменяются социаль-

²² Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2009. — 2 июля. — С. 5.

ные и культурные запросы людей. Именно эту работу проделал и предложил читателям известный московский социолог и историк литературы Абрам Ильич Рейтблат.

Собранные в одном томе работы разных лет, какие бы темы они ни затрагивали — историю чтения в России в конце XIX — начале XX века, взаимоотношения авторов и издателей, литературные премии, лубочную литературу и фольклор, писательские гонорары или создание и распространение русских литографированных пьес, — отличаются целостным восприятием жизни, рассмотрением любого вопроса в единстве всех его составляющих.

Вот, к примеру, такой конкретный вопрос, изученный автором: почему в нашей стране столь медленно завоёвывал читательскую аудиторию детективный жанр, к тому же презрительно оценивавшийся критикой как второсортная литература? Рейтблат приводит реальные факты и приходит к обоснованным выводам. При бесспорном интересе множества людей разных стран к детективу отношение к нему всё же было разным. В западном детективе главной движущей силой преступника являются собственность, деньги, а в России — страсть. Если западный читатель с увлечением следил за ходом логической мысли, то россиянина гораздо больше интересовали авантюренность поступков и социально-психологическая сторона преступления. Эту читательскую специфику автор объясняет ощутимым различием социально-экономических условий общества «там» и «здесь»: высокий статус правовых отношений или господство морально-религиозных норм, привычка рассчитывать свои действия или общинная вера в «авось», высокий уровень образования населения или лишь наличие тонкого слоя интеллигенции, к тому же традиционно считавшей, что читателя необходимо просвещать и воспитывать, а не развлекать. Иначе говоря: распространение той или иной литературы в стране не бывает случайным, а тесно связано с социальными и культурными запросами конкретных слоёв общества.

Книга Рейтבלата не относится к лёгкому чтению, она требует внимания и сосредоточенности. Но тот, кто согласится на эти условия, будет вознаграждён как профессиональными наблюдениями автора, так и его мастерством исследователя.

ОТ ЧУМЫ И ХОЛЕРЫ ДО ВЫСОКИХ ИДЕЙ²³

Губерман Игорь, Окунь Александр. Путеводитель по стране сионских мудрецов. — СПб.: Лимбус Пресс, 2009. — 536 с.

В одном из писем Антон Чехов афористично заметил: «Надо иметь цель в жизни, а когда путешествуешь, то имеешь цель». Чтобы убедиться в правоте этой мысли, достаточно почитать путеводитель, написанный знаменитым автором «гариков» Игорем Губерманом и художником Александром Окунем. Необычность этой книги в том, что читать составляющие её анекдоты, мифы, лозунги, размышления, исторические, экономические, религиозные и географические материалы могут со смехом, печалью, удивлением, но при этом с удовольствием не только евреи, а и представители любых наций. Она полезна тем, кто в Израиле был, тем, кто там собирается побывать, и тем, кто никогда там не бывал и не будет. Вот лишь один из 86 «гариков», составляющих поэтическую часть этого сочинения и подчёркивающий вышесказанное:

Творец, применяющий разные меры,
Чтоб как-то унять размноженье людей,
Менял старомодность чумы и холеры
Повальной заразой высоких идей.

Мысль эта подтверждается историей любого народа, и авторы справедливо отмечают: «Евреи на опыте истории не учатся, хотя имеют репутацию умного народа. Так что прав был человек, заметивший, что считать евреев умным народом — это просто особо изысканный вид антисемитизма». Во многих случаях стоит задуматься и над самим термином «еврейский». Например, авторы пишут, что в эпоху, когда евреи получили доступ к «высокому искусству», вовсе не родилась новая еврейская живопись. «Писсарро — французский художник, Модильяни — итальянский, Левитан (нравится это кому-то или нет) — русский, и у каждого из них соответственно больше общего с Сислеем, Симоне Мартини и Саврасовым, чем друг с другом, а то, что все трое знали

²³ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2009. — 27 августа. — С. 6.

иврит и имели красивые грустные глаза, остаётся фактом их личной биографии, а не свидетельством общности их пластического сознания». Сообщая читателям всевозможные сведения («умные евреи всегда предпочитали задавать вопросы, а не отвечать на них, что объясняет и известную еврейскую манеру отвечать вопросом на вопрос»), сами авторы держатся подчёркнуто скромно: «Наши книги читают люди исключительно интеллигентные и образованные, которым они, собственно, и на фиг не нужны».

Губерман и Окунь подкупают читателя тем, что не пытаются скрыть от него своих творческих трудностей. Так, сообщив в начале очередной главы о том, что Первая мировая война началась в 1914 году, а в 1909 году был заложен город Тель-Авив, они честно пишут: «Какая связь?» — спросите вы. «Никакой, — ответим мы. — Но как-то надо было нам начать...» Не скрывают они и своих чувств даже тогда, когда цитируют весьма знаменитое и авторитетное сочинение: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Цитируют, а потом заявляют: «И мы хотим тут заявить со всей определённости, что не дождутся такого от нас лично эти суки!»

Попытка авторов «объять необъятное, определить словами то, что никакому определению не поддаётся, описать нечто хотя и существующее, но непонятно как и даже где» удалась.

СОНЕТЫ У КОСТРА²⁴

Берар Ева. Бурная жизнь Ильи Эренбурга / пер. с фр. Ольги Пановой. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 276 с.

Не так уж часто чеканные и безапелляционные строки предисловия к книге так увлекательно и достоверно опровергаются самой книгой. Автор предисловия — критик, историк литературы и переводчик Ефим Эткинд (1918–1999) — не оставил герою никаких шансов: «Илья Эренбург был посредственным писателем и слабым поэтом», поэтому интересен он лишь как «настоящий сын своего века». Сын же века поражает не своими

²⁴ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2009. — 30 апреля. — С. 7.

достоинствами, а лишь тем, что «вбирает в себя характерные черты своей эпохи».

Но стоит начать читать исследование Евы Берар (она родилась в Польше, окончила Йельский университет в США, а живёт и работает во Франции), не только великолепно написанное, но и тщательно документированное, чтобы проникнуться сложностью времени и не согласиться с однозначностью вступительной статьи. Сошлюсь лишь на два из приведённых исследовательницей мнения людей разной судьбы и разных поколений. Автор книги о сталинских лагерях «Крутой маршрут» Евгения Гинзбург написала Эренбургу: «Только что дочитала вторую книгу „Люди, годы, жизнь“. И захотелось сказать Вам спасибо. Я одна из тех, кто тоже читал „сонеты у костра“ больше чем за 10 тыс. километров от своего родного города Москвы. М.б., Вам будет интересно узнать, что и Ваши стихи читались у костров. Повторяли: „из слов остались самые простые — работа... воздух... поздно... никогда“ — и удивлялись: откуда он узнал, что так бывает. Лет в 17–18 я знала наизусть целые страницы из „Хулио Хуренито“. А вот и о молодых людях, эстетический вкус которых формировался под влиянием Эренбурга. Для Петра Вайля и Александра Гениса „Люди, годы, жизнь“ стали настоящей энциклопедией „полней Большой Советской“. Они писали: „Не только западная, но и русская культура ждала своего второго открытия. И Эренбург азартно открывал <...> Он показывал, что тёмным сталинским векам предшествовал другой мир“».

Илья Эренбург не был плакатным образцом для подражания. Среди огромного количества написанного им есть немало страниц, которые не прибавляют славы их автору, а в биографии достаточно горьких событий, которыми трудно гордиться. Ева Берар пишет об этом с беспристрастностью историка, но не просто фиксирующего, а ярко показывающего и объясняющего крутые виражи судьбы своего героя. Приведённые исследовательницей факты жизни и деятельности Эренбурга, яркое и глубокое понимание суровой эпохи заставляют задуматься. Откройте книгу Евы Берар, и вы не только испытаете удовольствие от великолепно выполненной работы, но получите ещё одну возможность почувствовать во всей своей притягательной неоднозначности ушедший век.

ПЕТЕРБУРГ ПОД МИКРОСКОПОМ²⁵

Измозик Владлен, Лебина Наталия. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. – СПб.: Крига, 2010. – 248 с.

Существуют разные методы исследования для изучения истории. Авторы этой книги, петербургские историки Наталия Борисовна Лебина и Владлен Семёнович Измозик, предложили свой опыт, названный ими микроисторическим. Суть его заключается в том, что, взяв лишь какую-то точку огромного города: Александровскую колонну, Александро-Невскую лавру, Марсово Поле, Сенную площадь, здание гостиницы «Астория» или комплекс жилых домов на Каменноостровском проспекте, они рассмотрели её историко-художественные достоинства в тесном взаимодействии с проблемами повседневной жизни людей не столь уж далёкой от нашего времени эпохи. Как в капле воды отражается солнце, так на конкретных, единичных примерах читатель получил возможность увидеть характерную особенность советского времени: противоречие утопии и быта.

Авторам удалось рассказать о многом: неудавшейся попытке водрузить памятник Ленину на Александрийский столп, формировании новых советских ритуалов, создании профилактория для проституток, метаморфозах, произошедших в сознании людей, когда речь шла об их квартире, или о Большом терроре, поделившем соседей по дому на истязателей и тех, кто подписывал признания в несовершенных преступлениях. Но одну мысль авторы подтвердили документально, всем содержанием книги. Люди выдающиеся и обычные, объединённые общей верой в правоту своего дела, попытавшиеся исправить реальную жизнь с помощью насилия и террора, даже в тех случаях, когда они исповедовали высокие идеалы, добились не торжества справедливости, а создания тоталитарного государства, изуродовавшего в числе прочих и их собственные жизни. Объясняется это не злом волей, а неизбежностью появления диктатора в любой стране при создании полностью контролируемого общества, какие бы ценности при этом ни декларировались.

²⁵ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2010. — 27 мая. — С. 7.

НЕУЮТНЫЕ УГЛЫ ПАМЯТИ²⁶

Порудоминский Владимир. Уходящая натура. — СПб.: Алетейя, 2010. — 318 с.

Каждый человек живёт в своём времени, но «эпоха и частная жизнь человека не просто отражаются — повторяются, воспроизводятся одна в другой, одна другую восполняют и завершают». Когда эта ушедшая жизнь воплощается в книгу, живопись, музыку, она может стать неотъемлемой частью современной жизни.

Новая книга писателя Владимира Порудоминского (р. 1928) разнообразна по жанрам произведений, её составляющих. Повесть, автобиографические заметки, рассказы воссоздают канувший в вечность мир европейских евреев, уничтоженный в годы существования двух тоталитарных государств, которые при всех национальных особенностях были поразительно схожи. В 1937 году в Мюнхене устраивали выставку выдающихся современных художников — «дегенеративного искусства», а в 1936-м в «Правде» объясняли Дмитрию Шостаковичу, что он пишет «сумбур вместо музыки». И в том и в другом случае партийные вожди были убеждены в своём праве учить художников и композиторов. Умели вожди решать и национальные вопросы.

Ушедший XX век был щедр на трагедии. Переживались и воспринимались они далеко не однозначно. Незнаменитые герои Порудоминского были загнаны фашистами в гетто на оккупированных территориях и варварски уничтожались независимо от пола и возраста при трусливом или молчаливом безразличии множества немецких граждан, принявших насаждаемые сверху антисемитские мифы. Борьба с «космополитизмом» в СССР, когда в газетах печатались сообщения о врачах-убийцах, специфические статьи и фельетоны, а уволенные евреи не могли устроиться на работу никем и никуда, не завершилась советским вариантом «окончательного решения» еврейского вопроса лишь по причине смерти Сталина. Но антисемитская истерия сразу же нашла отклик у советских обывателей, принявших её с ожидаемой готовностью.

На фоне этих событий судьба двух немецких евреев, бежавших от нацистов в Бессарабию, присоединённую вместе с ними

²⁶ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2010. — 7 октября. — С. 6.

к СССР, позже оказавшихся в Ташкенте и ставших погонщиками ослов, казалась завидной.

Жили они в конуре под лестницей, у них не было ни постелей, ни одежды, но они миновали печи Освенцима и сталинские лагеря, и это они погоняли ослов, а не наоборот...

Грустная и мудрая книга старого писателя заставляет не только задуматься о времени, жизни и смерти, но и осознать необходимость собственной свободы воли и мысли, которая является стержнем счастья.

НЕРАДОСТНО И НЕСЛУЧАЙНО²⁷

Гудков Дмитрий, Скороходова Елена. О русском языке и не только о нём.— М.: Гнозис, 2010. — 206 с.

Несмотря на то что самим авторам жанр этой книги не очень ясен, а академизм, публицистика и эссе соседствуют в ней без ссоры, она читается с большим интересом и позволяет многое понять не только в языке, но и в жизни.

В книге приводится ряд мнений весьма неглупых людей, считающих, что в нашей стране с русским языком ничего страшного случиться не может, потому что грамотность (тех, кто читает) и неграмотность (обычных школьных выпускников) погибнуть ему не дадут. Мы на английский, как в Западной Европе, не перейдём. Однако авторы убеждают, что тот язык, на котором сейчас разговаривают в интернете, по радио, на телевидении и между собой, с классическим русским языком имеет мало общего. Молодёжь начала XXI века говорит по-другому, и язык великих русских писателей им просто непонятен. Авторы сравнивают два словаря 2006 и 1995 годов и показывают стремительность происходящего процесса изменения языка. Радоваться тому, что язык, как это ему свойственно, меняется вместе с жизнью, не стоит. Дело не в том, что появляются новые слова и понятия, а в том, что разговорная речь становится примитивной, сводясь к нескольким десяткам слов. Убогий, исковерканный язык неизбежно приводит к таким же мыслям граждан страны, потому что речь и мышление влияют друг на друга.

²⁷ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris.— 2010.— 2 ноября.— С. 7.

Происходящее неслучайно. «М. Е. Швыдкой (бывший министр культуры, глава Роскультуры) в одной из статей заявил дословно следующее: «Когда часть СССР была оккупирована фашистами, то для славян там была установлена норма изучения родного языка в год — 200 часов». Сегодня в 5–6-х классах на русский язык отводится 204 часа в год, в 7-х — 136, в 8-х и 9-х — 102». Приведённые авторами цифры страшны. Но и эти часы тратятся отнюдь не на изучение отечественной словесности. Введение ЕГЭ привело к дрессировке детей на умение ставить крестик в нужной клеточке. Книги читают лишь 10% населения страны. Поэтому высказывания обычных граждан, чей словарный запас так мал, что они не в состоянии связно изложить простейшие мысли, никого не могут интересовать. Но авторы не отчаиваются: «Так, нас всегда радует речь высших чинов наших юридических ведомств. Сердце замирает от возбужденных дел, от осужденных и наркоманий». Отнюдь не бессмысленно и заимствование иностранных слов. «Борьба с коррупцией в государственном аппарате — захватывающее, сложное, весьма долгое занятие, обещающее много приятного и увлекательного. А что значит искоренять продажность чиновников? Скучно, плоско, лишено интереса».

Рассматривая филологические вопросы, авторы без художественного вымысла, логично приходят к ответам на них в жизни нашей страны, где, как и в русском языке, многое из происходящего нерадостно и неслучайно.

ПАДУЯ И ПОДОЛЬСК²⁸

Вайль Пётр. Слово в пути / сост. Э. Вайль. — М.: Астрель: CORPUS, 2010. — 400 с.

Мир под себя не переделаешь, но можно создать свой собственный и увлечь им других. Это удалось русскому писателю, гражданину США, жившему в Праге, Петру Вайлю (1949–2009). В сборнике, умело и со вкусом составленном из очерков путешествий, незавершённой книги «Картины Италии» и фрагментов интервью, нет ни ошеломительных открытий, ни ужасающих страшилок. Если кто-то впервые узнает от Вайля, что «купальник из двух

²⁸ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2011. — 27 января. — С. 7.

частей с линией трусов не по талии, а по бёдрам, назвали по имени атолла Бикини, где в 46-м испытали атомную бомбу», — то это станет новым фрагментом биографии читателя. Внимательное чтение гомеровской «Илиады» позволило автору прийти к поучительному и отрезвляющему выводу: всё уже было. Поэтому он со знанием дела даёт совет читателям: «Не бойтесь протоптанных дорог. Они протоптаны не просто так».

Понимающий вкус и смысл истории Вайль никого не поучает, а лишь раскрывает потенциальные возможности: «Нет сомнения, что можно получить удовольствие от звучных строчек „Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам“, но всё же куда интереснее знать при том, кто такой Олег, почему он вещий и за что мстит этим самым, как их...». Так, с интересом разглядывая современный Дрезден — город, на три четверти сметённый англо-американскими бомбардировками в ответ на варварские бомбёжки фашистами Ковентри и Лондона, — он обращает внимание читателя на крохотную архитектурную деталь: «А к 60-летию той ночи, в феврале 2005-го, на торжества установки креста на церкви Богородицы, Frauenkirche, разрушенной до кучи мусора и полностью восстановленной, из Ковентри приехал сын английского лётчика, бомбившего Дрезден. Он литейщик, он и отлил у себя в Англии этот крест». Отсюда недалеко и до более серьёзных размышлений: «Ну, например, о том, что Япония (как и Германия) сделала покаяние за свои военные грехи национальной стратегией и что побеждённые диковинным, но объяснимым образом живут лучше, чем некоторые из победителей».

Неспешно ведя читателя за собой по широким проспектам и средневековым улочкам, заглядывая в харчевни и рестораны, где вкус вина и разнообразной снеди помогает лучше ощутить разность наречий и миропонимания, любопытно узнать, что знакомые слова могут восприниматься совсем иначе. Как, например, у чехов: «Родина» по-здешнему — «власть». Слово «родина» тоже есть, но оно означает «семья». Писатель не боится сравнивать итальянскую Падую с подмосковным Подольском и не впадает в отчаяние оттого, что «невозможно полноценное, адекватное восприятие старого искусства — живописи, музыки, литературы: контекст утрачен и невозстановим. Нам же не понять, что ощущал итальянец конца XIII века...». Главное — жизнь разнообразна, драгоценна и стоит того, чтобы её сохранить. Так, наверное,

родилась и эта, последняя книга Петра Вайля, где он, как и любимый им итальянский художник Джотто, попытался совместить современность с вечностью.

ОБ ИСТОРИИ И РЕМЕСЛЕННИКЕ²⁹

Бердинских В. А. Ремесло историка в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 608 с., ил.

Мне повезло, и я купил удивительную книгу, захватившую меня буквально с первой страницы. Всю свою жизнь я наивно полагал, что талант и мастерство историка вовсе не зависят от места жительства, но доктор исторических наук, профессор Виктор Аркадьевич Бердинских поставил меня на место: «Книга предназначена прежде всего историкам-провинциалам, поскольку столичные историки в силу множества причин Россию ощущают слабо, знают её жизнь недостаточно, а понимают искажённо» [с. 6]. Тут, конечно, не поспоришь, мало ли у кого какой жизненный опыт. Тем более что в первом же предложении автор предупредил: «Это — глубоко личностная и субъективная книга...» [Там же]. Но ошеломляющее открытие последовало, когда я перевернул страницу.

Бывали случаи, и человек, не дожидаясь признания современников или потомков, сам себя провозглашал гением («Я, гений Игорь Северянин»). Но чтобы поэт заявил, что до него стихов вообще никто не писал — такого что-то не припоминается. Я утверждаю, что книга Виктора Аркадьевича уникальна.

«До сих пор никто и никогда не изучал специфику исторической памяти, народа и личности, сам механизм историзации прошлого» [с. 8]. Это ведь подумать только! Никто и никогда до В. А. Бердинских, родившегося в 1956 году, не заинтересовался вопросом: что же это за наука такая — история? Каков её механизм?

Тут, конечно, попытаться возразить можно. Вот ведь стоят на полках книги: Бенедетто Кроче «Теория и история историографии», Гегель «Философия истории», Р. Дж. Коллингвуд «Идея истории», Карл Ясперс «Смысл и назначение истории», Джон Тош «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка», Пол Томпсон «Голос прошлого. Устная история», А. Дж. Тойнби

²⁹ Впервые опубликовано: Скепсис. — URL: <http://sceptsis.ru>.

«Постижение истории»... Даже изданные в нашей стране книги перечислять очень долго. А уж сколько статей, диссертаций на русском, английском и иных языках понаписано — не счесть. А какие споры по этим вопросам будоражили умы! На высказывание Гегеля «Единственная вещь, которой учит история, — то, что никто никогда ничему у неё не научился» не без ядовитости ответил В. О. Ключевский: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствующие о ней, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории это нисколько не касается как науки: цветы не виноваты, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у неё не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение».

В. А. Бердинских, правда, признаёт, что на него оказал влияние замечательный французский историк Люсьен Февр, и даже цитирует Марка Блока, но собственный, во всё и вся проникающий взгляд автора абсолютно самостоятелен. Да ему и незачем вспоминать Гегеля, Ключевского и прочих.

«Существенный момент для понимания течения историографии — бренность и умирание научных книг и статей историков в течение максимум двух поколений. Они уже не участвуют в живом течении науки, а получают статус мёртвых памятников — источников цитат или кусочков любопытных документов» [с. 8].

Сильно сказано! А главное — объясняет уверенность В. А. Бердинских в том, что историческая наука действительно начинается с него.

Гению простительна небрежность. В примечаниях к своей книге [с. 593, 598] дважды сославшись на работу замечательного историка В. Б. Кобрин «Кому ты опасен, историк?» (М., 1992), Бердинских даже назвал её по-своему: «Чем ты опасен, историк?» Но не стоит отвлекаться на мелочи.

«В немалой мере историческая наука опосредованно *по-прежнему* влияет на государственную идеологию и национальный менталитет» (выделено мной — А. III.) [с. 21]. Это написано автором о нашей стране. Я до сих пор думал, что у нас было всё совсем наоборот: идеология влияла на историю. Но профессор уже успел убедительно «подкрепить» свою точку зрения: «Ведь именно в XX веке общественный имидж истории как служанки идеологии, увы, упрочился в советском обществе» [с. 16]. Из великих людей в прошлом именно так поступал товарищ Сталин — в разное

время высказывал прямо противоположные мысли. А уж суметь их правильно понять, объяснить и совместить — дело историков, писателей, политиков. У них получалось. И у читателя этой книги тоже обязательно получится, если постараться.

В начале книги я прочёл: «История и истина — это понятия из круга разных наук. Совпадение их невозможно» [с. 30]. А в конце с интересом узнал:

«Главным противником старой АН в правительстве был М. Н. Покровский, считавший необходимым историко-филологическое отделение вообще прикрыть, поскольку академические учёные — *беспристрастные искатели истины*, а не строители социализма» (выделено мною — А. Ш.) [с. 565].

Вот как мастерски умеет автор заставить читателя задуматься!

Разумеется, любое знание относительно. Это наглядно объяснил ещё английский философ Герберт Спенсер. Нарисуем круг. Всё, что находится внутри этого круга, — то, что мы знаем. Всё, что его окружает, — область незнаемого. Допустим, что мы стали знать больше (увеличим площадь круга). Мы увидим, что граница соприкосновения знаемого с незнаемым увеличилась. То есть чем больше мы узнаём, тем больше мы понимаем, что чего-то не знаем. Поэтому древние египтяне полагали, что знают всё на свете, а мы в начале XXI века осознаём, как мало нам известно. Постигание истины — это процесс. Но это бесспорно для любой науки. Точность точнейшей из наук математики заключается в том, что она в состоянии указать степень неточности, а её научные положения основаны на нескольких недоказуемых постулатах. Альберт Эйнштейн писал о физике, что она вовсе не является коллекцией законов, а созданием человеческого разума с его свободно изобретёнными идеями и понятиями. Но если бы кто-то изрёк, что физика и истина — это понятия из круга разных наук, то интересно, как бы отнеслись к этому его коллеги.

Или вот такая неожиданная мысль учёного о работе историка: «Но одновременно с углублённостью занятий приходит непреходящая идеализация прошлого» [с. 47]. То есть, по мнению Бердинских, исследуя историю фашизма, социализма, инквизиции или цензуры, непременно будешь ощущать, «что „золотой век“ всё же был позади» [Там же].

Поражает и безапелляционность автора: «Окинем орлиным взглядом процесс развития исторической науки» [с. 54], — так он

начинает. Менее двух страниц книги, и готов художественно зримый вывод: «Пока же мир теории исторического познания представляет собой руины из останков конструкций прошлых веков» [с. 55]. С высоты орлиного полёта парящему гению В.А. Бердинских, наверное, лучше видится куча исторического мусора на месте прошлых и настоящих исторических школ.

В своей книге автор представил краткий биографический словарь историков России [с. 373–554], которому предпослал такие поэтические строки: «Время мумифицирует давно ушедших людей, кровь отливает из жил, румянец пропадает из щёк, — сухие останки прошлого нередко внушают жалость и пренебрежение. Между тем, нам интереснее сегодня не что и когда написал историк (сухой шелест его страниц), а как он жил и работал» [с. 373].

Обычно личностью интересуются в том случае, если шелест ею созданных страниц увлѐк. Но автор, безусловно, имеет право на собственный взгляд. И грусть вызывает лишь тот факт, что в большинстве представленных биографий ничего нового нет, они давно и хорошо известны. А вот материалы о большинстве историков второй половины XX века «из-за недостатка личностной информации» [Там же] отсутствуют. Вероятнее всего потому, что «Доброжелательность и стремление помочь своему коллеге — не самое распространѐнное среди историков качество» [с. 86].

Ещё в XVIII веке итальянский профессор Джамбаттиста Вико пришѐл к выводу, что при изучении свидетельства главным вопросом является не вопрос, истинно оно или ложно, а *что это свидетельство означает?* Историк, поставив вопрос так, способен не повторять чужие фразы, а мыслить самостоятельно. Он может раскрыть то, что было всеми забыто, то, что до него вообще никто не знал. Вот пример качественной смены стиля работы. А Бердинских, человек XXI века, увидел кардинальное изменение способа исследования в другом: а именно, когда, отложив в сторону шариковую ручку, учёный стал пользоваться современной техникой: «Всѐ вышесказанное вовсе не означает, что ксерокс, компьютер или прочие новшества нельзя использовать. Историк должен просто реально представлять, что он приобретает и что теряет, качественно меняя стиль работы» [с. 122.]

Автор не скрывает от читателя формулу своего успеха: «Система работы, осознанный и налаженный ритм деятельности,

полезные привычки — всё это делает историка не меньше, а больше, чем ум, талант и удача» [с. 146].

При всём при этом поражает скромность учёного автора: «Тип историка-интеллектуала, организатора науки, любителя литературы и искусства, а также широкого гуманитария, к сожалению, полностью исчез в нашей историографии уже во второй половине XX века. Эпоха индивидуальностей в науке закончилась. Наступило время массовых научных работников» [с. 201].

Видимо, автор не считает индивидуальностями в науке П. А. Зайончковского, Н. Я. Эйдельмана, В. Б. Кобрин, А. Я. Гуревича, С. Г. Скрынникова, С. О. Шмидта, А. А. Зимина и прочих разных, но при этом как тактично Бердинских умолчал о себе. Лишь один пример: «Да, Иосиф Джугашвили стал царём в своей империи, но я соглашусь с его матерью — лучше бы он стал священником. В этом случае в его жизни было бы гораздо больше счастья» [с. 587–588]. Сколько их было, историков, бесцельно объяснявших бывшее, а вот Виктор Аркадьевич способен безошибочно сравнивать произошедшее и никогда не существовавшее.

Суровый взгляд историка рентгеном высвечивает эпоху: «К XXI веку значительная часть населения индустриально развитых стран мира лишилась, сама того не замечая, существенных элементов счастливой и душевно комфортной жизни. Мир, в котором мы живём, сильно оскудел для человека, его чувств и эмоций» [с. 586]. Или вот: «Городская скученность (вместо домов — квартиры) делает тяжёлым и трудно выносимым повседневный быт каждого горожанина — и бедняка, и богача» [с. 587]. Честно говоря, мой московский быт (может быть, потому что я не богат и не бедняк?) не столь тяжёл и драматичен. Я вспомнил Амстердам, Париж, Берлин, Рим, Лондон, Нью-Йорк, но почему-то острое чувство жалости ко всем жителям этих городов меня не охватило. Вероятно, я просто не в состоянии почувствовать весь трагизм происходящего: «Установка на восприятие, а не на созидание вскормила массовую культуру, рассчитанную не на среднего человека, а на среднего идиота. Колоссальное оглупление и обеднение чувств, мыслей, строя жизни общества уже во второй половине XX века заметно всем. Торжествующая пошлость и крестинизм американского кинематографа, ставшего образцом для прочих национальных киноиндустрий, — яркое доказательство этих слов» [Там же].

Автор почему-то уверен, хотя и не подкрепляет свою точку зрения никакими доказательствами, что в первой половине XX века, не говоря уже о предшествующих веках, большинство жителей планеты были созидателями, не подверженными идиотизму. Особо впечатляет его убеждённость в том, что американская киноиндустрия, как раковая опухоль, паразитировала на здоровом теле национальных киноиндустрий, например советской.

И хотя последними строками своей книги автор не оставил мне никаких надежд: «Регресс человеческого общества в XX веке — вне сомнения. Пути выхода из исторического тупика неизвестны. Утерянные человеком ценности в значительной мере невозстановимы» [с. 589], — я всё же думаю, что пока продолжает работать такой удивительный историк, как В. А. Бердинских, ещё не всё потеряно.

Я процитировал лишь небольшую часть необыкновенного сочинения. Эта книга, как редчайший образец ошеломляющих абсурдностью исторических утверждений, без сомнения, может стать ценнейшим пособием для преподавателей, работающих с учащимися старших классов лицеев, гимназий, школ с углублённым изучением гуманитарных предметов, а также для студентов исторических факультетов.

май 2011 г.

ЭПИЦЕНТР УРАГАНА³⁰

Шлёгель Карл. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового. — М.: РОССПЭН, 2011. — 742 с. (История сталинизма).

Мироощущение зависит от точки зрения. Перенаселённая коммунальная московская квартира с её очередями в туалет и ванную и склоками соседей представлялась чудом цивилизации с отоплением, газом, электричеством и водой обитателям бараков, где вместе с крысами и вшами в вони керосина и немытых тел обитали в жуткой тесноте люди, поочерёдно пользовавшиеся нарами и узкими кроватями без белья. Но и барак был вождёленной мечтой тех, кто ютился в землянках или шахтах

³⁰ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2011. — 23 июня. — С. 7.

метро. А ещё страшнее была жизнь заключённых, строивших у ворот столицы канал Москва-Волга. Их высаживали в чистом поле и заставляли работать в воде, болоте или при почти тридцатиградусном морозе, выдавая 200 г каши, 200 г макарон, 100 г растительного масла на человека в месяц, и требовали выполнения норм выработки.

В своей новой книге немецкий историк и писатель Карл Шлёгель рассматривает огромный комплекс тем, выбирая их субъективно, но не произвольно, а следуя сталинской логике создания нового мира, центром которого был великолепный город, долженствовавший превратиться в символ воплощённой мечты.

На месте безжалостно снесённой старины появились ярко освещённые по ночам широкие улицы, высотные дома, великолепные мосты, оттенившие красоту Москвы-реки, потрясавшая воображение роскошь метро, огромный Парк имени Горького, множество театров, Красная площадь и Мавзолей Ленина, на трибуне которого стояли руководители страны и боготворимый вождь, смотревшие на многочасовые демонстрации и парады физкультурников. В этой новой Москве работали огромные заводы, лётчики совершали беспосадочные полёты в Америку, звучали джаз Утёсова и песни Дунаевского, а в многочисленных кинотеатрах зрители не только наслаждались блистательными игровыми фильмами «Цирк» или «Волга-Волга», но и проникались канонической и прочной картиной миропонимания, о чём бы ни шла речь — об Александре Невском или Ленине в Октябре.

Автор объясняет, как воспринималась Москва 1937 года не привилегированными потомками, а современниками, выбора не имевшими. Он показывает механизм созидания тоталитаризма: «Раздувание урагана, в котором критику более нельзя было отличить от доносительства, объединяло сообщество против фиктивного общего врага и в то же время разрушало все самостоятельные структуры, которые могли бы противиться безграничному произволу». Развязанный сверху террор во имя великой цели был с готовностью подхвачен и использован множеством структур и граждан для решения своих проблем.

Расстрелянные государственными террористическими организациями на полигоне в Бутове или «Коммунарке» — верующие и атеисты, подростки и старцы, священники и партработники, крестьяне и рабочие, безграмотные и академики, русские

и нерусские, иностранцы и «бывшие», инвалиды и странники — лишь часть жертв всеильного полицейского государства. Шлэгель убедительно доказывает, что бесспорные достижения страны в сталинскую эпоху были сделаны не благодаря, а вопреки самоубийственной политике власти в войне против собственного народа.

Именно тогда, в 1937–1938 годах, к власти пришло поколение тех, кто формировал облик СССР во второй половине XX века и для кого сталинизм (в словотворчестве Сталина «марксизм-ленинизм») оставался идеологией советского государства до его крушения. Сталинизм и его мифы всё ещё не стали историей. Вот почему и сегодня осознание московских событий 1937 года необходимо. В предисловии Шлэгель отметил: «Этот процесс ещё далёк от завершения, и он найдёт свой счастливый конец лишь в том случае, если Лубянка — символ безграничного презрения к человеку, символ власти убийц в центре Москвы — однажды, в не столь уж далёкий день, будет превращена в музей и место поминовения».

В ЭПОХУ НЕПРОСВЕЩЁННОГО АБСОЛЮТИЗМА³¹

Шапорина Любовь. Дневник. В 2 т. / Вступ. статья В. Сажина, подг. текста, коммент. В. Петровой и В. Сажина. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 592 + 640 с. (Россия в мемуарах).

«Дефицит искренних дневников советских граждан — одно из частных проявлений тотального дефицита, свойственного советскому периоду российской истории». Точная констатация бесспорного факта, которой Сажин начинает свою вступительную статью, открывает поразительную по откровенности и широте охвата множества сторон жизни 20–60-х годов прошлого века книгу, автор которой даже не мечтала её опубликовать. Отсутствие близкого человека рядом и необходимость высказаться или выплакаться выработали у неё потребность для самой себя записывать происходящее.

Автор этих дневниковых записок Любовь Васильевна Шапорина (1879–1967) родилась в обеспеченной дворянской семье. Знание

³¹ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2011. — 17 ноября. — С. 7.

французского и немецкого, увлечённость музыкой, живописью и литературой объясняют её профессии переводчицы и художницы, создательницы первого в советской России театра марионеток и её брак с композитором Шапориным, вхождение в литературную и артистическую среду. Среди её знакомых были Ахматова и Шостакович, Алексей Толстой и множество людей, внёсших вклад в отечественную культуру.

Шапориная — одна из миллионов, ставших подопытным поколением, которое уплотняли, вычищали, лишали, подвергнув, по её словам, социальному «эксперименту полуинтеллигентов». Но в отличие от подавляющего большинства она сумела не только думать самостоятельно, но и делать записи, которые могли стоить жизни. На страницах её дневника запечатлены характерные черты эпохи. Постоянный голод: во время Гражданской войны («маленький сын после еды забрался под стол. Спрашиваю: „Что там делаешь?“ — „Крошки подбираю...“»), в 30-е годы («А почему голод, почему ничего нет, убей меня Бог, не понимаю. Нет в продаже ничего — нет обуви, обоев, ниток, почтовой бумаги, материй каких бы то ни было, галош, продуктов, вообще ничего»), в блокаду Ленинграда в 40-е под обстрелом, без электричества, воды и дров, при минусовой температуре в комнатах доведённые до дистрофии и людоедства люди получали по карточкам продукты, измеряемые граммами («Ужинать я не пошла. На ужин была обещана козеиновая каша. Хлеба нет, для неё идти не стоит»), после войны («Продала первое издание Пушкина 1838 и 1841 годов, 11 томов, которое я берегла как зеницу ока, за 560 р. На моё пропитание выходит в день 8 р., а на обоих детей 80. Мучительно голодаю»).

Бесконечные очереди за всем в 50-е годы... Обязательная ложь и абсолютное бесправие. Запись в декабре 1944 года: «Прибирая комнату, я подняла газету, и вдруг мне стало даже больно от острого сознания: одна эта газета на всю огромную страну, один образ мышления, одно политическое понятие, даже на литературу, музыку, историю — на всё, на всё один взгляд. Я зажмурилась и совершенно ясно увидела себя в каменном мешке, я даже видела цвет этих стен вокруг меня; и выхода нет». Запись в мае 1947 года: «Отменили смертную казнь. Тридцать лет казнили без передышки, без отдыха и срока. Только бы дожить до будущего суда, ежедневно молюсь об этом. Когда всему миру станут известны

их чудовищные преступления? Миллионы расстрелянных, заморённых, загубленных, пытки самые изощрённые».

Впрочем, и в те годы жили по-разному. Шапорина замечает: «Равенства нет даже на кладбищах». «В больницу старых не принимают. Нужен блат». С 1940 по 1956 год за обучение в старших классах школы нужно было платить. Постоянно нуждаясь в деньгах, Шапорина пришла хлопотать за своих девочек и узнала: «Освобождаются лишь дети убитых офицеров. Только офицеров. Дети убитых солдат и сержантов не освобождаются от платы. Я ахнула. Мне потом объяснили, что это делается для того, чтобы пролетарские дети дальше 7-го класса не шли и не заполняли вузы».

Она далеко не всегда понимала смысл и суть происходящего. Её искренний патриотизм достаточно часто иррационален. Мучаясь от происходящего в стране, она верила: «Россия не может погибнуть, но она должна понести наказание, пока не создаст изнутри свой прочный фашизм». Она восхищается «гением» Гитлера, но после бомбёжек Ленинграда не может сдержать негодования: «Какая бессмыслица! Я разочаровываюсь в немецком уме и гитлеровской стратегии. Он может уничтожить и город, и жителей, но пока армия стоит — город не сдадут. Зачем же разрушение?»

У неё нет никаких иллюзий, касающихся «органов», но негодует она и на то, что «кроме Ежова — ни одного русского во главе НКВД за 30 лет». Борьбу за власть после смерти Сталина и падение Берии она комментирует так: «Один грузин процарствовал 29 лет, почему бы и другому грузину не сесть на царство?» Убеждённая антисемитка, хотя и не всегда последовательная, иногда до наивности суеверная, она искренне радуется, что теперь «во главе правительства стоят русские люди», что не мешает ей жёстко высказываться о времени правления Хрущёва: «Мне сдается, что Хрущёв зарвался. Тут и Куба, тут и Африка... Он не расстреливает, не пытается, но не стесняется посылать наших Иванов и Петров к чёрту на рога, биться за чужую землю»; «Остроумная писательница О. Берггольц вчера в Союзе писателей порадовала меня: „Мы живём в эпоху непросвещённого абсолютизма“. Что верно то верно. Самодержавие развращает. Мне всё время стыдно, невероятно стыдно перед всем светом. Как можно вслух перед всем миром говорить такие непроходимые глупости».

Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: Власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 359 с. — 1500 экз. — (История сталинизма).³²

Американскому историку Е. Т. Юингу понадобилось более десяти лет, чтобы заинтересовавшая его тема воплотилась в книгу, перевод которой теперь доступен российскому читателю. Это исследование интересно уже тем, что предметом изучения стали учительство и школа, а школа в любые времена аккумулировала в себе все общественные проблемы, являясь своеобразным увеличительным стеклом общественных изменений. Вот почему, исследуя самые разные аспекты жизни учителей, вовлечённых в формирование сталинизма, автор получил возможность осмыслить всю советскую историю.

Основываясь на архивных и опубликованных материалах, сравнивая положение советских учителей с положением их коллег в Северной Америке, Западной Европе и отчасти в царской России, автор приходит к выводу об уникальности положения учителей в сталинское время. Введение всеобщего начального образования, когда миллионы граждан всех возрастов стали учиться грамоте, должно было стать непременным условием модернизации страны. Необходимость увеличения количества школ при переходе от всеобщего начального обучения к среднему образованию и принятие законов об обязательном обучении привели к резкому росту числа педагогов. Это не могло не снизить уровень их профессиональной подготовки. Поэтому, как и в других сферах советской жизни, временами погоню за «количеством» сменяла борьба за «качество», но в любой период советской истории учителя были обязаны следовать политике и идеологии режима.

Автор приводит многочисленные свидетельства о низкой заработной плате, скудном питании, отсутствии приемлемой обуви и одежды, убогом жилье и тяжелейших условиях работы при огромных нагрузках. Особо трудным было положение учительства в сельской местности и на национальных окраинах СССР.

³² Впервые опубликовано // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 5. — С. 400–402.

Эта жизнь усугублялась репрессиями, связанными с социальным происхождением учителей (из семей священников, дворян, кулаков и других непролетарских слоёв), политическим террором, который касался всех граждан страны. Но и в этих условиях всегда находились люди, влюблённые в своё дело и не мыслившие себя вне школы, которым чиновники от власти и их добровольные помощники мешали работать так, как они могли и хотели. «Власти внимательнейшим образом следили, чтобы учителя руководствовались программой, в широком смысле слова определяющей не только содержание уроков, но и методы преподавания, его результаты и выставление отметок» [с. 208]. Так, превращая учителя в аппарат для озвучивания своих идей, тоталитарное государство утверждало себя. Чаще всего это удавалось, и многие педагоги плыли по течению, стремясь лишь выжить в тяжелейших условиях. Однако талантливые, самостоятельно мыслящие учителя и директора школ иногда находили возможность делать своё дело так, как считали правильным. Лишь считанные единицы открыто выступали против власти, но немало было и тех, кому удалось не подчиниться диктату режима. Юинг приводит факты, когда учителя в атмосфере всеобщей подозрительности, страха и доноительства не только творчески относились к своей работе, но и не боялись защищать детей репрессированных родителей. На мнение одного из таких детей — Л. И. Мильграма (1921–2011), который, несмотря ни на что, смог стать создателем и руководителем одной из лучших московских школ, ссылается автор: «В интервью 1995 г. директор московской школы Леонид Мильграм высоко оценил своих учителей 1930-х гг. за то, что они культивировали и прививали детям честность, уважение к старшим, инициативу и умение мыслить. Порицая сталинизм за репрессии, Мильграм с благодарностью вспоминал своих учителей за выработку тех качеств, которые помогли его сверстникам выстоять в тяжёлые времена» [с. 267–268].

Большое внимание автор уделит воспоминаниям — как советских граждан, так и эмигрантов. Последние были более свободны и откровенны, но и они, бывшие учителя, утверждали, что образование — единственная ценность советского режима и поэтому от сложившихся традиций отказываться не следует [с. 12]. Это мнение с очевидностью подтверждает мысль автора, что «сталинизм укоренился в советском обществе гораздо сильнее, чем это

может показаться, если сфокусировать внимание лишь на личности Сталина и на его партийно-государственном аппарате» [с. 190]. Влияние «традиций» ярко проявилось во второй половине 1990-х гг., которые Юинг определил как переход «от коммунизма к посткоммунизму». Автор привёл высказывание учительницы истории Татьяны Макаревич о проблемах её школы перед началом учебного года: «Никакой чёткой концепции у нас нет, мы просто излагаем ученикам разные точки зрения и предлагаем им самим сделать выводы» [с. 266]. По её словам, учителя соскучились по «чёткой концепции» и «унифицированной» точке зрения, позволяющей избежать острых дискуссий и даже простого обсуждения. Её мнение свидетельствует не столько о глубине кризиса в современном преподавании, отмеченного автором, сколько о живучести «традиций», заложенных в 1930-е гг. и считавшихся незыблемыми до 1991 г. Автор этой рецензии, много лет работавший учителем в школе Л.И. Мильграма, свидетельствует, что преподавателя, тоскующего по «унифицированной» точке зрения и не имеющего «чёткой концепции», Леонид Исидорович и близко не подпустил бы к детям.

В завершение своей работы Е.Т. Юинг отметил: «Михаил Горбачёв, последний лидер Советского Союза, и Борис Ельцин, первый лидер постсоветской России,— оба пошли в школу в конце 1930-х гг. Не преувеличивая значения полученного в то время опыта и не преуменьшая важности последующего развития, в этом исследовании учительского корпуса эпохи сталинизма мы хотели показать и жестокую мощь советской власти, и присущие ей противоречия» [с. 268]. Нужно признать, что американскому историку это удалось.

МЕТОДОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ³³

Ямбург Евгений. Школа и её окрестности. — М.: Центр книги Рудомино, 2011. — 576 с.

Несмотря на жизнь россиян в разных ценностных системах, в какое-то время все так или иначе оказываются в школе в качестве учащихся, родителей, учителей или высокого начальства.

³³ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2012. — 31 мая. — С. 7.

Школы бывают разные. Репутация школы прежде всего зависит от её директора. Если директор талантлив и знаменит, как автор этой книги, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО Евгений Александрович Ямбург, то он может немало. Например, сделать школу прекрасно оборудованной, уютной и престижной, создать в ней великолепный театр или условия для художественной выставки (обложку книги украшает работа восьмиклассницы Дарьи Зориной «Последствия ЕГЭ»: книжная пирамида завершается головой очкарика с расплавленными от трудов мозгами) и многое иное, но далеко не всё, что может и хочет. Потому что школа всегда зависит от её «окрестностей» — страны, в которой она находится, и государства, чьи приоритеты, финансирование и контроль всегда ощутимы. Человек, чьё директорство началось ещё в прошлом веке, при иной вертикали власти, не может не сопоставлять: «По сравнению с той эпохой мы сегодня живём припеваючи. Ну, упекли одного олигарха и замочили пару десятков (сотен) журналистов, а так терпимо. Всё-таки авторитаризм — шаг вперёд по сравнению с тоталитаризмом. Тоталитаризм требовал обязательного участия в преступлениях государства всех и каждого, причём непременно с блеском в глазах и показным энтузиазмом. Авторитаризм значительно скромнее...»

Вот почему и тогда, и теперь невозможно обойтись без компромиссов.

Ямбург доходчиво объясняет, чем отличаются маленькие дети, воспитанные мамой, от детей, выпестованных стараниями высокооплачиваемой няни, или как решить непростую ситуацию, когда старшеклассники хотят участвовать в митингах, где возможны разные сценарии развития событий. Он на конкретных примерах даёт понять, почему так трудно справиться с детским воровством или создать условия, чтобы творческий процесс учащихся стал естественным. В книге можно найти советы, что нужно сделать для того, чтобы включить подростков в контекст культуры, и как необходимо учить и учиться. Читателю стоит узнать, какая существует связь между конфликтами и диалогами и каким образом можно вводить в школе новый предмет — методологию счастья, даже в том случае, если такой урок никогда не появится в сетке школьных часов.

О МИРЕ МАЛОМ И БОЛЬШОМ³⁴

Гранин Даниил. Заговор. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 320 с.

На этих страницах разрозненные воспоминания, наблюдения и размышления, интересные цитаты и исторические факты — сохранённые кусочки реальности, которые как-то незаметно, сами собой сложились в яркую картину жизни автора, родившегося в 1918 году, и почти вековой эпохи, начало которой уже почти не имеет живых свидетелей. Даниил Гранин пишет со знанием дела: «Малый мир» сохраняется лишь в памяти и исчезает вместе со своим поколением почти начисто. От прошлого остаётся архитектура, романсы, мебель. Кое-что перемещается в антикварные магазины. Остальное можно найти лишь в фотографиях».

Впрочем, прошлое благодаря талантливому прозаику остаётся ещё и в книге, и появляется возможность осмысления его другим поколением.

Гранин рассказывает о мифах и реальности. Потому что советское время, как и предшествующее и последующее, создавало свою мифологию. Иногда она была художественной: «Сцена в фильме Эйзенштейна — „штурм Зимнего дворца“. Никакого штурма не было. Но был замечательный кадр — ворота Зимнего, и на них лезут матросы, врываясь во дворец. Так красиво, что никакие опровержения не помогут». Чаше реальность перелицовывалась цензурой по иным причинам. Гранин вспоминает, что когда они с Адамовичем в «Блокадной книге» написали цифру погибших в блокадном Ленинграде около миллиона человек, то цензура потребовала дать цифру, прозвучавшую на Нюрнбергском процессе, — 650 тыс. «Когда война кончилась, они стали секретить потери, накладывали румяна. Победа должна выглядеть счастливой».

Но и всемогущая цензура («У себя в Питере я не мог узнать, где она, цензура, находится, её адрес, всё скрывалось, действовало анонимное существо, некая неземная инстанция, недоступная жалобам») растаяла как призрак, оставив «покалеченные книги, статьи, изуродованные романы, стихи». Время заговоров,

³⁴ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2012. — 19 июля. — С. 7.

единственный способ смены одного правителя страны другим, всё же не вечно. «История, — замечает Гранин, — зависит не столько от идеологии, не столько от религии, как от развития науки и техники. Остановить это развитие невозможно». Вот почему, несмотря на все тяготы и неурядицы прошедшей жизни («„Оказывается, в рай попасть можно только через гроб“, — обнаружил мой внук»), Даниил Гранин убеждён, что жизнь стоит того, чтобы, прожив её, сказать спасибо. За всё, что было, за всё, что испытал, видел, успел».

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ³⁵

Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Б. И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. — М.: Центрполиграф, 2012. — 543 с.

К своему времени можно более или менее успешно приспособиться, при этом остроумно над ним шутить, как это делал Карл Радек. Когда именем Горького называли города, улицы, парки и стадионы, Радек предложил всю советскую эпоху назвать «Максимально Горькой». Можно было пытаться, как это сделал Борис Николаевский, своё время изучить и понять.

Героя этого исследования в советскую эпоху не раз пытались лишить аудитории и предать забвению, причём не без успеха. Его имя мало кто знает, хотя он знал многих из тех, чьи имена известны всем. Среди его знакомых — Ленин, Сталин, Троцкий, Бухарин, Керенский, Милуков. Интересен он был и для писателей. С ним встречались Марк Алданов, Горький, Бабель. Он сумел запечатлеть время, споры о котором не утихают и сегодня. Авторы этой книги дали возможность читателю увидеть ход истории глазами человека, который понял, что новые поколения будут вновь пытаться переделывать общество по рецептам справедливости, выработанным абстрактными мыслителями, и идти на Голгофу во имя призрачных целей. А пользоваться этим будут уже бессовестные политиканы. Незнание истории — одна из причин того, что люди наступают вновь на одни и те же грабли.

³⁵ Публикуется впервые.

Борис Иванович Николаевский (1887–1966), родившийся в семье потомственного православного священника в уездном городке Белебее тогдашней Уфимской губернии, ещё гимназистом был арестован и судим за хранение и распространение социал-демократической литературы. Несколько месяцев тюрьмы лишь укрепили его увлечённость книгами, газетами и документами, интерес к которым со временем превратился в настоящую страсть. Его политическая жизнь была яркой и разнообразной. Он был большевиком, потом меньшевиком, его арестовывали и ссылали. А в 1921 г. Николаевского выслали из РСФСР вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии, что не помешало его политической деятельности в Германии, Франции и США, за что в 1932 г. он был лишён советского гражданства. Но занятие политикой не было главным в его жизни.

Обладавший феноменальной памятью, исключительной эрудицией, внутренней свободой и редким умением терпимо относиться к чужому мнению, Николаевский мог встречаться с людьми самых различных взглядов, от монархистов до коммунистов, убеждая их написать мемуары или ответить на конкретные, интересующие его вопросы. Он смог собрать и сохранить необыкновенные по ценности исторические документы в России и в Германии, спасти их от пришедших к власти нацистов, вывезя уникальные архивы во Францию. А в 1940 г., после оккупации гитлеровцами Парижа, — в США.

Авторы этой научно-популярной книги увлекательно рассказали о работе историка-исследователя и вдумчивого политолога Николаевского, неутомимого хранителя и собирателя архивов, на которые он не жалел ни времени, ни денег, хотя жил исключительно скромно. Большевики с первых лет своего господства использовали исторические документы для собственной выгоды, не гнушась их сокрытием и фальсификациями. Даже официальное наименование пятого издания «Полное собрание сочинений» Ленина не соответствует действительности. Сотни ленинских документов не попали в него по причинам политической целесообразности. Официальная советская история, на выводы которой так часто ссылаются и сегодня, имела мало общего с реальностью. Николаевский же разрабатывал множество исторических тем царской и советской России, руководствуясь не государственными или партийными интересами, а лишь потребностью поиска

истины. Он рассказал о далеко не однозначной и не однопартийной революционной борьбе до 1917 года, писал о террористической диктатуре Сталина («Подобной полноты единодержавия не было в России даже в те времена, когда ею управляли люди, носившие титул самодержцев»), сравнивал тоталитарные государства — нацистскую Германию и СССР, находя в них много общего, и скептически оценивал десталинизацию Хрущёва («И вся история послесталинских лет была не чем иным, как историей новых и новых попыток реставрации Сталина»), собрал и сохранил доступный исследователям огромный архивный материал. Собранные им первоисточники доступны немногим российским исследователям. Вот почему книга о нём столь важна.

ИСТОРИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ³⁶

Сарнов Бенедикт. Феномен Солженицына. — М.: Эксмо, 2012. — 848 с.

Новая книга критика и литературоведа Бенедикта Сарнова пристрастна и страстна. Несмотря на сделанную им попытку объективного анализа жизни и трудов Солженицына, основанного на многочисленных фактах литературной и общественной жизни своего героя, авторского отношения к нему Бенедикт Михайлович и не пытается скрыть. Своему приятелю, с которым они беседовали о тогдашних их кумирах, Сарнов честно признался, что ему гораздо легче было бы поверить, что «Один день Ивана Денисовича» написал Сахаров, а водородную бомбу изобрёл Солженицын.

То, что было время, когда такое явление, как Александр Исаевич Солженицын, воспринималось как «огонь с неба», неудивительно. Да и сам Сарнов отметал бросавшиеся в глаза нелепости в его сочинениях и спорил с теми, кто указывал на отвратительные черты характера нового «классика», потому что самым главным казалось другое: «Ведь при мне, на моих глазах он в одиночку сражался с могущественной ядерной державой. Он прошёл войну, лагерь, одолел смертельную болезнь и сумел открыть миру правду о кошмаре сталинского ГУЛАГа. А какой это великий труженик! Даже не найдя в себе силы прочесть все эти его «Узлы», я не мог не изумляться одному только количеству написанных им страниц».

³⁶ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2012. — 13 сентября. — С. 7.

Разумеется, профессиональный литератор Сарнов читал и узнавал о Солженицыне несравненно больше обычных читателей, для которых травля Солженицына, его высылка из СССР и сопутствующие ей ложь и клевета не давали возможности услышать хоть какую-то критику писателя. Вот почему в 1989 году Сарнов в предисловии к публикации рассказа «Матрёнин двор» написал: «До тех пор, пока книги Солженицына не опубликованы в нашей стране, его деятельность художника, идеолога, публициста, по существу, остаётся у нас вне серьёзной критики. А это, естественно, создаёт почву для возникновения культа Солженицына, который ничуть не лучше всякого другого культа».

Ныне книги Александра Исаевича, как и высказывания о нём его почитателей и противников, использованные Сарновым со всеми необходимыми выходными данными, опубликованы и доступны каждому. Да и для чтения «тамиздата» сегодня нет необходимости доставать отношения и разрешения. Читальные залы бывших «спецхранов» библиотек открыты для простых смертных, не говоря уже о возможностях интернета.

Любопытно же сравнить слова Солженицына: «Наша письменная речь ещё с петровских времён то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих, знающих цену мысли и времени, но не слову, пострадала: и в своём словарном запасе, и в грамматическом строе, и, самое главное, в складе», — и комментарий Сарнова: «Но ведь именно на этом самом письменном — ущербном — языке, развитие которого после Петра пошло куда-то не туда, была создана ВСЯ ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА! И Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и Толстой, и Достоевский, и Чехов!» Интересно ознакомиться с собранной Сарновым небольшой коллекцией слов-уродцев, солженицынских языковых перлов: «убывь», «перетаск», «защем», «нелзее», «в раздире» и т.д., которыми можно заполнить сотни страниц. «В сущности, этим вымученным, искусственным языком написана вся его зрелая проза», — утверждает литературовед. Если же читатель сомневается, пусть откроет многотомное «Красное колесо» или «Бодался телёнок с дубом» и проверит.

«Идеология — это отрицание настоящего во имя будущего... Это решётка отвлечённых истин, наброшенная на мир и жизнь и делающая невозможным общение, ибо всё становится тактикой

и стратегией», — процитированные Сарновым дневниковые мысли протопресвитера Александра Шмемана непосредственно относятся к Солженицыну, которого отец Александр доказательно сравнивает с Лениным. Оба они отличались нелюбовью к западной буржуазной демократии, были убеждены в необходимости авторитаризма, полагали, что для достижения цели все средства хороши.

Именно идеология национализма, по мысли Сарнова, «подмяла под себя, подчинила себе, с потрохами съела и совесть его, и ум, и логику, и талант». О том же писал прозаик Лев Копелев в приведённом в книге письме Солженицыну: «Ты ненавидишь всех мыслящих не по-твоему, живых и мёртвых (будь то Радищев, будь то Милюков или Бердяев). Ты постоянно говоришь и пишешь о своей любви к России и честишь „русофобами“ всех, кто не по-твоему рассуждает о русской истории. Но неужели ты не чувствуешь, какое глубочайшее презрение к русскому народу и к русской интеллигенции заключено в той черносотенной сказке о жидомазонском завоевании России силами мадьярских, латышских и др. „инородческих“ штыков? Именно эта сказка теперь стала основой твоего „метафизического“ национализма, осью твоего „Красного колеса“. Увы, гнилая ось».

Собственно, книга Бенедикта Сарнова и посвящена истории превращения большого писателя, создавшего такие художественные вершины, как «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» («А тут — открыто, прямым текстом — было сказано (и показано!), что пресловутый Архипелаг ГУЛАГ был не просто опухолью — пусть даже злокачественной и давшей метастазы, — на теле в основе своей здорового организма. Тут уж никаких сомнений не оставалось, что это была самая суть, самая основа созданной Лениным и Сталиным ИМПЕРИИ ЗЛА»), в создателя очередной консервативной утопии и сторонника «вертикали власти», в человека, искренне уверовавшего «в данное ему свыше всеведение пророка».

После прочтения этой книги становится понятно, почему Сарнов в качестве эпиграфа к ней взял цитату из «Словаря иностранных слов»: «ФЕНОМЕН — 1) редкое, необычное явление или выдающийся, исключительный в каком-либо отношении человек; 2) субъективное содержание нашего сознания, не отражающее объективной действительности».

ЭРЕНБУРГ, СТАЛИН И ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА³⁷

Фрезинский Борис. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 904 с.

«XX век завершился и поступает в ведение истории — события, продукция, лица. Кладовщики занимаются инвентаризацией, эксперты — расценками, судьи — приговорами». Историк литературы Борис Яковлевич Фрезинский занят исследованием. Его тема — жизнь и творчество Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967) — поэта, прозаика, публициста, мемуариста и общественно-го деятеля, чья судьба и книги неотделимы и не могут быть поняты вне той, современной ему, изуверской эпохи, апологеты которой не переводятся и сегодня.

Фрезинский изучил огромный массив архивных и мемуарных источников: «Без архивов нет исторической памяти, впрочем, в России её нет и с архивами», — с грустной иронией замечает хорошо информированный автор.

О каких бы сюжетах, касающихся своего героя, ни рассказывал Фрезинский, будь то предсказание Эренбургом в романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито» национал-социализма за 12 лет до прихода нацистов к власти (один из героев Карл Шмидт был одновременно националистом и социалистом, ибо «и те и другие преследуют дорогую ему цель организации человечества») или о том, как уже знаменитый антифашист Эренбург в полной растерянности читал в советской прессе об англо-французских империалистах, развязавших Вторую мировую войну в то время, когда гитлеровские войска захватывали Европу, читатель получает возможность судить о происходящем всей логикой развития событий.

Автор даёт увлекательную возможность познакомиться через Эренбурга с множеством ему известных людей: политиками (от Сталина до Хрущёва, от Бухарина до Коллонтай), литераторами (Брюсовым, Блоком, Ахматовой, Мандельштамом, Бабелем, Пастернаком, Замятиным, Слуцким), советскими диссидентами Синявским и Григоренко, художниками и переводчиками в СССР и за рубежом, героями его книг, друзьями и недругами.

³⁷ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2013. — 21 марта. — С. 7.

И конечно, Фрезинский подробно рассказывает об «одной из самых интересных книг середины века (при всех издержках, неминуемых для подцензурного сочинения в условиях тоталитарного государства)» — автобиографической работе «Люди, годы, жизнь», опубликованной без цензурных изъятий лишь в 1990 году.

Как это ни удивительно, но Эренбург, единственный из советских деятелей признавший в этих мемуарах свою долю ответственности за пропагандистское обеспечение сталинской холодной войны, неоднократно обвинялся в осторожности и умалчиваниях.

Фрезинский привёл в пример Солженицына, который высокомерно высказывался о литературной работе Эренбурга, однако промолчал в августе 1968 года во время оккупации Чехословакии, хотя зарубежные радиостанции были в его распоряжении. «Вообще антиисторизм, рассуждения о прошлом, избавленные от понимания прошлого и от понимания возможностей людей прошлых эпох, стали едва ли не правилом в нынешние времена».

Перед Борисом Фрезинским стояла исключительно трудная задача: «Говоря из времени, когда роль современной литературы в жизни населения совершенно ничтожна, о времени, когда эта роль была исключительно высока, нелегко сочетать историческое видение с современным». Наверное, и поэтому эта книга писалась долго — последние двадцать лет. Однако составившие её статьи разного времени, дополненные новыми материалами, воспринимаются как единый текст.

НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО³⁸

Ухналев Евгений. Это моё. — М.: АСТ: Corpus, 2013. — 256 с.

Интересно прочесть воспоминания человека, которого в 1948 году не только обвиняли в попытке сделать подкоп из Ленинграда в Москву под Мавзолей для убийства Сталина, но и без всяких пыток и избиений с помощью вполне доброжелательного следователя доказывали ему такую теоретическую возможность. А спустя много лет его реабилитировали: «Пришла повестка в жилконтору или в милицию, уже не помню, там выдали справку —

³⁸ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2013. — 25 июля. — С. 7.

и всё. Но ведь и арест, и расстрел — всё это тоже производилось буднично. Так что ничего удивительного. Просто такая удивительная страна».

Простое и вовсе не литературное повествование Евгения Ильича Ухналева, родившегося в 1931 году, не мешает дочитать книгу до конца. Её автор — главный архитектор Государственного Эрмитажа, народный художник России — в полной мере узнал реальную советскую жизнь — с голодом и коммунальной квартирой, эвакуацией из Ленинграда во время войны, 25-летним сроком по знаменитой 58-й статье, из которого он отбыл шесть лет в лагере Воркуты. После смерти Сталина и расстрела Берии он оказался в числе первых освобождённых. Вернувшись домой, в Ленинград, он был вынужден адаптироваться под тех, кто не сидел, чтобы жить дальше. Его воспоминания о многих событиях, произошедших в отечестве, вряд ли впишутся в планируемый ныне «единый учебник истории».

Вот что он рассказывает об утверждении российского герба, когда созданный им проект был передан на обсуждение в Госдуму: «Я предоставил им одиннадцать вариантов и очень надеялся, что они выберут последний, который был мне наиболее симпатичен. Но они выбрали девятый, самый колючий вариант, какой-то даже немного немецкий. И почему-то они решили, что нужно снабдить его коронами, скипетром и державой, хотя это старые символы монархической власти. Они посчитали, что скипетр — это символ государственной власти, держава — это наша держава. «А короны зачем? — «Потом разберёмся...». И произошёл интересный эпизод — во время обсуждения гимна коммунисты сказали: мы-де согласны на вашего орла и на ваш флаг, но с одним условием — пусть будет принят наш гимн. Так и приняли».

Не будучи человеком мстительным, Ухналев всё же испытал другое чувство: «Мне только было приятно, что с помощью моего герба отвергались все серпасто-молоткастые штуки», потому что единственное, что он возненавидел в своей жизни по-настоящему, был социализм с его изначально лживыми лозунгами. Бывший зэк стал членом Геральдического совета при президенте РФ. Выход в свет его книги в очередной раз доказывает — несмотря на продолжающуюся в стране деятельность политических реликтов ушедшего времени, возвращение России в социалистическую эпоху невозможно.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ДЛИНОЮ В ВЕК³⁹

Пирожкова Антонина. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле – и не только о нём: воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А. Ма-лаева-Бабеля. – М.: АСТ, 2013. – 605 с. – (Женский портрет эпохи).

Когда-то Исаак Бабель говорил Николаю Эрдману об устных рассказах Антонины Николаевны Пирожковой: «Вот если бы написать так, как она рассказывает...» Она так и поступила. Вдова Бабеля обладала феноменальной памятью, научным складом ума и разносторонними талантами. Великолепным русским языком, редким для нашего времени, она рассказала о своей жизни и эпохе.

Пирожкова умела видеть происходящее в разных ракурсах. По специальности инженер-конструктор, она подробно и интересно рассказывает в книге о своём участии в строительстве красивейших станций московского метро. Будучи знакома со многими знаменитостями, она пересказывает беседу с французским писателем Андре Мальро, которому, как и всем иностранцам, непременно эти станции показывались, кратко ответившему на её вопрос: «Как Вам понравилась Москва?» — «Многовато метро».

Антонина Николаевна ждала возвращения мужа, арестованного в 1939 году, пятнадцать лет, и всё это время, отвечая на её запросы, ей лгали в НКВД, что Бабель — расстрелянный в январе 1940 года — жив, здоров и находится в лагере. Она в эти годы продолжала много и успешно работать. А дома её ждал жуткий быт, соседство опасного для жизни алкоголика, людей, закрывавших ей вход в кухню и выход во двор. Власти не хотели решать проблемы, как только узнавали, что нарушены права семьи «врага народа». Ещё одна страшная, хотя и характерная страница повседневной жизни родственников репрессированных.

Она не только добилась реабилитации мужа ещё в 1954 году, но и сделала всё что смогла для создания его архива, издания его сочинений, организации вечеров памяти и поисков неопубликованных рукописей.

В её книге воспоминания об обычных людях органично сочетаются с рассказами о тех, чьи имена известны всем: Леониде Утёсове, Сергее Эйзенштейне, Илье Эренбурге, Лионе Фейхтвангере,

³⁹ Публикуется впервые.

Соломоне Михоэлсе, Юрии Олеше и, конечно, о Бабеле, который навсегда стал частью её жизни. Её повествование о своей работе, многочисленных встречах с интересными людьми, поездках по СССР и европейским странам, о жизни в довоенной и послевоенной Москве охватывает эпоху с 1914 по 1996 годы и не включает рассказа о годах, прожитых в США. Об этом времени немного рассказал в предисловии её внук, составитель этой книги. Работу над воспоминаниями о своей жизни Пирожкова завершила уже в США, куда она уехала в 1996 году. Также в США были переведены на английский язык и изданы отдельной книгой воспоминания Пирожковой о Бабеле, ставшие достоянием всего мира.

Родившаяся в сибирском селе Красный Яр в 1909 году, Антонина Николаевна успела не получить ответ на свой запрос в канцелярию президента России в 1995 году о поисках конфискованных рукописей Бабея и проголосовать за первого чернокожего президента США в 2008. Она умерла в г. Сарасоте во Флориде на 102 году жизни.

НЕ СТАРАЯСЬ УГОДИТЬ⁴⁰

Сарнов Бенедикт. Красные бокалы. Булат Окуджава и другие. — М.: АСТ, 2013. — 476 с.

Шкалу ценностей и иерархию жизненных приоритетов современников можно убедительно показать на вроде бы совсем непримечательном факте. В качестве примера достаточно привести несколько строк Бенедикта Сарнова, умеющего делать это мастерски: «Зав. отделом культуры ЦК Поликарпов — один из самых лютых ненавистников Булата — мрачно буркнул по поводу песни, начинающейся словами „Ах, война, что ж ты сделала, подлая...“: — Я в подлой войне не участвовал».

Песни Окуджавы были несовместимы с казённой идеологией и поэтому ненавистны властям, чьё существование поддерживалось не столько личностями, сколько массой, толпой с соответствующим художественным воспитанием («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», «Жила бы страна родная / И нету других забот»). И вдруг появляется человек с негромким голосом и гитарой. Сарнов рассказывает о чуде, которое невозможно анализировать:

⁴⁰ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2014. — 13 февраля. — С. 6.

безусловный приоритет государственных интересов над интересами человека перестал быть таковым после стихов и исторической прозы Булата Окуджавы. «Естественно, легко и просто — как дыхание — вылились и отлились в этих немногих словах два главных закона художественного творчества. Первый: «Как он дышит, так и пишет». И второй: «Не стараясь угодить», — замечает Сарнов.

Цитируя сравнительно недавно опубликованные документы, мемуарист рассказывает о порядках советской эпохи, когда талантливые люди (Ахмадулина, Евтушенко, Аксёнов, Солженицын...) были вынуждены произносить слова, которые «противно взять в рот». И о том, как редким людям — Окуджава один из них — удавалось вопреки всему оставаться самими собой. Ещё один персонаж этой книги, Андрей Синявский, отбывший своё в лагере и ставший парижанином, не устал повторять: «Писательство — это свобода».

О тех, кто с этим соглашался, и о тех, кто думал и жил иначе, вспоминает автор. Его яркие и пристрастные рассказы о писателях (Викторе Некрасове, Науме Коржавине, Фазиле Искандере, Владимире Войновиче, Юзе Алешковском, Борисе Слуцком, Варламе Шаламове, Александре Солженицыне, Владимире Максимове, Юрии Бондареве, Сергее Наровчатове...), политиках (Хрущёве, Горбачёве, Ельцине, Гайдаре, Явлинском, Хасбулатове, Руцком...), кинорежиссёре Григории Чухрае и о своём к ним ко всем отношения не только увлекательны, но дают возможность увидеть и почувствовать счастье и мерзости столь недавней эпохи, о которой рано говорить как об ушедшей в историю.

ОТ ПУШКИНА ДО ИНТЕРНЕТА⁴¹

Рейтблат Абрам. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 416 с.

Непросто придумать удачное название для книги. Но вспомнился давний совет испанского поэта Хуана Рамона Хименеса: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперёк». «Эти слова, — вспоминает Рейтблат, — я воспринял не как призыв просто

⁴¹ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2014. — 27 марта. — С. 7.

противоречить общепринятым мнениям, а как пожелание мыслить и действовать нетривиально, стремиться искать новые пути и новые подходы». Советские реалии 70–90-х годов прошлого века, как правило, не позволяли учёному, занятому исторической социологией русской литературы, воплотить в жизнь этот совет. Автор объяснил, как ему удалось выйти за установленные рамки: «Мне повезло: я работал вне системы академических учреждений...» Работа в крупных библиотеках, журнале и издательстве не сковывала научный поиск, а впоследствии позволила воплотить в статьях и книгах множество находок.

В этой новой книге Рейтблата немало увлекательных страниц. Благодаря нетрадиционно поставленным вопросам стал возможен свежий взгляд на известные факты.

Действительно, почему популярная книжная серия называется «Жизнь замечательных людей», а не «Биографическая серия»? Потому что, несмотря на все политические и культурные изменения в России, биографический жанр почти всегда был апологетический, а «негативные персонажи» оставались без биографий. Но если исследователь изучает лишь Пушкина, Мандельштама, Платонова, Набокова, оставляя без внимания «антисемита» Нилуса, «доносчика» Булгарина, «бульварную» Нагродскую, «оголтелого» Кочетова, то — убеждает автор — «в результате мы получаем не историю литературы, а „историю генералов“ либо кунсткамеру, в которой без внутренней логики выставлены разнородные экспонаты».

Рейтблат показывает, как много может дать исследователю (а значит, и читателям) такой вид биографического жанра, как некролог («Товарищ Фрунзе не знал личной жизни, все силы его уходило на борьбу за идеалы социализма» («Правда», 1925, 3 ноября)) или инскрипт (авторская дарственная надпись на книге), редко становящиеся предметом изучения, и объясняет, какие факты и почему в биографию не попадают.

В книге Рейтблата рассказывается, как задолго до Михаила Булгакова, в 1872 году, российские читатели прочли роман-памфлет некоего Ивана Спиридонова «Бес в столице», повествующий о прибытии в Петербург молодого чёрта, успешно знакомящегося с бытом и нравами столичной прессы, и как удалось выяснить, кто был его настоящим автором. Любопытно из книжной статьи «Пушкин-гимнаст» узнать о том, что Пушкин, «наше всё», был причастен и к становлению гимнастики в России.

Автору удалось рассмотреть множество вопросов: от механизма конструирования литературного мифа, которому верит публика, до того, каким должен быть литературоведческий комментарий в эпоху интернета.

МАРШИРУЮТ БОЙСКАУТЫ⁴²

Эренбург Илья. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. / Издание подготовлено Б. Я. Фрезинским. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 350 с.

Историк литературы, Борис Яковлевич Фрезинский, лучший знаток биографии и творчества замечательного прозаика, поэта, публициста и общественного деятеля Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967), представил эту книгу. И дело не только в том, что в нашей стране «Лик войны» не переиздавался с 1928 года. В этом издании публикатором восстановлен текст, подвергшийся цензурно-идеологическому вмешательству. Впервые книга дополнена газетными публикациями Эренбурга, увидевшими свет в газетах «Утро России» (Москва) и «Биржевые ведомости» (Петроград) без малого 100 лет тому назад. Вместе с интереснейшей вступительной статьёй и комментариями получилась новая книга.

Хотя читателей, помнящих Первую мировую войну, в мире уже нет, почему-то эта мысль Эренбурга о той войне кажется поразительно современной: «Говорят, что всеми нами управляют все-сильные люди — Вильгельм, Ллойд Джордж, Жоффри, дипломаты, владельцы оружейных заводов, полководцы, биржевики. Если бы это было так?..» В своей первой книге прозы Эренбург показывает войну и жизнь, фронт и тыл, города и людей, трусость и храбрость, жестокость и милосердие и доказывает тот бесспорный факт, что, однажды начавшись, война подчиняется собственным законам, нарушая надежды и планы не только обычных людей, но и кажущееся всемогущество тех, кто её развязал.

А когда Эренбург писал предисловие к этой книге в 1924 году, то в нём появились такие строки: «Гляжу сейчас в окно. Маршируют немецкие бойскауты. Они поют: „Германия превыше всего“».

⁴² Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2015. — 12 февраля. — С. 7.

Старший кричит: „Будьте готовы“, и младшие отвечают ему: „Всегда готовы!“ Дорогие читательницы „Задуманного слова“ во всех частях света, скажите, встречали ли вы молодых людей, которые поют эти весьма однообразные песни, и готовы ли они?» Немолодые российские читатели непременно вспомнят советских пионеров: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» — и дружное: «Всегда готовы!» Эта первая книга о войне Ильи Эренбурга оказалась не последней, но он сумел рассказать о людях, занятых ею, так, что стоит послушаться Фрезинского: «Не будем обсуждать текст во всех подробностях. Прочтите его и подумайте над ним».

О ВОЖДАХ, И НЕ ТОЛЬКО О НИХ⁴³

Фрезинский Борис. Троцкий, Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. — М.: АИРО-XXI, 2015. — 384 с.

Цель цензуры — не только формирование правильного образа мысли, но и воспитание страха перед инакомыслием. Именно страх заставлял ни в чём не повинного гражданина перечёркивать чернилами большинство фотографий когда-то знаменитых и ярких советских деятелей в старом школьном учебнике по истории СССР, как и выскабливать их фамилии из книжек 1920–1930-х.

Побочный эффект цензуры — непереносимое появление людей, которые хотят узнать, что же и почему от них скрывают. Этот учебник и книжки попались на глаза ленинградскому мальчишке, пробудив в нём сначала интерес к легендарным деятелям, почему-то превратившимся во врагов народа, а потом и к сравнениям этих людей с заменившими их персонажами послевоенных изданий. Сравнение с новыми политическими фигурами его ошеломило. Причину результатов произошедшей исторической селекции мальчик понял, когда вырос и превратился в историка литературы Бориса Яковлевича Фрезинского. Вспомнив, что ребёнком он знал поимённо всех тогдашних членов Политбюро, он заметил: «Помню, что не знал в лицо только одного, но вскоре узнал и запомнил — это был Хрущёв (как теперь понимаю, Хрущёв вряд ли любил Сталина, но одному у него научился: все превосходящие тебя лица в политическом окружении должны быть

⁴³ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2015. — 9 апреля. — С. 6.

устранены). Это же сознавали и все последующие отечественные лидеры, вплоть до нынешних».

Детский интерес к старым советским книгам и воспоминаниям старших вырос до самостоятельных архивных поисков.

Советская власть менее всего заботилась о людях. Но всё же как много зависело от особенностей характера и интеллекта того человека, который и был олицетворением этой власти. Вот лишь один сюжет из книги. В Москве жильцов «уплотняли», рассудив, что одной комнаты для советской семьи вполне достаточно. А владелица собственного небольшого дома актриса Ермолова хотя по незнанию и перепутала в письме имя и отчество председателя Моссовета Каменева, но горячо его благодарила за то, что ей, в порядке исключения, позволили дожить старость «без мучительных волнений». Председатель Петросовета Зиновьев рассудил иначе, и революционный матрос стал соседом в квартире Александра Блока.

Широта кругозора и навык работы с архивными документами позволяют Фрезинскому не только увлечь читателей, но и приобщить их к собственному постижению исторических реалий, дабы они, по образному замечанию Козьмы Пруtkова, не стали подобны колбасам: «чем их начинят, то они и носят в себе». Главная тема этой книги — взаимоотношения писателей и власти. Научность совсем не обязательно должна сочетаться с сухостью и беспристрастностью. Автор не пытается скрыть своего отношения к истории своей страны и не делает вид, что тайн и загадок XX века больше не существует. Но, открыв книгу, читатели получают возможность узнать о судьбе не только оболганных и уничтоженных героев книги, но и тех, чьё творчество и жизнь могли бы сложиться иначе, не столкну их судьба с тогдашними вождями. Многие страницы смогли появиться благодаря архивным документам, ставшим теперь доступными. Но открылись они не сами собой. Так Фрезинский поделился своей удачей с читателями: «Предпринял я и попытки получить доступ в Президентский архив и в архив КГБ — кое-какие документы оттуда мне показали». К примеру, тюремные стихи Бухарина хранились в Президентском архиве в качестве «гостайны» до 1992 года. Закрытых фондов ещё множество, а значит, и в будущем нас ожидают новые открытия.

Ведь не просто интересно, но и поучительно узнать, как по подсказке Твардовского Эренбург пытался получить разрешение на печать рассказа о своём друге Бухарине в своих мемуарах

«Люди, годы, жизнь» у самого Хрущёва. Разрешение дано не было. Почему и пришлось Эренбургу устно объяснять своим читателям, как делались изъятия из его книги при редактировании и наборе, отметив к слову: «Она печаталась в то время, когда Хрущёву моя книга не понравилась, а её судьбу решали люди, для которых каждое слово Хрущёва было законом. Точно так же, как теперь для них закон — чернить Хрущёва».

Стремление разделять исторических персонажей советской эпохи на гениев и злодеев привычно, но оно не объясняет, почему книги Пильняка или Бабея были терпимы для Троцкого, но ненавистны для Сталина. Или почему вариант организации тотального контроля в литературной сфере, предложенный Политбюро Троцким, в той конкретной исторической ситуации был предпочтительней того, что было в итоге осуществлено в СССР. Эти и многие другие сюжеты книги не могут оставить равнодушным серьёзного читателя. История не имеет сослагательного наклонения, но знание её ценно тем, что позволяет научиться мыслить самостоятельно. А это даёт возможность не попадать в замкнутый круг былых представлений.

Статьи и публикации, частью исправленные и дополненные, иные напечатанные впервые, составили эту любопытную книгу неслучайно.

«Народный» феномен Сталина, спецусилиями режима реанимируемый в сознании электората, практически лишённого исторической памяти, все более угрожает нашему будущему. Эти печальные соображения автор держал в голове, составляя книгу из материалов, относящихся так или иначе ко времени формирования и действия личной диктатуры Сталина».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РОМАНА⁴⁴

Водолазкин Евгений. Авиатор: роман. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. — 410 с. — (Новая русская классика).

Герой романа Евгения Водолазкина «Авиатор» Иннокентий Платонов был экспериментально заморожен в тридцатые годы и благополучно извлечён из жидкого азота в 1999-м. День за

⁴⁴ Публикуется впервые.

днём с помощью доктора Гейгера к нему возвращается память, а с ней — воспоминания и мысли, которыми он спешит поделиться в дневниковых записях. В этой книге меня удивили некоторые подробности, связанные с историей, и размышления по поводу исторических событий. Мне захотелось поделиться своими впечатлениями с читателями.

«Осенило сейчас: если мы *ровесники века*, то я — 1900 года рождения. Мысль естественная, но почему-то не сразу пришла мне в голову.

— Доктор, я родился в 1900 году? — спрашиваю у Гейгера.

— Да, — отвечает. — Вы — ровесник века.

М-да...» [с. 47].

Озадаченно-недоверчивое междометие, наверное, непроизвольно вырвалось у автора книги. Я понимаю его непростое положение. Доктор филологических наук Е. Г. Водолазкин, специалист по древнерусской литературе, прозаик, да и просто человек, который сам, лично был свидетелем конца XX — начала XXI веков, конечно же, не может не знать, что XX век начался 1 января 1901 года. Так что одно из двух, или Иннокентий Платонов родился в 1901 году, или он не ровесник века. Ну, ладно Платонов, он всё-таки столько лет в заморозке пробыл, но ведь и доктор Гейгер, который к месту и не к месту вставляет в свою русскую речь одинокое немецкое слово, заботливо переведённое для читателя, тоже с ним соглашается. Вероятно, это тот, не раз отмеченный литературоведами случай, когда герои книг начинают жить своей, независимой от воли автора жизнью.

Вот, например, попавший из сталинского ГУЛАГа в неизвестное для него время Иннокентий Платонов интересуется у своего врача:

«— Тогда скажите мне, что сейчас в России. Хотя бы в общих чертах.

Гейгер на минуту задумался.

— Диктатура сменилась хаосом. Воруют, как никогда прежде. У власти человек, злоупотребляющий алкоголем. Это — в общих чертах» [с. 57].

На исходе 90-х годов XX века доктор Гейгер в двух предложениях охарактеризовал свою эпоху. Чудесным образом ему удалось не заметить, что в России — крупнейшем территориальном образовании почившего СССР — именно в это время произошла

экономическая революция, и рубль, теперь менявшийся на свободно конвертируемую валюту, превратился в меру стоимости. Как по мановению волшебной палочки пустые магазины наполнились невиданными прежде товарами, у которых прежними были только названия: одежда, колбаса, книги, лекарства... В руках прохожих появились мобильные телефоны, а в их домах — компьютеры и интернет. Обычные россияне получили небывалую возможность свободно выезжать из страны и возвращаться обратно. Свобода предполагает дискуссию, как противоположность существованию единственно правильной точки зрения. Телевизор стало интересно смотреть, а прессу — читать. Сказка становилась былью только при социализме, а на месте развалившегося советского режима возникло государство, весьма несовершенное и коррумпированное, в котором было множество объективных и субъективных проблем, но назвать произошедшее «хаосом» мог только тот, кому все новые реалии демократической эпохи заслоняла крупная фигура человека, злоупотребляющего алкоголем.

Между тем Гейгер продолжает открывать глаза своему пациенту на происходящее:

«— Что такое дефолт? — спрашиваю.

— Прошлым летом деньги обесценились.

— И что же теперь делать?

— Меньше воровать, наверное. Только в России это невозможно.

Уже второй раз слышу от него про воровство. Но ведь всегда воровали — в тысяча девятьсот девяносто девятом, в тысяча восемьсот девяносто девятом и во все прочие годы тоже. Почему же это его так задевает — потому что немец? Немцы, я думаю, в таких размерах этим не занимаются, им удивительно, что можно так беззаветно воровать. Нам тоже удивительно, но — ворует» [с. 76–77].

Из объяснения доктора Гейгера и спровоцированных им мыслей его пациента следуют два, мягко говоря, спорных утверждения: дефолт — результат неумеренного воровства, а само воровство — исторически сложившаяся национальная русская черта.

Доктор Гейгер вообще мыслит афористично. Так и хочется его цитировать:

«Что-то по-настоящему хорошее не может быть организовано. Оно приходит само собой» [с. 224]; «А ещё думал, что, если бы я был президентом, заставил бы население РФ вечерами играть в лото. Из всего, что сейчас могли бы предпринять власти, это мне

кажется лучшим» [с. 231]. В последней мысли самое примечательное слово — «заставил».

Но и Гейгер, несмотря на всю свою образованность и оригинальность суждений, даже сравниться не может с героем этого повествования Иннокентием Платоновым, покоряющим читателя этой увлекательной книги крупномасштабным, местами эпическим видением эпохи:

«— Почему, как вы думаете, произошёл октябрьский переворот? — спросил меня Гейгер. — Вы ведь всё это видели. <...>

— В людях накопилось много зла... — подбираю слова для ответа. — Должен же был найтись этому выход.

— Любопытно как. Любопытно... Вы не связываете, значит, переворот с общественной ситуацией, с историческими предпосылками и прочими делами?

— А разве всеобщее помутнение — не историческая предпосылка? <...>

— Но считается, что у помутнения семнадцатого года имелись свои причины — война там, обнищание народа, не знаю, что ещё...

— Бывали времена гораздо хуже — и ничего, никаких помутнений. <...>

— Интересно вы мыслите. Как-то даже неисторически...» [с. 83].

Ну, насчёт того, что раньше «ничего, никаких помутнений», — то фраза эта свидетельствует лишь об элементарном невежестве героя. Платонов, конечно, по своему малолетству, просто не заметил революцию 1905 года. А уж что там было до того, он даже не догадывается. Но не это главное.

Платонов с готовностью раскрывает преимущества своего понимания мировых потрясений: «А ведь я и вправду мыслю неисторически — тут Гейгер прав. Исторический взгляд делает всех заложниками великих общественных событий. Я же вижу дело иначе: ровно наоборот. Великие события растут в каждой отдельной личности. В особенности — великие потрясения.

Всё очень просто. В каждом человеке есть дерьмо. Когда твоё дерьмо входит в резонанс с дерьмом других, начинаются революции, войны, фашизм, коммунизм... И этот резонанс не связан с уровнем жизни или формой правления. То есть связан, может быть, но как-то не напрямую» [с. 93].

Вообще-то, чему удивлялся Гейгер, не очень понятно. Сказанное — лишь иллюзия оригинальной мысли. Иннокентий Платонов,

ничему особо не учившийся человек, попал в юности в ГУЛАГ и волей-неволей стал объектом смертельного научного эксперимента. Он имеет более чем смутные представления как о своём времени, так и о современности, в которую попал. Так, познакомившись с работой интернета, Платонов «...вдруг подумал, что это своего рода модель общественной жизни. Которая, если разобраться, не жизнь, а фантом. Погружение в неё небезопасно: очень даже может выясниться, что в этом бассейне не было воды. Жизнь, реальность — на уровне человеческой души, там корни всего хорошего и плохого. Всё решается прикосновением к душе. Этим занимается, наверное, только священник. Ну, может быть, ещё и художник — если получается» [с. 344]. Короче, интернет — небезопасный фантом, и лучше не лезть туда с неокрепшей душой, а то мало ли что...

Герой, которому неизвестны даже азы хронологии, вероятно, что-то когда-то слышал об исторических предпосылках и прочих премудростях. Он, может быть, даже читал что-нибудь, кроме «Робинзона Крузо». Но люди с таким интеллектуальным багажом, лихо рассуждающие обо всём на свете, могут быть профессионально интересны социологам или историкам, но обычного, мало-мальски образованного человека подобные мысли если и поражают, то лишь наивностью и убогостью.

Однако доктор Гейгер продолжает записывать высказывания Платонова с маниакальным упорством: «А потом возьми да и скажи, что диктатура — это, в конечном счёте, решение общества, что Сталин — выразитель общественной воли» [с. 247]. Мысль не просто не новая, а заезженная, характеризующая не роль Сталина, а порядочность, информированность и интеллектуальные способности произносящего. «Сказал Иннокентий, что удельный уровень зла примерно одинаков во все эпохи. Просто зло принимает разные формы. Иногда оно представлено анархией и преступностью, а иногда властью. Он, долгожитель, видел и то, и другое» [с. 257–258]. Платонов, не знавший в своей жизни ничего, кроме анархии или преступной власти, попав в реальность девяностых годов, уверенно рассуждает о демократии: «Разговор как-то соскользнул на нынешнее устройство жизни. Иннокентий назвал его анархией. Я заметил, что за анархией обычно приходит авторитарное правление. <...> А Иннокентий — сиделец Иннокентий! — сказал, что авторитаризм, возможно, меньшее зло, чем

анархия. Сравнил население страны с глубоководными рыбами. Они, дескать, только и могут жить, что под давлением» [с. 328].

Вот и вся история по Иннокентию Платонову: хаос сменяет авторитаризм, авторитаризм — хаос. В качестве эпиграфа подойдёт цитата из Козьмы Пруtkова: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?»

Можно, конечно, не выдумывать велосипед. Выход-то найден давным-давно. Но Платонов твёрд в своём понимании течения жизни: «Спорили с ним вчера полночи о преимуществах демократии. Я эти преимущества и без него вижу. Где-то они, может быть, естественны и уместны, а у нас вот никак не могут проявиться. На исторической родине Гейгера, например, могут, а у нас — нет» [с. 328–329]. Пребывая в глыбе льда, Платонов пропустил потрясающий по наглядности эксперимент, как в одной части Германии был уничтожен тоталитарный режим, а в другой её части началось социалистическое строительство, закончившееся разрушением Берлинской стены.

Умозаключения размороженного Платонова приобретают классически законченные очертания: «Спорили с Гейгером. У него, по-моему, странное представление, что верёвку на нас всякий раз кто-то сверху набрасывает. Что не сами мы её сплетаем. Вот уж защитник русского народа... А ведь когда-то рассказывал мне о своих надеждах: вот, думалось, уйдёт советская власть — и заживём! Ну, что — зажили сейчас? Советской власти уже сколько лет нет — зажили?» [с. 342].

Напомню, этот крик души Иннокентия звучал в 1999 году. Советской власти не было всего лишь 8 лет. Многие на вопрос героя отвечали: «Конечно, да». Многие говорили: «Конечно, нет». Ответ зависел от того, насколько умен, трудоспособен, успешен или талантлив был человек.

Не знаю, как его герои, но автор этой книги, Е. Водолазкин, дожил до времени, когда власть сосредоточилась в руках практически непьющего человека. Современные победы по всем направлениям сильно потеснили воспоминания о девяностых годах с устоявшимся эпитетом «лихие». Автор наверняка нашёл бы убедительные слова на откровения Платонова, но, к сожалению, оттеснённый своими персонажами, он так и не использовал такую возможность. К примеру, он мог хотя бы предложить прочесть своему герою написанный как раз в лихие девяностые

школьный учебник истории, который уже не был советским, и которого ещё никто не пытался сделать единым. Но — поздно. Платонов оказался проворнее автора, написав свои высокохудожественные строки: «Приземлившийся на письменном столе косой луч солнца. В фокусе — стопка книг. Лёгкий, без солнца незаметный налёт пыли. На учебнике по истории — божья коровка» [с. 88].

ФЕНОМЕН ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА⁴⁵

Рейтблат Абрам. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 632 с.

Скандалная слава выразителя правительственного официоза и осведомителя III Отделения, сформировавшаяся в рамках русской просветительской, а затем и советской отечественной идеологии, стала причиной того, что биография и общественные взгляды Фаддея Булгарина оказались почти не изучены. Это тем более удивительно, что он являлся одной из ключевых фигур русской литературной жизни 20–40-х годов XIX века: писатель, журналист, литературный, театральный, музыкальный и художественный критик, мемуарист. А ещё издатель, выпускавший первый специальный журнал «Северный архив», посвящённый истории, географии и статистике. Вместе с Гречем он создал первую частную газету «Северная пчела» с политическим отделом. Им издавался первый отечественный театральный альманах «Русская талия», где, к слову сказать, были впервые напечатаны отрывки из «Горе от ума» Грибоедова, с которым Булгарин был в дружеских отношениях. Первый в России «плутовской роман» Булгарина «Иван Выжигин» пользовался громадной популярностью и принёс его автору небывалый коммерческий успех. Булгарин успешно писал путевые и нравоописательные очерки, фельетоны, исторические романы... Однако большинство читателей почему-то знает о нём лишь то, что он был антиподом Пушкина, бездарностью и презренным доносчиком.

В книге, собравшей в себе труды многих лет, Рейтблат не ставит перед собой задачу «обелять» или «клеить» своего героя.

⁴⁵ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2016. — 12 августа. — С. 6.

Он всего лишь стремится понять мотивы и смысл его деятельности в условиях, указанных министром просвещения Уваровым в 1834 году: «В правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять когда хочет».

Рейтблат убедительно доказывает, что Булгарин не реакционер и консерватор, а умеренный либеральный монархист, полагавший, что именно государь и его правительство могут быть инициаторами прогресса в России. Когда же реальная жизнь убеждала Булгарина в ином, он, как и большинство людей во все времена, всегда был готов «применяться» к обстоятельствам.

Выяснить, как и почему происходило превращение либерального литератора в консультанта III отделения, и стало целью автора: «На мой взгляд, настало время перейти от моральных оценок (типа порядочно/непорядочно) к историко-социологической интерпретации намерений и поступков людей николаевской эпохи (в том числе и Булгарина), и в частности к осознанию неизбежности в подобных условиях симбиоза журналистики и секретной полиции (опыт советского времени в этом отношении ещё более показателен)».

Бюрократизация и милитаризация общества, монополия верховного правителя на истину, невозможные без тотального контроля власти за жизнью граждан, и стремление ликвидировать общественное мнение — задачи неисполнимые без всевластия тайной полиции и распространения доноительства. Рейтблат показывает, что все вызывающие неприязнь черты Булгарина свойственны в той или иной мере большинству людей, готовых так или иначе сотрудничать с неограниченной властью и идти на компромиссы с собственными воззрениями, чтобы добиться своей цели.

Впрочем, и у Булгарина, готового сделать что угодно для государя, получалось далеко не всё. Рейтблат приводит записку Николая I Бенкендорфу: «...в сегодняшнем номере «Пчелы» находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье, наверное, будет продолжение; поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретите его журнал». Рейтблат отмечает: «Николай защищает Пушкина от Булгарина! Насколько это противоречит расхожим историко-литературным схемам».

Жизнь всегда отличается от простого и однозначного мифа, который, как правило, и существует в общественном сознании. Книга, снабжённая составленной автором библиографией публикаций Булгарина и литературы о нём, позволяет понять одну из «противоречивых» фигур отечественной культуры.

Милевский О. А., Панченко А. Б. Беспокойный Клеменц: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. — 696 с. — (Люди России).⁴⁶

Во Введении к своей монографии о революционере-народнике и известном географе, этнографе, археологе и музейном работнике Дмитрие Александровиче Клеменце (1848–1914) авторы утверждают: «Историографическая революция последней трети XX в. привела к обретению исторической наукой нового понимания человека в истории — как её настоящего предмета» [с. 5].

Говорить об обретении исторической наукой в XX в. человека как её настоящего предмета можно лишь весьма условно, так как со времени Геродота историки этот предмет никогда не забывали. Когда авторы ссылаются на одного из основоположников школы «Анналов» Марка Блока или на современных учёных, рассказывающих о новой исторической науке, то суть этой новой науки проявляется не в избранной теме: изучении биографии или пространственно-временной структуры, а в умении исследователя найти новый, неожиданный ракурс исследования. Любой источник можно использовать для получения новой информации, только если ему задать новые вопросы. Но от этих вопросов авторы сразу же отказались. После сделанного ими краткого историографического обзора наиболее значительных работ о Клеменце я с удивлением прочёл: «Стоит отметить, что большинство публикаций преследовали цель постановки вопросов, теперь это даёт возможность перейти к написанию обобщающей монографии, воссоздающей целостную интеллектуальную биографию Клеменца» [с. 24].

Книга впечатляет объёмом вводимого в научный оборот архивного материала, сложность знакомства с которым определяется

⁴⁶ Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. — 2018. — № 2. — С. 363–366.

разбросанностью использованных архивов по стране. Авторами создана подробная биография Д. А. Клеменца, с детальным описанием его путешествий, рассказом о его революционной, научной и общественной деятельности. Ими приведены многочисленные характеристики окружавших его людей и подробно описана революционная составляющая эпохи, но уверенность авторов, что они опираются «на методологические принципы новой биографической истории» [с. 24], мне представляется иллюзорной. Их работа, без сомнения, интересная и заслуживающая внимания, лишена принципиальных новаций.

Детство, юность, революционная деятельность Клеменца рассмотрены авторами весьма тщательно на широком фоне надежд, требований и споров того времени, но причины приобщения героя к борьбе достаточно характерны для эпохи революционного народничества. Документы, многочисленные мемуарные и исследовательские работы, цитируемые авторами, позволяют в этом убедиться. Неприятие Клеменцем существующих крепостнических порядков, увлечение хождением в народ, участие в кружке «чайковцев», эмиграция после его разгрома, публикации в эмигрантской и нелегальной российской печати, возвращение в Россию, арест, заключение в Петропавловскую крепость, ссылка в Якутию. Серьёзная болезнь в дороге и получение Клеменцем разрешения отбывать ссылку в сибирском городке Минусинске. Здесь, несмотря на отдалённость от больших городов, был здоровый климат, дешевизна и культурная среда — библиотека, музей и множество образованных людей, среди которых было немало сосильных. Именно здесь произошли кардинальные изменения в жизни Клеменца, включая и его женитьбу.

Остроумный, обаятельный человек, сумевший стать душой местного общества, он был принят и сосильными, и купцами, и даже «надзирающие органы» отнеслись к нему благодушно. Важную роль в его судьбе сыграли основатель Минусинского музея Н. М. Мартыанов и известный географ Г. Н. Потанин. Клеменц стал одним из ценнейших сотрудников музея, участником археологических, этнографических, геологических, ботанических экспедиций, собирателем информации социально-экономического характера, настоящим географом и путешественником. По собственному шутливому определению, «беспокойный Клеменц» публиковал научные работы, принесшие ему признание

специалистов, стихи, сказки, путевые заметки, литературно-критические и публицистические статьи, наладив связь с «Сибирской газетой» и «Восточным обозрением»...

Интерес авторов к деталям и множество ссылок на источники свидетельствуют об их стремлении не пропустить ничего из жизни своего героя. Но, к сожалению, сделать это не всегда удавалось. Вот, например, история двухнедельного пребывания в Минусинске американского исследователя, путешественника и публициста Джорджа Кеннана и художника Джорджа Фроста [с. 297–299, 306–307]. Читатель узнаёт и о том, что думают о Кеннана конкретные ссыльные, и о восторженном отношении американца к музею и лично к Клеменцу, и о ставшей знаменитой книге Кеннана «Сибирь и ссылка». Но при написании «интеллектуальной биографии» Клеменца намного интереснее узнать, что же думал о приезжих сам герой. И это было бы возможно, если бы авторы сообщили о том, что Клеменц написал статью «Об иностранцах, изучающих Сибирь» — ответ критикам Кеннана из петербургских «Новостей» для «Восточного обозрения». Статья не была опубликована, но сохранилась в редакционном архиве (см.: Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана. — Иркутск, 1988. — С. 192, 294). Не упоминают они и о сохранившихся письмах Клеменца в «русской коллекции» Дж. Кеннана, подаренной им в 1920 г. Нью-Йоркской публичной библиотеке (см.: Yarmolinsky A. The Kennan Collection. [N.Y.], 1921. P. 3).

Обещанная авторами в предисловии попытка «детально проследить эволюцию» общественных взглядов Клеменца, «выявить мотивы его решений и поступков» [с. 25] также не удивляет доказательностью и новизной. Из биографий бывших революционеров, по ряду причин, отошедших от революционной жизни (даже сохранивших неприятие существующего государственного устройства), можно составить впечатляющую подборку. Клеменц — не исключение.

Авторы биографии делают предположение, что «для работы в составе „Народной воли“ Д. Клеменц являл личность слишком самодостаточную и разноплановую. Он имел множество интересов и помимо революции, поэтому полное подчинение всех сторон своей жизни диктату вновь созданной партии не могло его устроить» [с. 217]. Предположить, конечно, можно, но вряд ли предположение является историческим доказательством. Что

касается «самодостаточности» и «разноплановости», то эти черты были присущи и многим его товарищам. Достаточно вспомнить Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер...

Исследователи пишут: «Осуждённых по политическим мотивам переориентировали с антиправительственной деятельности на служение интересам государства. Пример Клеменца особо показателен — во многом в Иркутске он повторил путь Потанина. Клеменц это признавал с присущим ему юмором, когда позже писал своему предшественнику: „Начальство с генерал-губернатором должно бы Вам и Мартьянову выдать по золотому кресту за то, что Вы меня приспособили к науке и отвлекаете от политики“» [с. 414]. С не меньшим юмором это могли бы повторить многие из ссыльных, в том числе и те, на которых ссылаются в своей книге авторы. По мнению О. А. Милевского и А. Б. Панченко, «Клеменц не планировал вернуться на путь активного противостояния режиму. Во-первых, ограничивала подписка о непринадлежности к любым тайным организациям, а он был человек слова. Во-вторых, он уже давно сделал выбор, и его плодотворная научная и научно-организаторская деятельность практически не оставляла времени для чего-либо другого. <...> Да и умудрённый огромным жизненным опытом Клеменц отчётливо понимал утопизм многих начинаний молодости, но при этом оставался верен идеалам свободы и демократии, а главное, идеалам старой дружбы и памяти о погибших в борьбе за свободу» [с. 595]. Такое чувство, что мы ещё живём во времена советской власти, и авторам непременно нужно как-то оправдать отказ их героя от революционной деятельности.

В 1902 году Д. А. Клеменц стал хранителем Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III в Санкт-Петербурге...

Этот толстый том стоит прочесть. Всё же не часто выходят в свет столь подробные биографии революционеров-учёных, закончивших свою общественную деятельность, не только сохранив в душе «демократическую направленность с народническими устремлениями» [с. 639], но и «в чине действительного статского советника (соответствует званию генерал-майора в армии и камергера в дворцовой службе) с пенсией в 2000 руб., что свидетельствовало о признании его заслуг перед отечественной наукой» [с. 657].

ТЯЖБЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, ЦЕНЗУРА⁴⁷

Рейтблат Абрам. Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.

Новая книга социолога культуры и историка литературы Абрама Рейтблата показывает, каким образом можно по-новому увидеть то, что кажется всем известным. К примеру, что это такое — русская классическая литература, когда она появилась, кто и по каким критериям определяет, каких русских писателей можно считать классиками? Разумеется, на эти вопросы давно существуют ответы. Так, по определению литературоведа Гаспарова, классики — это «писатели, признаваемые лучшими, образцовыми». Любой школьник назовёт всем известные фамилии. Но тем и отличается взгляд социолога, что он непременно заинтересуется вопросом: а кто, когда и на каком основании признал конкретные имена «лучшими и образцовыми» и каким образом они попали в школьную программу? Жуковский в 1809 году был убеждён, что «Кантемир принадлежит к немногим классическим стихотворцам России». Знает ли об этом факте современный школьник, вопрос риторический.

Рейтблат предлагает читателю результаты своего изучения сложного процесса взаимодействия представителей различных ролей в рамках литературы как социального института, возникшего лишь во второй половине XVIII века. Ведь писатель, издатель, книгопродавец, читатель так или иначе влияют друг на друга, «отражаются» друг в друге. Вот почему так органично смотрятся в одной книге статьи об отношениях знаменитого журналиста, писателя Булгарина со знаменитым историком и писателем Карамзиным рядом с историей судебной тяжбы Булгарина с малоизвестным издателем и книгопродавцем Иваном Тимофеевичем Лисенковым. Читатель книги получает возможность понять, каким образом III отделение успешно реализовывало свою политику «направления» общественного мнения на примере связей писателей Греча и Полевого с этим учреждением.

Прослеживая долгий и сложный процесс создания литературы в России, Рейтблат обращает внимание на его специфику. Если

⁴⁷ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2020. — 10 декабря. — С. 6.

в других странах книгопечатание развивалось как частное дело, то в России оно было введено государством и являлось государственной монополией. Когда по указу Екатерины II смогли появиться частные издатели и типографы, государственная цензура жёстко контролировала их продукцию, и поэтому печать воспринималась как официальная. Книги по ряду причин были достаточно дороги и не всегда доступны. Поэтому в XVIII–XIX веках литература часто существовала в рукописях. Стихи и романы, воспоминания и дневники, пародии и публицистика, копии уже опубликованных произведений читались в списках, переписывались в альбомы и переходили из рук в руки. Это была такая же повседневная практика, как нынешнее сосуществование печатных и электронных текстов. У последних отсутствует социальный контроль, всё можно получить дёшево или бесплатно и легко подбирать то, что нравится. Рукописная подборка, как и домашняя библиотека, являлась характеристикой её владельца.

Лишь в 1830-е годы литература в России приобретает форму социального института. Автор показывает, какие трудности стояли перед дворянами (именно из их среды вышло подавляющее число литераторов в то время), которые по любым причинам должны были служить, но хотели в то же время заниматься литературой. Они находили ниши вроде преподавания в учебных заведениях, службы в Императорской публичной библиотеке, в архивах, цензуре или в государственных периодических изданиях.

Профессионализация русских литераторов зависела от многих факторов рынка. Лишь после крестьянской реформы 1861 года стало расти число газет и журналов, и к последней трети XIX века литераторы получили возможность жить только литературным трудом.

В своих исследованиях Рейтблат привлекает широкий круг источников и обращает внимание на проблемы, которые редко изучаются. Так, на многочисленных примерах, есть в их числе и имевшие место в советский период, он рассматривает социологию литературного скандала (не путать со скандалом с участием литераторов), который является нормальным элементом литературной системы и выполняет важную роль в условиях жёсткого политического контроля.

Особо интересна в книге подготовленная Рейтблатом и публикуемая им аннотированная роспись содержания «Журнальной

всякой всячины». Булгарин был создателем в России нового литературного жанра — фельетона, возникшего во Франции в XIX веке. Фельетоном тогда называли нижнюю часть газетного листа, где публиковались живо написанные материалы неофициального характера о самых разных вещах.

Благодаря этой работе автора узнать о подробностях русской жизни в 40–50-е годы позапрошлого века, касающихся литературы, живописи, музыки, театра, быта, путешествий и даже спорта, теперь можно с меньшими затратами времени.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ РЕКВИЕМ⁴⁸

В последнее время в российских изданиях я стал часто видеть публикации, переполненные тоской по доброму старому времени, когда книги были безусловной ценностью для всех. Авторы утверждают, что сегодня, в век цифровых технологий, книги эти, никому не нужные, уходят в вечность, как ушли перо с чернильницей или пишущая машинка.

САМЫЙ ЧИТАЮЩИЙ НАРОД В МИРЕ

Советская эпоха обладала волшебным даром. Для того чтобы чудо произошло, было достаточно о нём просто сказать. Например, так: «Советский народ — самый читающий народ в мире!» В те времена, когда за границей могли побывать лишь немногочисленные представители этого народа, было сложно проверить провозглашённое, и поэтому оставалось лишь верить. Но если уж кому-то требовались доказательства, то их было сколько угодно. При огромных тиражах хорошие книги мгновенно исчезали с прилавков магазинов и были вечным дефицитом. Их разыгрывали в лотереи, продавали на чёрных рынках, собирали и сдавали 20 кг макулатуры лишь за право книгу купить. Все знали, что книга — лучший подарок. На книги была мода. Их владелец испытывал чувство уважительного отношения к себе и нескрываемую гордость. В любом доме можно было увидеть маленькую полку, шкафчик с книгами или даже застеклённые книжные чешские полки во всю стену, а у тех, кто не смог их достать,

⁴⁸ Впервые опубликовано: НГ Ex Libris. — 2019. — 24 января. — С. 13.

просто нагруженные книгами стеллажи. Неужели этих доказательств мало?

После реформ Гайдара, когда в магазинах появилась всё, что продаётся за деньги, книги чрезвычайно быстро превратились в громоздкий и неликвидный товар.

Антиквариат

Разумеется, есть книги, продать которые немного проще, чем обыкновенный ширпотреб, и на существование которых тем более никак не повлияла компьютерная эпоха, — это антиквариат. В годы моей юности — 50-е и 60-е — антиквариатом называли издания XVIII века и более ранние. Остальные книги именовались без всякого пиетета «подержанные». Сейчас антикварными называют не только книги, изданные до 1917 года, но и некоторые редкие издания 20–30-х годов прошлого века или книги с автографами выдающихся людей.

Пытаться продавать такие книги можно, конечно, за любую цену, но если вы захотите их продать, то реальная сумма, которую вы сможете за них получить, будет сильно отличаться от вашей собственной оценки и от тех цен, что звучат на аукционах или в местах продаж антикварной книги.

Покупатели этих книг люди разные: учёные, коллекционеры, любители. Но серьёзных денег у них, как правило, нет. Потому и покупают они книжки с большими раздумьями. А букинисты любят других, успешных бизнесменов, которым они доходчиво объясняют, что антикварная библиотека является своеобразным «паспортом» изысканного вкуса, завидного интеллекта и высокого социально-имущественного статуса её владельца, к тому же она растёт в цене, и за определённую плату опытные антиквары помогут такую коллекцию создать.

Тогда книжные шкафы вашей роскошной библиотеки будут радовать взыскательный взгляд хорошо подобранными по размеру и цвету фолиантами, сквозь стекло чарующими старинными кожаными переплётами и золотым тиснением. И если кто-то возьмёт их в руки, то сразу поймёт, что они не только отличаются великолепной сохранностью и подобраны по темам, но и украшены автографами известных авторов, делающими эти книги уникальными. Может быть, это и не лучшее вложение денег, но, с другой

стороны, а зачем эти деньги нужны, если нельзя позволить себе приятный интерьер. Тот факт, что подобные собрания сами букинисты именуют «толстые обои», владельцам этих богатств, как правило, неизвестен, да и неинтересен.

ОБЫКНОВЕННЫЕ КНИЖНИКИ

Несмотря на безусловный конец той, советской эпохи, книжники не перевелись. Их можно увидеть в больших книжных магазинах. Часто они кучкуются и в уютных маленьких магазинчиках вроде московского «Фаланстера». Цены здесь ниже, потому как не надо содержать могучих охранников у дверей, да и денег за аренду помещения уходит меньше. Эти люди и являются в конечном счёте покупателями тех книг, от которых никак не может избавиться подавляющее большинство.

Оказывается, что те, кто с детства привык к чтению, никак не желают расставаться с бумажными книгами и в цифровую эпоху, а некоторые стараются приохотить к этому делу и своих детей. Они, дочитав одну книгу, тут же начинают читать другую, помня, что их ожидает третья. Как и в те, давно ушедшие годы, они продолжают покупать интересующие их книги — как старые, так и новые. Некоторые потому, что это занятие тесно связано с их работой: учителя, художники, литературоведы, историки, писатели, журналисты... Другие — просто увлекающиеся какими-то авторами, темами или вопросами. Они, разумеется, используют все возможности интернета, что не мешает им иметь дома библиотеки. Но и этого им почему-то мало, и поэтому они регулярно или время от времени ходят в государственные книгохранилища вроде знаменитых ГПИБ (Историчка) или РГБ (Ленинка). Эти люди принадлежат к разным возрастным категориям, их взгляды на политику, культуру и многие жизненные реалии иногда сильно расходятся. Единственное общее для них то, что чтение является неотъемлемой частью их жизни. Это пристрастие сделало их бесспорным меньшинством народа, что их иногда печалит. Эти люди продолжают или начинают покупать книги, совершенно точно зная, что продать их им никогда не удастся.

Есть книги, которые хранят, как величайшую драгоценность, и трепетно заботятся об их судьбе, но подавляющее большинство книг существует только для удовольствия или работы. Деньги,

потраченные на них, никогда не вернутся, как деньги за билет в театр, музей или за съеденное мороженое. О чём здесь горевать?

Горюют о судьбе книг уже не нужных, но совершенно напрасно. Они оказываются на помойке только в том случае, если их туда отнесли. Оставьте ненужные вам книги в подъезде на чистой газете, и вы убедитесь в безусловной правоте Карела Чапека: «Их исчезновение окружено тайной. Они „где-то есть“».

КАК МОЖНО ИЗМЕРЯТЬ КНИГИ

Уже два года я живу в штате Нью-Джерси в небольшом городке Лоренсвиле, рядом с городской библиотекой. Каждый день две стоянки около неё (одна для сотрудников, другая для посетителей) плотно уставлены автомобилями. Взрослые и дети, иногда целыми семьями, приезжают сюда не только сдать обыкновенные бумажные книги и взять новые, но и посидеть здесь, чтобы посмотреть интересующие их издания. Учебники и справочники, книги по искусству, путеводители, литература художественная и non-fiction, к тому же на разных языках (есть и русский отдел) журналы, газеты, фильмы, аудио в больших количествах громоздятся на полках, соседствующих с компьютерами. Здесь с утра до вечера много людей.

Время от времени в общем зале раскладывают огромные столы с подержанными книгами. Можно отобрать их в большой пакет всего за 10 долл., а через неделю стоимость пакета уменьшится до 1 долл. Торговля идёт вполне успешно. Мне, к примеру, интересно прочесть на английском «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова, «Мастера и Маргариту» Булгакова, «Один день Ивана Денисовича» Солженицына или сравнить «Мартина Идена» Джека Лондона с его русским переводом.

Конечно, эта небольшая библиотека совсем не похожа на огромные многоэтажные библиотечные здания крупных городов с их уютными кабинетами, огромными залами и нескончаемыми потоками читателей.

Это я пишу о публичных библиотеках, которые есть везде, к тому же американские университеты имеют собственные великолепные книжные собрания для всех, не говоря уже о научных фундаментальных, специализированных и многих других.

Так вот, при всех этих совершенно бесплатных и доступных книжных богатствах во всех городах и даже в некоторых небольших городках есть книжные магазины. В них нет толчеи и очередей, но эти магазины никогда не бывают без покупателей. Да иначе кто бы стал их содержать в этой весьма прагматичной, умеющей зарабатывать и считать деньги стране?

Так вот в Нью-Йорке, на Бродвее, есть большой книжный магазин «STRAND».

Потенциальных покупателей зазывает честная реклама: здесь они могут увидеть «18 миль книг».

В руках пассажиров общественного транспорта можно заметить обыкновенные бумажные книги, и хотя бесспорное большинство занято компьютерными играми или беседами в чатах, мысль о том, что эпохе Гутенберга приходит конец, здесь почему-то не пользуется популярностью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА ЖАКА ЛЕ ГОФФА С УЧИТЕЛЯМИ ИСТОРИИ А. П. ШИКМАНом И М. Я. ШНЕЙДЕРом

*Париж, Дом Наук о человеке,
11 мая 1998 г.*

А. Шикман: Я внимательно читал вашу книгу «Цивилизация средневекового Запада», ознакомился с произведениями историков «Школы Анналов». «Школа Анналов», новая историческая наука добилась впечатляющих успехов в изучении общественных структур и менталитета, но отказ от событийной истории создал тип ментально обезличенного человека, то есть мы видим, как время формирует людей, но мы не видим, как человек формирует время. Видите ли вы в этом проблему?

Жак Ле Гофф: Мой ответ отрицательный. Прежде всего, я не согласен, что историки «Школы Анналов» обезличили людей. Историки «Школы Анналов», наоборот, интересовались главным образом людьми и, в частности, они дали им то, чего лишила их традиционная история, то есть вернули людям их бытие в повседневности. Событийная же история не давала людям показаться или проявиться во времени. События слишком часто сменяли друг друга, давая поверхностное представление о жизни людей. История «Анналов», в частности со времён Фернана Броделя, наоборот, старалась исследовать людей с учётом эпохи, на протяжении длительного исторического периода.

А. Ш.: Рассказ Фернана Броделя о долгом времени, о средиземноморском мире — это рассказ о том, что существует всегда. Но

жизнь отдельного человека в нём не прослеживается. Не ментальность человека, не человек в природе, в истории, а именно жизнь отдельного человека. Я имею в виду исследование конкретной жизни, например Франциска I, влияние этой конкретной жизни на определённые события.

Ж. Ле Г.: Я не согласен с тем, что историки «Анналов» мало интересовались индивидуумом. Возьмём, например, Люсьена Февра, который написал книги о Лютере, о Маргарите Ангулемской. Другой пример — Марк Блок, писавший об обществе, — он показал, как жили и чувствовали люди, каково было их восприятие жизни. Говоря о менталитете, он предложил понятие конкретной человеческой жизни, истории человеческой мысли, духа, которыми раньше вообще не занимались. Впрочем, дух есть нечто более абстрактное, чем менталитет. Когда три года назад, если я могу привести мой собственный пример, я писал книгу о Людовике Святом, мне захотелось написать книгу не только об одном индивидуе, но через него показать людей — мужчин и женщин в XII веке.

А. Ш.: То есть через частное — общее, через одного человека — людей того времени.

Ж. Ле Г.: Точно так. Я искренне думаю, что эта критика довольно несправедлива; наоборот, мне кажется, что историков «Анналов» можно упрекать скорее в том, что они мало интересовались политической историей. Когда вы думаете об историках «Анналов», надо также знать историю эпохи, с которой они боролись. Они вообще-то боролись с какой-то историей, которую считали хуже той, что писали сами, то есть с политической историей. История политических событий очень поверхностна. Занимаясь дипломатией и войнами, она не обращала внимание на глубинные процессы.

М. Шнейдер: Не кажется ли Вам, что в этом смысле, в контексте, в котором Вы говорите, «Школа Анналов» предвосхитила сотрудничество историков с коллегами других специальностей и создала условия для проникновения в историческое прошлое специалистов других наук, скажем, психологов?

Ж. Ле Г.: Несомненно. Идея диалога с другими социальными науками, в частности с психологией, заложена в самой сути «Школы Анналов». Менталитет в определённом смысле является объектом интереса психологов. Но Вы правы в том, что они интересовались в основном коллективной психологией.

А. Ш.: Сейчас в России многие методологические изъяны как исторических работ, так и в преподавании истории связаны с тем, что абсолютизируется сама идея периодизации. Исследователи усматривают в исторических периодах самостоятельное значение, забывая, что это только придуманная модель, необходимая для того, чтобы структурировать материал.

Ж. Ле Г.: Мне кажется, что вы полностью правы. Систематическое использование периодизации стерилизует историческое исследование. Вы говорите, что это проблема российских историков. Ещё хуже с этим в Китае. В течение двух пребываний в Китае у меня были контакты с китайскими историками, и я просто был в ужасе от официальной методологии. Это суперпериодизация! Я считаю, что основное условие успешного исторического исследования — это изучение источников. Источники не подчиняются какой-либо идеологии или периодизации. Общаясь с российскими студентами здесь в Париже или в рамках французского колледжа в Москве и Петербурге, я видел, что когда они имеют доступ к документам, то добиваются блестящих результатов. Я был поражён их умом. Я не хочу льстить им или вам, но у них действительно замечательные способности. То, что надо в них развить — это критический ум. Кстати, у меня очень хорошие отношения с российскими историками, находящимися в моём возрасте, — Гуревичем и Бессмертным.

А. Ш.: У Гуревича есть отличная работа «Исторический синтез и Школа „Анналов“».

Ж. Ле Г.: А какими проблемами вы интересуетесь и чем занимаетесь в Париже?

А. Ш.: Моя последняя работа — «Деятели отечественной истории». Это биографический словарь. Я хочу вам его подарить.

Ж. Ле Г.: Спасибо. Такие рабочие справочники — основа работы исследователя. Недавно в Пекине я познакомился с молодым китайским исследователем, решившим помочь коллегам разобраться в китайской историографии. Он подготовил похожее издание.

А. Ш.: Эта работа потребовала много времени, но уже сделана. А сейчас я работаю над книгой по философии истории. Меня интересует смысл самой науки «история», то есть те вопросы, на которые отвечали Марк Блок, Люсьен Февр, Коллингвуд. Я просто пытаюсь понять, к чему сегодня пришла историческая

наука, каким образом логика вопроса определяет логику исследования.

Ж. Ле Г.: Это то, что было центральной темой Люсьена Февра, Марка Блока, других историков «Анналов», то, что Марк Блок называл проблемной историей.

А. Ш.: У нас вышла в переводе на русский язык великолепная работа Люсьена Февра «Бои за историю». Когда я читал вашу книгу, я увидел, что экономическая история, которая является основной в работах К. Маркса или в марксистских работах, лишь одна из параллельных историй, и что все они связаны между собой.

Ж. Ле Г.: Нет никакого фундаментального типа истории. Ни экономическая история, ни духовная история, ни какая-либо другая не могут быть в основе исследования. История состоит из пересечения, переплетения разных направлений.

А. Ш.: Когда я слышал такую фразу теоретика, это было интересно и заставляло задуматься. Но в вашей книге я увидел, как это сделано практически, как такое исследование было проведено.

Ж. Ле Г.: Опять я могу сказать о себе, что я написал некоторые тексты о методе, но в целом теория меня не интересует. Я стараюсь использовать исторический метод, и основной мастер для меня — Марк Блок.

А. Ш.: Ушёл ли Фернан Бродель от школы Блока, не был ли он слишком далёк от традиций «Анналов»?

Ж. Ле Г.: Трудно сказать. Он был под очень сильным впечатлением от двух наук — географии, что очень хорошо видно в его книгах, и экономики. Он был очарован ими. Основной период, которым он больше всего интересовался, — с XV по XVII вв. — с трудом позволял вести чисто экономические исследования. Мне кажется, что он обогатил «Школу Анналов», подчеркнул её многообразие. Надо также подчеркнуть понятие «длительного времени», которое он пустил в оборот. Для него это не было равнозначно неизменности, неподвижности. В полемической статье, обращённой к Леви-Строссу, Бродель хотел показать, что в истории нет постоянных структур, эти структуры находятся в постоянном движении, постоянно меняются, даже если эти изменения происходят очень медленно.

М. Ш.: В связи с тем, что монополии в исторической науке не существует и не может быть, само понятие исторической истины, которое вводилось в ряде стран, ставится под сомнение. Пра-

вильно ли я понимаю, что историк может сказать: «Это версия. Я так полагаю, я так прочитал источник, но я не могу утверждать, что это было именно так»?

Ж. Ле Г.: Да. Мы больше не верим в то, во что верили позитивистские историки.

М. Ш.: Ещё один вопрос. Поскольку мы имеем дело с детьми разного возраста, в том числе довольно взрослыми, мы встречаемся с проблемой такого рода. Школьники с большим трудом читают тексты. Потому что они в значительной мере лишены ассоциаций, они воспитаны на видео. Сейчас издаются массовым тиражом видеоматериалы по истории. Уже всё сделано, и человек пассивно воспринимает то, что он должен в принципе творить сам. Как вы полагаете, есть ли какие-либо реальные возможности с этим справляться?

Ж. Ле Г.: Я знаю, что это сложно преодолеть. Это верно не только у вас, но и во Франции, я думаю — везде. Воспитатели должны научить детей критическому восприятию картины. Мы не можем отказаться от видео — оно уже существует, но мы можем научить детей реагировать на эти картины, не принимать всё пассивно. Что касается программ, основанных на игре, то они очень увлекательны, и их роль в изучении истории очень велика. Существуют педагогически обоснованные фильмы, включающие ребёнка в процесс размышлений; главное, они не должны быть скучными. Надо убеждать учеников, что история — это что-то живое, что это интересно, и в этом отношении очень важна реакция ребёнка на фильм, даже на отдельные кадры.

А. Ш. Люсьен Февр говорил, что факта в готовом виде не существует, факт надо выработать.

Ж. Ле Г.: Абсолютно верно! Факт конструируется историком.

А. Ш.: Поэтому говорить об истории, какой она была и как она мыслится, бессмысленно. Если мы в чём-то ошибаемся, то, видимо, это происходит потому, что мы ошибаемся. Если бы могли сделать работу лучше, мы бы сделали лучше. Поэтому-то история время от времени переписывается. Самое великое, что сделала «Школа Анналов», — она поставила новые вопросы и получила новые ответы.

Ж. Ле Г.: Мы с моими друзьями из «Школы Анналов» хорошо осознали, что история «Анналов» уже исчерпана. Мы должны обновлять эту историю, отвечать на новые вопросы. Вот уже десять

лет тому назад мы написали статью в журнале «Анналы» 1989 г. под названием «Критический поворот». Это автокритика. Совершенно верно, что имеется дефицит в области истории индивида, в области политической истории. Теперь мы лучше видим, как, будучи историками, мы можем интересоваться индивидом, избегая, с одной стороны «проглатывания» индивида обществом, а с другой — доминирования индивида над обществом. Мне кажется, что биографии в этом плане очень интересны. Они также интересуют молодёжь. Я считаю, что история, которая близка к антропологии изучением обыденной жизни, может принести большой смысл в образование детей, заинтересовывая и забавляя их. В физике и химии проводятся эксперименты, мы должны найти аналогичные возможности в преподавании истории.

М. Ш.: Сейчас довольно популярны исследования, которые проводят в основном психологи, связанные с тем, что с распадом Советского Союза появилась проблема поиска новой национальной идентичности в посткоммунистических странах. С точки зрения тех, кто этим занимается, а я участвую в одном из таких проектов, именно история как наука в тоталитарном обществе формировала национальную идентичность. Когда же эта власть ушла, профессиональные историки смогли продолжить свои занятия, но те люди, которые читали официальную историю и не имели другой, оказались в тяжёлом положении, потому что они потеряли некоторые ориентиры.

Ж. Ле Г.: Я полагаю, что в таких странах, как Россия, распад советского режима создаёт особенно драматическую ситуацию. Но кризисы такого же рода переживает большинство стран. Это можно сказать и о Франции. Мы пережили в течение одного века много сложных процессов. Например, мы долго были колониальной державой, а потом прошёл процесс деколонизации. Создалось очень тяжёлое впечатление. Надо было найти другую идентичность, ведь раньше очень много писали и говорили об особой колониационной миссии Франции. Потеря колоний привела к шоку, который до конца не преодолён и сейчас. С другой стороны, и гражданам новых стран, в частности в Африке, очень трудно обрести новую идентичность. Решение задачи требует формирования культуры нации в условиях независимости. Это долгий процесс, и задача историков помогать соотечественникам вылечить эти травмы. Это очень трудно, потому что надо одновре-

менно сохранить воспоминания и понять то, что было плохо, но надо восстановить доверие к прошлому. Это особенно важно для молодёжи.

А. Ш.: Предполагается ли издание Ваших работ в русском переводе?

Ж. Ле Г.: Да, есть определённый интерес к книге об историческом воображении. Существует специальная французская программа содействия переводам. Есть такая программа и в нашем посольстве в Москве, она называется «Пушкин». Мы заинтересованы и в переводах трудов российских историков на французский язык. Я, не будучи дипломатом, искренне говорю, что интересны историографические традиции во всех странах, но особенно в столь высококультурной стране, как Россия. Обмены должны проводиться в обоих направлениях.

А. Ш.: Большое вам спасибо, мы были счастливы встретиться с вами.

Ж. Ле Г.: Спасибо за ваш визит. Хочется больше размышлять после такой встречи.

М. Ш.: Мы очень надеемся, что ваши книги будут чаще издаваться в России.

Записал М.Я. Шнейдер

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Auden, Wystan 134
Burk, Justin 86, 155
Coffin, Lyn 134
Davis R.H., Jr. 244
Kasinec E. 244
Ross, Norman 244, 245
Schorr, Daniel 21
Yarmolinsky A. 328
- Аввакум 274
Аврех А. Я. 181
Автокротова М. И. 51, 53
Авторханов А. 80, 204, 211, 213
Адамович А. М. 302
Азеф Е. Ф. 225
Аксельрод П. Б. 179
Аксёнов В. П. 313
Алданов М. А. 99, 238, 303
Александр I 55, 186
Александр II 221, 225, 259
Александр III 92, 93, 259, 260, 329
Александр Невский 294
Алешковский Ю. 313
Амфитеатров А. В. 238
Андреева Н. А. 209, 210
Андреев Л. Н. 235, 236
Андропов Ю. В. 61, 62, 269
- Анненков Н. 251
Апулей 22
Аракчеев А. А. 75
Армстронг, Луи 23
Атаров Н. С. 32
Ахломов В. В. 31, 32, 149
Ахмадулина Б. А. 313
Ахматова А. А. 7, 134, 235, 296, 308
- Бабель И. Э. 204, 303, 308, 311, 312, 318
Базовский В. Н. 210
Балабанович Е. З. 252
Балдина И. В. 200
Балтер Б. И. 277
Бальмонт К. Д. 235, 278
Бартенев П. И. 63
Барто А. Л. 254
Басаев Ш. 226, 227
Белинков А. В. 277
Белинский В. Г. 267
Белый А. 238
Беляев О. П. 62
Бенкендорф А. Х. 325
Бенуа А. 33
Бенуа Л. Н. 64
Берар, Ева 281, 282

- Берггольц О. Ф. 297
 Бердинских В. А. 288–293
 Бердяев Н. А. 307
 Березовский Б. А. 65
 Берия Л. П. 170, 297, 310
 Берк, Джастин 85
 Бершадский Р. 22
 Бессмертный Ю. Л. 339
 Бильжо А. Г. 123
 Бирон Э. И. 91
 Бисмарк, Отто 224
 Благов Д. А. 298
 Благодатский Б. Ф. 20
 Благодатский Ф. И. 18, 19, 20
 Блинов С. Г. 234, 243–245
 Блок А. А. 235, 308, 317
 Блок, Марк 25, 289, 326, 338, 339, 340
 Блюмкин Я. Г. 225
 Богданович С. А. 252
 Болдырев В. А. 214, 216
 Бондарев Ю. В. 313
 Бонч-Бруевич В. Д. 57, 242
 Боровик А. Г. 70
 Бородин С. 257
 Боткин С. П. 64
 Брежнев Л. И. 11, 61, 76, 90, 176, 191, 198, 206, 211, 269
 Брешко-Брешковская Е. К. 238
 Брик Л. Ю. 277
 Бродель, Фернан 337, 340
 Бродский И. А. 103, 134
 Брун-Цеховой В. А. 293
 Брюсов В. Я. 308
 Булгакова Е. С. 99
 Булгаков М. А. 204, 217, 314, 335
 Булгарин Ф. В. 109, 110, 314, 324, 325, 326, 330, 332
 Бунин И. А. 37, 235
 Бурбоны 219
 Бурджалов Э. Н. 41, 53
 Бурцев В. Л. 179
 Бухарин Н. И. 78, 91, 200, 204, 303, 308, 316, 317
 Быков В. М. 36
 Быстров В. 246
 Вайль П. Л. 99, 282, 286–288
 Вайль Э. 286
 Вайнтрауб Г. 105, 106
 Василий III (Иванович) 273
 Васильева О. Ю. 262, 263, 264
 Ватченко А. Ф. 242
 Венедиктов А. А. 123
 Вернадский В. И. 187
 Верт, Александр 199
 Веспасиан 227
 Вико, Джамбаттиста 190, 291
 Вильгельм II 315
 Виноградов И. Т. 242
 Виноградов П. Г. 128, 129, 130
 Виссарионов А. Д. 105, 106
 Витте С. Ю. 93
 Витязев П. 236, 245
 Власов А. А. 78
 Водолазкин Е. Г. 318, 319, 323
 Войнович В. Н. 76, 77, 99, 103, 156, 204, 277, 313
 Войнович П. 76, 77
 Волков Б. 22
 Волкогонов Д. В. 271, 272, 274
 Волошин М. А. 18
 Вольфович С. И. 122
 Всеволод Большое Гнездо 182
 Высоцкая Н. 33, 35, 149
 Высоцкая Т. 33, 35
 Высоцкий А. В. 33
 Высоцкий В. 33, 35

- Высоцкий В. С. 33, 35, 263
 Высоцкий С. В. 35
 Вячкилева Э. П. 116
- Гайдар Е. Т. 85, 127, 313, 333
 Гайнутдин Р. И. 230
 Галенко А. 38, 150
 Галич А. А. 198, 277
 Гапон Г. А. 187
 Гарриман, Уильям 199
 Гарфилд, Джеймс 221
 Гаспаров М. Л. 330
 Гегель, Георг Вильгельм 207, 288, 289
 Геллер М. Я. 99
 Гельфман Г. М. 225
 Генис А. А. 99, 282
 Гермоген 58
 Геродот 275, 326
 Герра, Рене 114, 115, 256, 257
 Герцен А. И. 57, 265
 Гершуни Г. А. 225
 Гессен И. В. 238
 Гинзбург Е. С. 282
 Гиро, Поль 22, 23
 Гитлер, Адольф 97, 98, 143, 297
 Глинка М. И. 188, 267
 Глухов А. Г. 59, 74
 Гоголь Н. В. 37, 63, 199, 267, 306
 Гойя, Франсиско 206
 Голомшток И. Н. 99, 143
 Гольцев В. А. 128–130
 Гомер 267
 Горбачёв М. С. 57, 66, 73, 84, 269, 300, 313
 Горький А. М. 179, 181, 193, 235, 303
 Гранин Д. А. 302, 303
 Гречанинова В. С. 197, 201
 Греч Н. И. 324, 330
- Гржебин З. И. 237
 Грибоедов А. С. 109, 137, 324
 Григоренко П. Г. 308
 Гриншпан, Гершель 224
 Гротте В. 65
 Губерман И. М. 280, 281
 Гудков Д. Б. 285
 Гудмен, Бенни 23
 Гумилев Н. С. 235
 Гуревич А. Я. 292, 339
 Гусева Н. И. 246
 Гутенберг, Иоганн 336
- Давыдов Ю. В. 32, 74, 75, 138, 221
 Даль В. И. 173
 Данилов А. А. 103
 Даниэль Ю. М. 277
 Демидова А. С. 277
 Деникин А. И. 200
 Дефо, Даниель 25, 136
 Джилас, Милован 199
 Джотто ди Бондоне 288
 Дзержинский Ф. Э. 64, 173, 228
 Дизраэли, Бенджамин 224
 Диккенс, Чарльз 25
 Дмитриевская Е. Р. 60
 Дмитриевская С. 61
 Дмитриевская Т. Д. 87
 Дмитриевский В. Н. 60
 Добровольский А. 258, 259, 261
 Добросердова Т. М. 95
 Добросердов Д. А. 95
 Добросердов М. В. 131
 Довлатов С. Д. 99, 125
 Дойков Ю. 244
 Долгова С. Р. 55
 Долгоруков А. Г. 63, 64
 Дорман О. В. 141, 142
 Достоевский Ф. М. 199, 306

- Дружников Ю. И. 99, 113
 Дубровин А. И. 223
 Дунаевский И. О. 294
 Дюма, Александр 25, 98
- Евтушенко Е. А. 59, 313
 Евфросиния (в миру Евдокия)
 Московская 222
 Едличко М. И. 19
 Ежов Н. И. 170, 297
 Екатерина II 54, 94, 133, 331
 Ельцин Б. Н. 72, 84, 85, 102, 135,
 265, 266, 298, 300, 313
 Ермолова М. Н. 317
 Ерофеев В. В. 123
 Есенин С. А. 19, 241, 246
- Жарова Л. 177
 Жданов А. А. 42, 69, 241
 Железняков А. Г. 236
 Жириновский В. В. 90, 126, 265
 Жоффр, Жозеф Жак Сезер 315
 Жуков Г. К. 90, 102, 143, 190, 228,
 273
 Жуковский В. А. 63, 330
- Заболоцкий Н. А. 126
 Забуга В. А. 107
 Зайончковский П. А. 292
 Зайцев Б. К. 235
 Замятин Е. И. 235, 244, 308
 Засулич В. И. 111
 Звонарёва Л. У. 114, 256, 257
 Звонкина Ж. 61
 Зелов Н. С. 245
 Зензинов В. М. 237, 245
 Зимарин О. А. 123
 Зимин А. А. 182, 292
 Зиновьев Г. Е. 206, 317
- Златковский М. 35
 Зорина Д. 301
 Зорин Н. П. 208, 211, 213, 214, 216,
 219
 Зоркальцев В. И. 230
 Зотов Г. 261
 Зощенко М. М. 118, 228
 Зубатов С. В. 187
 Зюганов Г. А. 90, 126, 134, 262,
 264–266
- Иван III (Васильевич) 273
 Иван IV (Грозный) 42, 92, 188,
 223
 Иванова Е. В. 7, 115, 247–252,
 255–257
 Иванов-Разумник Р. В. 235
 Иванчин-Писарев А. И. 235
 Ивинская О. В. 97
 Измозик В. С. 283
 Изюмов А. Ф. 244, 245
 Ильф И. А. 39, 88, 89, 335
 Иммер, Эрнст 64
 Искандер Ф. 277, 313
- Кадыров А. 266
 Кадыров Р. 266
 Каменев Л. Б. 206, 316, 317
 Каменев С. С. 197
 Кантемир А. Д. 330
 Карамзин Н. М. 100, 138, 330
 Каржавин Ф. 74
 Карл XII 270
 Карташов А. В. 274
 Катаев В. П. 97
 Кваша И. В. 277
 Кеннан, Джордж 138, 139, 328
 Керенский А. Ф. 178, 303
 Ким Ю. 48

- Кинг, Рассел 108, 109, 158
 Киров С. М. 195
 Киссинджер, Генри 277
 Клейн Р. И. 64
 Клеменц Д. А. 326–329
 Кленская И. 56
 Клифф, Тони 199
 Клоков В. А. 103
 Ключевский В. О. 75, 173, 188, 289
 Кобрин В. Б. 41, 42, 182, 289, 292
 Ковалёв 168, 170
 Коган Е. И. 245
 Козьма Прутков 173, 317, 323
 Колдобская М. 114
 Коллингвуд Р. Дж. 190, 288, 339
 Коллонтай А. М. 308
 Коломойцев П. М. 131
 Конан Дойл, Артур 25, 26
 Конашевич В. М. 253
 Конквест, Роберт 80, 211, 213
 Коноплев М. 273
 Копелев Л. З. 307
 Коренблат Б. И. 28, 29, 64, 106, 136, 148
 Коренблат Я. 29, 30
 Коржавин Н. 277, 313
 Короленко В. Г. 37, 64, 113, 247, 249–252, 254, 256
 Короленко И. Г. 249, 250
 Корчак, Януш 88
 Косулина Л. Г. 103
 Кочетов В. А. 314
 Кравченко В. 218
 Кречетов Ф. В. 53–55, 74, 152, 153
 Кривошеин 168
 Кросби, Бинг 23
 Кроче, Бенедетто 190, 288
 Круткович Ф. З. 257
 Крючков Н. А. 46
 Кункль А. А. 66
 Купер, Джеймс Фенимор 17
 Куприн А. И. 37
 Кураев А. 222–224, 226, 230
 Курицын И. В. (Волк — прозвище) 273
 Кускова Е. Д. 238
 Кучер С. 111
 Кяэн, Тоомас 215
 Лаврова Н. Г. 60
 Лапина М. 144, 162
 Лассаль, Фердинанд 58
 Лебедев Б. И. 253
 Лебедев В. И. 240, 246
 Лебедев П. Н. 187
 Лебедь А. И. 90, 126
 Лебина Н. Б. 283
 Левин К. Н. 66
 Леви-Стросс, Клод 340
 Левитан И. И. 280
 Ле Гофф, Жак 101, 191, 337–343
 Ленин В. И. 43, 48, 56, 57, 67, 91, 97, 178, 179, 181, 194, 195, 205, 206, 271–274, 303, 304, 307
 Лермонтов М. Ю. 272, 306
 Линдгрэн, Астрид 141
 Линкольн, Авраам 208
 Лисенков И. Т. 330
 Литвина К. М. 73
 Литвиненко А. В. 266
 Лихтенберг, Георг Кристоф 179
 Ллойд Джордж, Дэвид 315
 Ломов-Оппоков Г. И. 195
 Ломоносов М. В. 129
 Лондон, Джек 24, 36, 41, 335
 Лугачев А. А. 129
 Лужков Ю. М. 185
 Лукашенко А. Г. 270

- Луначарский А. В. 57, 113
 Лунгина Л. З. 141–143
 Лысенко Т. Д. 261
 Любимов Ю. П. 103
 Людовик IX Святой 338
 Людовик XVI 219
 Людовик XVIII 137
 Лютер, Мартин 338
- Макаревич Е. В. 194**
 Макаревич Т. 300
 Макашин С. А. 57
 Максимов В. Е. 313
 Максимов И. 273
 Малахов В. С. 224, 225
 Малевинский О. 54
 Мальро, Андре 311
 Мандельштам О. Э. 99, 204, 235, 308, 314
 Маргарита Ангулемская 338
 Маркс, Карл 56, 340
 Мартини, Симоне 280
 Мартыанов Н. М. 327, 329
 Маршак С. Я. 253, 254, 277, 278
 Маслова А. И. 24, 26
 Масхадов А. 266
 Матвеев В. Б. 116
 Матвиенко В. И. 191
 Маяковский В. В. 19, 96
 Медведев Д. А. 267
 Медведев Ж. А. 206
 Медведев Р. А. 206
 Мединский В. Р. 58, 123
 Меламед Е. И. 138, 328, 154, 156, 161
 Меллон, Эндрю Уильям 145
 Мельгунов С. П. 238
 Менделеев Д. И. 203
 Менжинский В. Р. 235
- Мережковский Д. С. 191
 Мерсер, Генри 138
 Местр, Жозеф де 269
 Мечников И. И. 187
 Мещеркина Е. Ю. 276
 Микешин М. О. 92
 Микоян А. И. 231
 Милевский О. А. 326, 329
 Мильграм И. В. 72
 Мильграм Л. И. 33, 35, 42, 68–73, 79, 85, 86, 90, 100, 128, 146, 154, 189, 192, 299, 300
 Милюков П. Н. 130, 303, 307
 Минеева М. П. 47
 Минеев О. Г. 45
 Миролубов В. С. 235
 Миронов Б. 205
 Михайлов-Длугопольский Е. В. 72
 Михалков С. В. 254, 267
 Михоэлс С. М. 312
 Мишина И. 177
 Модильяни, Амедео 280
 Мок, Жюль 199
 Морозова И. В. 194
 Морозова Т. Г. 252
 Морозова Ф. П. 274
 Морозов Н. А. 7, 32, 116, 121–123, 139, 159, 258–261, 329
 Морозов, Павлик 99
 Мякотин В. А. 238
- Набоков В. В. 99, 314**
 Навальный А. А. 142, 265
 Наградская Е. А. 314
 Наполеон I 270
 Наровчатов С. С. 313
 Нарышкина Е. А. 260
 Негретов П. И. 113

- Некрасов В. П. 313
 Некрасов Н. А. 236, 248, 249, 253
 Некрич А. М. 99
 Немирович-Данченко В. И. 64
 Никитин Е. Н. 203
 Николаевский Б. И. 238, 303, 304
 Николай I 217, 325
 Николай II 92, 228, 231
 Нилус С. А. 314
 Нобиле, Умберто 64
 Новорусский М. В. 32
 Новотный, Антонин 242
 Нуреев Р. Х. 103
 Нуриджанов Э. С. 74, 76, 81, 82, 208

Образцов С. В. 28
 О. Генри (Уильям Сидней Портер) 139–141, 162
 Оден, Уистен 134
 Окуджава Б. Ш. 277, 312, 313
 Окунь А. Н. 280, 281
 Олег 287
 Олеша Ю. К. 312
 Оруэлл, Джордж 199
 Осоргин М. А. 99, 238
 Остер Г. Б. 179

Павленков Ф. Ф. 63
 Павлова Т. Ф. 245
 Пайпс, Ричард 221
 Панкин Б. Д. 77
 Панкратов В. С. 238
 Панова В. Ф. 125
 Панова О. 281
 Пантелеев Л. Ф. 23
 Панченко А. Б. 326, 329
 Парфёнов Л. 43
 Пастернак Б. Л. 88, 96, 97, 308

 Пасторе, Мирелла 69, 72
 Патэ, Пьер 199
 Пекарский П. П. 62
 Пестель П. И. 223
 Пётр I 62, 75, 173, 228, 260, 270, 306
 Пётр II 63
 Петрова В. Ф. 295
 Петров Е. П. 39, 88, 89, 335
 Петрушева Л. И. 246
 Петряева Н. Е. 82, 83
 Петряев Е. Д. 201
 Пильняк Б. А. 181, 238, 318
 Пирогов Н. И. 64, 67
 Пирожкова А. Н. 311, 312
 Пирумова Н. М. 66
 Писсарро, Камиль 280
 Планкин В. 11
 Пласмейер, Вим 227
 Платон 137
 Платонов А. П. 198, 204, 217, 314
 Платонов С. Ф. 177
 Плеханов Г. В. 179, 273
 Победоносцев К. П. 219, 228, 229
 Погодин М. П. 63
 Подвойский Н. И. 235
 Подгорная Е. Я. 67, 73
 Поздняев М. 58
 Покровский М. Н. 177, 183, 290
 Полевой Н. А. 330
 Поликарпов Д. А. 312
 Полунин В. 172
 Поляков С. С. 225
 Попов А. С. 203
 Попцов О. М. 56
 Порудоминский В. И. 284
 Поскрёбышев А. Н. 143
 Поспелов П. Н. 242
 Постникова Е. В. 241, 246

- Постников С. П. 7, 233—246
 Потанин Г. Н. 327, 329
 Прилепин З. 123
 Прищепенко В. Н. 260
 Протагор 123
 Прохорова И. Д. 106, 110
 Пугачёв Е. И. 53, 222
 Пуришкевич В. М. 223
 Путин В. В. 20, 102, 104, 139, 174, 265—270
 Пушкин А. С. 22, 37, 63, 81, 109, 199, 272, 296, 306, 313, 314, 324, 325, 343
 Пятаков Ф. 52

 Равдель Б. А. 209—211, 213, 214, 219
 Радек К. Б. 303
 Радищев А. Н. 53, 54, 307
 Разин С. Т. 222
 Ратнер А. В. 41, 42, 59, 64—66, 71, 74, 75, 77—79, 81—83, 92, 94, 95, 109—112, 138, 144, 151, 245
 Рафаэль 17
 Рахманинов С. В. 60
 Рашковский А. Л. 83
 Резун В. Б. 97
 Рейтблат А. И. 80, 95, 106, 109, 110, 112, 114, 156, 278, 279, 313, 314, 324, 325, 330, 331
 Ремизов А. М. 235, 238
 Репин И. Е. 67
 Рид, Майн 24
 Робеспьер, Максимилиён 219, 222
 Робсон, Поль 13
 Романов М. 224
 Романовы 57, 58, 92
 Ромм М. И. 143
 Росс, Норман 243
 Ростопчин Ф. В. 273
 Руковов Н. 274
 Русанов В. 135, 160
 Русанов Н. С. 238
 Русинов Ю. 39
 Руцкой А. В. 313
 Рушди, Салман 230
 Рыков А. И. 195, 200, 204
 Рылеев К. Ф. 223
 Рышина-Панкова М. 146, 163

 Саврасов А. К. 280
 Сажин В. Н. 295
 Салтыков-Щедрин М. Е. 69, 196
 Салтычиха (Салтыкова Д. Н.) 223
 Самсонов А. И. 78, 91, 92
 Сарнов Б. М. 77, 277, 278, 305—307, 312, 313
 Сахаров А. Д. 229, 273, 305
 Свердлов Я. М. 225
 Свифт, Джонатан 25
 Севела, Эфраим 272
 Северянин И. 288
 Седельников В. 246
 Седова Н. 70
 Седов М. Г. 197
 Сененков А. Ф. 242
 Сергеев С. 259
 Сергеев С. С. 259
 Сергеев-Ценский С. Н. 37
 Симаков Д. 55, 56, 153
 Симон 273
 Синявский А. Д. 277, 308, 313
 Синявский В. С. 69
 Сислей, Альфред 280
 Скороходова Е. Ю. 285
 Скороходов Б. А. 212—215, 217
 Скорсезе, Мартин 230
 Скрынников С. Г. 292

- Слабейко Е. 125
 Славик, Ян 240, 246
 Слепцов В. А. 253
 Слоним М. Л. 199, 233, 238
 Слуцкий Б. А. 308, 313
 Смехов В. Б. 277
 Соколова В. А. 244
 Соколов М. Ю. 224, 226, 227
 Соколов Ю. К. 61, 62
 Солженицын А. И. 70, 80, 99, 104, 113, 198, 204, 206, 210, 211, 213, 229, 277, 278, 305–307, 309, 313, 335
 Соловейчик С. Л. 89
 Сологуб Ф. К. 235
 Солодин В. А. 80, 193, 202, 204, 208, 215, 216, 218–220
 Солоухин В. А. 277
 Сорокин П. А. 187
 Сотников Н. Н. 259, 260
 Спенсер, Герберт 290
 Спиридонов И. 314
 Сталин И. В. 10, 11, 67, 70, 72, 90, 97, 98, 104, 124, 143, 167, 170, 173, 182, 206, 223, 261, 267–269, 273, 284, 289, 295, 297, 300, 303, 305, 307–310, 316, 318, 322
 Стаханов А. 261
 Стеклов Ю. М. 235
 Стельмачонок К. 144, 162
 Степанов В. П. 242
 Степняк-Кравчинский С. М. 32
 Столпянский П. Н. 236, 245
 Субботин С. И. 246
 Суваал К. 87
 Суворов В. 97, 98
 Суриков В. И. 274
 Суслов М. А. 242
 Суханов Н. Н. 200
 Таратута Е. А. 32, 138
 Тарковский А. А. 103
 Тарле Е. В. 75
 Тацит, Публий Корнелий 23, 124
 Твардовский А. Т. 317
 Твен, Марк 224, 272
 Текер В. 56
 Теккерей, Уильям 25
 Тимирязев К. А. 187
 Тойнби, Арнольд Джозеф 288
 Толстой А. Н. 235, 296
 Толстой Л. Н. 37, 94, 236, 306
 Томпсон, Пол 274–276, 288
 Тош, Джон 288
 Трамп, Дональд 135
 Троцкий Л. Д. 78, 98, 182, 197, 205, 206, 225, 303, 316, 318
 Тукалевский В. Н. 245
 Тургенев И. С. 236
 Тынянов Ю. Н. 109, 169, 180
 Уваров С. С. 325
 Украинец 170
 Ульяновы (Александр и Владимир) 222
 Ундольский В. М. 62
 Утёсов Л. 294, 311
 Ухналев Е. И. 309, 310
 Фальконе, Этьен 228
 Февр, Люсьен 289, 338–341
 Фейхтвангер, Лион 311
 Фельштинский Ю. Г. 266, 303
 Фигнер В. Н. 32, 329
 Филдинг 25
 Филиппова М. О. 87
 Фирюбин Н. П. 242
 Фитцджеральд, Элла 23
 Фондаминский И. И. 238

- Формозов А. А. 256, 257
 Формозов Н. 107
 Франгулян Г. 73
 Франциск I 338
 Фрезинский Б. Я. 308, 309, 315–317
 Фриче В. М. 57
 Фроленко М. Ф. 32, 121
 Фрост, Джордж 328
 Фрунзе М. В. 314

Хаггард Г. 17
Хазанов Б. 277
Хасбулатов Р. И. 226, 313
Хименес, Хуан Рамон 313
Хмыров М. Д. 63
Ходасевич В. Ф. 238
Ходорковский М. 267
Хомейни, Рухолла 230
Храбровицкий А. В. 64, 71, 74, 82, 112–115, 138, 146, 158, 247–257
Хреков В. 58
Хрущёв Н. С. 21, 43, 198, 224, 242, 269, 273, 297, 305, 308, 313, 316, 318

Цветаева М. И. 119, 238
Церетели З. 228
Цицерон, Марк Туллий 22, 23
Цюрупа А. Д. 194

Чапек, Карел 335
Чельцов И. М. 203
Ченцов Н. М. 71
Черепнин Л. В. 136
Черкасов Ю. 18
Черкесов В. 56
Чернев А. Д. 234, 244, 246
Черненко К. У. 66, 269
Чернов В. М. 56, 238

Чернышевский Н. Г. 268
Чернявский Г. И. 303
Чертков А. Д. 63, 64
Чертков Н. С. 64, 65
Чехов А. П. 37, 64, 199, 253, 256, 280, 306
Чубарьян А. О. 100
Чуковская Е. Ц. 252
Чуковский К. И. 7, 25, 26, 115, 247–257, 277
Чухрай Г. Н. 313

Шайтанов И. О. 115
Шаламов В. Т. 99, 313
Шаляпин Ф. И. 60
Шапорина Л. В. 295–297
Шапорин Ю. А. 296
Шаталин Н. Н. 242
Швецова Л. И. 191
Швыдкой М. Е. 286
Шендерович В. А. 123
Шеховцов И. Т. 210
Шехтель Ф. О. 64
Шикман, Александр 119, 160
Шикман А. П. 50, 59, 83, 92, 93, 98, 110, 114, 129, 208, 257, 337–343
Шикман И. Г. 168–170
Шикман М. Б. 10, 45, 104, 105, 127, 135, 156, 166–170, 176
Шикман Н. М. 104–106, 136, 157, 158, 167, 169
Шикман П. М. 46, 129, 130, 152, 165, 166, 169, 176
Шишкин Ю. 42–44
Шкловский В. Б. 57, 241, 246, 277, 278
Шлёгель, Карл 293–295
Шмеман, Александр 307
Шмидт, Карл 308

- Шмидт-Очаковский Е. П. 89
Шмидт П. П. 88, 89
Шмидт С. О. 71, 83, 84, 146, 182, 292
Шнейдер М. Я. 100, 102, 128, 337, 338, 340–343
Шойгу С. К. 270
Шор, Дэниел 21, 22
Шостакович Д. Д. 284, 296
Шпаликов Г. Ф. 16
Шредер И. Н. 92
Шумихин С. В. 246
- Щёголев** П. Е. 66
Щепочкин П. А. 259
- Эйдельман** Н. Я. 71, 81, 82, 109, 138, 154, 173, 182, 292
Эйзенштейн С. М. 302, 311
Эйнштейн, Альберт 122, 290
Эйхенбаум Б. М. 13
- Энгельс**, Фридрих 58
Эрдман Н. Р. 311
Эренбург И. Г. 277, 278, 281, 282, 308, 309, 311, 315–318
Эрлих, Пауль 187
Эткинд Е. Г. 281
- Юдин** П. 257
Юдифь 17, 225
Юинг Е. Т. 298–300
- Яблочкина** А. А. 64
Явлинский Г. А. 313
Ягода Г. Г. 235
Яковлев Д. 142
Ямбург Е. А. 300, 301
Янгиров Р. М. 233, 244
Ярембинская М. 105, 108, 158
Яремчук И. А. 67
Ярхо В. Н. 61
Ясперс, Карл 288

Анатолий Шикман (родился в 1948 году) — историк и писатель. Среди его работ фундаментальные биографические словари: «Деятели отечественной истории» (1997) и «Кто есть кто в российской истории» (2003); книги по истории московского особняка «Улица Кирова, 7» (1989) и истории исторической науки для старшеклассников «Открытие истории» (2000). Его последнее исследование о мифотворчестве в российской истории «Николай Морозов. Мистификация длиною в век» (2016) построено на изучении богатейших материалов московских архивов.